

ISSN 2618-7302

2022 №1

ВЕСТНИК Института востоковедения РАН

ВЕСТНИК

Института востоковедения РАН

1
2022

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

ВЕСТНИК

Института востоковедения РАН

2022

1 (19)

Журнал выходит четыре раза в год

Основан в феврале 2018 года

Москва

ISSN 2618-7302

Периодическое издание

DOI: 10.31696/2618-7302-2022-1

Рецензируемый научный академический журнал

Учрежден Ученым советом Института востоковедения Российской академии наук

Зарегистрирован в Национальном центре ISSN Российской Федерации

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор): ПИ № ФС 77-79902 от 18.12.2020

Главный редактор

Научный руководитель Института востоковедения РАН, академик РАН
В. В. Наумкин

Редакционная коллегия

А. В. Акимов	Е. А. Катасонова
А. Б. Алаев	А. И. Кобзев
Ю. Г. Александров	В. А. Кузнецов
А. К. Аликберов	Ю. В. Любимов
В. М. Алпатов	Н. М. Мамедова
С. Э. Бабкин	Д. В. Миккульский
А. Г. Белова	Д. В. Мосяков
В. Я. Белокреницкий	В. Н. Настич
С. А. Бурлак	К. В. Орлова
Е. Ю. Ванина	С. А. Панарин
А. В. Воронцов	Н. И. Пригарина
А. В. Демченко	Н. Г. Романова (<i>зам. гл. редактора</i>)
А. С. Десницкий	А. В. Сарабьев
А. Ю. Другов	В. Н. Саутов
А. О. Захаров	Т. А. Шаумян
Т. А. Карасова	

Редакция

Д. В. Дубровская (*ответственный секретарь*)
С. Е. Малых (*научный редактор*)

E-mail: vestnikivran@yandex.ru

ФГБУН Институт востоковедения Российской академии наук
107031, Москва, ул. Рождественка, 12, комн. 251

Дизайн обложки — С. В. Ветохов; макет и верстка — С. Е. Малых

На обложке: Пирамиды царей Хафра и Менкаура в некрополе Гиза, Египет
(*фото С. Е. Малых*)

FEDERAL STATE BUDGET INSTITUTION OF SCIENCE
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

JOURNAL
of the
Institute of Oriental Studies RAS

2022

1 (19)

Published quarterly

Founded in February, 2018

Moscow

Peer-reviewed academic journal

The journal was founded by the Academic Council of the Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences

Registered in the ISSN National Agency of the Russian Federation: ISSN 2618-7302

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor)
Certificate of mass media registration: ПИ № ФС 77-79902 dated 18.12.2020

Editor-in-Chief

Academic Supervisor of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
Vitaly V. Naumkin

Editorial Board

A. V. Akimov	Y. V. Lyubimov
L. B. Alaev	N. M. Mamedova
Y. G. Aleksandrov	D. V. Mikulskiy
A. K. Alikberov	D. V. Mosyakov
V. M. Alpatov	V. N. Nastich
S. E. Babkin	K. V. Orlova
V. Y. Belokrenitsky	S. A. Panarin
A. G. Belova	N. I. Prigarina
S. A. Burlak	N. G. Romanova (<i>deputy ed.-in-chief</i>)
A. V. Demchenko	A. V. Sarabyev
A. S. Desnitskiy	V. N. Sautov
A. Y. Drugov	T. L. Shaumyan
T. A. Karasova	E. Y. Vanina
E. L. Katasonova	A. V. Vorontsov
A. I. Kobzev	A. O. Zakharov
V. A. Kuznetsov	

Editorial Group

Dinara V. Dubrovskaya (*Executive Editor*)
Svetlana E. Malykh (*Academic Editor*)

Вестник Института востоковедения РАН. № 1 (19). — М.: ИВ РАН, 2022. — 260 с.

ISSN 2618-7302

DOI: 10.31696/2618-7302-2022-1

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения Института востоковедения РАН, редколлегии и редакции журнала.

Редакция не несет ответственности за точность и достоверность сведений, приводимых авторами.

E-mail: vestnikivran@yandex.ru
Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
12, Rozhdestvenka st., Moscow, Russia, 107031, room 251

© ФГБУН ИВ РАН, 2022

© Редакция журнала «Вестник Института
востоковедения РАН» (составитель), 2022

Опубликованные в журнале «Вестник Института востоковедения РАН» статьи прошли процедуру анонимного рецензирования и экспертного отбора. Научное содержание публикаций, наименование и содержание разделов соответствуют требованиям к рецензируемым научным изданиям Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты на соискание ученой степени доктора наук и кандидата наук по следующей группе научных специальностей:

5.5. Исторические и политические науки

5.5.1. История и теория политики

5.5.4. Международные отношения

5.6. Исторические науки

5.6.2. Всеобщая история

5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования

5.6.7. История международных отношений и внешней политики

5.9. Филологические науки

5.9.2. Литературы народов мира

5.9.6. Языки народов зарубежных стран

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	11
-------------	----

ИСТОРИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВО НА ВОСТОКЕ

<i>Белокреницкий В. Я.</i> Пуштуны и пуштунские племена Афганистана и Пакистана — численность и расселение	12
<i>Окимбеков У. В.</i> Колонизация Северного Афганистана и английская Разграничительная комиссия	25
<i>Арабаджян З. А.</i> Причины и масштабы голода в Иране (1917–1919 гг.)	34
<i>Ахмедов В. М.</i> Роль религиозно-языковых традиций в арабо-иранских отношениях	42
<i>Сарабьев А. В.</i> Ливанская интрига «кингчесса»	50

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

ТЮРКСКИЙ МИР

<i>Бартозода Ф.</i> Особенности арабо-хазарских отношений в «Истории Табари»	67
<i>Баскаков И. А., Тимохин А. М.</i> Биография Хаджеба Барака в сочинении Насир ад-Дина Мунши Кермани	81

ЯПОНИЯ В НОВОЕ ВРЕМЯ

<i>Полхов С. А.</i> К дискуссии о причинах «западного» похода Имагава Ёсимото в 1560 г.	93
<i>Авдаков И. Ю.</i> Дороги Японии эпохи Токутава и периода Мэйдзи	113

РОССИЯ И КАВКАЗ

<i>Цвижба А. И.</i> Корнет Глебов (пленение горцами секунданта М. Ю. Лермонтова)	119
--	-----

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ВОСТОКА

<i>Малых С. Е.</i> Поздняя керамика из древнеегипетской гробницы Несемнау в Гизе и особенности формирования грабительских слоев в погребальных шахтах	126
<i>Куватова В. З.</i> Орнаментальный декор раннехристианского мавзолея «Капелла Исхода» (Харга, Египет): функции, коннотации, примерная датировка	140
<i>Гиндо Б., Куценков П. А.</i> Эффект «обратной связи» в современной культуре догонов (Мали)	158
<i>Захаров А. О.</i> Партизанская звезда Индонезии	171

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

<i>Григорьев И. В.</i> 100 лет Юрию Михайловичу Парфионовичу	184
<i>Кораблин А. А.</i> Вклад Ю. Н. Рериха в формирование «транскультурного пространства» в Калимпонге (1950-е гг.)	193
<i>Демич К. И., Костыркин А. В.</i> Задokumentированная лексикография: гранки неопубликованного «Большого японско-русского нероглифического словаря» как исторический источник	204
<i>Миклухо-Маклай Н. Н.</i> О роли личности в истории: Н. Н. Миклухо-Маклай	220

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

РЕЦЕНЗИИ

- Васильев А. Д.* Рецензия на книгу А. А. Куделина «Эволюция социально-политических институтов Османского Египта (XVII–XVIII вв.)» 238

ХРОНИКИ НАУЧНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

- Романова Н. Г., Орлова К. В.* Презентация коллективной монографии «Коминтерн и Восток: к 100-летию Коминтерна» в Институте востоковедения РАН 245
- Коган А. И., Крылова А. С., Ренковская Е. А.* Первый съезд Российской Ассоциации исследователей Гималаев и Тибета 252

CONTENTS

Editorial	11
HISTORICAL AND POLITICAL STUDIES	
POLITICS AND SOCIETY IN THE ORIENT	
<i>Belokrenitsky V. Y.</i> Pashtuns and Pashtun Tribes of Afghanistan and Pakistan: Their Quantity and Settlement	12
<i>Okimbekov U. V.</i> North Afghanistan Colonization and English Boundary Commission	25
<i>Arabadzhyan Z. A.</i> The Causes and Extent of the Famine in Iran (1917–1919)	34
<i>Akhmedov V. M.</i> The Role of Religious and Cultural Traditions in Arabo-Iranian Relations	42
<i>Sarabiev A. V.</i> Lebanese “Kingchess” Intrigue	50
HISTORICAL STUDIES AND ARCHAEOLOGY	
TURKIC WORLD	
<i>Barotzoda F.</i> Features of the Arab-Khazar Relations in the “History of Tabari”	67
<i>Baskakov I. D., Timokhin D. M.</i> Biography of Hajeb Baraq in the Work of Nasir ad-Din Munshi Kermani	81
JAPAN IN MODERN TIMES	
<i>Polkhov S. A.</i> To the Discussion on the Reasons for the “Western” Campaign of Imagawa Yoshimoto of 1560	93
<i>Avdakov I. Yu.</i> Roads in Japan of Tokugawa and Meiji Periods	113
RUSSIA AND THE CAUCASUS	
<i>Tsvizhba L. I.</i> Cornet Glebov (The Captivity of Mihail Yu. Lermontov’s Second by the Caucasian Highlanders)	119
VISUALISING ORIENT	
<i>Malykh S. E.</i> Late Pottery from the Ancient Egyptian Tomb of Nesemna in Giza and Features of the Formation of ‘Thieves’ Debris in Burial Shafts.	126
<i>Kuvatova V. Z.</i> Ornamental Decoration of the Early Christian Mausoleum Chapel of Exodus (Kharga Oasis, Egypt): Role, Connotations, Dating	140
<i>Guindo B., Kutsenkov P. A.</i> The “Feedback Effect” in Modern Dogon Culture (Mali)	158
<i>Zakharov A. O.</i> The Guerilla Star of Indonesia — Bintang Gerilya	171
FROM THE HISTORY OF RUSSIAN ORIENTAL STUDIES	
<i>Grigoriev I. V.</i> 100 th Anniversary of Yuri Mikhailovich Parfionovich	184
<i>Korablin D. A.</i> George Roerich’s Contribution to the Creation of “The Transcultural Space” in Kalimpong in the 1950s	193
<i>Demich K. I., Kostyrkin A. V.</i> Archived Lexicography: The Galley Proofs of the Unpublished “Great Japanese-Russian Character Dictionary” as a Historical Source	204
<i>Miklouho-Maclay N. N.</i> On the Role of Personality in History: Nikolay N. Miklouho-Maclay	220

ACADEMIC EVENTS

REVIEWS

- Vasiliev A. D.* Review of A. A. Kudelin's book "Evolution of the Socio-Political Institutions of Ottoman Egypt (17–18th centuries)" 238

CHRONICLES OF SCIENTIFIC EVENTS

- Romanova N. G., Orlova K. V.* Presentation of the Collective Monograph "Comintern and the East: To the 100th Anniversary of the Foundation of the Comintern" in the Institute of Oriental Studies, RAS 245
- Kogan A. I., Krylova A. S., Renkovskaya E. A.* The First Congress of Russian Association of Researchers of the Himalaya and Tibet 252

ОТ РЕДАКЦИИ

Мы не прощаемся

История журнала «Вестник Института востоковедения РАН» не долга, но насыщена. Издание, возглавляемое академиком РАН В. В. Наумкиным, появилось на свет в конце зимы юбилейного для Института 2018 года по инициативе заместителя директора ИВ РАН Натальи Геннадиевны Романовой и за прошедшие четыре года увидели свет 19 выпусков. Номер, который вы держите в руках, — последний, выпускаемый в свет нынешней редакцией журнала — С. Е. Малых и Д. В. Дубровской. За это время мы подготовили к публикации около 500 статей сотрудников Института и гостей «Вестника». Мы от души благодарны за помощь С. В. Ветохову — автору всех обложек журнала, и Д. Б. Графову, входившему в редколлегию первых четырех номеров издания.

Издание, объединившее на своих страницах дружный коллектив авторов, не состоялось бы без вдумчивых, оригинальных, творческих и актуальных статей многих сотрудников ИВ РАН, ставших нашими постоянными и любимыми авторами.

Расставаясь с читателями и авторами-писателями, динамический дуэт Дубровская-Малых с гордостью представляет номер, собравший во многом и тех, кто начинал журнал: В. Я. Белокреницкого, Н. Г. Романову, П. А. Куценкова, З. А. Арабаджяна, Д. М. Тимохина, В. З. Куватову, А. О. Захарова, И. Ю. Авдакова, В. М. Ахмедова, А. И. Когана, Л. И. Цвижбу и др. Не будем перечислять всех, отсылая читателя к Содержанию выпуска.

От пуштунов до догонов, от шейхов до корнетов, от кувшинов до фресок, от источников арабо-персидских авторов до архивных изысканий, последний наш «Вестник» объединяет страны, регионы, народы, времена и проблемные поля, во многом характеризующие исследовательские направления Института востоковедения РАН.

Познавательного чтения!

Успехов в научном поиске!

Расширения

исследовательских горизонтов!

До встречи на страницах других изданий!

Первые научные редакторы «Вестника Института востоковедения РАН» С. Е. Малых, Д. В. Дубровская и Д. Б. Графов на праздновании 200-летия ИВ РАН в Государственном музее искусств народов Востока, май 2018 г. (из архива редакции)

Ваша редакция «Вестника Института востоковедения РАН»

DOI: 10.31696/2618-7302-2022-1-12-24

ПУШТУНЫ И ПУШТУНСКИЕ ПЛЕМЕНА АФГАНИСТАНА И ПАКИСТАНА — ЧИСЛЕННОСТЬ И РАССЕЛЕНИЕ

© 2022

В. Я. Белокреницкий*

Вторичный приход к власти в Афганистане летом 2021 г. Движения Талибан оживляет интерес к пуштунам, из которых состоит абсолютное большинство сторонников и участников запрещенной в России организации. Впрочем, это не означает, что среди рядовых участников Движения и даже его руководителей нет представителей других этнических групп. Эти моменты хорошо отражены в крылатой фразе — «не все пуштуны — талибы, но почти все талибы — пуштуны». Проблему пуштунов, до сего времени во многом сохранивших племенную структуру, осложняет их обитание не только в Афганистане, но и в Пакистане. При этом если в первой стране они составляют почти половину населения, то во второй — меньшинство, хотя и самое крупное. К тому же численность пакистанских пуштунов, также идентифицирующих себя, как правило, с племенами, а в горных районах и живущих еще согласно племенным традициям, не менее чем в два раза больше, чем афганских. В статье отмечено наличие ареалов расселения пуштунских племен, пересекающих на севере и юге границу соседних государств, и высказано предположение о трансграничных связях между афганским Движением Талибан (в частности, «сетью Хаккани») и организациями пакистанских радикальных исламистов. Из всего этого очевидно, что затронутая в статье тема актуальна и имеет немалое значение для оценки нынешней ситуации как в той, так и в другой стране и перспектив ее изменения.

Ключевые слова: Афганистан, Пакистан, пуштуны, племена и их взаимосвязи.

Для цитирования: Белокреницкий В. Я. Пуштуны и пуштунские племена Афганистана и Пакистана — численность и расселение. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2022. № 1. С. 12–24. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-1-12-24

PASHTUNS AND PASHTUN TRIBES OF AFGHANISTAN AND PAKISTAN: THEIR QUANTITY AND SETTLEMENT

Vyacheslav Y. Belokrenitsky

Taliban Movement's second coming to power in Afghanistan in the summer of 2021 revives interest in the Pashtuns, who make up most supporters and participants of the organization which is banned in Russia. However, this does not mean that there are no representatives of other ethnic groups among the ordinary participants of the movement and even its leaders. These facts are well reflected in a catch phrase “not all Pashtuns are Talibs, but almost all the Talibs are Pashtuns.” The problem of the Pashtuns, who have

* Вячеслав Яковлевич БЕЛОКРЕНИЦКИЙ, доктор исторических наук, профессор, заведующий Центром изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН, Москва; enitsky@yandex.ru

Vyacheslav Y. BELOKRENITSKY, DSc (History), Professor, Chair of the Centre for the Study of Near and Middle Eastern Countries, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; enitsky@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0001-8471-928X

so far preserved a generally tribal structure, is complicated as they live not only in Afghanistan, but also in Pakistan. Moreover, in the first country they make up almost half of the population, while in the second — a minority, although the largest one. In addition, the number of Pakistani Pashtuns, who also, as a rule, identify themselves with tribes, and are still maintaining tribal traditions in the mountainous regions, is at least twice as large as the number of Pashtuns in Afghanistan. Based on these arguments, it is obvious that the topic raised in the article is of considerable importance for assessing the current situation in the two neighboring states and the prospects for its change.

Keywords: Afghani Pashtuns, Pakistani Pashtuns, tribes and their interconnection.

For citation: Belokrenitsky V. Y. Pashtuns and Pashtun Tribes of Afghanistan and Pakistan: Their Quantity and Settlement. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2022. 1. Pp. 12–24. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-1-12-24

ПУШТУНЫ И ПУШТУНСКИЕ ПЛЕМЕНА АФГАНИСТАНА

Доля пуштунов (или паштунов, они же собственно афганцы, или этнические афганцы, в отличие от афганцев по гражданству, подданству) в населении нынешнего Афганистана оценивается весьма различно. При этом отталкиваются, как правило, от оценок на первую половину 1970-х гг. Согласно данным известного австрийского ученого Л. Адамека, пуштуны тогда составляли 43 % населения и, исходя из общей численности населения Афганистана в 14 млн человек, их количество составляло 6 млн [Adamec, 1997, p. 100–101]. Американский афганист Л. Дюпре придерживался цифр 46 % и 6,5 млн при той же оценке населения в стране [Dupree, 1980, p. 59].

Между тем, по официальным афганским данным, на которые опирались отечественные специалисты, доля пуштунов превышала половину — 55 %, а население, согласно переписи 1979 г. (единственной, кстати, за всю историю страны и при этом выборочной) равнялось 15,55 млн, из которых около 2,5 млн вело кочевой или полукочевой образ жизни [Демократическая Республика Афганистан, 1981, с. 9].

Однако полного единодушия и в отечественной литературе не было. В справочнике по народонаселению стран мира под ред. Б. Ц. Урланиса, доля афганцев (пуштунов) оценивалась в 51 %, а их численность на 1970 г. — в 8,8 млн чел., общее население Афганистана при этом принималось за 17 млн чел. [Народонаселение стран мира, 1978, с. 407].

А. В. Логинов, ссылаясь на выпущенное в Ташкенте в 1982 г. издание «Советскому воину об Афганистане», приводит оценки численности этнических групп по результатам переписи 1979 г. Из них следует, что пуштунов насчитывалось 8,2 млн человек (52,7 % от общей численности в 15,55 млн.), таджиков — 3,3 млн (21,2 %), узбеков — 2 млн (12,9 %), хазарейцев — 1,5 млн (9,6 %) [Логинов, 1990, с. 188]. Между тем, в более поздней литературе с отсылкой к данным той же переписи приводится иное соотношение: пуштунов — 45 %, таджиков — 32 %, узбеков — 9 %, хазарейцев — 8 %, остальных — 12 % [Афганистан. Война и проблемы мира, 1998, с. 6].

Сокращение доли пуштунов было связано, очевидно, с последствиями миграции, охватившей афганское население в 1980-е гг. (а начавшейся еще в 1979 г. и ранее). Главным направлением их передислокации был Пакистан. Пропорция пуштунов среди беженцев оценивалась очень высоко [Sliwinski, 1988, p. 16, 18]. При этом значительную их часть составили кочевники — чуть ли не все они, по некоторым данным, с востока и юго-востока Афганистана переместились со своими стадами овец и коз, а часто и без них, на пакистанскую территорию.

Еще одним направлением миграции был Иран. К началу 1981 г., по данным ООН, в этих двух странах оказалось 3,7 млн беженцев. К 1992 г. их число возросло до 6,7 млн, причем свыше 5 млн располагались в Пакистане [Janjua, 2009, p. 60].

По мнению Ю. В. Босина, к началу 1990-х гг. население Афганистана сократилось резко, до 11–12 млн чел. Абсолютная численность пуштунов, проживающих на территории страны, равнялась, по его расчетам, 4,5–5 млн, а таджиков — примерно 3 млн чел. [Босин, 1992, с. 14–15].

Согласно общему представлению, в результате миграций за рубеж и потерь от войны в 1980-х гг. более всего потеряли в численности именно пуштуны. Они перестали быть большинством по отношению ко всему населению, представляя собой с этого времени лишь относительное большинство (42–45 %) Доля таджиков напротив, стала оцениваться более высоко — не менее 25 %.

Оценки доли и численности пуштунов на конец первого десятилетия нынешнего века, т. е. после междоусобицы, власти талибов в 1996–2001 гг. и последовавшего за этим периодом пребывания на территории страны внушительного контингента иностранных, главным образом американских, войск, также варьируются. Впрочем, авторитетные международные демографические организации и справочно-аналитические службы постоянно стремились к их уточнению и унификации. Так, по подсчетам демографической службы ООН и Мировой книги фактов ЦРУ США, население Афганистана в 2010 г. равнялось 29,1 млн чел. На протяжении ряда предшествующих лет оно оценивалась ими существенно — примерно на 4 млн чел. — выше. При цифре в 32–33 млн, пуштунов в Афганистане насчитывалось 13–14 млн., а при скорректированной — 12 млн чел.¹ [World Factbook, 2010].

Объяснить причину корректировки и в этом случае логично путем допущения, что в число жителей Афганистана ранее включались беженцы, так как за основу расчетов брались результаты переписи 1979 г., т. е. времени до начала массовой эмиграции. Кроме того, сама перепись, как единодушно полагают демографы, преувеличивала численность жителей страны. Это следует, в частности, из последних подсчетов демографической службы ООН. Население Афганистана оценивается ей в 1970 г. равным 11,1 млн., в 1980 г. — 13,4 млн чел. [World Population, 2019].

Что касается доли пуштунов, то согласно Мировой книге фактов, она в 2010 г. составляла 42 %. При этом на таджиков приходилось 27 %, хазарейцев и узбеков — по 9 %². Столь невысокая оценка удельного веса пуштунов вызвана, по всей видимости, их переселением в Пакистан, а также потерями новых военных лет. Как отмечалось выше, число афганских беженцев в Пакистане в начале 1990-х гг. превышало 5 млн чел. В последующем часть беженцев вернулась, но и в 1990-е, и в 2000-е гг. их численность равнялась не менее 2–3 млн, и они состояли по преимуществу из пуштунов. Среди афганских беженцев в Иране (порядка 1,5 млн) преобладали выходцы из западных и центральных провинций, преимущественно шииты и в основной массе хазарейцы по этнической принадлежности.

¹ World Population Prospects: The 2008 Revision. United Nations. Afghanistan. URL: <https://www.un.org/Population//esa.un.org/unpp/p2k0data.asp> (дата обращения 13.05.2009); World Factbook. CIA. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/afZhtml> (дата обращения 05.10.2010).

² World Factbook. CIA. Afghanistan URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/afZhtml> (дата обращения 05.10.2010).

В соответствии с последними данными Мировой книги фактов ЦРУ (на июль 2021 г.), население Афганистана принимается равным 37,5 млн чел., оценки ООН еще выше, на 2019 г. — 38,04 млн ³. Это означает его исключительно быстрый рост за последнее десятилетие — на 8–9 млн чел. (среднегодовой прирост 3–4 %). По всей видимости, авторы этих расчетов исходят из предположения о возвращении в страну миллионов беженцев из Пакистана и Ирана и сохранении высокого естественного роста народонаселения.

Оставляя демографический вопрос за скобками, отметим, что в упомянутой выше Книге фактов среди этнических групп перечисляются (по-видимому, в порядке убывания) пуштуны, таджики, хазарейцы, узбеки, туркмены, белуджи, пашаи, нуристанцы, аймаки, киргизы, кызылбаши, гуджары и брагуи. При этом языком общения для 77 % жителей является дари (афганский вариант персидского), 48 % — пушту (оба они были официальными в Исламской Республике Афганистан), 11 % — узбекский, 6 % — английский, 3 % — туркменский, 3 % — урду, 1 % и менее — пашаи, нуристанский, арабский и белуджский. Значительная часть афганцев владеет несколькими языками и наиболее распространенным является знание дари и пушту. С учетом этого обстоятельства и исходя из данных о лингвистическом составе, вытекает, что доля пуштунов ныне приблизилась к половине, а таджиков составляет не менее 29 %.

Пуштунский ареал Афганистана сложился исторически и имел тенденцию к расширению на протяжении последних пяти-шести столетий. Согласно традиции, племен изначально было 405, но в результате их дробления к 1980-м гг. насчитывалось около 1,7 тыс. племен и самостоятельных подразделений (*хелей*). Среди них преобладающую часть составляли «реальные» в генеалогическом смысле, но встречались и крупные группы, названные по имени мест обитания, например, «хости», или «хостваль», представляющие собой «псевдоплеменные» общности, сложившиеся на базе соседских общин⁴.

Выделяются три главных подразделения племен. Первое из них — племена дуррани (абдали), составляющие основную массу так называемых западных афганцев. Здесь и далее, касаясь генеалогии пуштунов, мы используем классификацию О. Кэрое (крупного чиновника колониальной британской администрации и специалиста по региону). Согласно ей, линия Сарбана, старшего сына Кайса Абдуррашида, легендарного предка всех пуштунов, распадается на западную (шархбун) и восточную (харшбун). Так как сарбанийская линия по родословию «подлинно афганская», то первое из ответвлений образуют западные афганцы (не в языковом, а в генеалогическом смысле), а вторую восточные афганцы, или восточные пуштуны, опять же с точки зрения их происхождения. Поэтому, в частности, пуштунские племена области Пешавар, такие, прежде всего, как юсуфзаи, на полном основании именуют себя афганцами [Сарое, 1975, р. 12–13].

Исторически дуррани составляли единый племенной союз (конфедерацию), но в современный период чувство солидарности ими в значительной степени утеряно, хотя и

³ *World Factbook CIA. Afghanistan* URL: <https://cia.gov/the-world-factbook/countries/afghanistan/people-and-society> (дата обращения 21.12.2021); *World Population Prospects 2019. United Nations. Vol. I Comprehensive Tables. Table A-9.* URL: <https://www.population.org/wpp/Publications/Files> (дата обращения 21.12.2021).

⁴ Эти сведения и терминология приводятся в интересной статье В. В. Басова, написанной с использованием служебных материалов ряда афганских ведомств конца 1970-х гг., а также документов советских спецслужб 1980-х — начала 1990-х гг. [Басов, 2000, с. 91–93, 102–103].

остается осознание общности происхождения⁵. Дуррани населяют большой ареал в юго-западной, южной и юго-восточной частях страны. Их главные подразделения и места обитания остались во многом неизменными с середины XVIII — начала XIX вв.⁶ Генеалогически дуррани распадаются на две ветви — зирак и панджпао (панджпай). К первым относятся крупное племя попальзаев, включающее «эмирское» (эмиры Кабула) подразделение садозаи, а также аликозаи, баракзаи с 16 подразделениями, в том числе «королевским» (афганские короли, шахи) — мухаммадзаи. К первой группе относится также племя ацакзаи (ачакзаи), а ко вторым — нурзаи (крупнейшее по численности), ализаи и исхакзаи. По данным на начало-середину 1980-х годов, численность племен зирак равнялась приблизительно 2 млн человек, а панджпао — около 1 млн, т. е. дуррани вместе составляли приблизительно треть от общего числа пуштунов в 8–9 млн чел. [Афганистан на переходном этапе, 2002, с. 47–48].

В настоящее время, с учетом роста их численности в 2–2,5 раза, число дуррани может составлять приблизительно 6–8 млн чел., при этом 4–5 млн придется на первую группу, а 2–3 млн на вторую.

Дуррани преобладают в провинциях Кандагар, Гильменд, Нимроз, Фарах, довольно широко представлены в Забуле и Герате, и отчасти в Бадгисе⁷. Между некоторыми племенами дуррани, такими, например, как нурзаи и ачакзаи, на протяжении длительного времени сохраняется состояние враждебности. Оба племени известны как торгово-посреднические. Центр расселения нурзаев располагается западнее, чем у ачакзаев, которые, единственные из дуррани, традиционно обитают и на пакистанской территории. Интересы нурзаев и ачакзаев сталкиваются в зоне трансграничных операций.

Второе крупное подразделение — гильзаи. Хотя они и принадлежат к главному генеалогическому стволу (через Битана, второго сына Кайса), их смешанное происхождение отразилось в принадлежности к боковой линии, идущей от Шах Хусейна (ИШах-Хусейн Гура) и дочери Битана, Биби Мато. Эта группа племен распадается на две ветви: первую, собственно гильзайскую, потомков старшего «незаконнорожденного» сына, и вторую, ведущую родословную от законного сына Ибрахима. Среди последних — лоди, сур, лохани, дотани, ниязи и др. Собственно гильзаи распадаются, в свою очередь, на две ветви — туран (хотаки, тохи, хароти, насир) и буран или бурхан. Последняя подразделяется на две линии — юсуф (сулейман-хель, али-хель и др.) и муса (ахмадзаи, андар, тараки, сахак и др.).

Представители второй ветви гильзаев (лоди-лохани) составляли основную часть кочевых племен, известных под названием повинда или кочи. В XIX в. пуштуны-повинда совершали традиционные перекочевки с летовок на плато Афганистана через перевалы и проходы южных склонов горной страны, образуемой отрогами Гиндукуша (Гомаль, Точи и др.), на правобережье Инда, в область Дераджат. Проведя зиму там (с октября – декабря по март – май), и совершив переходы с товаром вглубь Индии, они затем возвращались в Афганистан.

⁵ Такое утверждение содержится в редко цитируемой монографии Э. Б. Сатцаева [Сатцаев, 1988]. Ее автор опирался на афганские материалы и документы, а также собственные наблюдения, относящиеся к началу 1980-х гг.

⁶ О налогообложении племен дуррани правителями Кандагара, выходцами, кстати, из того же племенного союза, см: [Окимбеков, 2021, с. 457–459, 470–471].

⁷ Названия провинций приводятся по: [Демократическая Республика Афганистан, 1981, с. 166–167].

В связи с упадком такой торговли в XX в. значительное число кочевников — повинда, целые племенные подразделения, осели в Дераджате (главным образом в нынешней пакистанской области Дерайсмаилхан). Другая часть осталась в Афганистане, представляя собой, по-видимому, главную составляющую «трудно уловимых» и потому по-разному оцениваемых афганских кочевников.

Районы к северо-востоку от Кандагара близ Калат-и Гильзаи, на Газни-Кандагарском плоскогорье, являются местом традиционного расселения хотаков, севернее расположены, земли тохи, тараки и андаров, сулейман-хеля, ахмадзаев и др., а в «тыловых», по выражению В. В. Басова, провинциях восточного региона (Газни, Логаре, Лагмане, а также на подступах к Кабулу и в провинции Вардак), где уровень трайбализма ниже и «племя утрачивает свое содержание как форма и тип социальной организации», имеются поселения дотани, мулахель, бабрак-хель и др. [Басов, 2000, с. 100–102].

Гильзаи составляют также одну треть от общего числа пуштунов, причем, как правило, их число считается превосходящим количество дуррани. По оценкам Э. Б. Сатцаева, в первой половине 1980-х гг. только наиболее крупные гильзайские племена суммарно насчитывали около 2 млн чел. (сулейман-хель — более 500 тыс., али-хель — свыше 200 тыс., хотаки, тохи и хароти, вместе взятые, — свыше 500 тыс.) [Сатцаев, 1988, с. 14–22]. В настоящее время количество гильзаев можно оценить в 7–9 млн чел.

Третью группу пуштунских племен составляют разнообразные подразделения, не принадлежащие к дуррани и гильзаям. Среди них есть по происхождению близкие к первым тарини и баречи (последние населяют вместе с белуджами самые южные районы страны), а также какары, обитающие на юго-востоке Афганистана, но большей частью — в соседних районах Пакистана. Основу же этой группы, по численности, вероятно, уступающей и гильзаям, и дуррани, составляют обитающие вдоль границы с Пакистаном горцы. Они составляют основное население «зоны племен» Афганистана, которая в природном, орографическом отношении едина с аналогичной в Пакистане. Обе они включают наиболее труднодоступные районы протянувшейся по диагонали с северо-востока на юго-запад системы гор, которая в 1893 году была разделена примерно посередине «линией Дюранда», ставшей границей между Британской Индией (а впоследствии Пакистаном) и Афганистаном⁸.

По происхождению «прочие», или «горные», племена относятся в основном к ветви карлани (карланри) (по имени усыновленного пуштунами на ранних этапах генеалогической истории Карлани). Наиболее крупные среди них — джаджи, джадран, мангалы, макбилы, шинвари, чамкани, вазиры, гурбузы, хугиани, мандозаи, сабри, тани, тури, оракзаи и др. Местом их обитания являются в основном провинции Пактика, Пактия, Нангархар, Хост и Кунар. На севере горной страны в пределах Афганистана обитает крупное племя сафи (или гандари), а также некарланийские моманды, гигиани, тарклани (таркани) и др. Проживая в горах, эти племена больше равнинных сохраняют обычаи и традиции пуштунов⁹.

Прежде чем затронуть тему о сохранения пуштунами Афганистана традиционных обычаев и обрядов, отметим существование еще одного ареала расселения пуштунов. В конце

⁸ Делимитация на карте была предложена секретарем по иностранным делам вице-короля Британской Индии Генри Мортимером Дюрандом и согласована с эмиром при большом его нежелании и лишь в обмен на увеличение ежегодных субсидий (подробнее см.: [Территориальный вопрос, 2013, с. 230–233].

⁹ О традициях пуштунских племен, знаменитом кодексе пуштунвали (пуштунвайлай) см., в частности [Ahmed, 1980, p. 89–92].

XIX в. «железный» эмир Кабула Абдур Рахман Хан (Абдуррахман-хан) проводил успешную политику закрепления за Афганским эмиратом земель, лежащих между высокогорным массивом (западными отрогами Гиндукуша) и рекой Окс (Аму-Дарьей). Власти осуществляли переселение пуштунских племен, поначалу преимущественно родственных эмиру дуррани, а затем и гильзаев, с юга и юго-востока на север. Вторая волна переселения пуштунов за Гиндукуш имела место после 1929 г. в результате усилий нового короля Надир Шаха по укреплению своих позиций и созданию благоприятных материальных условий для поддержавших его на севере пуштунов [Kakar, 1979, p. 132–135].

Вопрос о системах социальной организации племен и традиционных занятиях пуштунов был предметом большого числа зарубежных и отечественных исследований. В них нередко отмечался также процесс «детрайбализации», потери пуштунами непрерывной и жесткой связи с комплексом традиционных взаимоотношений и этики. Но относилось это в основном к городским жителям и крестьянам-земледелцам, нашедшим свое место в рамках разнородной по происхождению соседской общины.

Более того, за последние десятилетия произошло, очевидно, неизбежное ослабление в ходе войны и жесткого конфликта с внутренними и внешними врагами традиционных связей и обязательств. Этому способствовали миграция из одной сельской местности в другую и переселение в города, предоставлявшие больше шансов для выживания. Доля горожан на момент возвращения к власти талибов в августе 2021 г. увеличилась до 26,3 %, — согласно Мировой книге фактов, примерно вдвое по сравнению с оценками на 1970-е гг. При среднегодовом приросте населения в 2,3 %, рост числа горожан равнялся 3,3 %. В столичном Кабуле в 2021 г. проживало около 4,5 млн чел.¹⁰ Хотя события последних десятилетий, по-видимому, серьезно отразились на цельности и неприкосновенности местных традиций и обычаев, они вряд ли подорвали племенную идентификацию пуштунов, поскольку значение закреплённой традицией солидарности возрастает, как правило, в экстремальных условиях.

ПУШТУНЫ И ПУШТУНСКИЕ ПЛЕМЕНА ПАКИСТАНА

Пуштуны (или пахтуны, с твердым произношением вместо мягкого, отличающим восточные диалекты от западных) — один из пяти главных этносов Пакистана. От названия пахтун (мн. ч. — пахтуван, пахтаван) происходит распространенное в колониальный период и в современной Индии название «патан». Отсюда же и современное, с 2010 г., название Северо-Западной пограничной провинции Пакистана — Хайбер-Пахтунхва.

Пуштуны населяют преимущественно северо-западные и западные области страны, принадлежащие двум провинциям, «хайберско-пуштунской» (Хайбер — знаменитый проход в горах, соединяющий Афганистан и Пакистан) и Белуджистану.

Пропорция пуштунов в народонаселении Пакистана в его современных границах, согласно данным переписей 1951, 1961, 1972, 1981 и 1998 гг., колебалась в пределах 13–16 %. По первой переписи число пуштунов как этнолингвистической группы (т. е. лиц, для которых пушту является родным языком) оценивалось в 5 млн чел. Через десять лет их численность увеличилась до 6,8 млн, а доля выросла с 14,9 до 15,9 % [Пакистан, 1961, с. 26, 36]. В соответствии с переписями 1972 и 1981 гг. количество пуштунов, идентифицируемых

¹⁰ *World Factbook CIA. Afghanistan*. URL: <https://cia.gov/the-world-factbook/countries/afghanistan/people-and-society> (дата обращения 21.12.2021).

по родному языку в первом случае и по языку общения дома во втором, выросло ненамного до 10,2 и 11,0 млн чел, а удельный вес имел тенденцию к уменьшению — до 15,7 и 13,1 % [Пакистан, 1991, с. 29]. По переписи 1998 г. она вновь выросла до 15,4 %. К считающим пушту родным языком причислило себя тогда 20,4 млн чел. при общем населении страны в 132,4 млн. За последующие два десятилетия произошел существенный рост численности и доли пуштунов как этнолингвистической общности. Согласно переписи 2017 г., их число увеличилось до 37,9 млн. чел., примерно вдвое, а доля в круто возросшем пакистанском населении — до 18,2 %¹¹.

Пуштуны Пакистана, таким образом, превосходят по численности пуштунское население Афганистана не менее чем в два раза. В Пакистане они твердо занимают второе место после панджабцев (пенджабцев), пропорция которых ныне оценивается в 38,8 %. Вслед за пуштунами идут проживающие на юге страны синдхи (14,6%), а далее — говорящее на языке сирайки население областей, прилегающих к Инду в его среднем течении — 12,1 %. Долгое время это население относили к этнической группе панджабцев, но с 1960–1970-х гг. оно стало обретать собственную идентичность, чему способствовали их компактное проживание на юге провинции Панджаб, более низкий уровень социально-экономического развития и усиление настроений в пользу создания отдельной провинции Южный Панджаб.

Весьма влиятельная в первые десятилетия существования Пакистана общность говорящих по преимуществу на языке урду *мухаджиров* (беженцев из Индии после раздела 1947 г., известных под почетным наименованием совершивших *хиджру*, переселение в благочестивых целях) потеряла во многом свое главенствующее положение в обществе. Это отразилось, в частности, на снижении доли населения, для которого урду (национальный язык страны) является родным — с почти 10 % по первым переписям до 7 % по переписи 2017 г.

Еще одна значительная этнолингвистическая группа пакистанского населения — белуджи и ассоциирующие себя с ними брагуи. Вместе они составляют более 4 % населения страны, обитая по большей части в обширной и пустынной южной половине провинции Белуджистан, расположенной к западу от Синда.

Сосредоточенные в основном на северо-западе пакистанские пуштуны распадаются по ареалу расселения на несколько категорий. Прежде всего, это пуштуны провинции Хайбер-Пахтунхва (ХП). Согласно переписи 2017 г, они составляют более трех четвертей жителей провинции. При этом их пропорция в населении по сравнению с 1998 г. выросла с 74 до 77 %, а абсолютное число с 18,4 до 23,5 млн чел.¹²

Вторая категория — пуштуны прилегавшей к провинции Хайбер-Пахтунхва Территории племен федерального управления (ТПФУ, Federally Administered Tribal Area). В 2017 г. этот регион был полностью (на 98 %) пуштунским. Его население составляло 5 млн чел. В мае 2018 г. федеральным парламентом Пакистана был принят закон о слиянии ТПФУ с провинцией Хайбер-Пахтунхва. В результате провинция стала пуштунской более чем на 80 %. Вместе с тем, горные пуштунские племена сохраняют свой особый уклад и колорит, отличающий их от пуштунов-жителей равнин и предгорных районов. Если вспомнить, что по ту сторону границы («линии Дюранда») проживают родственные пакистанским горцы

¹¹ National Census Report 2017. *Pakistan Bureau of Statistics*. P. 79. URL: https://pbs.gov.pk/sites/default/files//population_census/ncrpr/NCR%20Pakistan.pdf (дата обращения 02.01.2022).

¹² National Census Report 2017. *Pakistan Bureau of Statistics*. P. 184–185. URL: https://pbs.gov.pk/sites/default/files//population_census/ncrpr/NCR%20Pakistan.pdf (дата обращения 02.01.2022).

Афганистана, то обе эти территории племен составляют вместе регион с числом жителей приблизительно в 8–10 млн. чел.

Еще одна крупная категория пуштунов состоит из племен, обитающих в северных областях провинции Белуджистан (Кветта и Зхоб), образующих сплошной пояс с Хайбер-Пахтунхва. Численность пуштунов в Белуджистане, по переписи 2017 г., равнялась 3,4 млн чел.¹³ В целом, пуштунов в ареале компактного их проживания насчитывалось без малого 32 млн чел.

Особую категорию составляют пуштуны внутренней «диаспоры». Она состоит из потомков «старых» переселенцев колониального и даже предколониального времени, осевших в Панджабе и Синде (аналогично этому происхождение патанов Индии), и «новых» выходцев из исконно пуштунских районов. Последние сосредоточены в значительной своей части в крупнейших городах — Карачи, Лахоре, Мултане и Исламабаде. В городах Синда, главным образом в Карачи, на момент проведения переписи 2017 г. (март-апрель) насчитывалось 2,4 млн чел., чьим родным языком был пушту¹⁴. Если пренебречь небольшим числом пуштунов в других синдских городах, то они составляли в крупнейшем пакистанском городе с численностью в 14,9 млн чел. немногим более 16 % жителей (1/6 часть).

Помимо Синда, достаточно велика диаспора пуштунов в Панджабе. По переписи 2017 г. их было 2,2 млн чел., при этом ровно половина проживала в городах. В столичном Исламабаде (отдельная административная единица) пуштунов насчитывалось почти 400 тыс. (18,5 %) ¹⁵. Таким образом, численность разбросанных по стране пуштунов равнялась, согласно данным последней переписи населения, 5 млн чел., тогда как общее их количество приближалось к 37 млн., а ныне наверняка превосходит 40 млн человек.

Пуштунские племена Пакистана подразделяются на несколько больших групп в соответствии с происхождением и местом преимущественного расселения. Первая из них — так называемые западные афганцы, основную часть которых составляют абдали-дуррани (см. выше). В Пакистане дуррани представлены главным образом подразделением ачакзан, члены которого традиционно проживают на севере провинции Белуджистан [Афганистан на переходном этапе, 2002, с. 52–54].

Вторую группу составляют пуштуны-гургушты (линия Гургушта, третьего сына легендарного Кайса Абдуррашида), обитающие почти исключительно в Пакистане, главным образом в провинции Белуджистан. Наиболее крупное племя этой группы — какар. В областях Кветта и Зхоб проживают также принадлежащие к этой генеалогической группе мандохель, ширани и др.

Третья группа — гильзайские племена, местом расселения которых в пределах Пакистана служат округа области Дерансмайлхан, охватывающие равнинное правобережье Инда и долины его многочисленных притоков, главным из которых является река Гомаль. Через проход в горах, образованный этой рекой (Гомальский проход), гильзай-кочевники совершали в прошлом сезонные перемещения, о которых речь шла выше. С переходом к

¹³ National Census Report 2017. *Pakistan Bureau of Statistics*. P. 186–187. URL: https://pbs.gov.pk/sites/default/files//population_census/ncrpr/NCR%20Pakistan.pdf (дата обращения 02.01.2022).

¹⁴ National Census Report 2017. *Pakistan Bureau of Statistics*. P. 186. URL: https://pbs.gov.pk/sites/default/files//population_census/ncrpr/NCR%20Pakistan.pdf (дата обращения 02.01.2022).

¹⁵ National Census Report 2017. *Pakistan Bureau of Statistics*. P. 187. URL: https://pbs.gov.pk/sites/default/files//population_census/ncrpr/NCR%20Pakistan.pdf (дата обращения 02.01.2022).

земледелию большей части кочевников образовались районы расселения племен лоди, гандапур, марвати, лохани, мианхель, бабар, ниязи и др.

Четвертую группу составляют горные пуштуны, генеалогически по большей части карланри (см. выше). Они расселены севернее гильзаев, в таких равнинных областях провинции Хайбер-Пахтунхва, как Банну, Кохат и Пешавар, а также в горных районах бывшей ТПФУ. На равнинах проживают представители племен хаттак, утман-хель, баннучи.

Основным же племенем четвертой группы являются вазирь. От их имени происходит название горной страны Вазиристан и двух политических агентств¹⁶, входивших в состав ТПФУ — Южный и Северный Вазиристан. Главные племена в них — вазирь и масуды (мехсуды), а также дервиш-хель и дауры, обитающие в районе одного из немногих городских центров ТПФУ Мирамшаха. Кстати, в последнее время город стал известен из-за операций пакистанской армии против сосредоточенных в нем и окружающих его горах отрядов пакистанских талибов во главе с убитыми в середине 2000-х и начале 2010-х гг. предводителями — Нек Мухаммад Вазиром, Байтуллою и Хакимуллою Мехсудом [Чекризова, 2016, с. 170–171, 181].

Племена группы карланри населяют и три расположенных к северу от Вазиристана агентства бывшей полосы племен — Оракзаи, Куррам и Хайбер. Первое из них носит имя большого племенного объединения (наполовину шиитского). В долине реки Куррам (где находится еще один проход через горы из Афганистана) и на южных склонах хребта Спингар (Сафед-Кох) обитают афридии. Главным местом традиционного обитания афридиев, сделавшим это крупное племя широко известным, служит долина реки Кабул, особенно в районе Хайберского прохода, а также долина притока Кабула реки Бара. Границы бывшего агентства вплотную подходят к главному городу провинции Хайбер-Пахтунхва древнему Пешавару. Непосредственно за «порогом» города начинается земля афридиев, состоящих из восьми основных кланов. Наиболее влиятельные из них — адам-хель и куки-хель. В трех только что упомянутых агентствах полосы племен проживают также чамкани и тури (единственное шиитское племя), а в горно-равнинных районах области Кохат — бангаши.

Пятая группа племен-сарбанри, как уже отмечалось, известна под названием восточных афганцев. Наиболее крупное племя этой группы — юсуфзаи, с середины XV в. установившие контроль над Пешаварской долиной и районами к северу от нее. Много позднее (в XIX в.) в регионе утвердилось племя момандов, населяющее ныне как равнинные, так и горные районы, входящие в бывшие агентства Моманд и Баджаур. На равнине моманды владеют землей в области Пешавар, главным образом в округе Мардан (к северо-западу от Пешавара), где они известны как бара-моманд, а местные юсуфзаи как манданр-юсуфзаи. В том же ареале имеются поселения (кварталы городов или концы деревень) других племен — тарклани, халил, мухаммадзаи, гигиани.

В горной области Баджаур на границе с Афганистаном обитают в основном таркланийские подразделения, часто фигурирующие как самостоятельные племена — мамунды и саларзаи. Некоторая их часть обитает в Афганистане в районе Хоста и к северу от него, в Кунаре [Афганистан на переходном этапе, 2002, с. 53–54].

В городских центрах пуштунского ареала проживает небольшая часть населения — 15–20 %, почти вдвое уступающая доле горожан в среднем по Пакистану (36 % по переписи

¹⁶ Наименование происходит от должности чиновника (политического агента) в колониальной и постколониальной администрации.

2017 г.). Более того, даже в городах своего ареала пуштуны представлены недостаточно — их удельный вес в городской местности меньше, чем в совокупном (сельском и городском) населении.

Вместе с тем, пуштуны, выезжающие за пределы своего ареала, проживают по большей части в городах, в том числе крупных и крупнейших. Там они формируют основу пуштунского «среднего класса». Представителей последнего можно встретить среди богатых промышленников и торговцев, чиновников и лиц свободных профессий. Достаточно велика доля пуштунов в армии, особенно в высших эшелонах вооруженных сил Пакистана. Пуштуны составляют 15–20 % военнослужащих, тогда как панджабцы 70–75 % [Армии на современном Востоке, 2018, с. 59].

К пуштунам по традиции причисляют себя многие богатые и влиятельные семьи Пакистана, давно оторвавшиеся от пуштунских земель и не знающие языка пушту. Они образуют сословную прослойку родовитых и обеспеченных граждан, входящих в категорию «ашраф» (благородные). Ее нередко называют «патан» и отличают по компоненту имени — «хан». Встречаются, впрочем, и другие знаки достоинства пуштунов такие, как «малик»¹⁷.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сопоставив сведения о двух частях пуштунского ареала, приходим к довольно неожиданному выводу, что центр тяжести расселения пуштунов (афганцев), традиционно располагаясь на территории Афганистана, с 1970-х гг. стал решительно смещаться в направлении Пакистана. Если в Афганистане ныне проживают условно 16–17 млн пуштунов, то в Пакистане — более 40 млн человек. Из общей численности около 60 млн чел. на Афганистан приходится менее трети.

В связи с поставленными в статье вопросами о единстве и различиях пуштунов Афганистана и Пакистана, отметим, прежде всего, их языковое и культурное своеобразие. Дело в том, что значительная часть афганских пуштунов двуязычна, т. е. говорит и владеет двумя официальными, национальными языками — пушту и дари.

Сходное положение наблюдается в Пакистане. Первым языком обучения для большинства пуштунов является национальный язык урду. На пушту дети из пуштунских семей учатся, как правило, только в некоторых школах, и то только в начальных классах, а также в медресе (религиозных школах). В средней школе происходит «урдуизация» пуштунов, которая сменяется для лиц с высшим образованием «англизацией».

Основным ареалом, где язык пуштунов сохраняет свою роль и значение, являются высокогорные, гористые и пустынные районы вдоль границы между Афганистаном и Пакистаном. Там и располагается центр сопротивления «империализму» дари, урду и английского языка, а талибы находят наибольшую поддержку именно в этом ареале. Причем происходит это не только из-за лингвистического фактора, а в основном по той причине, что идеология талибов базируется на салафизме деобандийской школы, обращенного к рядовым сельским жителям, которые при неизменности племенной идентичности отходят от преобладавших в их среде более элитарных традиций умеренного суннизма и суфизма [Khan, 2013, p. 25–27].

¹⁷ К маликам причислял себя третий генерал-губернатор Пакистана Гулам Мухаммад (1951–1955 гг.). Историк Салахутдин Малик рассказал автору статьи, что весь клан генерал-губернатора присвоил себе приставку Малик как выражение родственной связи со знаменитым родственником (из записи беседы в ноябре 1990 г.).

Что касается традиционных межплеменных связей между горными племенами Афганистана и Пакистана, то нельзя не обратить внимание на то, что так называемая «сеть Хаккани», предводители которой играют одну из главенствующих ролей в Движении Талибан (запрещено в РФ), контролирующем с августа 2021 г. всю территорию Афганистана, являются выходцами из пуштунского племени джадран, родственного племенам вазиров и масудов (мехсудов), из числа которых чаще всего набираются пакистанские талибы. Не исключено, что хорошо известная связь между пакистанской Межвойсковой разведкой (Inter-Service Intelligence) и «сетью Хаккани» приобретает для разведки особую ценность в связи с тем, что «сеть» может сдерживать антиправительственный настрой отрядов «Техрик-е Талибан Пакистан», базирующихся в Северном (в районе Мирамшаха) и Южном Вазиристане (центр — город Вана).

Представляется, что в рамках единого пуштунского ареала можно наметить две горизонтальные зоны взаимосвязи по происхождению и расселению и одну вертикальную. Южная широтная зона, начинаясь на юго-западе Афганистана и захватывая равнинные южные провинции страны, заканчивается в пустынных районах пакистанского Белуджистана. Северная широтная полоса пунктиром пролегает по межгорью между афганской провинцией Кундуз и северными областями Малаканд и Пешавар пакистанской провинции Хайбер-Пахтунхва. Наконец, долготная, меридиональная зона объединяет высокогорные и предгорные местности двух стран, расположенные с севера на юг от афганского Хоста до пакистанского Вазиристана.

Литература / References

- Афганистан. Война и проблемы мира.* Отв. ред. А. Д. Давыдов. М., 1998 [*Afghanistan. War and Problems of Peace.* Ed. by A. D. Davydov. Moscow, 1998 (in Russian)].
- Афганистан на переходном этапе (сентябрь 2001 – июнь 2002 г.).* Отв. ред. В. Г. Коргун, М. Р. Арунова. М., 2002 [*Afghanistan in the Transitional Period (September 2001 – June 2002).* V. G. Korgun, M. R. Arunova (Eds.). Moscow, 2002 (in Russian)].
- Армии на современном Востоке.* Отв. ред. Д. В. Стрельцов. М., 2018 [*Armies in the Contemporary East.* Ed. by D. V. Streltsov, 2018 (in Russian)].
- Басов В. В. Племенной фактор в политических процессах современного Афганистана. *Афганистан: Проблемы войны и мира.* Отв. ред. А. Д. Давыдов. М., 2000. С. 89–110. [Basov V. V. The Tribal Factor in the Political Processes of the Today's Afghanistan. *Afghanistan. Problems of War and Peace.* Ed. by A. D. Davydov. Moscow, 2000. Pp. 89–110 (in Russian)].
- Босин Ю. В. Национальные проблемы современного Афганистана. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1992 [Bosin Y. V. *National Problems of the Today's Afghanistan. Self-Synopsis of Ph.D (History) Thesis.* Moscow, 1992 (in Russian)].
- Демократическая Республика Афганистан. Справочник.* Отв. ред. М. Р. Арунова. М., 1981 [*The Democratic Republic of Afghanistan. A Reference Book.* Ed. by M. R. Arunova. Moscow, 1981 (in Russian)].
- Логинов А. В. Национальный вопрос в Афганистане. *Расы и народы. 1990. Ежегодник.* М., 1990. С. 169–189 [Loginov A. V. The National Question in Afghanistan. *Races and Peoples. Annual Almanac.* Moscow, 1990. Pp. 169–189 (in Russian)].
- Население стран мира.* Справочник. Под ред. Б. Ц. Урланиса. М., 1978 [*Population of the Countries of the World.* Ed. by B. C. Uralanis. Moscow, 1978 (in Russian)].
- Окимбеков У. В. Налоги и налоговая политика Афганистана первой половины XIX в. *Мусульманский Ближний и Средний Восток: современные процессы, история и историография.* Отв. ред.

- В. Я. Белокреницкий, Н. М. Мамедова, Н. Ю. Ульченко. М., 2021 [Okimbekov U. V. Taxes and fiscal policy in Afghanistan in the first half of the 19th century. *Muslim Near and Middle East: Contemporary Processes, History and Historiography*. V. Y. Belokrenitsky, N. M. Mamedova, N. Y. Ulchenko (eds.). Moscow, 2021 (in Russian)].
- Пакистан. Справочник. Отв. ред. Ю. В. Ганковский. М., 1966 [*Pakistan. Reference Book*. Ed. by Y. V. Gankovsky. Moscow, 1966 (in Russian)].
- Пакистан. Справочник. Отв. ред. Ю. В. Ганковский. М., 1991 [*Pakistan. Reference Book*. Ed. by Y. V. Gankovsky. Moscow, 1991 (in Russian)].
- Сатцаев Э. Б. *Пуштуны Афганистана и Пакистана*. Ордзоникидзе, 1988. Рукопись депонирована в ИНИОН РАН [Satsaev E. B. *Pashtuns of Afghanistan and Pakistan*. Ordzonikidze, 1988. Manuscript deposited at INION RAS (in Russian)].
- Территориальный вопрос в афро-азиатском мире. Под ред. Д. В. Стрельцова. М., 2013 [*Territorial Question in the Afro-Asian World*. Ed. by D. V. Streltsov. Moscow, 2013].
- Чекризова О. П. *Исламский радикализм и экстремизм в Пакистане в конце XX — начале XXI в. М., 2016* [Chekrizova O. P. *Islamic Radicalism and Extremism in Pakistan in the End of the 20th and the Beginning of the 21st Century*. Moscow, 2016 (in Russian)].
- Adamec L. W. *Historical Dictionary of Afghanistan*. Lanham, 1997.
- Ahmed A. S. *Pukhtun Economy and Society. Traditional Structure and Economic Development in a Tribal Society*. London, 1980.
- Caroe O. *The Pathans, 550 B.C.–1947 A.D.* Karachi, 1975 (originally publ. in London, 1958).
- Dupree L. *Afghanistan*. Princeton, 1980.
- Janjua M. A. *In the Shadow of the Durand Line*. Monterey, 2009.
- Kakar H. K. *Government and Society in Afghanistan*. London, 1979.
- Sliwinski M. *Afghanistan 1978–1987. War, Democracy and Society*. Geneva, 1988.

Электронные ресурсы / Electronic sources

- Khan I. *The Pakistan-Afghan Borderland: Pakhtun Tribes Descent into Extremism*. Richardson (Texas), 2013. Amazon-Kindle Electronic Book.
- National Census Report 2017. *Pakistan Bureau of Statistics*. URL: https://pbs.gov.pk/sites/default/files//population_census/ncrPCR/NCR%20Pakistan.pdf (дата обращения 02.01.2022).
- World Factbook CIA. Afghanistan* URL: <https://cia.gov/the-world-factbook/countries/afghanistan/people-and-society> (дата обращения 21.12.2021).
- World Factbook. CIA. Afghanistan* URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/afZhtml> (дата обращения 05.10.2010).
- World Population Prospects 2019. *United Nations. Volume I. Comprehensive Tables*. Table A-9. URL: <https://www.population.org/wpp/Publications/Files> (дата обращения 21.12.2021).
- World Population Prospects: The 2008 Revision. *United Nations. Afghanistan*. URL: <https://www.un.org/Population//esa.un.org/unpp/p2k0data.asp> (дата обращения 13.05.2009).

КОЛОНИЗАЦИЯ СЕВЕРНОГО АФГАНИСТАНА И АНГЛИЙСКАЯ РАЗГРАНИЧИТЕЛЬНАЯ КОМИССИЯ

© 2022

У. В. Окимбеков*

Статья посвящена колонизации в 1880-х гг. эмиром Абдуррахман-ханом северных районов Афганистана, обладавших благоприятными условиями для земледелия и отгонного животноводства. Завершив процесс объединения областей в единое государство, эмир приступил ко второму этапу развития афганской власти — к утверждению авторитета и позиций Кабула на местах, решению экономических и военно-политических задач. В рамках этой работы обнаружилась необходимость переселения жителей более бедных земельно-водными ресурсами районов юга из числа пуштунов в богатый плодородными угодьями, но характеризующийся низким уровнем расселенческой освоенности и слабо защищенными пограничными рубежами северный регион. Англия, задолго до этого задумавшая использовать кочевые племена для обеспечения защиты собственных интересов у северных границ Афганистана, активно стремилась воспользоваться ситуацией и время от времени снабжала афганского правителя разного рода рекомендациями. Особое внимание в статье уделено роли в этом вопросе английской военной разграничительной комиссии, находившейся в Афганистане в первые годы проведения Абдуррахман-ханом переселенческой политики, отношению ее членов к афганским народам и племенам, стремлениям заселять северный регион исключительно кочевыми пуштунскими племенами под предлогом сдерживания «русской угрозы». На основе материалов и отчетов названной комиссии, а также работ других английских военных аналитиков рассматриваемого периода освещаются попытки Англии повлиять на решения эмира в вопросе заселения афганского севера. В работе также говорится о социально-экономических и политических последствиях переселенческой политики для коренных жителей, изменениях этнического состава региона.

Ключевые слова: Афганистан, Абдуррахман-хан, северные границы, Туркестан, колонизация, пуштуны, гильзан, англичане, разграничительная комиссия.

Для цитирования: Окимбеков У. В. Колонизация Северного Афганистана и английская Разграничительная комиссия. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2022. № 1. С. 25–33. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-1-25-33

NORTH AFGHANISTAN COLONIZATION AND ENGLISH BOUNDARY COMMISSION

Ubaid V. Okimbekov

The present study examines the question of Abd al-Rahman Khan's colonization of the northern regions of Afghanistan in the 1880s. The colonization process was aimed at resettling people from areas

* Убайд Вафобекевич ОКИМБЕКОВ, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; ubayd@inbox.ru

Ubaid V. OKIMBEKOV, PhD (Economics), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; ubayd@inbox.ru

ORCID ID: 0000-0002-3452-3630

with scarce land and water resources to the northern regions, which provided largely favourable conditions for agriculture and transhumance, restoring economic life through increase in production capacity with additional workforce and ensuring the security of the northern border. At first, these measures were directed at the inhabitants of the region itself, but they came to reach the national level after a while. The appearance of the Afghan Delimitation Commission in these areas during this period had a certain impact on the decisions of the Afghan authorities. Members of the Commission began to discredit the indigenous people of the region in the eyes of the leadership of their own state and before the emir as unreliable subjects and suggested relying exclusively on the Pashtuns. While the emir wanted primarily his fellow tribesmen to settle in the areas, the British pushed for the settlement of representatives of the warlike Ghilzai tribe there. Tens of thousands of households eventually settled in the northern territory but given that large segments of the local population migrated outside the country, the total number of the population did not undergo any significant change. Nevertheless, the number of the Pashtun households has noticeably increased in the regions. The discontent over the resettlement policy expressed by the indigenous population and the position of the authorities on this issue further exacerbated the already tense inter-ethnic relations. The economic aspects of the issue faded into the background while the emir's attention focused solely on the political elements within the region. By exterminating local influential people and their chiefs and by confiscating their land ownership rights, Abd al-Rahman Khan finally managed to suppress the resistance and opposition forces of Tajiks, Uzbeks and other ethnic groups and tribes. Looking through the prism of its rivalry with Russia, England regarded these unfolding events and processes as an outcome of the weakening of the position and influence of its longtime opponent in this Afghan region.

Keywords: Afghanistan, Abdurrahman Khan, Northern borders, Turkestan, Colonization, Pashtuns, Gilzai, British, delimitation Commission.

For citation: Okimbekov U. V. North Afghanistan Colonization and English Boundary Commission. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2022. 1. Pp. 25–33. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-1-25-33

Север Афганистана в 1880-е гг. испытывал беспрецедентные в истории страны переселенческие процессы, известные в афгановедческой литературе как политика пуштунизации или колонизации региона. Совпавшие по времени с работой английской военной разграничительной комиссии по определению линии афганских северных рубежей (1884–1886 гг.), эти процессы изменили этническую картину региона, привели к оттоку части коренного населения за пределы страны и к другим негативным социально-экономическим и политическим последствиям. К этому времени северные области в большинстве своем населяли таджики, узбеки, туркмены, аймаки, а также представители других племен и народов. До 1884 г. пуштуны составляли менее 4 % от жителей региона [Lee, 2018, p. 388].

К середине 1880-х гг. взявший бразды правления Абдуллахман-хан (1880–1901 гг.) решил, как было официально заявлено, улучшить хозяйственную освоенность покинутых населением территорий и обеспечить охрану северных границ. Процесс начался с вовлечения племен и народов на уровне самого региона, но, не получив широкого применения, повернулся в сторону более отдаленных областей. О заселении северных областей пуштунскими племенами районов юга и юго-востока Афганистана эмир размышлял с первых дней возвращения из Самарканда (1880 г.), но важно отметить, что дальнейшее формирование характера его переселенческой политики подверглось определенному воздействию рекомендаций и советов английских офицеров из числа членов разграничительной комиссии.

Параллельно с официальной работой комиссия занималась изучением этнических особенностей афганского населения. В адресованных ею британским властям отчетах и

письмах положительный отзыв получили лишь пуштуны, у которых выявилось сочетание двух важных особенностей: воинственный характер и чувство ненависти к России. Относительно спокойный и мирный нрав представителей других народов оценивались как отрицательные черты натуры. Еще больше это касалось жителей афганского севера, сохранивших позитивные отношения и родственные связи с населением русского Туркестана. Такие особенности, как резюмировали члены комиссии, в сумме с негативным отношением этих народов к пуштунам, вполне могли превратить их в инструмент в руках соперничавших с Англией стран. В этой связи предлагались разные варианты решения вопроса укрепления безопасности северных рубежей Афганистана с учетом интересов Британии. Приоритетом считалось заселение этих районов пуштунскими кочевыми племенами с обеспечением им доминирующей позиции, ослаблением и ограничением влияния местного населения до минимального значения. Выдвигались и варианты, полностью исключавшие наличие на приграничных участках таджиков, узбеков, хазарейцев, джамшидов, туркмен и других народов. Более детально такие мысли получили отражение в доступных письмах и рекомендациях английского офицера Ч. Э. Йета (Charles Yate), члена разграничительной комиссии, одного из вдохновителей этой идеи.

Население региона, искавшее всевозможные пути восстановления независимости от Кабула, действительно вынашивало сепаратистские замыслы, но предложения со стороны отдельных племен по поводу вступления в союз против Кабула в разные годы поступали и англичанам [Narrative of Recent Events, 1871, p. 75; Barrow, 1893a, p. 5]. Беспокойство, однако, вызвала обстановка, возникшая после убийства английского посланника Н. Каваньяри (Napoleon Savagnari) в Кабуле в сентябре 1879 г., когда по всей стране начались волнения, часть северных районов заговорила о независимости, а область Маймана вовсе намеревалась отойти к Бухаре [Соболев, 1880, с. 44–46; Barrow, 1893a, p. 37].

Жители левобережья Амударьи тяготели к значительной части родственных народов, находившихся по правому берегу. В афганском севере в некоторой степени были искренне «убеждены, что движение русских Самаркандом не окончится и что рано или поздно они перейдут Аму и утвердятся на левом берегу этой реки» [Гродеков, 1880, с. 31]. Симпатии к русскому Туркестану были вызваны, прежде всего, социально-экономическими интересами, в частности, сравнительно умеренная и спокойная жизнь, складывавшаяся там, стала привлекать внимание афганского населения. Представители центральной власти не могли спокойно смотреть на эти настроения [Гродеков, 1880, с. 32].

В английских военно-политических кругах в связи с этим выдвигались самые разные подходы по отношению к Афганистану, среди которых стоит выделить успешно сработавшую в Индии стратегию формирования наемных отрядов из числа местных жителей. Первые косвенные признаки такой идеи наблюдаются в англо-афганском договоре от 17 июня 1809 г., заключенном в Пешаваре. Документ этот носил временный характер и в одностороннем порядке обязывал Афганистан не допустить войска франко-персидского союза для прохода через свои территории в Индию [Aitchison, 1933, p. 233–234, 237; Халфин, 1965, с. 78–79; Messurier, 1880, p. 100].

Имело место и противоположное мнение, сторонники которого, поняв страсть афганцев к независимости, которая не наблюдается ни у одного другого народа, говорили о неприемлемости такого варианта; но по части поиска путей использования племен для решения задач вдали от собственных границ они придерживались того же мнения [Campbell, 1879, p. 1–2].

В рамках такой политики представителей племен желали видеть не только в свободных землях, но и в достаточно заселенных северных районах. Примером является Пандждех (Пендинский оазис) с населением в 8 тыс. человек и ограниченными земельными ресурсами, неспособными полностью удовлетворять спрос жителей на зерновые [Yate, 1888, p. 100]. Тем не менее глава разграничительной комиссии генерал Ламсен советовал эмиру выселять жителей района — сарыков (туркменские племена) в русский Туркестан и заменять представителями других этносов. Основная причина — дружеское отношение туркмен к русским. Абдурахман-хан отклонил это предложение и исключил вариант изгнания сарыков из Пандждеха [Катиб, 1915, p. 454].

Полное освобождение приграничных земель от коренных народов и племен не представлялось возможным, и для минимизации уровня «угрозы» члены комиссии рекомендовали всячески окружать их пуштунами. Комиссия была убеждена, что «только неафганские племена, такие как узбеки Майманы, гератские хазарейцы, джамшиды и т. д., имеют разного рода связи с туркменами или русскими и общаются с ними, но будучи окруженными афганцами, они становятся безопасными» [Lee, 1996, p. 483]. Таким образом, непугунским народам приписывали качественные особенности, демонстрировавшие их опасность для афганских властей и отсутствие значимости для английской политики в регионе. Узбеков считали неинтересными лишь по той причине, что среди них не наблюдали людей, носящих оружия, и они выглядели «кем угодно, но только не воинами» [Yate, 1888, p. 130]. Хазарейцев описывали как добродушных и трудолюбивых, но не пригодных для войны людей [Captain Maitland's and Captain Talbot's Journeys in Afghanistan, 1887, p. 103], джамшидов — миролюбивыми и доброжелательными крестьянами, но недостаточно мужественными [Barrow, 1893b, p. 10]. При сравнительном анализе характера пуштунов и непугунов пытались максимально показывать качественные превосходства первых и «непригодности» последних [Yate, 1888, p. 21–22; Гамильтон, 1908, с. 18].

С одной стороны, разграничительная комиссия была озабочена контактами, имевшими место между родственными этносами по обоим берегам Амударьи, с другой — восхищена степенью ненависти кочевых племен к иноверцам, готовностью воевать против других, в данном случае России. В связи с этим англичане периодически побуждали эмира переселять на север лишь тех из числа поданных, кто по характеру были более воинственными, не имели кровных связей с проживающими за пределами Афганистана народами.

Последствия политики колонизации афганского Туркестана в конечном счете стали негативными для социально-экономической и политической жизни местного населения, лишившегося части плодородных земель, имущества. Существенно изменилось численное соотношение этносов региона, ухудшились без того непростые отношения между пуштунами и непугунами.

Этнополитическая обстановка, возникшая в регионе, вызывала беспокойство из-за крайне негативного отношения таджиков и узбеков к пуштунам, а также нахождения части жителей афганского севера в качестве беженцев на правобережье Амударьи. В этой связи подчеркивалась необходимость прочного закрепления за пуштунами занятых ими территорий, умиротворения недовольных коренных жителей или же наведения тотального страха на них [Elias, 1886, p. 72–73; Gazetteer of Afghanistan, 1914, p. III–IV].

Действия, направленные на восстановление хозяйственной жизни, как было отмечено, изначально предпринимали в пределах самого региона. Ввиду того, что туркменские племена

часто совершали набеги на афганские земли, в 1883 г. Абдуррахман-хан поручил губернатору Герата усилить гарнизон Бала-Мургаба дополнительными отрядами, стрелковым оружием, чтобы обеспечить безопасное проживание в этом районе. Переселять на окрестные свободные земли решили джамшидов и хазарейцев-шиитов, но наличие непростых этноконфессиональных отношений вызвало недовольство вождей племен фирузкухи, подстрекавших в свою очередь джамшидов против хазарейцев. Власти пошли на уступки и ограничились переселением только джамшидов [Катиб, 1915, с. 421–422]. Обычно «железный эмир» на подобное поведение поданных реагировал жестко, но здесь он принял во внимание заслуги вождей джамшидов при взятии Герата и решил вопрос в их пользу. Кроме того, в этом случае разногласия имело место между двумя пуштунскими группами и, возможно, это тоже в некоторой степени сыграло свою роль, поскольку в случае с переселенцами с юга эмир мог поступить иначе.

Таким образом, началось постепенное перемещение населения относительно небольшими группами из разных областей Афганистана. К 1885 г. в Бала-Мургаб отправили до 2 тыс. семей из числа хазарейцев, джамшидов, фирузкухи и сарыков [Tapper, 1973, p. 58]. Принудительное привлечение жителей более отдаленных районов в больших масштабах было вопросом времени, и в дальнейшем ускорился процесс заселения северных районов кочевыми скотоводами афганского юга и центрального региона. Внимание эмира, в отличие от англичан, главным образом было обращено на представителей его племени (дуррани). В специальном воззвании, адресованном им, эмир объяснял мотивы своих действий и рекомендовал, в частности, скотоводам Кандагара и Пушти-Руда выбрать места для постоянного жительства районы Бадгиса и Бала-Мургаба [Катиб, 1915, с. 511; Массон, Ромодин, 1965, с. 279–280].

Пушти-Руд на первый взгляд казалась относительно густонаселенной областью, включавшей четыре района с общим числом хозяйств в 83,86 тыс., большую часть которых составляли соплеменники эмира. В восточной части района Наузада имелось 15,95 тыс. семей, Заминдавара — 29,66, Гиришка — 18,25 и Гармсела — 20 тыс. семей. Чуть больше половины (43,31 тыс.) из всех хозяйств составляли оседлые земледельцы, остальные (40,55 тыс.) — кочевые скотоводы [Elles, 1893, p. 13–14, Appendix A, p. 1]. Проблема в этих и других районах заключалась не в перенаселенности, а в отсталости и неразвитости инфраструктуры, в первую очередь, в отсутствии новых оросительных каналов, способных обеспечить растущие потребности в поливном земледелии, в неэффективном использовании имевшихся земельно-водных ресурсов.

Афганский север в рамках заранее оговоренных эмиром условий был обязан предоставить новым жильцам налоговые льготы и отсрочки на первые три года, а также необходимые средства на безвозмездной основе для ведения хозяйства. Все это ложилось тяжелым бременем на долю местного населения: повышались размеры действовавших налогов, ввелись новые поборы, что положило начало политике дискриминации в отношении коренных народов. Размеры земельного налога в регионе в эти годы колебались «в зависимости от количества воды, употребляемой при орошении почвы, а также в зависимости от расы» [Рейснер, 1929, с. 101].

Пуштунским скотоводам уделяли особое внимание, однако при этом были и исключения в отношении других народов, а именно небольших групп из числа недовольных туркмен и казахов русского Туркестана, мигрировавших в афганский север. Д. А. Мельников сообщает, что туркмены наравне с кочевниками-скотоводами пользовались

«некоторыми привилегиями. Так, при первоначальном поселении на афганской территории с туркмена в течение трех лет почти не берется никаких пошлин», и более того «тяжебные его дела» решались «в большинстве случаев в его пользу» или вовсе не разбирались, и им выдавали «семена для посева на отведенной земле» [Мельников, 1907, с. 144].

Миграционные потоки не ограничивались пределами страны, параллельно с внутренними перемещениями фиксировались случаи переезда из Центральной Азии в Афганистан и наоборот. Намерения эмира извлечь из ситуации политические выгоды путем предоставления улучшенных материальных и социальных условий приезжим не всегда приносили желаемый результат, поскольку те в большинстве случаев возвращались обратно. В марте 1894 г., например, 530 семей казахов из Урганджа прибыли в Афганистан, и Абдурахман-хан поручил местным властям наделять их всеми льготами, которыми пользовались пуштунские племена: выделять от имени афганского правительства суточные, деньги на закупку семян, землю под обработку и ведения хозяйства. В итоге, как отмечал афганский историк М. Катиб, эти люди в ответ на «милость эмира демонстрировали неблагодарность и вернулись в свои родные дома из-за верности русскому правительству» [Катиб, 1915, с. 968; Lee, 1996, с. 482].

Перемещение населения в пределах территории Афганистана происходило и раньше, но масштабы 1880-х гг. не знали себе равных. В источниках встречаются данные относительно численности переселенных хозяйств по годам [Lee, 1996, р. 480–490], поэтому здесь ограничимся лишь тем, что процесс осуществлялся группами из нескольких тысяч семей и это заметно сказывалось на этническом составе и общей численности населения региона. Доля пуштунов в результате резко возросла. Из провинции Кабула и южных районов только осенью 1885 г. на север отправили около 8 тыс. семей, в частности в Майману [Tapper, 1973, р. 61], население которой в тот момент состояло из 10 тыс. семей [Barrow, 1893a, р. 24]. В 1884 г. Мургаб населяли около 2 тыс. хозяйств джамшидов, фирузкухов и хазарейцев, а к 1890-м гг. их численность существенно сократилась, и большинство жителей уже составляли представители племени гильзай и гератские пуштуны [Barrow, 1893b, р. 11].

Политика колонизации началась с идей решения экономических проблем национального масштаба, обеспечения безопасности, но в итоге в большей степени ограничилась внутривластными и имущественными вопросами регионального уровня. Процесс характеризовался экспроприацией властями собственности таджиков, узбеков и других этносов. Произошло принудительное отчуждение наиболее плодородных земель местного населения, «которые раздавались афганским сардарам и офицерам. Этим эмир преследовал две цели: с одной стороны, он покупал себе сторонников среди влиятельных сардаров, а с другой стороны, на севере создавалось ядро афганских колонистов, могущих послужить кабульскому правительству надежной опорой в случае волнений» [Станишевский, 1940, с. 35].

Рост социально-экономического давления привел к миграции как отдельных семей, так и жителей целых населенных пунктов. Отток обездоленной части населения не ограничился пределами Афганистана. Значительное количество местного населения «бросило обжитые места и ушло либо на правый берег Амударьи, либо в горы Гиндукуша. Позднее в результате резкого повышения земельного налога бегство узбеков приняло еще большие размеры» [Кисляков, Першиц, 1957, с. 156]. У властей было двойное отношение к этой категории населения: одних попытались вернуть обратно, обещав удовлетворять

требования, других принуждали покинуть страну с конфискацией собственности в пользу новых поселенцев. Из Талукана в русские владения ушли 658 семей, не справившиеся, как и в большинстве случаев, с налоговой задолженностью. В данном случае власти попытались убедить их вернуться обратно, но безрезультатно [Катиб, 1915, с. 1062], а часть джамшидов, заподозренных в сношениях с русскими, в свою очередь, принудили покинуть Бала-Мургаб [Yate, 1888, p. 216–217].

Дискриминация в отношении коренных жителей афганского севера и миграция за пределы страны имели место с первых дней завоевания региона Кабулом, а в период правления Абдурахман-хана достигла пика. По оценкам самого эмира со времен правления Шер Али-хана в Бухару из афганского Туркестана мигрировали до 12 тыс. семей [Lee, 1996, p. 483]. Н. И. Гродеков, побывавший осенью 1878 г. в Афганистане, писал, что с установлением власти Кабула местное население начало испытывать не меньше страданий, чем от набегов туркмен, с приходом в регион афганцев «узбеки сразу почувствовали тяжелую руку завоевателей», и ему «часто приходилось видеть, как афганские солдаты, без дела разгуливавшие по улицам в городе или селении, потешались над беззащитными узбеками, колотя их нагайками» [Гродеков, 1880, с. 29–30].

Негативные последствия политики колонизации в целом не интересовали Абдурахман-хана. По некоторым сведениям, только в Бухарский Дарваз на протяжении 1880–1890-х гг. прибыли до 30 тыс. семей афганских таджиков [Искандаров, 1958, с. 93–94]. Часть жителей, ощущая нарастающее давление, постепенно передвинулась в более высокогорные районы. Численность населения Хульма, если верить источникам, по сравнению с 1868 г. сократилась более чем в четыре раза, Ташкургона — с 12 тыс. дворов до 7. Путешественники и купцы наблюдали «многочисленные развалины вместо еще недавно цветущих селений и заброшенные кишлаки северного Туркестана», что свидетельствовало «о недовольстве жителей афганским режимом» [Мельников, 1907, с. 142].

Эмир стремился максимально использовать все доступные средства и возможности колонизировать регион. Желавших переселяться искал не только среди пуштунов Афганистана, но и племен за его пределами. В прокламации на имя вождей племени насери, проживавших в английских владениях и часто совершавших набеги на афганскую территорию, условием их возвращения называлось согласие на отправку каждого десятого хозяйства в Каттаган. И в этом случае наряду с материальной пользой заметно стремление укрепить границы более сильными племенами, которые, в отличие от слабых, не приносили бы проблем [Катиб, 1915, с. 671–673].

Бытует мнение, что и Британия, и эмир Афганистана искусственно занижали данные по численности населения афганского севера, чтобы оправдывать политику колонизации для достижения собственных целей. В качестве доказательства приводятся альтернативные сведения по областям и районам. По части Майманы, например, численность населения указывают в 300 тыс. человек [Lee, 1996, p. 481], хотя еще А. Вамбери, а также Военно-статистический сборник от 1868 г. приводили цифру в три раза меньше [Военно-статистический сборник, 1868, с. 40; Вамбери, 2003, с. 185]. Большинство источников, как отечественных, так и зарубежных, подтверждают факт значительного сокращения к 1880-м гг. численности жителей этих областей. С вышеупомянутым мнением нельзя согласиться по той простой причине, что для принятия внутриполитических решений всевластный «железный эмир» никак не нуждался в оправданиях.

Интенсивность, с которой проводился процесс пуштунизации северного Афганистана, несколько настораживала вице-короля британской Индии, опасавшегося вероятной негативной реакции России. В ответ эмир в 1887 г. писал, что хотел бы «увидеть границы Герата укомплектованными и расставленными не только регулярной армией, но также и своими соплеменниками из числа дуррани» [Tapper, 1973, p. 67]. Предпринятые им попытки в этом плане только частично стали успешными. Из запланированных в течение того же года 8 тыс. семей, во-первых, фактически были переселены только 3 тыс. семей, во-вторых, лишь 500 составляли представители племени дуррани, остальные — пуштуны из других племен, а также прочие народы [там же].

Переселенческий процесс к концу десятилетия вышел на новый уровень, при котором не понадобились принуждения и воззвания, поскольку жители юга, юго-востока и центральных районов добровольно начали передвигаться на север страны. Этому способствовали потенциал и преимущества региона, а также позитивные тенденции и успехи тех, кто уже обосновались в новых местах [Tapper, 1973, p. 71]. По разным данным, в районы севера к концу XIX в. было переселено до 200 тыс. пуштунов, а их доля увеличилась примерно в восемь раз, достигнув 30 % от всего населения региона [Lee, 2018, p. 388] и более половины населения афганского Туркестана, составлявшего в середине 1880-х гг. около 400 тыс. человек [Barrow, 1893b, p. 4].

Колонизация афганского севера была вызвана не только необходимостью укрепления безопасности и развития экономики, тем более что хозяйственная сторона вопроса позже несколько потеряла актуальность. В целом, результаты переселенческой политики остались неудовлетворительными с точки зрения хозяйственного развития. Вся афганская экономика развивалась исключительно экстенсивным путем, а регион, нуждавшийся в дополнительных трудовых ресурсах, в итоге получал столько, сколько потерял вследствие миграции и оттока населения в более отдаленные горные районы. Годы правления Абдуллаха-хана сопровождалась мятежами и восстаниями по всей стране. Проблемными моментами стали противостояния пуштунских племен центральной власти. Главным фактором практически во всех случаях выступала фискальная политика, при которой население не справлялось с завышенными налогами и поборами. Переселяя часть пуштунов на север, эмир мог 1) сократить численность племен в ареалах постоянного проживания и несколько снять напряжение, ослабить силы сопротивления, 2) завоевывать расположение переселенных предоставлением более выгодных материальных условий, 3) с их помощью обеспечивать безопасность внешних рубежей и 4) взять под контроль поведение местного коренного населения. Извлечь выгоду из этого в свою очередь могли и англичане, смотревшие на переселенческую политику через призму соперничества с Россией. Прежде всего, в результате содействия укреплению афганских северных границ образовывалось буферное государство для обеспечения безопасности собственных рубежей, во-вторых, при необходимости можно было задействовать расселенные на границе племена в случае войны с Россией, в-третьих, путем сокращения численности гильзаев в районах, близких к индо-афганским границам, ослабить сопротивление на пути британских войск при вероятном походе на Кабул. Нельзя считать, что британцам в полной мере удалось достичь все эти цели, но по части усмирения коренного населения были проделаны значительные шаги. Абдуллах-хан был известен своим жестоким нравом, но определенный вклад в умиротворении судеб непустунских народов афганского севера внесли в том числе и англичане в лице членов английской комиссии.

Литература / References

- Вамберн А. *Путешествие по Средней Азии*. М., 2003 [Vamberi A. *Travel to Central Asia*. Moscow, 2003 (in Russian)].
- Военно-статистический сборник. Вып. III: Персия, Афганистан, Белуджистан, Средне-Азиатския владения, Китай, Япония, Северо-Американские Соединенные Штаты, Мексика, Бразилия и республики Средней и Южной Америки. Составлен под общию редакциею Г. III. генерал-майора Н. Н. Обручева, управляющаго делами Военно-Ученаго комитета и профессора военной статистики. СПб., 1868 [*Military Statistical Survey*. Vol. III: *Persia, Afghanistan, Baluchistan, Central Asian possessions, China, Japan, North American United States, Mexico, Brazil and the Republics of Central and South America*. Saint Petersburg, 1868 (in Russian)].
- Гамильтон А. *Афганистан*. (Пер. с англ. С. П. Голубинова). СПб., 1908 [Hamilton A. *Afghanistan* (tr. from Eng. by S. P. Golubinov). Saint Petersburg, 1908 (in Russian)].
- Гродеков Н. И. *Через Афганистан: путевые записки Генеральнаго штаба полковника Н. И. Гродекова*. СПб., 1880 [Grodekov N. I. *Through Afghanistan: Travel Notes of the General Staff of Colonel N. I. Grodekov*. Saint Petersburg, 1880 (in Russian)].
- Искандаров Б. И. *Из истории Бухарскаго эмирата (Восточная Бухара и Западный Памир в конце XIX века)*. М., 1958 [Iskandarov B. I. *From the History of the Bukhara Emirate (Eastern Bukhara and Western Pamir in the End of the 19th Century)*. Moscow, 1958 (in Russian)].
- Катиб Ф. М. *Сирадж ат-таварих (Светильник истории)*. Дж. III. Кабул, 1331–33 г. х. (1915) [Katib F. M. *Siraj at-tavarikh* (Lamp of History). J. III. Kabul, 1915 (на языке дари)].
- Кисляков Н. А., Першинц А. И. (ред.). *Народы Передней Азии*. М., 1957 [Kisliakov N. A., Pershits A. I. (eds.). *The Peoples of Fore-Asia*. Moscow, 1957 (in Russian)].
- Массон В. М., Ромодин В. А. *История Афганистана*. Т. II. *Афганистан в новое время*. М., 1965 [Masson V. M., Romodin V. A. *History of Afghanistan*. Vol. II. *Afghanistan in Modern Times*. Moscow, 1965 (in Russian)].
- Мельников Д. А. *Район операционных путей от Термеза к Кабулу (опыт военно-географического описания)*. Ташкент, 1907 [Mel'nikov D. A. *The Area of Operational Routes from Termez to Kabul (Military-Geographical Description)*. Tashkent, 1907 (in Russian)].
- Рейснер И. М. *Афганистан*. М., 1929 [Reisner I. M. *Afghanistan*. Moscow, 1929 (in Russian)].
- Соболев Л. Н. *Страница из истории Восточного вопроса. Англо-афганская распря*. Выпуск I. СПб., 1880 [Sobolev L. N. *A Page from the History of the Eastern Question: The Anglo-Afghan Feud*. Iss. I. Saint Petersburg, 1880 (in Russian)].
- Станишевский А. *Афганистан*. М., 1940 [Stanishevskiy A. *Afghanistan*. Moscow, 1940 (in Russian)].
- Халфин Н. А. *Присоединение Средней Азии к России (60–90-е годы XIX в.)*. М., 1965 [Khalfin N. A. *Joining of Central Asia to Russia (60s-90s of the 19th Century)*. Moscow, 1965 (in Russian)].
- Aitchison C. U. *A Collection of Treaties, Engagements and Sanads Relating to India and Neighbouring Countries (Revised and Continued up to 1929)*. Vol. XIII. *Persia and Afghanistan*. Calcutta, 1933.
- Barrow E. G. *The Military Geography of Afghanistan*. Part II. *Afghan Turkistan* (secret). Simla, 1893a.
- Barrow E. G. *The Military Geography of Afghanistan*. Part III. *Herat* (secret). Simla, 1893b.
- Campbell G. *Afghan Frontier: The Substance of a Speech not Delivered*. London, 1879.
- Captain Maitland's and Captain Talbot's Journeys in Afghanistan. *Proceedings of the Royal Geographical Society and Monthly Record of Geography*. Vol. 9 No. 2 (Feb. 1887). Pp. 102–107.
- Elias N. *Report of a Mission to Chinese Turkistan and Badakhshan in 1885–86*. Calcutta, 1886.
- Elles E. R. *The Military Geography of Afghanistan*. Part V. *Farah and Kandahar* (secret). Calcutta, 1893.
- Gazetteer of Afghanistan*. Part I. *Badakhshan* (5th Edition). General Staff India. Simla, 1914. Pp. III–IV.
- Lee L. J. *Afghanistan: A History from 1260 to the Present*. London, 2018.
- Lee L. J. *The 'Ancient Supremacy': Bukhara, Afghanistan and the Battle for Balkh, 1731–1901*. New York, 1996.
- Messurier A. *Kandahar in 1879; Being the Diary of*. Reprinted, with Corrections and Additions, from the Royal Engineers' Journal. London, 1880.
- Narrative of Recent Events on Afghanistan, from the Recovery of Candahar to the Conclusion of the Rebellion of Yacoob Khan*. Government of India, Foreign Department, (secret). Simla, 1871.
- Tapper N. The Advent of Pashtūn Māldars in North-Western Afghanistan. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London*. Vol. 36. No. 1. 1973. Pp. 55–79.
- Yate C. E. *Northern Afghanistan: Or Letters from the Afghan Boundary Commission*. London, 1888.

ПРИЧИНЫ И МАСШТАБЫ ГОЛОДА В ИРАНЕ (1917–1919 гг.)

© 2022

З. А. Арабаджян*

В статье рассматривается проблема голода, возникшего в Иране в ходе Первой мировой войны осенью 1917 г. и завершившегося весной 1919 г. Данный вопрос оказался практически вне поля зрения как советских, так и российских исследователей. По мнению автора, среди основных причин разразившегося бедствия были не только засуха и неурожай, имевшие место на протяжении двух лет до начала собственно голода, но и присутствие на территории Ирана иностранных войск, завышение закупочных цен на пшеницу английскими военными властями в Иране, скупавшими ее для нужд английской армии, воевавшей в Месопотамии, стремление местных крупных землевладельцев нажиться на таких поставках и их нежелание продавать хлеб иранскому правительству, не имевшему возможности покупать его по таким же ценам, как английские фуражиры и агенты. В последствии в спекуляции пшеницей обвиняли и самого Ахмед-шаха, являвшегося одним из крупнейших землевладельцев страны. Особое внимание уделяется определению количества жертв голода, поскольку иностранные авторы определяют их в десятки тысяч, а некоторые иранские исследователи в 10 млн человек. При оценке последствий трагедии автор использует косвенные данные послевоенного восстановления иранской экономики, в том числе быстрый рост производства ковров и экспорта ручной работы. Последнее было бы невозможно при гибели половины населения страны, поскольку ковроткачество требует большого количества рабочих рук. Кроме того, в этой отрасли широко использовался детский труд, а дети являются наиболее уязвимой категорией населения при таких бедствиях, как голод и эпидемии. Автор оценивает демографические потери Ирана в рассматриваемый период в 1–1,5 млн человек, но считает, что наряду с городом причинами этого стали эпидемии испанки и тифа, бушевавшие в те годы в стране.

Ключевые слова: Иран, Первая мировая война, голод, экономика, демография.

Для цитирования: Арабаджян З. А. Причины и масштабы голода в Иране (1917–1919 гг.). Вестник Института востоковедения РАН. 2022. № 1. С. 34–41. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-1-34-41

THE CAUSES AND EXTENT OF THE FAMINE IN IRAN (1917–1919)

Zaven A. Arabadzhyan

The article examines the problem of the famine that arose in Iran during the World War I in the fall of 1917 and ended in the spring of 1919. This issue practically was not explored by both Soviet and Russian researchers. The author argues that the main reasons for the outbreak of the disaster included not only drought and crop failures that had occurred two years before the start of the famine proper, but also the presence of foreign troops on the Iran soil, as well as the rise of wheat prices, introduced by the British military authorities in Iran, who were buying wheat for the needs of the British army, fighting in Mesopotamia, the desire of large local landowners to cash in on such supplies and their reluctance to sell

* Завен Артемович АРАБАДЖЯН, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; arabzava@yandex.ru

Zaven A. Arabadzhyan, PhD (Economics), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; arabzava@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-5743-2002

grain to the Iranian government, which did not have the opportunity to buy it at the same prices as the English foragers and agents. Later, one of the largest landowners of the country Ahmed Shah was accused of wheat speculation. The paper pays particular attention to the number of famine victims, since foreign authors define them in tens of thousands, while some Iranian researchers — up to 10 million people. When assessing the consequences of the tragedy, the author tries to use indirect data from the post-war restoration of the Iranian economy sources, including the rapid growth in the production and export of handmade carpets. The latter would have been impossible with the death of half of the country's population, since carpet weaving requires many workers. In addition, child labor was widely used in this industry, and children are the most vulnerable category of the population in such disasters as famine and epidemics. The author estimates the demographic losses of Iran in the period under review at 1–1.5 million people but believes that besides the famine the causes included epidemics of Spanish flu and typhus that raged in the country in those years.

Keywords: Iran, World War I, famine, economy, demography.

For citation: Arabadzhyan Z. A. The Causes and Extent of the Famine in Iran (1917–1919). *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2022. 1. Pp. 34–41. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-1-34-41

Во время Первой мировой войны осенью 1917 г. в Иране началось страшное бедствие — голод. Хотя для этой страны нехватка продовольствия и голод не были чем-то исключительным, но на протяжении XIX–XX вв., т. е. времени, по которому имеются достоверные сведения о происходивших процессах, ничего подобного по масштабам не происходило. И в зарубежной, и в отечественной литературе, за исключением одного иранского исследования, о котором будет упомянуто ниже, должного внимания данному событию не уделялось. Среди отечественных иранистов о нем упоминал лишь А. И. Мирошников, отмечавший, что зимой 1917–1918 гг. от голода сильно пострадали жители Хамадана, Керинда, Керманшаха и других городов. В Хамадане той зимой умирало до 200 человек в день [Мирошников, 1961, с. 75–76]. В другом исследовании указанный автор писал, что в годы войны десятки тысяч иранцев погибли от нехватки продовольствия или болезней [Miroshnikov, 1963, p. 96].

Иранский общественный деятель З. Альмоути писал: «Резко обострилась нехватка продуктов питания. В итоге в 1917 г. на всю страну надвигалась угроза голода и болезней (тифа). Исключением стали лишь провинции Мазендеран и Гилян. Цены на пшеничный хлеб увеличились в 12–15 раз. Масштабы спекуляции пшеницей стали огромными. Англичане закупали продовольствие и направляли его в Месопотамию, привозили его на большие склады, что приводило к очередному повышению цен» [Almouti, 1370, p. 84].

ПРИЧИНЫ ГОЛОДА

Можно выделить несколько причин случившегося бедствия. Главной являлась сильная засуха, разразившаяся почти во всех сельскохозяйственных провинциях Ирана, гибель урожая кукурузы, которой питались жители деревень, и значительной части урожая пшеницы. Но объяснить силу и масштабы голода лишь природным катаклизмом невозможно. Имелись и иные причины, сыгравшие роль мультипликатора: в первую очередь это действия англичан по обеспечению провиантом британских войск в Иране и Месопотамии. В стране находились российские и турецкие вооруженные силы, также нуждавшиеся в продовольствии. Однако после Октябрьской революции в ноябре — декабре 1917 г. по решению советского правительства начался вывод русских войск из Ирана. К кону марта 1918 г. этот процесс полностью завершился. Турецкие войска по условиям Брестского мира также покинули Иран.

В условиях недорода пшеницы англичане увеличивали ее закупки на иранском внутреннем рынке, что увеличивало масштабы ее нехватки для населения, вызывая дальнейший рост цен на хлеб. Проводя такую политику, англичане старались высвободить свой флот от перевозок пшеницы из своих колоний, в первую очередь Индии, где ее было в избытке, т. к. транспортные суда были нужны для снабжения войск на европейском театре военных действий. Иранской пшеницей обеспечивалась британская армия как в Иране, так и в Месопотамии и даже в Закавказье и Средней Азии в 1918–1919 гг.

Отмечались и случаи целенаправленного уничтожения продовольствия. Например, осенью 1918 г. в результате наступления турецких войск англичане, отступая из города Мараге, сожгли склады с продовольствием, поскольку не имели возможности вывезти его и не желали раздавать продукты питания местным жителям [Majd, 1387, p. 23]. М. Г. Маджа, подробно изучивший проблему голода 1917–1919 гг., отмечает, что британской администрацией было запрещено ввозить пшеницу в Иран из Месопотамии и Индии, а также из США [Majd, 1387, p. 26].

Еще одной причиной масштабности охватившего страну голода была неспособность правительства оказать малообеспеченным слоям населения ощутимую помощь. В значительной степени это опять-таки определялось позицией английских представителей в Иране. Правительство лишь запретило экспорт пшеницы и ячменя, что не могло повлиять на ситуацию, т. к. зерновые скупались британцами и вывозились из Ирана в Ирак в районы военных действий, где не имелось иранских таможен, способных проконтролировать запрет правительства.

Возможности иранского правительства профинансировать закупки хлеба во время войны существенно сократились, поскольку из-за нарушения внешнеэкономических связей упали и поступления от таможен, составлявших значительную часть доходов в государственный бюджет. Кроме того, сократился и другой источник доходов правительства: отчисления в счет его доли в доходах Англо-Персидской Нефтяной Компании, проводившей расходы всех своих отделений (в Бирме и пр.) по бумагам за счет подразделений, находившихся в Иране.

Таким образом, можно полагать, что политика Великобритании в указанных вопросах способствовала усилению голода в Иране. М. Г. Маджа по данному поводу пишет: «Следует повторить еще раз, что урезание доступа Ирана к источникам его финансовых поступлений было организованным процессом, сопровождавшимся стратегической политикой Великобритании по подрыву продовольственных поставок для иранского народа. Несомненно, геноцид и голод стали целенаправленным насильственным воздействием Великобритании для захвата и оккупации Ирана» [Majd, 1387, p. 29].

Осенью 1917 г. проблемы с продовольствием превратились в сильнейший голод. По причине засухи урожай нового года был минимальный и не мог исправить ситуацию. В августе, стараясь снизить цены в столице, власти ввезли немного ячменя. Однако мизерных запасов зерна не могло хватить для всех районов страны. В октябре 1917 г. цены на хлеб выросли в 3 раза по сравнению с летом. Толпы людей осаждали хлебопекарни и стояли в очереди часами. Часто случалось, что эти ожидания оказывались напрасными. В очередях постоянно возникали конфликты и драки. Полиции с большим трудом удавалось поддерживать минимальный порядок. Многократно увеличилось количество нищих и бродяг, ринувшихся в крупные города в надежде на спасение от голодной смерти. Они уже не просили, а требовали помощи от прохожих, казавшихся им состоятельными людьми.

Каннибализм, трупы, лежащие на улицах городов, стали обычным явлением [Емельянов, 1923, с. 119–120].

В то же время нельзя сказать, что хлеба не было совсем. В Тегеране и других городах люди умирали рядом с хлебопекарнями, на прилавках которых лежали свежее испеченные лепешки. Бедствие приняло столь ужасающие масштабы из-за жадности землевладельцев, занимавшихся выращиванием пшеницы и кукурузы и желавших продать имевшийся у них урожай как можно дороже. Англичане же платили дороже, и иранское правительство просто не могло с ними конкурировать. Следует отметить, что среди членов правительства и депутатов Меджлиса было немало крупных землевладельцев, шиитское духовенство как класс-сословие также владело огромными земельными угодьями. Одним из крупнейших землевладельцев был и Ахмед-шах¹. Все они, будучи ответственными за управление страной, пытались спасти народ от голода, и, скорее всего, в своем кругу резко отзывались об английской политике, но старосты их поместий и уполномоченные лица продавали по самым высоким ценам зерно англичанам, сказочно обогащая своих хозяев. Разумеется, случались и исключения, но они не оказались способными принципиально изменить положение. Таким образом, помимо природно-климатических бедствий, наличия иностранных армий на территории страны, у постигшего страны несчастья были и явные социально-классовые причины.

В отдельных случаях местные власти старались даже извлечь выгоду из народной беды. В частности, в Ширазе в период максимального количества смертей не хватало ритуальных принадлежностей, в частности саванов, и правители города занимались их спекуляцией. Те, кто понимал, что умирает и не имел возможности приобрести саван, пытались добраться до мечети и умереть там, рассчитывая на бесплатное покрывало [Sykes, 1921, p. 515].

Рассматривая все факторы, приведшие к масштабному голоду, нельзя отрицать в качестве одного из них и наличие русских войск в Иране, также создававших спрос на провиант, реквизировавших его и иногда даже грабивших местных жителей. М. Г. Маджа, сообщает со ссылкой на американские источники, что в 1917–1918 гг. солдаты русской армии конфисковывали продовольствие, занимались грабежами, разбирая на дрова хозяйственные постройки местных жителей, заборы, демонтируя двери и окна в домах крестьян местных деревень [Majd, 1387, p. 108].

Согласно российским источникам, такого рода случаи и погромы действительно имели место [Емельянов, 1923, с. 182], однако такие эксцессы начались с весны 1917 г. В то же время осенью 1915 г., когда корпус генерала Н. Б. Баратова входил в Иран, армия старалась наладить отношения с местными жителями. Сам Н. Н. Баратов говорил казакам: «Казаки, задача ваша трудна тем, что, прежде чем пустить в ход оружие и дать волю воинской доблести вашей, вы должны убедиться, точно ли враг перед вами. Помните, что с Персией мы не воюем, мы воюем с жандармами, желающими вовлечь Персию в войну с нами. Но старания подкупленных немецким золотом жандармов — напрасны, и Персия с нами не воюет. Мирным жителям не причиняйте обид. Помните завет Суворова: Мирного жителя не обижай, он нас поит, кормит и дает приют» (цит. по: [Емельянов, 1923, с. 23]). И армии удалось наладить нормальные отношения с местным населением, дисциплина поднялась на

¹ В январе-марте 1924 г., когда проходила кампания по отрешению Ахмед-шаха от власти, среди обвинений в его адрес было и обвинение в спекуляции зерном в 1917–1919 гг., вместо того чтобы помочь голодающему народу.

должный уровень, за все товары расплачивались местными серебряными деньгами — кранами. Положение резко ухудшилось после победы Февральской революции в России 01–14.03.1917 г. Петроградский Совет рабочих и Солдатских Депутатов издал Приказ № 1, которым создавались избираемые солдатские комитеты. С этого момента им подчинялись воинские части, а офицеры должны были выполнять решения комитетов. Решение дало старт разложению и распаду армии, избежать чего не удалось и частям в Иране.

В 1917–1919 гг. голод не был единственной причиной массовой гибели населения в Иране. Другим фактором стали инфекционные заболевания, в т. ч. испанский грипп (в просторечии «испанка»). Начавшаяся пандемия охватила десятки стран. От новой болезни во всем мире погибло более 50 млн человек. Не обошла испанка и Иран; к ней добавился тиф. Несомненно, роль инфекционных заболеваний в большой смертности в Иране в рассматриваемый период была очень велика, особенно с учетом миграции населения по стране в поисках продовольствия.

О том, насколько широко распространилась новая болезнь, свидетельствуют и воспоминания английских представителей, находившихся в Иране в те годы: «Победа в войне с племенем кашкайцев (одно из племен на юге Ирана. — З. А.) была достигнута с большим напряжением сил, т. к. победители и побежденные в 1918 г. страшно страдали от гриппа, который, пожалуй, в провинции Фарс принял особенно большой размах. Мы первоначально не понимали, что жертвами болезни, которая выкосит солдат в Ширазе и Фирузабаде с одинаковой жестокостью, станет пятая часть населения... Из 50 тыс. своих жителей Шираз лишился 10 тыс.» [Sykes, 1921, p. 515].

ОЦЕНКА МАСШТАБОВ БЕДСТВИЯ

Самым непростым вопросом при анализе проблемы голода является вопрос количества его жертв. Ответить на него сложно, поскольку в стране не проводилось к тому времени ни одной переписи населения. Имелись лишь оценки различных путешественников и авторов, относившиеся к разным годам и даже декадам (табл. 1–2).

Табл. 1. Численность населения Ирана в конце XIX — начале XX вв. (по: [Собоцинский, 1913, с. 12])

Группы населения	По ген. Готтум-Шиндлеру в 1884 г.	По ген. Золотолу в 1888 г.	По Керзону в 1891 г.	Современное население по Медведеву ²
Оседлое	5.743.800	4.500.000	6.750.000	7.500.000
- Городское	1.983.800	1.500.000	2.250.000	2.500.000
- Сельское	3.780. 000	3.000.000	4.500.000	5.000.000
Кочевое	1.909.800	1.500.000	2.250.000	2.500.000
ВСЕГО	7.653.600	6.000.000	9.000.000	10.000.000

Сам Л. А. Собоцинский считал, что к 1913 г. в Иране проживало около 10 млн человек. Он выходит на эту отметку, принимая за основу численность населения в 9 млн человек (согласно Керзону) и среднегодовой темп прироста в 0,75 % [Собоцинский, 1913, с. 13].

² Поскольку труд Л. А. Собоцинского увидел свет в 1913 г., есть основание полагать, что «Современное состояние» подразумевает первую декаду XX в.

Г. Тер-Гукасов пишет о демографии Ирана перед войной следующее: «Численность персидского населения определяется в 10 млн душ обоего пола. 75 % общего населения приходится на долю сельских жителей, а 25 — на долю городских. Из крупных городов наиболее крупными являются Тегеран — 350 тыс. жителей, Тавриз — 300 тыс. жителей, Исфаган — 80 тыс. жителей, Мешхед — 70 тыс. жителей, Йезд, Керман, Керманшах, Хамадан, Казвин — по 50 тыс. жителей. Малочисленность городов объясняется отсутствием фабрично-заводской промышленности, которая, главным образом, и притягивает сельское население в качестве рабочих, увеличивающих контингент городского населения» [Тер-Гукасов, 1915, с. 2].

Британский ученый Джулиан Бхарьер берет за основу первую в Иране всеобщую перепись населения и жилищ 1956 г. и применяет ретроспективный метод. Исходя из темпов прироста населения в 1900–1925 гг. менее чем 1 %, в 1926–1945 гг. 1,5 % и в 1946–1956 гг. 2,5 %, он получает следующие результаты, представленные в *табл. 2*.

Табл. 2. Численность населения Ирана во второй декаде XX в. (по: [Bharier, 1971, p. 6])

Год	1912	1913	1914	1915	1916	1917	1918	1919	1920
млн чел.	10,73	10,81	10,89	10,96	11,05	11,13	11,21	11,29	11,37
Темп прироста, %	—	0,74	0,74	0,64	0,82	0,72	0,71	0,71	0,7

Из его расчетов получается, что голод 1917–1919 гг. всего лишь несколько замедлил темпы прироста населения, что не может соответствовать действительности. Тем более странно, что согласно английскому автору, в 1920 г., когда страна не испытывала трудностей с продовольствием, прирост населения получился ниже, чем в голодные годы.

Темы численности населения касался и М. Шустер, в 1911 г. занимавший в Иране пост Генерального администратора финансов и отмечавший: «О численности населения Персии парадоксальным образом высказываются не соответствующие действительности суждения... Однако европейцы, знающие положение дел, определяют общую численность населения в 13–15 млн человек» [Shuster, 1912, p. IX]. Однако М. Шустер не доверился европейским оценкам и сам определил численность населения в 12 млн человек, что видно из названия его книги: «Удушье Персии. История европейской дипломатии и восточных интриг, приведших к разгосударствлению 12 миллионов магометан».

По мнению М. Г. Маджда, английские и российские исследователи в послевоенный период сильно занижали численность населения Ирана. Он считает, что в 1914 г. в Иране было около 21 млн человек [Majd, 1387, p. 87]. Мнение исследователя совершенно оторвано от реальности. Его целью является максимизация демографических потерь страны, в которой за рассматриваемый период убыль населения якобы составила 10 млн человек [Majd, 1387, p. 92]. На наш взгляд, к кануну Первой мировой войны оценка численности населения Ирана в 12–13 млн человек является наиболее реалистичной.

В качестве подтверждения правильности своей оценки численности населения и демографических потерь страны М. Г. Маджд говорит об огромном ущербе, который потерпело ковроткачество как самая трудоинтенсивная отрасль экономики Ирана [Majd, 1387, p. 92]. Он утверждает, что подорожание иранской валюты и рост цен на рабочую силу, ставшую дефицитной, произошел из-за голода, и цитирует посланника США Дж. Л. Кадвела, утверждавшего в 1919 г., что из-за дефицита рабочей силы зарплата иранских рабочих была выше американских: «...с учетом производительности труда иранские рабочие,

не имеющие квалификации, получают высочайшую зарплату в мире. Так, рабочий в среднем получает 4 крана в день, что по текущему курсу равно 75 центам. Но в настоящее время неквалифицированный американский рабочий получает в 6 раз меньше этого» [Majd, 1387, p. 93].

Заявления американского дипломата полностью расходятся с официальными данными Бюро статистики Министерства труда США, в соответствии с которыми в разных отраслях промышленности средняя почасовая зарплата занятых в 1919 г. колебалась от 47,7 до 75,9 центов [Bowden, 1946, p. 5]. В 1917–1921 гг. минимальной была зарплата рабочих, занятых в производстве хлопчатобумажных тканей: от 27 до 48 центов в час [Bowden, 1946, p. 16].

Между тем, после окончания войны иранская экономика достаточно успешно восстанавливалась, особенно ковроткачество, поскольку на внешнем рынке резко вырос

Табл. 3. Экспорт иранских ковров в 1911/12–1920/21 гг. (в тыс. пудов) (составлено и подсчитано по: [Бобынин, 1923, с. 114, 119, 268, 270, 361, 364])

Год	Ковры
1911/12	185
1912/13	197
1913/14	176
1914/15	85
1915/16	42
1916/17	49
1917/18	25
1918/19	22
1919/20	87
1920/21	125
1921/22	184

спрос на иранские ковры (табл. 3). Сыграл роль отложенный спрос: в военное время людям, даже обеспеченным, было не до такого предмета роскоши, как шерстяной или шелковый ковер ручной работы. Гибель половины населения не позволила бы столь стремительно восстановить экспорт ковров, поскольку для их производства требуется большое количество рабочих рук.

Ковры, как правило, ткут молодые женщины и девочки, что определяется ловкостью их рук, хорошо приспособленных к мелкой моторике (точные и тонкие действия), и острым зрением. При этом дети входят в крайне уязвимую группу населения, по которым болезни и голод бьют в первую очередь. Поэтому в стране, потерявшей половину населения, невозможно стремительно нарастить выпуск столь трудоемкой продукции, как ковры ручной работы.

Если приведенные выше данные о высокой заработной плате иранских рабочих, включая ковроткачей, имели место в действительности, то это объясняется не тотальной смертностью от голода и болезней в 1917–1919 гг., а ростом спроса на ковры в мире и конкуренцией между хозяевами за рабочую силу, что неминуемо приводило к росту цен на нее. Мог иметь место и межотраслевой переток рабочей силы, но маловероятно, что он происходил в значительных масштабах, поскольку для ковровой промышленности нужна особая квалификация, а руки, много лет работающие в растениеводстве, уже не слишком способны к работе ковроткачей.

Другим доводом, опровергающим оценку М. Г. Маджда, является то, что одними из самых пострадавших от голода районов были Хорасан, Фарс, Азербайджан и Исфаган, т. е. крупнейшие центры ковроткачества. В случае гибели в этих провинциях половины населения, откуда взялась бы там рабочая сила для ковровой отрасли?

Кроме того, если ковроткачество в значимых масштабах оттягивало рабочую силу из других отраслей, то это должно было привести к падению производства в них и снижению ненефтяного экспорта, поскольку все предметы иранского экспорта (хлопок, сухофрукты, рис

и пр.) были трудоинтенсивными товарами. Однако этого не происходило, о чем свидетельствуют данные, приводимые в *табл. 4*.

Табл. 4. Динамика ненефтяного экспорта Ирана в 1918/19–1921–22 гг. (подсчитано по: [Бобынин, 1923, с. 349, 451])

<i>Год</i>	<i>1918/19</i>	<i>1919/20</i>	<i>1920/21</i>	<i>1921/22</i>
млн кран	116	187	137	179

Хотя твердого ежегодного роста экспорта не наблюдалось, тем не менее налицо общий восходящий тренд, что было бы невозможно при гибели 50 % населения страны.

С учетом всего изложенного общие потери Ирана следует оценить в 1–1,5 млн человек, что составляет примерно 10 % его населения и свидетельствует об огромных масштабах бедствия, постигшего страну в 1917–1919 гг. При этом, причиной большого количества смертей был не только голод, но и такие болезни, как тиф и испанка.

Литература / References

- Бобынин Н. Н. *Персия, ее экономическое положение и внешняя торговля 1901–1923*. Тифлис, 1923 [Bobyinin N. N. *Persia, Its Economic Situation and Foreign Trade in 1901–1923*. Tiflis, 1923 (in Russian)].
- Емельянов А. Г. *Персидский фронт (1915–1918)*. Берлин, 1923 [Emelyanov A. G. *The Persian Front (1915–1918)*. Berlin, 1923 (in Russian)].
- Мирошников Л. И. *Английская экспансия в Иране*. М., 1961 [Miroshnikov L. I. *English Expansion in Iran*. Moscow, 1961 (in Russian)].
- Собоцинский Л. А. *Персия. Статистико-экономический очерк*. СПб, 1913 [Sobotsinsky L. A. *Persia. Statistics and Economic Essay*. Saint Petersburg, 1913 (in Russian)].
- Тер-Гукасов Г. *Экономические интересы России в Персии*. Петроград, 1915. [Ter-Gukasov G. *Economic Interests of Russia in Persia*. Petrograd, 1915 (in Russian)].
- Almouti Z. *Fosuli az mobarese-ye ejtemai wa siyasi-ye Iran*. Tehran, 1370 [Almouti Z. *Heads of Iran's Social and Political Struggle*. Tehran, 1370 (in Persian)].
- Bharier J. *Economic Development of Iran 1900–1970*. London, 1971.
- Bowden W. *War and Postwar Wages, Prices, and Hours, 1914–23 and 1939–44*. (Bulletin of the United States Bureau of Labor Statistics. 852). Washington, 1946.
- Majd M. G. *Gakhti-ye bozorg (1296–1298 / 1917–1919)*. Tehran, 1387 [Majd M. G. *Great Famine (1296–1298 / 1917–1919)*. Tehran, 1387 (in Persian)].
- Miroshnikov L. I. *Iran in World War I*. Moscow, 1963.
- Shuster M. *Strangling of Persia. The story of the European Diplomacy and Oriental Intrigue that Resulted in the Denationalization of Twelve Million Mohammedans, a Personal Narrative*. New York, 1912.
- Sykes P. *A History of Persia*. Vol. II. London, 1921.

РОЛЬ РЕЛИГИОЗНО-ЯЗЫКОВЫХ ТРАДИЦИЙ В АРАБО-ИРАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

© 2022

В. М. Ахмедов*

В настоящее время Исламская Республика Иран (ИРИ) проводит активную внешнюю политику в ближневосточном регионе. Тегеран играет ключевую роль в событиях в Афганистане, Ираке, Сирии, Ливане, Ливии, Йемене. Это негативно сказывается на состоянии арабо-иранских отношений, которые приобретают характер открытого противостояния. Напряженность в арабо-иранских отношениях заметно выросла после активизации вмешательства Ирана во внутренние дела арабских государств. В то же время, отношения между арабскими странами и Ираном являются одним из важных факторов, определяющих конфликтный потенциал региона и ключевые параметры ближневосточного урегулирования. Очевидно, что исторически сложившееся арабо-иранское соперничество наряду с различиями религиозного, этнического и культурного порядка оказывают определенное влияние на сегодняшнюю политику Ирана в арабских странах Ближнего Востока. До арабских завоеваний Ирана двусторонние связи в основном носили нейтральный либо дружественный характер. Появление ислама в Аравии и арабские завоевания коренным образом изменили ситуацию в арабо-иранских отношениях. Исламизация и частичная арабизация Ирана привела к серьезной трансформации иранской культуры и национальной самоидентичности. Иран оказал большее, чем Византия, влияние на формирование философии административного и политического управления всех арабо-исламских династий. Наряду с распространением шиизма в Иране, в арабо-иранских отношениях появился новый конфессиональный аспект в виде соперничества на религиозной основе. В этой связи исследование процессов арабизации и исламизации как факторов, определивших характер арабо-иранских отношений и арабо-иранских разногласий, приобретают сегодня особую актуальность.

Ключевые слова: Ближний Восток, Иран, арабские страны, арабизация, исламизация.

Для цитирования: Ахмедов В. М. Роль религиозно-языковых традиций в арабо-иранских отношениях. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2022. № 1. С. 42–49. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-1-42-49

THE ROLE OF RELIGIOUS AND CULTURAL TRADITIONS IN ARABO-IRANIAN RELATIONS

Vladimir M. Akhmedov

In the last decades Iran became one of the powerful states in the Middle East. Today Iran plays a significant role in political, economic, social, religious and ideological issues of the region. Iran's politics shape major developments in regional security and international relations in the Middle East, pursuing active policy

* Владимир Муртузович АХМЕДОВ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; shamyarabist@gmail.com

Vladimir M. AKHMEDOV, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; shamyarabist@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-4952-2964

towards Arab countries in the region. Iran plays an active role in military conflicts in several Arab countries (Iraq, Syria, Lebanon, Yemen and Libya). However, Iran's involvement in the inner-political life of Arab countries; their societies, security affairs, and politics strengthens tensions and hostility between Arabs and Iran. The existing strains in Arabo-Iranian relations provoke the religious strife in the Middle East that takes different forms, among which are Sunny-Shiite conflicts. The worsening of Arabo-Iranian relations encourages new conflicts; it undermines power balance and destabilizes security in the Middle East. The long history of Arabo-Iranian relations still influences Iran's policy in the Middle East. Ethnic and sectarian differences and the historical Arab-Persian rivalry reflected the major orientation of Iran's foreign policy in general and determine some major parameters of Arabo-Iranian relations in the Middle East, in particular. Before the Arab conquest of Iran the interactions between Arabs and Iran had had many positive dimensions. The Islamization of Iran and its partial Arabization dramatically changed Iran's cultural, social, and political development. These processes challenged the behavioral patterns of many Iranians towards Arabs and vice versa. Since that time the ethnic identity of two peoples, their adherences to Sunnis and Shiites have acquired antagonistic overtones. In this view, research of Arabization and Islamization processes as one of the main drivers of Arabo-Iranian relations and Iranian policy in the Middle East proves to be a pressing subject of grave importance.

Keywords: Middle East, Iran, Arab countries, Arabization, Islamization.

For citation: Akhmedov V. M. The Role of Religious and Cultural Traditions in Arabo-Iranian Relations. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2022. 1. Pp. 42–49. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-1-42-49

До арабских завоеваний Персии в 642 г. н. э. арабо-иранские отношения в основном определялись стремлениями арабов проникнуть на иранскую территорию и основать там поселения. Персы, в свою очередь, стремились противостоять этим попыткам. Иран также был озабочен расширением границ Персидской империи в Аравии. Результатами подобно взаимодействия становились периодические конфликты между арабами и персами. В то же время отмечались случаи непродолжительного, но в целом успешного арабо-иранского сотрудничества. Арабы и персы, тесно контактировавшие друг с другом, испытывали на себе взаимное кросскультурное влияние [Levi, 1953].

До арабских завоеваний и падения империи Сасанидов арабская угроза Ирану в глазах персов сводилась в основном к территориальным притязаниям. После арабских завоеваний природа арабской угрозы Ирану кардинально изменилась. Это был качественно новый вызов, когда речь шла не только о подчинении власти завоевателей, но и о культурной и религиозной трансформации покоренного населения [Duri, 2015].

Арабские завоевания совпали с периодом ослабления Персидской империи в результате длительных войн с Византией. Персидская империя стала утрачивать прежний централизованный характер и не могла эффективно контролировать свою огромную территорию. Иран раздирали различные общественные и религиозные движения. Наиболее крупными были маздакитское и манихейское движения [Заходер, 1944, с. 8–9, 13–14]. Полагают, что в борьбе с властью персидских царей маздакиты поддерживали арабские завоевания. Ряд ученых считает, что одной из главных причин ослабления державы Сасанидов стало выросшее могущество богатых землевладельцев — представителей Парфянской династии. Некоторые иранские исследователи считают, что немалое число иранцев, сражавшихся против арабов, усматривали в исламе освобождение от давящей иерархической структуры власти Сасанидов и поэтому добровольно принимали ислам [Shariati, 2008]. В итоге арабы завоевали Иран. Однако этот процесс растянулся во времени.

Даже после установления власти арабов над всем Ираном в его различных районах не переставали вспыхивать антиарабские восстания.

ИРАН ПОД ВЛАСТЬЮ АРАБОВ: ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ

Одним из наиболее важных факторов в арабо-иранских отношениях стала исламизация Ирана в ходе арабских завоеваний [Беляев, 1965]. Существуют различные мнения по поводу приобщения Ирана к исламу. В самом Иране сегодня официальная точка зрения и ее сторонники исходят из того, что Иран добровольно и охотно принял ислам, признав его верховенство над местными религиозными верованиями. Сторонники данной точки зрения говорят о концепции равенства и справедливости в исламе в противовес сложной и подавляющей иерархической структуры управления Сасанидов. Другие считают, что арабы вынудили Иран принять ислам с помощью силы и сложившихся обстоятельств.

До арабских завоеваний люди в Иране были хорошо знакомы с монотеистическими системами верований. В Иране жило немалое число иудеев, его часто посещали христианские проповедники. Эти факторы облегчили процесс исламизации Ирана. Концепции Бога и Сатаны, Рая и Ада, Судного дня в том или ином виде присутствовали в зороастрийском веровании. На деле указанные концепции были заимствованы иудеями и христианами из более древних религий, в том числе из зороастризма [Cohen, 1993].

В условиях Халифата значительно проще было жить мусульманином, чем приверженцем другой веры. Немусульмане занимали подчиненное положение. Они были вынуждены платить дополнительный подушевой налог (*джизья*). Таким образом, арабы как бы вынуждали завоеванное население, особенно его зажиточную часть, принимать ислам. Люди, не принявшие ислам, находились у мусульманских хозяев на положении клиентуры (*мавали*) [Бартольд, 1966, с. 156–173]: чтобы открыть бизнес и заниматься им, они должны были искать их спонсорства и расположения. Характерно, что институт «мавали» сохранился до наших дней и успешно действует в ряде монархий Персидского залива. Например, в Саудовской Аравии все инонациональные работники-немусульмане находятся на положении «мавали». Исламизация Ирана коренным образом изменила культуру и самоидентификацию населения страны [Khesroshahi, 1915].

В древности и средневековье религия служила важнейшим компонентом в основе самоидентификации индивида и общества. В силу социально-ориентированного характера ислама, регламентировавшего всю жизнь человека и общества при помощи правил и установок, жизнь иранцев претерпела серьезные изменения. Это нашло отражение в искусстве, архитектуре, живописи, литературе. Поскольку ислам зародился в сердце Аравии и освятил древние арабские обычаи и традиции, а Коран был написан по-арабски, наряду с исламизацией завоеванных народов, неизбежно следовала их частичная арабизация. Не избежали подобной участи и персы. Потребовалось три столетия, чтобы воссоздать новый персидский язык на базе древних лингвистических форм. Однако это был уже совершенно другой язык [Zarrinkoub, 2017]. Последствия арабизации Ирана сказываются до сих пор, особенно после исламской революции 1979 г., породившей в иранском социуме острые споры об арабизации и исламизации Ирана. Происшедшие в результате исламизации изменения в Иране привели к цивилизационному разрыву в развитии иранского общества, его культуре, самоидентификации и т. п.

В сознании иранцев и их самоидентификации появился определенный элемент двойственности, полярности с двумя противоположными началами. Одно базировалось на

доисламской культурной традиции. Другое направление сформировалось на основе трансформаций, вызванных арабскими завоеваниями. Такая дихотомия проявилась особенно ярко после революции 1979 г. в негативном аспекте, когда вопросы самоидентификации стали тесно переплетаться с вопросом о власти. Эта двойственность также сказалась на внешней политике Ирана и его взаимоотношениях с арабскими странами. Глубокая вовлеченность Ирана в арабскую политику и его поддержка палестинской проблемы являлись отражением влияния ислама на самоидентификацию иранского общества после исламской революции.

В отличие от многих других стран, завоеванных арабами, Иран не был полностью арабизирован, и смог сберечь — пусть в измененном состоянии — свой язык, культуру и чувство национальной самоидентичности. Сохранились многие доисламские иранские традиции и обычаи. Например, празднование иранского Нового Года (Новруз). Правда, в церемонию празднования был внесен ряд новых элементов, пришедших в ходе исламизации. Характерно, что после исламской революции в Иране этот праздник пытались безуспешно запретить, но натолкнулись на недовольство большинства населения [Hunter, 2014]. Концепция «иранизма» (*иранийят*) как обозначение территориальной, культурной и политической принадлежности к иранской нации продолжает жить и сегодня в качестве мироощущения и самоидентификации иранцев [Hunter, 2014]. Отношение Омейядских халифов к покоренному населению отчасти способствовало сохранению концепции «иранизма». Считается, что халиф Омар запретил арабам брать в жены персиянок. На деле Омейядские халифы были «националистами» в своих подходах к взаимодействию с покоренным населением. Ряд арабских историков согласны с этой точкой зрения, хотя другие оспаривают ее [Enayat, 1982].

Несмотря на это, большинство арабских историков признают, что арабские правители использовали представителей покоренных народов на второстепенных должностях, закрыв им ход на верхушку властной пирамиды. Со временем это вызвало реакцию иранцев. Некоторые из них стали практиковать поведенческий стереотип, основанный на эндогенной культуре и традициях, особом чувстве национальной самоидентичности. Они пропагандировали так называемую «народность» (*шу'убийя*) — некую разновидность культурного партикуляризма, противостоящую исламскому универсализму. В дальнейшем это вылилось в антиарабские движения [Tehrani, 2014].

Правление Омейядов вызвало чувство сопротивления у иранского населения. Ряд арабских исследователей полагают, что управленческая практика Омейядов привела в итоге к народным восстаниям в Халифате. Примером может служить восстание Абу-Муслима Хорасани в 747 г. В то же время нет достаточных сведений о том, насколько этот мятеж был иранским по своей сути, несмотря на то что сам Абу-Муслим считался этническим персом, а в его отряде служило много иранцев [Zarrīn'kūb, 1975]. Как бы то ни было, вскоре Омейядская династия пала и на ее место пришли Аббасидские халифы [Пигулевская, 1965].

Через три столетия после арабских завоеваний иранские династии выросли, возродили персидский язык и восстановили национальную самоидентичность. Согласно некоторым источникам, одним из первых, кто начал это движение, был Якуб Лейс Саффар, от которого пошла династия Саффаридов. Некоторые полагают, что он стремился возродить Сасанидскую империю. Другие считают, что в основе его действий лежал материальный интерес и сектантские настроения [Заходер, 1944, с. 55–57].

Возрождение персидского языка привело к появлению ряда литературных произведений. Начиная с Саффридов, возникло стремление добиться самостоятельности в управлении Ираном. В административном аппарате места старались замещать преданными персам чиновниками, даже если они и не были этническими иранцами. Таким образом, иранцы оправдывали свое право на власть как наследие Сасанидских царей. Все это помогло иранцам сохранить свою идентичность и культуру после арабских завоеваний. В результате арабского завоевания Ирана страна подверглась значительным материальным и людским потерям. Считается, что завоеватель Ирана арабский военачальник Саад ибн Аби Ваккас сжег все книги по приказу халифа Омара. Любопытно, что сегодня иранское духовенство и правящий режим категорически отрицают данный факт. Тем не менее, многие культурные и духовные ценности Ирана уцелели [Каменева, 2016]. Благодаря этому Иран смог оказать определенное влияние на арабов и внести свой вклад в сокровищницу исламской цивилизации. Многие арабские правители использовали иранскую фискальную и административную систему управления. Дворцовый этикет и правила поведения также были взяты на вооружение арабами [Бартольд, 1966, с. 174–188]. Арабы перевели многие персидские, индийские и греческие работы на арабский язык. Учебные заведения Сасанидов стали моделью для арабских образовательных учреждений. Трактаты Сасанидов по управлению и политике также использовались арабскими завоевателями.

Некоторые иранцы добились высоких постов в политической и административной системе при Аббасидах. Они курировали искусства и науку, инициировали издание многочисленных книг. Значительное число научных и философских трактатов было создано иранскими учеными. Многие из них писали по-арабски [Yarshater, 1998]. В целом Иран оказал большее, чем Византия, влияние на формирование философии административного и политического управления всех арабо-исламских династий. Отчасти это объяснялось тем, что арабы завоевали отдельные провинции Византии, хотя и не смогли покорить ее столицу — Константинополь, в то время как Иран подвергся тотальному захвату арабами. В результате, по мнению ряда иранских историков, основным наследником культурных ценностей Сасанидов стал ислам. Арабы несли ислам в другие страны, а вместе с ним и наследие Сасанидской империи [Girshman, 1951].

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ АРАБСКИХ ЗАВОЕВАНИЙ: КУЛЬТУРНО-РЕЛИГИОЗНЫЕ АСПЕКТЫ

Последствия арабских завоеваний Ирана, вызванная ими трансформация в иранской культуре и идентичности, иранское влияние на арабов и в целом на исламскую цивилизацию оказали заметное влияние на отношения Ирана с арабскими странами. Иранцы до сих пор продолжают испытывать горечь по поводу поражения. Тем более что империя Сасанидов была куда более развитой во всех отношениях, нежели Аравия времен появления ислама¹.

В то же время не все иранцы однозначно оценивают описанные события. Националистически настроенная и светски ориентированная часть иранского социума действительно сожалеет о случившемся, в то время как религиозный истеблишмент и в целом духовенство Ирана приветствуют арабские завоевания, которые принесли ислам в Иран. Ряд арабских экспертов квалифицируют эти настроения иранцев как проявление «расизма» и

¹ Al Zahed S. Hatred of Arabs Deeply Rooted in Persians, Says Iranian Intellectual. *Al Arabiya News*. 09.09.2011. URL: <https://www.alarabiya.net/articles/2011/10/09/170927.html> (дата обращения 02.01.2020).

претензий на «расовое превосходство». Примером может служить название Персидского залива, к которому иранцы очень ревностно относятся. При этом часть арабского населения постоянно требует переименовать его в Арабский залив [Tehrani, 2014].

Действительно, возникшее взаимное глубокое недоверие и подозрительность в отношении друг друга нередко проявляется сегодня в оскорбительном тоне в прессе и литературе у части арабского и иранского населения. Так, иранцы нередко возмущаются, что арабы называют их «аджами», что означает «молчаливый», «бессловесный», «неграмотный». На самом деле слово «аджами» в арабском языке действительно имеет такие значения, но применяется не только к персам, а и к другим неарабским народам, иностранцам, не знающим арабского языка или плохо им владеющим. Однако данный термин более характерен для диалектальных выражений [Yarshater, 1998]. Также иранцев обижает, что нередко арабы называют их «маджус», т. е. потомки «магов», «колдунов»-зороастрийцев, намекая тем самым на их маргинальное положение в исламском мире. Таким образом, исламизация Ирана породила у части арабского и иранского населения взаимные обвинения в расизме и расовом превосходстве. Иранцев оскорбляет то, что арабы ко всему имеющему отношению к исламу применяют арабскую суть. Арабы обвиняют персов в негативном влиянии на исламскую цивилизацию. Они считают, что привнесенные персами практики администрирования из империи Сасанидов подорвали первоначальный демократический дух ислама и изменили структуру управления халифатом на имперский лад. Другие арабские клирики считают, что персы намерено, внедрили в исламское вероучение ряд «вредных» принципов зороастризма, тем самым исказив первоначальный смысл Корана и веры, в стремлении подорвать ислам. Они также обвиняют иранцев в привнесении неортодоксальных практик в ислам, таких как суфизм².

С распространением шиизма в Иране этнические и культурные противоречия между арабами и иранцами усилились. Шиизм утвердился в качестве господствующей религии в Иране после прихода к власти династии Сефевидов в 1501 г. [Заходер, 1944, с. 143–150].

Однако еще до Сефевидов другие правящие династии использовали отдельные практики шиизма. Возможно, персы больше склонялись к шиизму, чтобы таким образом выделить себя среди арабов, большинство из которых было суннитами. Ряд доисламских обычаев персов был освящен шиизмом, и это заставляет сегодня некоторых иранских клерикалов утверждать, что шиизм есть не что иное как видоизмененная древняя доисламская вера персов [Jafri, 1979]. После утверждения власти Сефевидов Иран превратился в один из главных центров шиизма [Новосельцев, 2000, с. 99–119].

Сефевиды много сделали для развития шиитских святынь в Ираке — в Кербеле, Неджефе, Самарре. В результате превращения Ирана в альтернативный центр ислама, соперничество между иранцами и арабами только усилилось. Развитие шиизма в Иране привело к тому, что в спектре взаимодействия Ирана с арабами и турками появился новый оттенок в виде конфессионального соперничества. Стремление Ирана играть важную роль в исламском мире, оставаясь при этом независимым и самостоятельным в религиозном отношении, не могло не раздражать арабов, гордившихся своей уникальной ролью в возникновении ислама.

Ряд арабских мыслителей и политиков усматривали в стремлении Ирана претензию на расовую и религиозную исключительность и антиарабский тренд в политике ИРИ.

² Al Bashir M.W. Islamic Sufism: Origins, influences and rules. *Kan Historical Periodicals*. 33. 2017. URL: <https://platform.almanhal.com/Files/2/109110> (дата обращения 09.11.2019).

Постепенно такие понятия, как «арабизм» и «иранизм», шиизм и суннизм приобрели антагонистический характер. Со времени правления Османов, а позже — создания колониальной системы европейцев, отношения арабских стран с Ираном носили весьма ограниченный характер. После обретения независимости в политических системах арабских стран и Ирана преобладали светские и националистические элементы, что сдерживало роль конфессионального фактора. Поэтому в этот период роль религиозных факторов в формировании основных параметров арабо-иранских отношений несколько ослабла. Только после исламской революции в Иране религия стала приобретать влияние на отношения Ирана с арабами, а последствия исламизации Ирана получили новое прочтение в политике ИРИ на Ближнем Востоке.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Одной из причин растущей в последние десятилетия враждебности между Ираном и арабами могут служить их различия этнического и конфессионального характера и исторически сложившееся соперничество как результат арабизации и исламизации Ирана в ходе арабских завоеваний.

Арабы и Иран взаимодействуют на протяжении трех тысячелетий. До завоевания арабами Ирана в 642 г. у персов были достаточно хорошие отношения с ними. Прежде всего это касалось людей, проживавших в пограничных районах. До исламизации Ирана культурное взаимодействие между арабами и персами имело ограниченный характер, что не мешало обоим народам узнавать традиции друг друга. Арабские племена, находившиеся на положении вассалов Персидской империи, были хорошо знакомы с культурными традициями персов и находились под их влиянием.

Арабское завоевание Ирана и его исламизация серьезно изменили Иран в культурном отношении и оказали большое влияние на динамику развития арабо-иранских отношений. Несмотря на исламизацию, иранцы в отличие от многих других народов, завоеванных арабами, сохранили свой язык. Иранские доисламские традиции не исчезли. Значительная их часть сохранилась и подверглась эволюции в рамках исламской цивилизации. В то же время арабские завоевания оставили неизгладимый след в культурных и языковых традициях Ирана. Несмотря на то что персам удалось частично сохранить культурно-национальную идентичность, арабские завоевания оставили болезненный след в иранской истории.

До арабских завоеваний Иран, как и Византия, были ведущими государствами в регионе. После завоеваний Иран утратил независимость, а его население было вынуждено покориться арабам. Это оставило глубокий след в иранском национальном самосознании и генетическом коде, и естественно, не могло не оказать влияния на современное состояние арабо-иранских отношений. Исламизация породила ряд общих культурных черт между арабами и персами. Однако общая приверженность исламу не смогла стать основой длительной дружбы между Ираном и арабскими странами. Более того, религиозная общность порождала соперничество за первенство в исламском мире. Это особенно стало заметным после прихода к власти в Иране династии Сефевидов в XVI в., когда шиизм стал основой государственной идеологии и получил широкое распространение в иранском обществе. Учитывая тот факт, что иранцы сохранили культурную и языковую самостоятельность, Иран на основе шиизма стал превращаться в альтернативу суннитскому большинству арабского мира. В результате арабо-иранское соперничество только усилилось, получив новое религиозное измерение после исламской революции в ИРИ 1979 г.

Литература / References

- Бартольд В. В. *Работы по истории Ислама и Арабского халифата*. М., 1966 [Bartold V. V. *Works on the History of Islam and Arab Khalifate*. Moscow, 1966 (in Russian)].
- Беляев Е. А. *Арабы, ислам и Арабский халифат в раннее средневековье*. М., 1965 [Belyaev E. A. *Arabs, Islam, and Arab Khalifate in the Early Middle Ages*. Moscow, 1965 (in Russian)].
- Заходер Б. Н. *История Восточного Средневековья (Халифат и Ближний Восток)*. М., 1944 [Zakhoder B. N. *The History of Oriental Middle Ages (The Khalifate and the Middle East)*. Moscow, 1944 (in Russian)].
- Каменева М. С. О трех подходах к понятию «культура» в ИРИ. *Иран при М. Ахмедиенежаде*. М., 2013. С. 164–171 [Kameneva M. S. On the Three Approaches to the Notion of Culture in IRI. *Iran under M. Ahmadinejad*. Moscow, 2013. Pp. 164–171. (in Russian)].
- Новосельцев А. П. Государство Сефевидов в XVI – начале XVII в. *История Востока. Восток на рубеже средневековья и нового времени XVI–XVIII вв.* Т. III. С. 99–119. М., 2000 [Novoseltsev A. P. The Sephevid State in the 16th – the Beginning of 17th Centuries. *History of the East. The East at the Turn of the Middle Ages and Modern Times in the 16th–18th Centuries*. Pp. 99–119. Moscow, 2000 (in Russian)].
- Пигулевская Н. В. *Арабы у границ Византии и Ирана в IV–VI вв.* М.–Л., 1964 [Pigulevskaya N. V. *Arabs at the Borders of Byzantine Empire and Iran in 4th – 6th Centuries*. Moscow, Leningrad, 1964 (in Russian)].
- Cohen N. *Cosmos, Chaos and the World to Come: The Ancient Roots of Apocalyptic Thought*. New Haven, 1993.
- Duri A. *Arab-Iranian Relations: Historical Background*. Ed. by K. Hasseb. London, 2015.
- Enayat H. *Modern Islamic Political Thought*. Austin, 1982.
- Girshman R. *L'Iran: Des origins a L'Islam*. Paris, 1951.
- Hunter S. T. *Iran, Islam and the Struggle for Identity and Power in the Islamic Republic of Iran*. Georgetown, 2014.
- Jafri H. M. *Origins and Early Development of Early Islam*. London, 1979.
- Khesroshahi H. *Mutual Awareness between Arabs and Iranians. Arab-Iranian Relations*. London, 2015.
- Levi R. *Persia and the Arabs. The Legacy of Persia*. Oxford, 1953.
- Shariati S. P. *Decline and Fall of Sassanian Empire: The Sassanian-Parthian Confederacy and Arab Conquest of Persia*. London, 2008.
- Tehrani J. *Shu'ubiyya: Independence Movements in Iran*. N.p., 2014 (in Persian).
- Zarrinkoub A. *Two Centuries of Silence (Do Qarn Sokut)*. Santa Ana, 2017.
- Zarrin'kūb A. H. *The Arab Conquest of Iran and Its Aftermath*. Cambridge History of Iran. Vol. 4. Cambridge, 1975.
- Yarshater E. *The Persian Presence in the Islamic World*. Cambridge, 1998.

Электронные источники / Electronical sources

- Al Bashir M.W. Islamic Sufism: Origins, influences and rules. *Kan Historical Periodicals*. 33. 2017 (in Arabic). URL: <https://platform.almanhal.com/Files/2/109110> (дата обращения 09.11.2019).
- Al Zahed S. Hatred of Arabs Deeply Rooted in Persians, Says Iranian Intellectual. *Al Arabiya News*. 09.09.2011. URL: <https://www.alarabiya.net/articles/2011/10/09/170927.html> (дата обращения 02.01.2020).

ЛИВАНСКАЯ ИНТРИГА «КИНГЧЕССА»

© 2022

А. В. Сарабьев*

Региональная проблема выстраивания межгосударственных отношений вдоль линии противостояния арабских монархий Персидского залива с Ираном имеет определяющее влияние на ливанское политическое поле. Накануне парламентских и президентских выборов в Ливане в 2022 г. усугубилось не прямое воздействие Саудовской Аравии на политику в Ливане через лидера партии «Движение будущего» Саада Харири. Его заявление о прекращении политической деятельности выглядит интригующе, особенно в свете его оригинальных политических ходов в прошлом. Суннитская община, и сторонники Харири из других партий Ливана задаются вопросом о своем пути в сложившейся ситуации. Чтобы разобраться в возможных поворотах ливанской политики, особенно после беспрецедентной волны охвативших все ливанское общество протестов, автор предпринимает анализ политических шагов С. Харири, начиная с периода президентского «вакуума» восьмилетней давности. В отношении избирательной кампании накануне парламентских выборов в Ливане в 2022 г. делается ряд наблюдений, которые сводятся к активизации регионального просуннитского тандема КСА — ОАЭ на ливанском политическом поле. Пока ключевой фигурой, на которую ставят эти игроки, остается С. Харири. В качестве очевидной поддержки ему рассматриваются усилия ливанского верховного муфтия и «клуба премьеров» Ливана, имеющих весомое значение действующих суннитских политиков страны. Автор делает вывод об очередном витке традиционного для Ливана политического конфессионализма с его предвыборными «интригами», разыгрываемыми под руководством региональных держав. При этом требование смены политической парадигмы, которое выдвигали сотни тысяч протестующих по всей стране, подверглось «обнулению», и этому способствовали не столько череда жестких карантинных «локдаунов», трагедия в порту Бейрута или финансовый кризис, сколько нежелание основных участников политического поля что-то серьезно менять.

Ключевые слова: Ливан, Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты, ливанская предвыборная кампания, ливанские протесты, «обнуление», Саад Харири, «Движение будущего».

Для цитирования: Сарабьев А. В. Ливанская интрига «кингчесса». Вестник Института востоковедения РАН. 2022. № 1. С. 50–66. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-1-50-66

LEBANESE “KINGCHESS” INTRIGUE

Aleksei V. Sarabiev

The regional issue of building interstate relations along the line of confrontation between the Arab Gulf monarchies and Iran has a decisive influence on the Lebanese political field. On the eve of the parliamentary and presidential elections in Lebanon in 2022, the indirect influence of Saudi Arabia on politics in Lebanon through the leader of the Mustaqbal party, Saad Hariri, has intensified. His statement about the termination of political activity looks intriguing. Both the Sunni community and its supporters from other

* Алексей Викторович САРАБЬЕВ, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; alsaraby@ivran.ru

Aleksei V. SARABIEV, PhD (History), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; alsaraby@ivran.ru

ORCID ID: 0000-0002-9796-2411

parties in Lebanon are questioning their path in the current situation. In order to understand the possible turns in Lebanese politics, especially after an unprecedented wave of protests that swept the entire Lebanese society, the author undertakes an analysis of the political steps of Saad Hariri, starting from the period of the presidential 'vacuum' eight years ago. Regarding the election campaign on the eve of the parliamentary elections in Lebanon in 2022, several observations are being made, which boil down to the activation of the regional pro-Sunni tandem of the KSA — UAE in the Lebanese political field. Saad Hariri remains the key figure in this situation. The efforts of the Lebanese Supreme Mufti and the 'Club of Prime Ministers' of Lebanon, which are significant to the current Sunni politicians of the country, are considered as obvious support for him. The author concludes that the next round of Lebanese traditional political confessionalism with its pre-election 'intrigues' played out under control of regional powers is due. At the same time, the demand for a change in the political paradigm, which was put forward by hundreds of thousands of protesters across the country, was 'nullified', i.e., 'reset', and this was facilitated not so much by a series of cruel quarantine 'lockdowns', by the tragedy in the port of Beirut or by the financial crisis, but by the unwillingness of the main participants in the political field to something seriously change.

Keywords: Lebanon, Saudi Arabia, United Arab Emirates, Lebanese election campaign, Lebanese protests, 'reset', Saad Hariri, Mustaqbal party.

For citation: Sarabiev A. V. Lebanese "Kingchess" Intrigue. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2022. 1. Pp. 50–66. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-1-50-66

Для ближневосточной политики Ливан представляет собой «волшебный кристалл», в котором при внимательном рассмотрении видны все скрытые течения, в том числе только еще намечающиеся. Сквозь завесу трагических событий, военных действий или громких политических «хлопаний дверьми» в регионе иногда трудно разглядеть суть причин и следствий. Разобравшись в ливанских коллизиях, эту суть уловить гораздо легче.

К сожалению, главные действующие лица ближневосточной политики последнее время все больше срываются, вглядываясь в этот кристалл и теряя терпение. После слов в нашей бессмертной сказке «Ах ты, мерзкое стекло! Это врешь ты мне назло» следовало, как помним, необратимое действие — от бесценного волшебного инструмента остались одни осколки. В отношении Ливана, надо надеяться, мы увидим подтверждение утешительного тезиса, что сказка — ложь.

КОРОЛЕВСКАЯ ИГРА, или Новая вариативность ближневосточной политики

Саудовская монархия всегда оказывала влияние на ливанские дела. В недавней истории Ливан наиболее отчетливо провозглашался в качестве зоны особого внимания при королевском реформаторе Фейсале. Для такого «покровительства» использовались следующие весомые аргументы: всемирный религиозный авторитет саудовского монарха в качестве «хранителя Двух благородных святынь» (*хадим аль-харамейн*), лидерство во всемирном Движении неприсоединения и непоколебимая позиция в палестинском вопросе.

Изменилось время, а вместе с ним вышли на первый план вопросы, вызывающие более звонкий отклик в мировом сообществе, а точнее в глобализованных обществах, вовлеченных в актуальную информационную повестку. Такого рода изменения отразились в программном документе Аль Саудов от апреля 2016 г. «Видение 2030»¹. Характерно, что

¹ Руйя Аль-мамляка аль-‘арабийя ас-са‘удийя: 2030 (Видение Королевства Саудовская Аравия: 2030). *Руйя-Видение 2030*. URL: <http://vision2030.gov.sa/ar/media-center> (дата обращения 03.05.2016).

провозгласил его не король, а наследный принц — энергичный и прогрессивный Мухаммад бин Салман. По неумолимой логике, новому видению должны соответствовать новые региональные отношения. Но если в связи с Израилем можно наблюдать поистине беспрецедентные политические шаги ближневосточных монархий, то применительно к поиску новых отношений с такими странами, как Йемен, по-прежнему действовал проверенный метод — война. Когда в Ливане в сентябре 2021 г. прозвучало указание на несоответствие новому видению старых методов, это было использовано как повод к показательной коллективной мере давления на ливанское руководство — неадекватным политико-дипломатическим санкциям, а по сути — серьезной угрозе политического ostracизма.

Популярность как в саудовском обществе, так и во всем регионе демократичного Мухаммада бин Салмана базируется на отстаивании им таких принципиальных стратегий, как переход к «экономике инвестиций», широчайшая приватизация и акционирование, цифровизация, показательная борьба с коррупцией, введение некоторых гражданских свобод (например, разрешение женщинам управлять автомобилем). Через несколько месяцев после громкого объявления «Видения», уже в июне 2016 г. наследный принц провел переговоры с ведущими корпорациями американского ВПК, с создателями «Фэйсбук» и «Твиттер», а также обсуждены вопросы создания в стране крупных развлекательных центров [Косач, 2017б, с. 387]. При этом глубокая религиозная основа саудовской верховной власти (а точнее, разделения сфер власти между семьями Аль Сауд и Аль аш-Шейх) [Косач, 2017а, с. 24] вовсе не получала звучания, «яко не бывше». Демонстрируемый радикальный прогрессизм нуждается, безусловно, в надежных региональных союзниках и сателлитах. В русло усилий по созданию таковых явным образом втянут Ливан.

Предлагается и новая вариативность — коридор возможностей. Конечно, совершенно не имеется в виду абсолютная несамостоятельность ливанского государства — ему достаточно лишь безоговорочно следовать за актуальными мировыми тенденциями, прежде всего в производственно-финансовой сфере, мировом разделении труда и услуг.

Однако ливанцы пока пытаются отстаивать свою уникальную многоуровневую идентичность и свой особый путь. На этом пути вполне реальные воплощения получают философские категории «другого» (Г. Гегель, Э. Гуссерль, М. Бубер, М. Элиаде) и «различения» (К. Леви-Стросс, Ж. Деррида). Лишь своими краями (лат. *margines*) эти понятия перекрываются с религиозной проблематикой, столь звучной для Ближнего и Среднего Востока. И в новых условиях религиозный аспект противостояния Саудовской Аравии с Ираном выступает, соответственно, как маргинальный. Совершенно иной фактор, а именно «нелояльность» в философском смысле (Дж. Ройс) выступает в качестве определяющего.

Видимо, где-то здесь, а не в уходящей теме суннитско-шиитского противостояния следует искать причины того ожесточения, которое сквозит во все новых призывах к ливанцам исполнить требования резолюции СБ ООН 1559 в части разоружения ливанской Хизбаллы, этого причудливого, но на редкость успешного воплощения арабо-персидского «Сопротивления». И, видимо, в этом экзистенциально-философском ключе следует оценивать религиозный компонент региональных амбиций Саудовской Аравии в ее политике на ливанском направлении.

В этом отношении привлекает наибольшее внимание фигура Саада (Саадуддина) Харири как сравнительно молодого (1970 г. р.), но очень опытного политика, имеющего и саудовское и ливанское гражданство, которому в свое время его отец Рафик Харири поручил

целое направление в бизнесе на территории Королевства. Из всех детей Рафика Харири (1944–2005), успешного политика и миллиардера из Сайды, только на Саада была возложена задача семейной политической преемственности, тогда как старший брат Баха (Бахауддин) был отправлен «в запас». Ливанский обозреватель так писал об эпизоде назначения преемника: «В разгар похорон убитого премьер-министра Рафика Харири, 15 февраля 2005 г., когда все провозглашали имя Баха в качестве преемника, внезапно возгласы сменились на имя Саада. В тот день Баха аль-Харири покинул ливанскую политическую жизнь по желанию саудитов»². С тех пор именно с Саадом Харири связывались надежды руководства Саудовской Аравии на проведение своей политической линии в Ливане.

«ОБНУЛЕНИЕ» ПОСЛЕ «ВАКУУМА» И НОВЫЙ ДЕБЮТ

На протяжении десятилетия, прошедшего от вывода из Ливана сирийского контингента, внутриливанская политическая парадигма претерпела радикальные изменения. Отношение к Дамаску перестало быть ярким политическим маркером, как когда-то для объединений типа «Корнет Шехван» под руководством маронитского патриарха Насраллы Сфейра или для партий типа Свободного патриотического движения (СПД), возглавляемой М. Ауном, добивавшихся политического взлета на волне антисирийского ажиотажа. Некоторые силы, например: прогрессисты В. Джумבלата (ПСП), и вовсе сменили позицию по отношению к Дамаску на противоположную, дружественную. Тем самым ливанское политическое поле, на котором устоялась была удобная бинарная оппозиция «14 марта — 8 марта», стало возвращаться к более привычному распределению политических лагерей — по ориентации на внешние силы.

Ливанская политика выстраивалась, как представляли многие наблюдатели внутри и за пределами страны, вдоль линии регионального противостояния Саудовской Аравии и Ирана. Для дома Аль Саудов момент выглядел решающим для надежного закрепления этих представлений. Все остальные международно-политические инициативы — будь то европейские или российские — должны были вращаться, очевидно, вокруг этой генеральной идеи королевства — безусловного прогрессизма и регионального лидерства Саудовской Аравии, особенно в противовес Ирану.

В 2014 и 2015 гг. Ливан жил в состоянии президентского «вакуума», когда состав Совета депутатов (не переизбиравшийся с 2009 г.) не мог собрать кворум для избрания нового президента (полномочия президента Мишеля Слеймана истекли в 2013 г.). То было время политического состязания, а точнее торга между двумя основными лагерями, где сунниты и шииты, в большинстве своем, оказались по разные стороны, а христиане разделились между альянсами. Парламентские заседания по выбору президента всякий раз проваливали сторонники М. Ауна: не являясь и не давая набрать кворум для голосования, они давали понять, что готовы на «консоциацию» только с учетом своих условий. Пока депутаты от альянса «14 марта», где лидировал С. Харири, не шли на компромисс, голосование раз за разом срывалось.

Для Саудовской Аравии было предпочтительно видеть на ливанском президентском посту политика умеренного, относительно сговорчивого. Видимо, по-своему истолковав

² Хури Т. Баха йа'уд нля ас-сийаса мин аль-баваба ас-са'удийя... фи зикра ахраджихи минха (Бахаа возвращается в политику через саудовские врата... в годовщину своего изгнания из них). *Ан-Нашра*, 31.01.2022. URL: <https://www.elnashra.com/news/show/1550623/بهاء-يعود-الى-السياسة-من-البوابة-السعودية-في-ذكرى-اخراجہ> (дата обращения 02.02.2022).

«императив», осенью 2015 г. С. Харири выступил с неожиданной и даже импульсивной инициативой: без согласования с другими политиками он выдвинул на президентский пост лидера Марады Сулеймана Франжье — вождя маронитского клана, имевшего свой семейный форпост в Згортте. Этот политик не входил в число основных претендентов, поэтому вполне закономерно, что инициатива Харири вызвала недоумение у большинства ведущих политиков.

Инициатива Харири оставила, должно быть, двойственное впечатление у самого несостоявшегося кандидата. Франжье был явно разочарован неподготовленностью своего номинирования и раздосадован однозначным отвержением его кандидатуры единоверцами-соперниками, прежде всего, Ауном. Но это разочарование могло быть перекрыто чувством признательности к Харири за такую попытку, а значит, лояльность вождя Марады к альянсу «8 марта» могла пошатнуться, что для Мустакбаль означало возможность перетянуть в свой стан важного соратника.

Тем временем, на протяжении 2016 г. члены парламентского блока М. Ауна «Изменение и реформа» продолжали бойкотировать заседания по избранию президента, а его соперники постепенно смягчали свои позиции. Напор Ауна был мощнейшим, но вовсе не бескомпромиссным: не обсуждалась лишь кандидатура президента, но в рассмотрение входили широкие комбинации на остальном поле; соперникам предлагались различные возможные варианты. В конце концов, Самир Джааджа, главный конкурент, к тому же входивший в противоположный лагерь «14 марта», и вовсе выступил в поддержку генерала Ауна. Конечно, вероятные принципиальные комбинации на ливанском политическом поле не упускались из виду саудовскими стратегами, и Харири, видимо, выступал в этом вопросе модератором от их имени. Хотя еще в начале осени 2016 г. продолжали раздаваться мнения о неприемлемости Ауна как президента, это было, скорее всего, проявлением инерции и неосведомленности. Очевидно, что компромисс, который модерировал Харири, был в целом найден.

31 октября 2016 г. М. Аун был избран президентом, поручившим формирование правительства, естественно, Сааду Харири. Правда, помимо распределения министерских портфелей среди участников «консоциации», оставалось едва ли не более важное поле: посты руководителей силовых ведомств (командующий Ливанской армией, глава Управления общей безопасности, глава Службы внутренней безопасности и др.), а также финансовых структур (кстати, одним из весьма перспективных фигур в президентской гонке поначалу выступил глава ливанского Центробанка (*Банк дю Либан*) Риад Саламе). Как раз с победы на этом поле М. Аун и начал утверждение своих позиций и позиций союзников-шнитов. Это был его удачный «миттельшпиль», с успехом развитый в течение последующих двух лет.

Закономерно, что Саудовская Аравия стала первой страной, которую посетил новый президент М. Аун (10 января 2017 г.). Этот демонстративный шаг находился в русле политической сделки (консоциации), улаженной Харири. Конечно, со стороны саудовского короля последовал подарок — восстановлено обязательство поставить в Ливан в качестве помощи вооружений на сумму 3 млрд долларов и обещано вновь способствовать потоку богатых туристов из КСА в Ливан: оба пункта были заморожены за год до того в качестве «санкции»³.

³ Lebanon's Aoun says ties with Saudi Arabia on the mend after visit. *Abram Online*. 11.01.2017. URL: <https://english.ahram.org.eg/News/254892.aspx> (дата обращения 21.01.2017).

В тот поворотный момент ливанской политической истории была заметна роль лидеров религиозных общин. Как центр притяжения всех христианских общин Ливана подавал себя патриарх Маронитской церкви Бишара Бутрос ар-Раи. Он продолжил линию предшественника, патриарха Насраллы Бутроса Сфейра на вовлечение в политические дела. Регулярно в резиденции в Бкерке патриарх ар-Раи собирал Совет католических патриархов и епископов в присутствии представителя папского престола (нунция), на котором звучали заявления и по актуальным вопросам ливанской политики. Сразу после избрания нового президента патриарх принимал у себя и его самого, и спикера парламента, и лидеров ведущих ливанских партий, и высокого представителя Высшего исламского шиитского совета. Шло обсуждение, прежде всего, будущего состава кабинета министров. В этом же направлении действовал и суннитский Верховный муфтий Ливана Абдуллатиф Дерриан, настаивая на скорейшем назначении членов нового правительства. Он, кстати, прямо называл избрание нового президента страны успехом «смелой и мужественной инициативы» Харири.

Столь же прямо об усилиях лидера Мустакбаль по продвижению кандидатуры Ауна говорил высокий представитель СПД, депутат Ибрахим Канаан на встрече с С. Джааджа: «Мы наблюдаем очень позитивную инициативу Харири по устранению президентского вакуума... поэтому мы призываем соперничающие политические группировки способствовать успеху его усилий»⁴.

РАЗМЕН ФИГУР, ИЛИ СТРАННАЯ «НЕОТСТАВКА»-2017

На протяжении последовавших месяцев стало ясно, что Аун переиграл Харири в «миттельшпиле», и постарался сделать это еще до парламентских выборов, назначенных на май 2017 г. (они не состоялись в срок и дважды были перенесены). Во главе силовых ведомств встали родственники президента или фигуры, лояльные к СПД. На посту командующего ВС Ливана весьма умеренного Жана Кахваджи сменил 8 марта 2017 г. генерал Жозеф Аун, в тот же день был назначен и новый глава Управления сил внутренней безопасности — генерал-майор Имад Усман. Главой Управления общей безопасности и по сей день остается назначенный в 2011 г. генерал Аббас Ибрахим. Нельзя сказать, чтобы шииты существенно усилили свои позиции в этих структурах (все же и армия, и спецслужбы остаются по-настоящему свободными от конфессиональных противоречий), но шииты закрепили свое положение посредством союзнических отношений с СПД, и для сдерживания просаудовского политического крыла этого оказалось более чем достаточно.

Вскоре это осознали в Саудовской Аравии, и ждали от премьера Харири действий. Когда же ливанские власти перестали хотя бы демонстрировать регионально-политический нейтралитет, уделяя иранцам слишком много внимания, саудовцы решили принять показательную меру воздействия. 3 ноября 2017 г. Харири прибыл в Королевство, а на следующий день сделал шокировавшее многих заявление: в субботу 4 ноября 2017 г. Саад Харири объявил о сложении с себя полномочий премьер-министра Ливана, причем сделал это заявление не по ливанскому, а по саудовскому телевидению. Причину он сформулировал необычно: ею стала возникшая угроза его жизни на фоне активности в Ливане и регионе Ирана, движимого ненавистью к арабам. Свою мысль Харири выражал весьма эмоционально:

⁴ FPM urges support for Hariri's bid to end presidential vacuum. *Annahar*. 05.10.2016. URL: <http://en.annahar.com/article/480626-fpm-urges-support-for-hariris-bid-to-end-presidential-vacuum> (дата обращения 06.10.2016).

«Я понял, что мои соотечественники, к сожалению, идут рука об руку с Ираном, который пытается вырвать Ливан из арабского окружения. ...Я хочу сказать, что Иран и те, кто его поддерживает, проиграли. У всех, кто вознамерится напасть на арабов, руки отсохнут. Зло обязательно ударит по тому, кто его совершил»⁵.

В течение нескольких последующих дней Харири не давал о себе знать и не возвращался в Бейрут, что сразу дало пищу слухам о его домашнем аресте в Эр-Рияде. Ни у кого не вызывало сомнений, что глава правительства Ливана впал в немилость у саудовских патронов. Однако достойно внимания то, как он обратил эту немилость в политические очки и, может быть даже, триумф.

Обстоятельства, выведшие саудовцев из равновесия, были таковы. Перед отъездом в Эр-Рияд ливанские официальные лица, в том числе и Харири, принимали в Бейруте Али Акбара Веляти, советника иранского рахбара. «Аль-Джазира» писала, что «наибольший гнев в связи с ливано-иранскими переговорами вызвало заявление Веляти, что “Иран защищает стабильность Ливана”, поскольку это в некотором смысле означает вступление в Ливан под эгиду иранского покровительства и под его контроль»⁶. А за день до иранского визита саудовские ПВО перехватили якобы баллистическую ракету «Буркан-2» (иранского производства, но, вероятно, переделанную), выпущенную йеменскими хуситами из «Ансар Аллах» по международному аэропорту Эр-Рияда, и саудовские власти, конечно, обвинили Иран в пособничестве хуситам и в косвенной атаке на Королевство. Они не сумели оценить храбрости своего гражданина, ливанского премьера, прибегнув, очевидно, к прямому давлению на него. Импульсивным ходом это не было: интрига с домашним арестом неизбежно должна была сплотить сторонников премьера-суннита в Ливане и вызвать патриотические чувства даже у колеблющихся. Так и произошло.

Со своей стороны, якобы задержанный в Эр-Рияде Харири более недели интригуяюще молчал, и лишь 12 ноября в прямом эфире своего ливанского телеканала «Аль-Мустакбаль» он сообщил, что собирается вернуться в Бейрут, чтобы подать, наконец, прошение об отставке президенту Ауну. Он снова назвал в качестве одной из причин неожиданного шага опасения за свою жизнь, вызывая в памяти у ливанцев страшный теракт февраля 2005 г., унесший жизни более сотни человек, в том числе его отца, экс-премьера Рафика Харири. Речь содержала и послание политическим оппонентам, опиравшимся на Иран, и самому президенту: Харири откажется от отставки, только если отношения с иранцами будут свернуты.

По совпадению или нет, но с заявлением Харири почти совпала по времени беспрецедентная «чистка рядов», направленная наследным принцем КСА против ряда членов правящего дома. Как раз в тот же день молодой реформатор, сын короля и наследный принц Мухаммад бин Салман приказал арестовать сразу 11 принцев дома Аль Сауд, а на их банковские счета был наложен арест. Тем самым крутые меры по «централизации» внутренней политики КСА и активизация на внешнем политическом контуре шли рука об руку.

⁵ Мейсан Т. Дворцовый переворот в Эр-Рияде. *Voltairenet.org*. 08.11.2017. URL: <http://www.voltairenet.org/article198663.html> (дата обращения 21.11.2017).

⁶ Ат-Тахрир, Фарик. Кейфа интакам бин Салман мин шарикат аль-Харири би-с-Са'удий? (Как бин Салман отомстил компаниям Харири в Саудовской Аравии?). *Аль-Джазира*. 19.11.2017. URL: <https://www.aljazeera.net/midan/reality/politics/2017/11/19/سعودي-أوجيه-العلاقة-بين-الحريري> (дата обращения 21.11.2017).

Саудовский выпад в сторону Ливана вызвал широкий отклик. Масс-медиа и эксперты по Ближнему Востоку горячо обсуждали «внезапную отставку» ливанского премьер-министра, которой, собственно, не было. Ведь Харири продолжал оставаться на посту до подачи президенту страны заявления о сложении полномочий главы правительства. Аун такого заявления не получал, а когда, наконец, получил, отставку не принял.

Тем временем кампания давления на Ливан была поддержана не только КСА, но Кувейтом и Бахрейном; США рекомендовали своим находившимся в Ливане гражданам покинуть страну. Один из саудовских министров сделал несколько воинственных заявлений о необходимости военного сдерживания Ирана. Обсуждалось намерение Эр-Рияда призвать на предстоящем министерском совещании ЛАГ заморозить членство в ней Ливана. Раздались даже голоса о возможной новой войне на территории Южного Ливана — о подавлении силами израильтян Хизбаллы, которую якобы собиралась поддержать Саудовская Аравия⁷. Заявления о незаконности военных формирований Хизбаллы сделали представители США и Соединенного Королевства.

Та череда дипломатических заявлений и медиа-шумиха являлись, по сути, международно-информационной поддержкой хорошо разыгранной саудовско-ливанской комбинации, давшей Харири высокие политические очки в Ливане. В соцсетях набрал популярность тег «кулина Саад» («мы все — Саад») в поддержку мужественного «гражданского» шага премьера (заявления об отставке). В ливанской столице была развернута широкая кампания — по всей столице появились баннеры и плакаты «Мы с тобой, Саад». Ежегодный осенний марафон 12 ноября прошел под лозунгом поддержки «задержанного» премьера, в нем приняли участие около 50 тыс. бегунов, представлявших 99 стран.

Президент Аун официально обращался с запросом к саудовским властям с просьбой объяснить причину задержания главы его правительства, и этот же вопрос обсуждался с временным поверенным в делах КСА в Бейруте. Маронитский патриарх ар-Раи полетел в Эр-Рияд, чтобы лично выразить тревогу по поводу задержки в Королевстве премьер-министра Ливана и его внезапном решении оставить пост.

В конечном итоге Харири триумфально вернулся в Бейрут, остался на своем посту главы правительства, повысил популярность как в своем политическом стане, так и в целом среди ливанцев. Это был весьма результативный ход. Парламентские выборы были окончательно назначены на 6 мая 2018 г. (то есть, депутатский состав не переизбирался 9 лет, вместо четырех) и такая подготовка к ним — эффектный и результативный ход Харири — пришлось блоку Мустакбаль очень кстати.

На протяжении 2017 г. хуже шли дела крупной саудовской строительной компании *Saudi Oger* (по-арабски название звучит на французский манер — *Сауди Ожер*)⁸: ею после выкупа доли у брата Бахауддина, а затем и у другого брата, Аймана, теперь почти полностью распоряжался Харири. В июле 2017 г. компания была признана банкротом, но выплат долгов ожидали как инвесторы, так и бывшие сотрудники — индийцы, французы, филиппинцы⁹.

⁷ Al-Rasheed M. Saudi Arabia's last card in Lebanon use Israel to strike Hezbollah. *Middle East Eye*. 14.11.2017. URL: <https://www.middleeasteye.net/opinion/saudi-arabias-last-card-lebanon-use-israel-strike-hezbollah> (дата обращения 21.11.2017).

⁸ Французский бренд *Oger* был выкуплен Рафиком Харири еще в 1979 г.

⁹ Еще в 2015 г. были уволены около 56 тыс. сотрудников компании, а выплата зарплат прекращена. См.: Амнлюн би-«Сауди Ожер» йюталибун битадаххуль Макрон лядай аль-Харири (Сотрудники Сауди Ожер требуют воздействия Макрона на Харири). *Аль-Хурра*. 19.09.2019. URL: <https://www.alhurra.com/saudi-arabia/2019/09/19/عاملون-بجسعودي-اوجيه-يطالبون-بتدخل-ماكرون-لدى-الحريري> (дата обращения 11.03.2022).

Возврата своей доли требовала и сестра Саада, Хинд Харири¹⁰. Многомиллиардные прибыли *Saudi Oger*, пик которых пришелся на 2010 г., ушли в прошлое. Это же касается и проектов на территории Ливана: помимо генеральной реконструкции международного бейрутского аэропорта, получившего имя Рафика Харири, в Бейруте реализовывался громадный проект *Solidere*¹¹ по коммерческой застройке района бейрутской набережной и созданию целого района, отвоеванного у моря (Waterfront). Но и здесь ряд серьезных факторов — мировой финансовый кризис, низкие цены на саудовскую нефть, плохой менеджмент и падение интереса инвесторов — привели к тому, что многие направления бейрутского мегапроекта также оказались под ударом. Обширные активы компании на территории Королевства все еще могли успокоить ситуацию, но лишь при условии благожелательного отношения саудовского руководства. Вот почему эпизод с задержанием Харири в Эр-Рияде, хотя вовсе не являлся безболезненным, стал политической комбинацией, от которой Харири «не мог отказаться». Это был серьезный нажим, по сути, ультиматум со стороны саудитов. Но политический успех той ноябрьской комбинации 2017 г. — с задействованием широкой медиа-кампании — был, очевидно, ими просчитан.

ФОНОВАЯ КОМБИНАЦИЯ, ИЛИ СТРАННАЯ ОТСТАВКА-2021

Когда в октябре 2020 г. Харири в очередной раз стал главой кабинета министров, ему предстояло действовать в условиях продолжающейся народной волны протестов на фоне глубокого финансово-производственного коллапса и нерешенных проблем соцобеспечения населения. При этом основным, по-видимому, залогом эффективности формирования нового правительства и внутривнутриполитических шагов должна была стать демонстрация действенных мер по сдерживанию Хизбаллы — демонстрация региональному гаранту и первой родине нового премьера, Саудовской Аравии.

Мог ли Харири в действительности рассчитывать окоротить политическую, социальную и военную мощь Хизбаллы (или хотя бы представить программу мер в этом направлении)? Если такой расчет и был, то он обернулся неудачей, и причина тому — предмет отдельного изучения, которое должно опираться как на анализ международно-политических факторов, так и на знание тонкостей ливанских межклановых отношений, системы взаимных обязательств и компромиссных договоренностей.

Так или иначе, но на протяжении почти восьми месяцев Харири так и не удалось сформировать правительство: в июле 2021 г. он заявил, что не смог согласовать позиции по составу кабинета министров с М. Ауном. На этот раз «консоциации» не получилось. Отказываясь от премьерства, Харири заявил: «Стало понятно, что ситуация в этом вопросе не изменилась, и ясно, что мы не сможем договориться с президентом»¹².

¹⁰ Хаммуд Ю. Са'уди Ожех: азма та'уд ли-ль-ваджиха муджаддадан байн аль-Харири ва-с-Са'удийя (Сауди Ожер: кризис вновь охватывает взаимоотношения Харири и Саудовской Аравии). *Gulf Online*. 24.09.2021. URL: <http://khaleej.online/kpNMKQ> (дата обращения 11.03.2022).

¹¹ Компания была создана еще в 1994 г., другое ее название — «Ливанская компания по развитию и реконструкции Бейрутского центрального района». Глава совета директоров и генеральный управляющий *Solidere* Насер Шаммаа возглавлял одновременно Отдел эксплуатации и обслуживания *Saudi Oger*. См. состав Совета директоров на официальном сайте компании: *Solidere. Board of Directors*. URL: <https://www.solidere.com/corporate/about/board-directors> (дата обращения 11.03.2022); [Baumann, 2016, p. 65].

¹² Аль-Харири ба'д ликайхи ар-раис 'Аун йа'лян и'тизараху 'ан тапкийль аль-хукума (Харири после встречи с президентом Ауном принес извинения по вопросу формирования правительства). *Аль-Манар*. 15.07.2021. URL: <https://almanar.com.lb/8474633> (дата обращения 27.07.2021).

Для ливанцев это стало очередным проявлением безволия политиков, для зарубежных инвесторов — разочарованием и потерей времени. Для хозяйственной жизни страны этот период был продолжением развала, а для общественной жизни «ближневосточной Швейцарии» — невосполнимым падением, связанным с унижительным и резким снижением уровня жизни ливанцев. В плане общественной безопасности все более реальным представляется движение в сторону «сомализации». Продолжилось и ухудшение экологической ситуации: остались не только проблемы с утилизацией мусора, но и возобновились катастрофические пожары в Ливанских горах.

Тех оптимистов в Ливане, кто считал народные волнения шансом радикально оздоровить систему управления и кто высокопарно называл общенародную волну протестов «октябрьской революцией» (началась 17 октября 2019 г.) [Abou Zeid, 2021, p. 91, 142, 150, *passim.*], очередной период бездействия под руководством четырехкратного премьера должен был отрезвить: и конфессионализм, и консоционализм, и внешний фактор остались для Ливана гораздо жизнеспособнее, чем даже представлялось.

Тем не менее в глазах саудовцев отказ от премьерства вполне мог означать твердость намерений Харири в проведении линии на ослабление позиций Хизбаллы в исполнительной власти Ливана — своего рода жертвой на пути. Он не поддался нажиму президента и не уступил в вопросе требований «блокирующей трети» министерских портфелей. Иными словами, он воспрепятствовал легитимации растущего шиитского влияния в исполнительной власти (правда, за счет простых ливанцев, живших три четверти года без правительства). Да, Харири не хватает реальных рычагов влияния на ситуацию, и он все больше сдает позиции как вдохновитель значительной части своих сторонников среди маронитов. Опора на суннитский сегмент в прежнем формате не принесла желаемого эффекта. Но до определяющего, выборного 2022 г. еще оставались десять месяцев, и Харири запустил игру в новом формате, начав со своей отставки с поста главы отсутствующего кабинета министров.

Харири были предоставлены новые возможности в бизнесе — на этот раз со стороны Эмиратов. Возможно, он рассчитывал с лихвой вернуть утраченное было лидерство среди ливанцев разных конфессий. Любые партии или движения нуждаются в постоянной материальной подпитке; их члены должны или получать или видеть возможность получать блага для своих семей в будущем («социальные экспектации», в терминологии депривационной теории). Тысячи ливанцев занимают престижные должности в эмиратских компаниях (и переводят деньги родственникам в Ливане), так что принадлежность к кругу сторонников блока «Аль-Мустакбаль» может быть полезной этим долгосрочным трудовым ливанским мигрантам вне зависимости от конфессиональной принадлежности.

В этой стратегии дело не столько в активах или счетах Харири, на чем делает такой упор пресса, а в новом столпе поддержки: ОАЭ производят на многих в Ливане впечатление высокоразвитого светского общества, черпающего источник движения в области принципиально новых технологий, впечатление общества, не связанного со старыми порядками социальных отношений типа договорного конфессионального представительства во власти (пресловутый «Национальный пакт», или *аль-мисак аль-ватаний*), конфессиональной привязки политических ролей и проч. И теперь вопрос региональной стратегии на ливанском направлении может сводиться к тому, в какой степени КСА и ОАЭ действуют согласовано. Если эта степень высока, то и нынешний поворот в деле Харири — только новый тактический шаг.

Многим представителям мировой журналистики ситуация вокруг политической фигуры Харири представлялась слишком поверхностно, а следовательно, неверно. Распространенное мнение заключалось в том, что власти Саудовской Аравии крайне недовольны неудачами политика-бизнесмена, его излишним лавированием, компромиссами и даже заигрыванием с ливанскими прокси своего регионального соперника, а потому в КСА обанкротили его компанию и выводят его самого с политической арены Ливана. Якобы и руководство ОАЭ поставило перед ним условие — большой бизнес в Эмиратах только взамен на политику в Ливане. Ставка якобы делается на другого представителя семьи аль-Харири, коим выбран более прямолинейный и предсказуемый брат, Баха — миллиардер, находившийся в режиме ожидания как альтернатива Сааду аж с 2005 г.

Представляется, что дело гораздо сложнее и что сам политик еще покажет себя. Начать с того, что в действительности предложение наследного принца Абу-Даби Мухаммада Заеда Аль Нахайяна вовсе не было ультиматумом, а представляло собой руку помощи. Он дал Харири возможность жить и вести бизнес в ОАЭ, чтобы тот мог использовать выручку для выплаты оставшейся части долгов в Саудовской Аравии и других странах. При этом Эмираты отказались финансировать любую политическую деятельность Харири или медиа-кампании в его пользу: вместо этого была выдвинута идея возрождения медиагруппы *Future Movement* (в т. ч. телеканала «Аль-Мустакбаль»)¹³.

Этот 52-летний вождь почти половины всех ливанцев входит в верхний эшелон мирового бомонда, он обсуждал дела с лидерами ведущих мировых держав, вел бизнес в нескольких странах и все еще обладает значительными материальными ресурсами. Уже дважды он отказывался от формирования правительства в Ливане (2011, 2021 гг.) и трижды объявлял о падении своего кабинета министров (2011, 2017, 2020 гг.). Всякий раз мало кто сомневался, что эти шаги — лишь элемент ливанской политической практики и никак не означают настоящего поражения или утраты влияния среди своих сторонников.

Напротив, нередко в Ливане «работа вторым номером» ведет к набору политических очков, а переход в «оппозицию» не препятствует даже самым высоким внешнеполитическим контактам. Так, лидеры ряда ливанских партий, не входивших в парламентское большинство, не раз принимались, например, в российском МИДе наряду с представителями партий правящего блока. Встречался с С. В. Лавровым и Саад Харири, вовсе не будучи официальным лицом: о российском посредничестве он просил нашего министра, например, в период напряженного поиска компромисса по кандидатуре президента весной 2016 г., в разгар президентского «вакуума» и парламентского кризиса. Нечего и говорить об активных контактах Харири с высокими представителями Французской республики, в банках которой он сосредоточил значительные суммы — контактах, не зависящих от занятия им премьерского кресла, но значимых для его «Движения» (*хафакат аль-мустакбаль*).

В кризисный период, переживаемый Ливаном, оказывается гораздо сложнее выступать в роли лица, в полной мере ответственного за происходящее, нежели находиться в положении критика любых государственных решений, которые оцениваются по шкале от «плохих» до «очень плохих». Гнев народа, которому якобы подчинился Харири, объявив в том же октябре 2019 г. о готовности оставить премьерский пост, тоже легче было отводить от себя, находясь за пределами Серая (ливанского Дома правительства). Спешно обвалив

¹³ Хаммуд Ю. Са'уди Ожех: азма та'уд ли-ль-ваджиха муджаддадан байн аль-Харири ва-с-Са'удийя (Сауди Ожер: кризис вновь охватывает взаимоотношения Харири и Саудовской Аравии). *Gulf Online*. 24.09.2021. URL: <http://khaleej.online/kpNMKQ> (дата обращения 11.03.2022).

ПРЕДВЫБОРНАЯ ИНТРИГА-2022

Осенние месяцы держали ливанцев в напряжении — не решит ли Харири и в самом деле отказаться от участия в предвыборной гонке, информация о чем проходила в прессу?¹⁴. Однако последовало более радикальное окончательное решение, превосходившее даже пиар-тактику типа «последняя гастроль» (когда сторонники осознают уникальную возможность «в последний раз» публично выразить свою благодарность и преданность уходящему деятелю): неожиданно как для сторонников, так и для противников Харири объявил об уходе из политики.

14. Сценарнохат мафтух... Маза лау «кати» аль-Харири фри'ян аль-интихобат? (Открытые сценарии... Что, если Харири действительно «бойкотировет» выборы?). *Ан-Нашра*. 20.11.2021.
URL: <https://www.elnashra.com/news/show/1538791/الانتخابات-الحريري-فعلالو-مفتوحة-ماذا-لوقاطع-الحريري-فعلا> (дата обращения 21.11.2021).

«Движения будущего» сделать то же; 2) не баллотироваться на парламентских выборах и не выдвигать кандидатур ни от «Движения будущего», ни от имени этого движения¹⁶.

Заявление не являлось ни призывом к бойкоту выборов, ни попыткой их срыва: это было послание о крайней степени серьезности позиции Харири и его отказе от дальнейших мягких компромиссов. Дело шло «о жизни и смерти» в политическом смысле. А то, что это ему давался последний шанс, подтверждали как набравшая было обороты масштабная блокада Ливана со стороны ряда стран ССАГПЗ в ответ на ничтожный повод в сентябре 2021 г., так и почти совпавший по времени эмиратский ультиматум ему самому.

Своего рода медиа-артподготовкой заявления стали публикации в ливанской прессе, готовившие общество к шагу политика, и примером тому может служить статья в «Ан-Нахар», появившаяся за день до заявления. В ней автор прямо говорит, насколько выгодно от остальных политиков, готовых «преподнести на серебряных блюдах “головы” попорченных принципов и вероломно преданных ими друзей» (*«фруус» аль-мабади аль-махдур ва-ль-асдыка аль-махдур*), отличается Харири — этот ««коронованный» лидер (*заим*), который оставляет все и переселяется¹⁷ к... обычной жизни»¹⁸.

Роль медиа в этой комбинации еще проявится, а пока явной группой поддержки Харири в Ливане стали верховный муфтий суннитов Абдуллатиф Дерриан, возглавляющий ливанское «Управление по фетвам» (*Дар аль-фетва*) и проявлявший в зимние месяцы небывалую политическую активность, и так называемый «клуб премьеров». Они неоднократно собирались в зимние месяцы 2022 г.¹⁹ и обсуждали в том числе региональные инициативы — «комплекс идей, связанных с обустройством суннитского дома»²⁰. В этот «клуб» входят политики-сунниты, в последние два десятилетия неоднократно возглавлявшие правительство: Фуад Синьора (глава бывшего альянса «14 марта»), Таммам Салам (наследственный политик и нотабль) и Наджиб Микати (нынешний премьер, миллиардер из

¹⁶ Аль-Харири йу'лян та'лик 'амалихи би-ль-хайя ас-сийясийя ва йа'ду «Аль-мускакбаль» ли-иттихаз аль-хутва нафсаха... ва йаставад'улла (Харири объявляет о приостановке своей деятельности в политической жизни и призывает «Аль-мустакбаль» сделать такой же шаг... и — храни Господь). *MustaqbalWeb*. 24.01.2022. URL: <https://mustaqbalweb.com/article/206941-لا اتخاذ الخطوة نفسها>. الحريري يعلن تعليق عمله بالحياة السياسية ويدعو المستقبل لاتخاذ الخطوة نفسها (дата обращения 01.02.2022).

¹⁷ В отношении намерения лидера ливанских суннитов С. Харири это употребление понятия, однокоренного со словом *хиджра*, вызывает в памяти «достоверный» хадис: «Дела оцениваются только по намерениям, и каждому человеку достанется лишь то, что он намеревался обрести. Так, совершивший переселение к Аллаху и Его посланнику переселится к Аллаху и Его посланнику, а совершивший переселение ради чего-нибудь мирского или ради женщины, на которой он хотел жениться, переселится лишь к тому, к чему он переселялся» (см. сборники хадисов «Сахих» аль-Бухари, ан-Навави, Муслима и др.).

¹⁸ Хашан Ф. Кира «руманийя» ли-«траджидийя» сийясийя катабаха инкифа аль-Харири («Романтическое» прочтение политической «трагедии», написанной отходом Харири). *Ан-Нахар*. 23.01.2022. URL: https://www.annahar.com/arabic/makalat/annahar-alarabi-authors/22012022064648527?fbclid=IwAR2tHdh7AurAYW0_kuHtd_aECY8ac9r4CMEEfLx1N7RMtG5e7MACMdkhL8k (дата обращения 01.02.2022).

¹⁹ Шукейр М. Аль-маукиф ас-сунни мин аль-интихабат йантазар 'аудат аль-Харири иля Бейрут (Суннитская позиция по выборам в ожидании возвращения Харири в Бейрут). *Аш-шарк аль-аусат*. 02.02.2022. № 12772. URL: <https://aawsat.com/home/article/3450286-الموقف السني من الانتخابات ينتظر عودة الحريري إلى بيروت> (дата обращения 06.02.2022).

²⁰ Шукейр М. Аль-муджтам' ад-дували йататалла' ли-интихаб барламан любнани джадид (Международное сообщество с нетерпением ждет выборов нового ливанского парламента). *Аш-шарк аль-аусат*. 06.02.2022. № 15776. URL: <https://aawsat.com/home/article/3457826-المجتمع الدولي يتطلع لانتخاب برلمان لبناني جديد> (дата обращения 08.02.2022).

Триполи, возглавлял правительство с января 2011 по март 2013 г., затем оставался и. о. премьера еще почти год). Это все очень влиятельные и обеспеченные люди, которые, заручившись духовным авторитетом верховного муфтия, активно поддерживают образ Харири как достойнейшего ливанского политика, которому просто не дают воплотить свой план по спасению страны и ее народа.

С учетом такой поддержки можно ожидать триумфального возвращения Харири в самый последний и удобный момент определяющего «избирательного» года. Для достижения цели необходимо, чтобы скандирование «Мы с тобой, Саад!» повторилось, как в ноябре 2017 г., но разносилось вместо «Все значит все!» уже по всей стране. Кстати, географический охват его предвыборной тактики можно представить уже сейчас: в своей «прощальной» речи 24 января Харири подробно перечислил некоторые города и районы Ливана, чтобы поблагодарить их жителей — своих сторонников: Бейрут, Триполи, Аккар, Динние, Минние, Згорта, Кура, Батрун, Каламун, Восточная, Западная, Центральная и Северная Бекаа, Горный Ливан — от Мухтары и Бкерке, Сайда, Юг, Аркуб, Хасбайя и Рашайя²¹ (не вошли в перечень Баальбек, Хермель, Южная Бекаа, Набатия, Сур — по вполне понятным причинам — большинство шиитского население и мощное влияние на него шиитских партий).

В сложившейся ситуации совершенно неясной пока остается позиция маронитского крыла бывшего «14 марта». Насколько сторонники Харири из партий «Ливанские силы» (ЛС) С. Джааджи, «Ливанские фаланги» (Катаиб) С. Жмайеля, а также симпатизирующие ему группы из Национально-либеральной партии Д. Шамуна, армянских партий — ожидают его «возвращения» и участия в выборах? И, если ожидают, будут ли они выстраивать свои кампании с учетом этой возможности?

Не исключено, что этой части маронитов и других униатов предоставлена возможность сделать окончательный выбор — с кем они? понимают ли они перспективы сотрудничества и опасность недовольства КСА и ОАЭ в отношении Ливана? Также не исключено, что Мустакбаль рассчитывает на вовлечение в свою орбиту части членов другого маронитского движения — Марада С. Франжье (недаром в речи С. Харири прозвучали «холмы Згорты»), входивших ранее в альянс «8 марта». Так что, помимо усилий по консолидации ливанских суннитов, можно ожидать и широкой агитации в среде маронитов — очень дробной в политическом отношении общины.

Следует ожидать также усиления международно-политического давления на Ливан с целью маргинализации Хизбаллы, объявленной в ряде стран террористической. В начале февраля 2022 г. на страницах авторитетного лондонского арабоязычного издания откровенно излагались ожидания результата выборов в Ливане: «Международное сообщество уже делает ставку на то, что парламентское большинство не останется таким, как сейчас... Международное сообщество также рассматривает выборы как момент восстановления власти и изменения баланса сил в избранном парламенте, который изберет нового президента»²².

²¹ Аль-Харири йу'лян та'лик 'амалихи би-ль-хайя ас-сийясийя ва йа'ду «Аль-мусакбаль» ли-иттихаз аль-хутва нафсаха... ва йаставад'улла (Харири объявляет о приостановке своей деятельности в политической жизни и призывает «Аль-мустакбаль» сделать такой же шаг... и — храни Господь). *MustaqbalWeb*. 24.01.2022. URL: <https://mustaqbalweb.com/article/206941-لا اتخاذ الخطوة نفسها-المستقبل-عمله بالحياة السياسية ويدعو-الحريري يعلن تعليق-عمله بالحياة السياسية ويدعو-المستقبل-لا اتخاذ الخطوة نفسها> (дата обращения 01.02.2022).

²² Шукейр М. Аль-муджтам' ад-дували йататалла' ли-интихаз барламан любнани джадид (Международное сообщество с нетерпением ждет выборов нового ливанского парламента). *Аш-шарк аль-аусат*. 06.02.2022. № 15776. URL: <https://aawsat.com/home/article/3457826-لا انتخاب برلمان لبناني جديد-المجتمع الدولي يتطلع-لا انتخاب برلمان لبناني جديد> (дата обращения 08.02.2022).

Речь шла, конечно, о вытеснении из парламентского большинства сторонников Хизбаллы, оглядывающихся на Иран. Кто станет президентом Ливана, соответственно, ставилось в зависимость от позиции кандидата в наибольшей степени по этому пункту.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Кингчесс — очень сложный и малопредсказуемый вид шахматной партии, где правила дают возможность выставлять неожиданные для противника фигуры и круто разворачивать ход игры. Ведущие монархии арабского Востока пока воздерживаются от новых фигур, предпочитая исчерпать потенциал имеющихся. Зато политическая стратегия в Ливане как в «волшебном кристалле» Ближнего Востока, похоже, круто меняется под их давлением. Судя по всему, ведущаяся на ливанском поле почти шахматная партия, имеющая яркую конфессиональную окраску, преподнесет еще немало сюрпризов.

Похоже, есть все основания ожидать триумфального захвата центра поля в мае 2022 г. «суннитской группой» — Харири при поддержке верховного муфтия и «клуба премьеров». Гораздо меньшую роль, чем раньше, могут сыграть их маронитские союзники (АС, Катаиб) и прогрессисты-друзы (ПСР). Борьба за голоса ливанских христиан-униатов и друзей, впрочем, будет по-прежнему острой, но она уже обретает несколько иной характер — не столь традиционно ливанский (весьма свободный по выражению мнений и политических предпочтений), как раньше, а более ультимативный.

Зато ведущая роль в этот решающий год может оказаться за суннитским региональным центром (КСА) и его более светским и неотехнологическим аватаром (ОАЭ). На этом направлении они будут пытаться (каждый на своем фланге) стать для ливанцев гарантами выполнения требований протестной волны — смены политической парадигмы. Смены в своих интересах, в сторону устранения иранского влияния в Ливане.

К сожалению, многие даже из актива протестовавших в Ливане уже забыли, что требование смены политической парадигмы не являлось самоцелью: оно вселяло уверенность, что при этом условии страна сможет, наконец, покончить с порочными проявлениями ливанской клановости, конфессионализма, раздробленности по общинам и развернуть движение общества в сторону процветания. Вместо этого произошло «обнуление» настоящих требований ливанских протестов, а политический бомонд, в том числе молодые или новые политики, используют «октябрьскую революцию» в своем дискурсе в собственных же интересах. Тем временем наблюдается усиление давления региональных держав на ливанскую политику, а также разогрев конфессионального фактора, педалирование его деструктивного аспекта. Начало предвыборной кампании 2022 г. не предвещало спокойного ее протекания, и для Ливана в нынешних условиях это критически опасно. Во всяком случае, следующей «интриги» — с новым, очередным номером — ни подорванная ливанская экономика, ни уставшее ливанское общество могут уже не вынести.

Литература / References

- Косач Г. Г. Саудовская Аравия: «религиозное государство» или «государственная религия». *Религия и общество на Востоке*. Отв. ред. А. В. Сарабьев. Вып. I. М., 2017а. С. 7–50 [Kosach G. G. *Religion and Society in the East*. Iss. I. Moscow, 2017. Pp. 7–50 (in Russian)].
- Косач Г. Г. Социально-экономические реформы в Саудовской Аравии: «Видение 2030». *Труды Института востоковедения РАН*. Вып. 5: *Мусульманский мир на исторических рубежах России*. Отв. ред. В. Я. Белокреницкий, Н. Ю. Ульченко; сост. И. Г. Саетов. М., 2017б. С. 379–392 [Kosach G. G. *Proceedings of the Institute of Oriental Studies RAS*. Iss. 5: *The Muslim World on the Historical Frontiers of Russia*. Moscow, 2017. Pp. 379–392 (in Russian)].
- Abou Zeid Hikmat A. *La révolution institutionnelle au Liban*. Antione, 2021.
- Baumann H. *Citizen Hariri: Lebanon's Neoliberal Reconstruction*. Oxford, 2016.

Электронные ресурсы / Electronic sources

- Аль-Харири ба'д ликаихи ар-раис 'Аун йа'лян и'тизараху 'ан ташкиль аль-хукума (Харири после встречи с президентом Ауном принес извинения по вопросу формирования правительства). *Аль-Манар*. 15.07.2021. <https://almanar.com.lb/8474633> (дата обращения 27.07.2021).
- Аль-Харири йу'лян та'лик 'амалихи би-ль-хайя ас-сийясий ва йа'ду «Аль-мускабаль» ли-иттихаз аль-хутва нафсаха... ва йаставда'-улла (Харири объявляет о приостановке своей деятельности в политической жизни и призывает «Аль-мускабаль» сделать такой же шаг... и — храни Господь). *MustaqbalWeb*. 24.01.2022. URL: <https://mustaqbalweb.com/article/206941-الحريري-يعلن> (дата обращения 01.02.2022).
- Амилюн би-«Сауди Ожех» йюталибун битадаххуль Макрон лядай аль-Харири (Сотрудники Сауди Ожер требуют воздействия Макрона на Харири). *Аль-Хурра*. 19.09.2019. URL: <https://www.alhurra.com/saudi-arabia/2019/09/19/-عاملون-بیسعودي-أوجیه-یطالبون-بتدخل-ماكرون-لدى-الحريري> (дата обращения 21.11.2017).
- Ат-Тахрир, Фарик. Кейфа интакам бин Салман мин шарикат аль-Харири би-с-Са'удийя? (Как бин Салман отомстил компаниям Харири в Саудовской Аравии?). *Аль-Джазира*, 19.11.2017. URL: <https://www.aljazeera.net/midan/realty/politics/2017/11/19/سعودي-أوجیه-العلاقة-بين-الحريري> (дата обращения 21.11.2017).
- Мейсан Т. Дворцовый переворот в Эр-Рияде. *Voltairenet.org*. 08.11.2017. URL: <http://www.voltairenet.org/article198663.html> (дата обращения 21.11.2017).
- Ру'йя Аль-мамляка аль-'арабийя ас-са'удийя: 2030 (Видение Королевства Саудовская Аравия: 2030). *Ру'йя-Vision2030*. URL: <http://vision2030.gov.sa/ar/media-center> (дата обращения 03.05.2016).
- Сенарнохат мафтуха... Маза лау «кати» аль-Харири фи'лян аль-интихабат? (Открытые сценарии... Что, если Харири действительно «бойкотирует» выборы?). *Ан-Нашра*. 20.11.2021. URL: <https://www.elnashra.com/news/show/1538791/-سيناريوهات-مفتوحة-ماذا-لو-قاطع-الحريري-فعلاً> (дата обращения 21.11.2021).
- Хаммуд Ю. Са'уди Ожех: азма та'уд ли-ль-ваджиха муджаддадан байн аль-Харири ва-с-Са'удийя (Сауди Ожер: кризис вновь охватывает взаимоотношения Харири и Саудовской Аравии). *Gulf Online*. 24.09.2021. URL: <http://khaleej.online/kpNMKQ> (дата обращения 11.03.2022).
- Хури Т. Баха йа'уд иля ас-сийаса мин аль-баваба ас-са'удийя... фи зикра ахраджихи минха (Бахаа возвращается в политику через саудовские врата... в годовщину своего изгнания из них). *Ан-Нашра*. 31.01.2022. URL: <https://www.elnashra.com/news/show/1550623/-بهاء-يعود-الى-السياسة-من-البوابة-السعودية-في-ذكرى-إخراجه> (дата обращения 02.02.2022).
- Хашан Ф. Кира «руманийя» ли-«траджидийя» сийясий катобаха инкифа аль-Харири («Романтическое» прочтение политической «трагедии», написанной отходом Харири). *Ан-*

- Нахар*. 23.01.2022. URL: https://www.annahar.com/arabic/makalat/annahar-alarabi-authors/22012022064648527?fbclid=IwAR2tHdh7AurAYW0_kuHtl_aECY8ac9r4CMEEfLx1N7RMtG5e7MACMdkhL8k (дата обращения 01.02.2022).
- Шукейр М. Аль-муджтам‘ ад-дували йататалла‘ ли-интихаб барламан любнани джадид (Международное сообщество с нетерпением ждет выборов нового ливанского парламента). *Аш-шарк аль-аусат*. 06.02.2022. № 15776. URL: <https://aawsat.com/home/article/3457826/-المجتمع الدولي-يتطلع-لانتخاب-برلمان-لبناني-جديد> (дата обращения 08.02.2022).
- Шукейр М. Аль-маукиф ас-сунни мин аль-интихабат йантазар ‘аудат аль-Харири иля Бейрут (Суннитская позиция по выборам в ожидании возвращения Харири в Бейрут). *Аш-шарк аль-аусат*. 02.02.2022. № 12772. URL: <https://aawsat.com/home/article/3450286/-الموقف-السني-من-الانتخابات-ينتظر-عودة-الحريري-الى-بيروت> (дата обращения 06.02.2022).
- Al-Rasheed M. Saudi Arabia's last card in Lebanon use Israel to strike Hezbollah. *Middle East Eye*. 14.11.2017. URL: <https://www.middleeasteye.net/opinion/saudi-arabias-last-card-lebanon-use-israel-strike-hezbollah> (дата обращения 21.11.2017).
- FPM urges support for Hariri's bid to end presidential vacuum. *Annahar*. 5.10.2016. URL: <http://en.annahar.com/article/480626-fpm-urges-support-for-hariris-bid-to-end-presidential-vacuum> (дата обращения 06.10.2016).
- Lebanon's Aoun says ties with Saudi Arabia on the mend after visit. *Ahram Online*. 11.01.2017. URL: <https://english.ahram.org.eg/News/254892.aspx> (дата обращения 21.01.2017).
- Solidere. Board of Directors*. URL: <https://www.solidere.com/corporate/about/board-directors> (дата обращения 11.03.2022).

DOI: 10.31696/2618-7302-2022-1-67-80

ОСОБЕННОСТИ АРАБО-ХАЗАРСКИХ ОТНОШЕНИЙ В «ИСТОРИИ ТАБАРИ»

© 2022

Ф. Баротзода*

Вопрос изучения и сравнительного анализа исторических материалов хроники Табари (838–923) уже давно обсуждается в литературе, поскольку в источнике изложены ценные сведения о судьбе народов и государственных образований мусульманского Востока. Исследователи едины в том, что введение прозаического материала этой книги в научный оборот проливает свет на многие аспекты последовательного развития и образования династий в древности. Однако нарративная традиция арабской словесности не позволяла изложить материал о конкретно взятом историческом или культурном объекте в контексте хроники. Исходя из этого, в доисламской части хроники Табари важной дискуссионной темой является определение границ, история, этнический и религиозный состав, государственное устройство, дипломатические связи, место нахождения городов и другие вопросы, связанные с хазарами. Письменные памятники считаются ценным источником для определения зоны распространения хазар и Хазарии, хотя границы постоянно менялись вслед за изменениями в соотношении сил между ними и соседними государствами. В первые века нашей эры на установление границ все большее влияние стала оказывать борьба за господство на Ближнем Востоке двух империй — Византии и Сасанидского Ирана. Позже к этой борьбе против Хазарии подключится Арабский халифат, стремившийся к установлению контроля над Закавказьем и Причерноморьем. Хроника Табари сохраняла огромный материал нарративного характера о роли хазар в развитии событий минувших столетий. Благодаря сопротивлению хазар планы аббасидских халифов в VIII–IX вв. претерпели серьезные изменения. Дальнейшее уточнение роли хазар и Хазарии возможно лишь на основе критического анализа сведений Табари в сопоставлении с материалами поздних средневековых авторов.

Ключевые слова: средневековый Иран, История Табари, Арабский халифат, Сасанидский Иран, Византийская империя, Армения и Азербайджан, Хазарский каганат, хазары в доисламский период.

Для цитирования: Баротзода Ф. Особенности арабо-хазарских отношений в «Истории Табари». Вестник Института востоковедения РАН. 2022. № 1. С. 67–80. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-1-67-80

* Файзулло БАРОТЗОДА, кандидат филологических наук, доцент Таджикского национального университета, Душанбе, Таджикистан; arab62@mail.ru

Faizullo BAROTZODA, PhD (Philology), Assistant Professor of the Tajik National University, Dushanbe, Tajikistan; arab62@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-5586-1931

FEATURES OF THE ARAB-KHAZAR RELATIONS IN THE “HISTORY OF TABARI”

Faizullo Barotzoda

The issue of studying and comparative analysis of the historical materials of Tabari's chronicle has long been discussed in literature, because it also contains valuable information on the fate of the peoples and state formations of the Muslim East. Researchers agree that the introduction of the prose material of this book into academic circulation could shed light on many aspects of the consistent development and formation of dynasties in the ancient times. However, the narrative tradition of Arabic literature did not allow presenting the material about a particular historical or cultural object in the context of the chronicle. Based on this, in the pre-Islamic part of the Tabari chronicle an important discussion topic is the definition of borders, history, ethnic and religious composition, state structure, diplomatic relations, location of cities and other issues concerning the Khazars. Written monuments are considered a valuable source for determining the zone of distribution of the Khazars and Khazaria, although the boundaries were constantly changing following the changes in the balance of power between the Khazars and neighboring states. In the first centuries the struggle of two empires — Byzantium and Sasanian Iran for dominance in the Middle East — began to increasingly influence the establishment of borders. Later, the Arab Caliphate joined in this struggle against Khazaria to establish control in the Transcaucasia and the Black Sea region. The Tabari chronicle preserved a huge amount of narrative material about the role of the Khazars in the development of the past centuries' events. Plans of the Abbasid caliphs in the 8–9th centuries undergone major changes due to the resistance of the Khazars. Further clarification of the role of the Khazars and Khazaria is possible only based on a critical analysis of Tabari's information in comparison with the materials of late medieval authors.

Keywords: Medieval Iran, History of Tabari, Arab Caliphate, Sasanian Iran, Byzantine Empire, Armenia and Azerbaijan, Khazar Khaganate, Khazars in the pre-Islamic Period.

For citation: Barotzoda F. Features of the Arab-Khazar Relations in the “History of Tabari”. *Vestnik Instituta vostokovedeniia RAN*. 2022. 1. Pp. 67–80. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-1-67-80

Согласно сведениям средневековых арабских источников, хазарские и арабские войны длились со второй четверти VII в. до середины IX в. и велись между хазарами и мусульманами. В этом плане памятники исторической литературы мусульманского средневековья ярко передают нам хроникальную картину минувших событий.

Следовательно, анализ сбора, фиксации и оценки содержания прозаического материала в памятнике мусульманской прозы и историографии «Та'рих ар-русул ва аль-мулук» («История пророков и царей») великого историка, филолога-эрудита и богослова, имама Мухаммада ибн Джарира ат-Табари (838–923) имеет большое значение и позволяет пролить свет на многие аспекты этого вопроса. Данная хроника как прозаическое произведение на историческую тему содержит огромное количество материалов об исторических событиях, мифологических преданий и легенд новой веры согласно предписаниям Корана. Наряду с арабскими нарративными сведениями автор книги смог не только передать всю глубину смыслов прозаических текстов иудаизма, христианства, римско-греческой, коптской, эфиопской, персидской, тюркской, китайской и индийской древности, но и сохранить высокий нравственный дух архетипов, живые образы пророков и правителей во всей их универсальной цельности. Бесспорно, такие шедевры словесного искусства сочинялись на основе компаративного анализа памятников различных культур и верований, ибо «эти литературы создавались сразу во многих странах, были общим достоянием этих

стран, служили их литературному общению. При этом их литературное посредничество — не их побочная функция, а основная. Произведения, написанные на том или ином из священных и ученых языков, входили в единый фонд памятников объединяемых этими языками стран и участвовали в создании литератур на национальных языках» [Лихачев, 1973, с. 63].

Вопрос изучения и тщательного анализа исторических материалов хроники Табари уже давно обсуждается в литературе, ибо она «охватила описание событий, происходящих в мире, начиная с архаичных времен и до 915 года, и вобрала в себя большое число трудов предшествовавших авторов» [Гогоберидзе, 2009, с. 208]. В ней также изложены ценные сведения о судьбе народов и государственных образований мусульманского Востока. На наш взгляд, введение сведений этой книги в научный оборот проливает свет на многие аспекты последовательного развития и образования династий.

Прежде чем приступить к анализу материалов по данной теме, следует отметить, что в доисламской части хроники Табари впервые термин «хазар» [Тарих ат-Табари, 2003, с. 67–71] нашел свое толкование при генеалогической классификации рода человеческого после Потопа. Инцидент всемирного потопа и возрождение человеческого рода спасенными сыновьями Нуха имеет две версии в повествованиях Табари. В разделе «Упоминание Бефароспа и он Аздаха» приводятся важные сообщения о продолжении человеческого рода и их классификации после Ноева потопа: «А теперь мы возвращаемся к упоминанию о Ное, мир ему, и к новостям о нем и его потомках. Ибо они те, кто остались на сегодня. Всевышний известил о них, что все остальные, к кому был послан Ной, погибли вместе с их потомками, и ни один из них и их потомки не остались, кроме потомков его сыновей». Мы уже упоминали ранее на основании авторитета Посланника Бога, что он сказал словами Всемогущего Бога: «И мы сделали его потомство теми, которые останутся, поистине они Сим, Хам и Иафет» [Тарих ат-Табари, 2003, с. 66].

Цитирование коранического стиха дополнительно сакрально подтверждает правдоподобие собранных автором нарративных материалов. Далее послепотопная родословная человечества приводится согласно преданиям таких авторитетных сказителей, как Вахб ибн Мунаббих и Ибн Исхак. Сказители утверждают, что первые потомки сыновей Ноя жили сначала вместе, пока им не стало тесно в Суку-с-саманин. Потом они отправились в Вавилон и построили его между Евфратом и Саратом. А краткое родословие человечества Вахб излагает следующим образом: «Сам ибн Нух является отцом арабов, персов и римлян, а Хам — отцом чернокожих, и что Иафет — отец турок, Ягогы и Магогы, и он является двоюродным братом турок». При описании сыновей Иафета автор хроники впервые употребляет термин «хазары»: «И от сыновей Яфета ибн Нуха были рождены неарабские цари, среди которых турки, хазары и другие, а также персы, последним из них, кто правил, был Язгирд ибн Шахрияр ибн Абарвиз и его род заканчивается Каюмарсом ибн Яфет ибн Нух» [Тарих ат-Табари, 2003, с. 67]. В дополнение к этой информации в хронике приводится арабская версия имен семи сыновей Яфета: «А что касается Яфета, сына Нуха, то от него родились Джомир (Гомер) и Муъидж (Магор) и Мудой (Мадай) и Бавон (Иаван) и Субол (Фувал) и Мошидж (Мешех) и Тираш (Фирас). И от сыновей Джомира родились царей Персии, от сыновей Тираша — турки и хазары, и от сыновей Мошиджа — Ашбан (Испания, Андалусия), и от сыновей Муъиджа — Гога и Магога, которые находятся в восточных землях турок и хазар» [Тарих ат-Табари, 2003, с. 68]. Отсутствие цепочки имен сказителей в данном сообщении указывает на заимствование сведений еврейзма (إسرائيليات). С другой стороны,

причастное упоминание терминов «турки и хазары» при квалификации потомков Нуха наводит на мысль об общей этнической принадлежности этих древнетюркских народов [Эрдаль, 2005, с. 125; Голден, 2005, с. 92].

Подобное упоминание также наблюдается в другой версии персоязычных народов, где говорится о Фаридуне и его сыновьях. Таким образом, некоторые персидские родословные утверждали, что Нух — это Фаридун (Траэтаона), победивший гнет и высокомерие Аждахака и отнявший у него королевство [Авеста, 1997, с. 350; Frye, 1984, p. 143]. Этот же Фаридун разделил землю между своими тремя сыновьями — Туджем, Салмом и Ираджем. Туджу была отведена «территория, где проживали турки, хазары и китайцы» [Табари, 2003, с. 71]. Назывался этот регион «Син-Буга» (بنگه سین).

Подобное описание народов по языковым и этническим признакам встречаются при профетических повествованиях. Состояние народов ойкумены отражается в тесном взаимоотношении царей с деяниями последующих пророков. Например, сказание о Ибрахиме в хронике Табари изложено с мельчайшими подробностями. В разделе «Упоминание о смерти Сары, дочери Харрана, и Агарь, матери Исмаила, и упоминание жен Авраама, мир ему, и его сыновей» также включено краткое сообщение о хазарах. Согласно сведениям рассказчиков, на основании авторитета Ибн Исхака, когда Сара, дочь Харрана, умерла, Ибрагим женился на Кутура бинт Яктан, женщине из ханаанеев, родившей ему шестерых детей: Яксана, Замрана, Мадьяна, Ясбук, Суху и Биср. И количество сыновей Ибрахима вместе с Исмаилом и Исхаком составило восемь [Тарих ат-Табари, 2003, с. 104].

Далее приводится мнение самого автора — Абу Джафара: «Что касается Яксана (يَقْسَان), то его сыновья присоединились к Мекке и основали города, а земля Мадьяна была названа в честь другого сына Мидьяна (مِدْيَان), а остальные пошли дальше по разным странам. Они сказали Аврааму: “О, отец наш, ты низверг Исмаила и Исхака с собой, а нам велел отправиться в края отчуждения и одиночества”. И он ответил: “Так было мне приказано”. Кроме того, он научил их одному из имен Благословенного и Всевышнего Аллаха, и оно помогло им молить о ниспослании дождя и победы. Некоторые из них отправились в Хорасан, и хазары пришли к ним и сказали: “Тот, кто научил вас этому имени, должен быть лучшим из людей земли или царем земли”» [Тарих ат-Табари, 2003, с. 105]. Автор добавляет: «Они (хазары) называли своих царей каганом».

Сведения о первых взаимоотношениях персидских и тюркских царей приводится в разделе «Известие о том, кто правил провинциями Вавилонa и Востока от царей персов после Кай Кубада» [Тарих ат-Табари, 2003, с. 171], где упоминается о царском перечне Кавиев. Из содержания этого раздела явствует, что после Кай Кубада царство перешло Кай Кавусу. С именем Кай Кавуса, Сиявуша и с их походами против Афрасияба тесно связано множество сведений историко-мифологического характера с определением места обитания стран персов и тюрков. Самое примечательное заключается в том, что в этом разделе все связанное со слитно используемым термином «турки и хазары» привязано к конкретной географической местности. Кай Кавус восседает на трон в городе Балх. Впервые в переводе хроники Табари, осуществленном при Саманидах, в разделе «Сказание о правителе Манучехре» территория, населенная турками, называется «Туркестан» (تُرْكِسْتَان) [Тарихнама-е, 1999, с. 253], что соответствует в арабском тексте термину «билоду турк» (بِلَادُ التُّرْك). В качестве истинной границы между странами персов и тюрков показана река Джейхун. А при военных походах против Афрасияб-турка Кай Кавус дает наставление своим витязям начать наступление по разным маршрутам — «Гудерз (جودرز) по направлению Хорасана, Мелаз

(میلاد) по направлению Китая и Агс (أغص) по направлению Хазара. Этот факт указывает на древнюю состоятельность этнического и географического термина хазар и Хазарии.

Анализ сведений хроники в последующих повествованиях показывает, что за понятием «хазар» подразумевается определенная географическая единица за территорией Хорасана. Например, при упоминании сражений между армией Александра Македонского и персидским войском Дария в различных городах Малой Азии, наряду с хроникальным описанием сражений на территории Ираншахра и Малой Азии, мы находим сведения о хазарах. Согласно сообщениям сказителей, царь «римлян» во времена правления Дария Старшего имел обыкновение приводить дань. Но позже царем «римлян» стал Александр, который был человеком жестким и хитрым. Опираясь на свои силы, Александр воздержался подносить ту дань, что его отец приносил персидским царям. Это разочаровало Дария, и он отправил ему письмо, требуя встречи для выяснения обстоятельств испорченных отношений между ними. Александр боялся сразиться с Дарием и позвал его на встречу. Стороны посоветовались и договорились о месте встречи, где между ними возникло сражение. «Они расходились по границе и месту встречи, некоторые из них упоминали, что их встреча была в окрестностях Хорасана, который находится рядом с хазарами. И там они жестоко сражались, пока их оружие не закончилось» [Тарих ат-Табари, 2003, с. 196].

В описании деяний Ардашира Папакана, первым персидским шахиншахом из династии Сасанидов мы находим также и много сведений о месопотамских походах Ардашира и Шапура II. Следует отметить, что в персидской версии хроники Табари приводится несколько сказаний о взаимоотношениях Тюркского каганата с Бахрамом Гуром и Бахрамом Чубином [Тарихнама-е, 1999, с. 649, 804]. Эти сведения указывают о возвышении правителя хазар Ябгукагана (یَبْغُو خاقان) в контексте общей истории Тюркского каганата, что в дальнейшем способствовало продвижению хазар по направлению каспийско-причерноморских степей [Артамонов, 2001, с. 193]. По всей вероятности, они состояли в родственных отношениях с владыками тюркютов (خاقان و خاتون).

Активное участие хазар также упоминается в Ирано-византийских войнах 602–628 гг. Когда императором римлян стал Константин, он, по легенде, первым принял христианство и обосновался в древнем поселении Византий, переименовав его в Константинополь. Перенеся столицу на восток, Константин столкнулся лицом к лицу с самым опасным врагом — царем Персии. Согласно сведениям ат-Табари, Константин для сохранения христианства и римской государственности «собрал толпы римлян, хазар и арабов в своем царстве, чтобы с их помощью сразиться с Шапуром и воинами Персии» [Тарих ат-Табари, 2003, с. 236]. Данное сообщение свидетельствует о том, что хазары, наряду с римлянами и арабами, выступали в поход как значительная военная сила на просторах Римской империи и Персии.

Необходимо констатировать, что, когда мы затрагиваем описание событий ближе к возникновению ислама, информация о политических достоинствах и силе хазарского феномена становится более яркой и конкретной. Например, в разделе «Упоминание событий, которые произошли между арабами во времена Кубада в его королевстве и среди его наместников» [Тарих ат-Табари, 2003, с. 249] описывается обострение отношений между сасанидскими царями, с одной стороны, и арабскими королями мунзиритов и тубба (تُبَّع) — йеменских наместников, с другой стороны. Воспользовавшись слабостью Кавада I, арабы совершили набег в сасанидских провинциях вдоль реки Евфрат.

Царь государства Сасанидов Кавад I с целью ослабления политического и экономического могущества знати и жречества примкнул к маздакитскому движению и

провел ряд мероприятий, соответствовавших их программе. Из-за этого он был свергнут знатью. Табари сообщает, что он бежал к эфталитам и позже с их помощью вернул престол [Тарих ат-Табари, 2003, с. 250]. Но начатое им внутренние реформы получили завершение при сыне Хосрове Ануширване. Новый царь уделял должное внимание сохранению мира и спокойствия в стране и произвел изменения в руководстве войсками. Согласно этим сведениям, страна Хазар является частью Сасанидского государства: «И до начала его царствования военное начальство (إصيهبة), то есть руководство над воинами, принадлежало одному человеку — спахбаду. Поэтому царь разделил военное управление среди четырех военачальников (أصيهيد) — спахбад Востока, то есть Хорасан с его окрестностями; спахбад Запада; спахбад Нимруза, которая является страной Йемена; и спахбад Азербайджана с его окрестностями, и она является страной Хазар (بلاد الخزر) с его окрестностями. Также сообщается о народах, которые входили и проживали в стране Хазар. «Поистине народ по имени Абхазы, и народ по имени Банджар, и народ по имени Баланджар, и народ по имени Аллан мобилизовались, чтобы вторгнуться в его страну через Армению» [Тарих ат-Табари, 2003, с. 251].

Следует отметить, что Табари излагает события о причинах войны персов против хазар вне хронологической последовательности. Однако в некоторых случаях эти сведения имеют особый информативный характер. Относительно проблемы хазар в сведениях Табари о царе Хосрове Ануширване мы находим важное сообщение о личности одного правителя хазар Синджибуво-кагана: «И поистине Синджибуво-каган (سَنجَبُوَا خاقان) был самым грозным из тюркских каганов, самым храбрым, самым благородным и самым сильным из них по количеству воинов. И он был тем, кто сражался с Вазаром — царем Эфталитов, не боясь большого числа Эфталитов и препятствуя им. Таким образом, он убил Вазара — их царя и всех его воинов, забрал их имущество и завладел их страной, за исключением тех земель, которые ранее принадлежали Хосрову. И на его сторону привлекались Абхазы, Банджар и Беленджер: они выразили ему свою послушность и сообщили ему, что персидские цари все еще давали им выкуп, чтобы они не вторглись в их страну. И каган прибыл со ста тысячами воинов вблизи местности Сул, и требовал от Хосрова выполнить обещания, угрожая ему и прося его прислать деньги ему, а абхазам, Банджару и Беленджеру выкуп, который давали им до прихода царя Хосрова. И если он не поспешит с миссией к нему с тем, о чем он просил, то он нападает в его страну и навязывает войну. Хосров не прислушался к своему обещанию и ничем не ответил ему, о чем он просил его. Потому что он укрепил свои позиции в направлении в направлении Баба Сула (باب صول) и перекрыл дороги и долины, по которым мог следовать Синджибуво-каган к нему. Он также знал о своей способности захватить армянский форпост с пятью тысячами бойцов из числа всадников и пеших.

Когда Синджибуво-каган убедился в укреплении границ Сула Хосровом, он отправился разочарованным в свою страну с теми, кто был с ним» [Тарих ат-Табари, 2003, с. 252]. Упоминание правителя хазар под этим именем в других источниках не встречается, и на основе этой информации можно проследивать сведения других средневековых памятников.

Согласно утверждениям византийских источников, к 589 г. положение Ирана, ослабленного репрессиями Ормизда IV против аристократии, было критическим. Тюркским ханам, несмотря на имевшие место в прошлом конфликты с Византией, удалось на основе общих интересов договориться с ней о совместных действиях против Сасанидского государства.

В повествованиях хроники Табари отмечается, что к концу VI в. «Тюркский каганат (тюркюты) контролировали огромную территорию от границ Китая до границ Ирана». Они получали от северокитайских династий дань шелком, а также взимали плату от согдийских купцов-посредников за сверхприбыльную торговлю с Византией. Однако караванный путь шел через Иран — главного врага византийцев. Сасанидские цари не могли полностью запретить транзитную торговлю, поскольку доходы от пошлин составляли значительную часть их государственной казны. Согласно Табари, «армия Шоба (شابة) — правителя великих тюрков (Савэ) достигала 300 тыс. человек и находилась в предместьях Бодгиса и Герата; а римский царь пришел в ее окрестностях с восьмьюдесятью тысячами бойцов, предназначенных для вторжения; и что хазарский царь собрал большое сборище воинов к подступам Дербента; и двое арабов, одного из которых зовут Аббас аль-Ахвал, а другого — Амр аль-Азрак, расположили свой лагерь с большой группой арабов на берегу Евфрата, и начали набег на Савад (Месопотамию) и вторглись в Сасанидское государство» [Тарих ат-Табари, 2003, с. 280]. А. Н. Гумилев заключил, что «тут сказались низкие боевые качества персидской линейной пехоты, отмечаемые всеми источниками. В Иране возникла паника» [Гумилев, 1967, с. 127]. В данной ситуации Шоба-шах олицетворял единственную опасность и, по сведениям Табари, он начал диктовать свои условия: «И отправил Шоба, правитель тюркютов, Хормизду и знатным людям персов послание, поручив им принять его в число своих воинов и сказал: “Перебросьте мосты через реки и долины, чтобы я мог по ним войти в вашу страну, и постройте мосты на тех реках, которые их не имеют; и сделайте то же самое с реками и долинами, через которые ведет моя дорога из вашей страны к румийцам (بلاد الروم), так как я намереваюсь через вашу страну туда пройти”» [Тарих ат-Табари, 2003, с. 280]. Этот текст ультиматума вызвал сильное отвращение у Хормизда, и на совете в Ктесифоне было решено послать на отражение Шаба-шаха Бахрама Чубина, марзпана Армении и Азербайджана, который понес тяжелые потери и разгромил тюркские войска форсированными переходами в тылу с 12 тысячами воинов. Стрелки из лука, в основном, обеспечивали успех Бахрама. Табари их называет «арашбатыр» (أرشباطير) [Тарих ат-Табари, 2003, с. 128]. Благодаря победам Бахрама Чубина, между тюрками и Сасанидами на два десятилетия установился мир. Данная информация подтверждает, что употребление терминов «Тюркский каганат» и «Хазарский каганат» еще не означает отдельную государственную целостность, в отличие от Сасанидской и Византийской империй.

Таким образом, на основе сведений доисламской части хроники «Истории Табари» можно сделать следующие выводы:

1. Хазар и Хазария как этнические и географические термины упоминаются вместе с Китаем и Тюркским каганатом. Хазары как западная часть Тюркского каганата, продвигаясь по территории Центральной Азии, переселились на побережье Каспийского моря и создали особый пласт тюркских народов, сохранили свою независимость и не подчинялись посторонним воздействиям.
2. Перед началом распространения ислама территория Хазарского каганата охватывала западную часть Черного моря. В источниках не упоминается о каких-либо особых связях между хазарами и арабами.
3. Согласно сведениям Табари и других средневековых источников, хазары сотрудничали с персидскими царями и византийскими правителями в различных областях, но прежде всего, кочевые племена хазар использовались сасанидами и римлянами как военизированное ополчение для разрешения спорных притязаний регионального характера.

Вводная часть «Истории Табари» сохранила много сведений о взаимоотношениях и столкновениях арабских завоевателей с хазарами, начиная с эпохи праведных халифов. И эти контакты носили в основном непримиримый характер военных столкновений, завоеваний и грабежей. Эта серия вооруженных конфликтов между Хазарией с одной стороны, и «Праведным», Омейядским и Аббасидским халифатами с другой в историографии стали называть Арабо-хазарскими войнами.

VII в. стал свидетелем самых мощных и частых войн между хазарами и мусульманами. Войны начались с союза византийцев с хазарами против слабой империи Сасанидов, где арабские мусульмане начали разрушать государство Сасанидов и контролировать его земли, а также взяли под контроль иранские земли и дорогу в Армению, ведущую на Кавказ. Ряд военных походов, предпринятых мусульманами для завоевания кавказского региона, в средневековых источниках получил также название «Арабское завоевание Арминийи» (الفتح الإسلامي للأرمينية), и этой теме посвящены отдельные исследования [Sabir, 1978, p. 203; Шагинян, 2011, с. 146]. Исходя из этого, можно констатировать, что основная причина развязывания столкновений между арабами и хазарами, да и остальные противоречия, имели непосредственную связь с установлением контроля над регионом.

Относительно точной даты первого арабо-хазарского столкновения источники передают противоречивые данные. «В пользу 652/653 года свидетельствуют ал-Куфи, ал-Йакуби и Ибн ал-Асир. С ними согласуется дата 653/654 у армянского автора Себеоса. В то же время в самом раннем среди арабских источников описании Халифы ибн Хаййата называются даты 649/650 и 651/652» [Новосельцев, 1990, с. 102; Аликберов, 2010, с. 57]. В хронике Табари говорится о походах на Беленджер. Первое крупное противостояние арабов и хазар произошло в 22 г. х. (около 642 г.), когда халиф Омар ибн аль-Хаттаб послал Сураку ибн Амра завоевать город Дербент (فتح الباب).

Сурака ибн Амр был известен как один из князей в завоеваниях, и некоторое время был губернатором Басры. Этот военачальник исламских походов на Кавказе также известен под прозвищем Зу-н-Нун, он смог примирить население Армении и умер там же. После смерти Сураки в городе Баб аль-Абваб его сменил Абд ар-Рахман ибн Рабаи. Ему было поручено завоевать хазар, с этой целью он возглавил «первую битву за Беленджер», и в том же 22 г. х. вторгся в город (хазары вернули его под свою власть впоследствии). По сведениям Табари «они убили почти 40000 мусульманских солдат. А после того как мусульмане захватили Беленджер, хазары перенесли свою столицу на Итиль. Затем они двинулись на юг и вошли в Армению» [Гарих ат-Табари, 2003, с. 722].

Первая череда Арабо-хазарских войн показала, что в борьбе за господство в Закавказском регионе Арабскому халифату противостояла серьезная сила. В то же время Волжская Болгария, находившаяся на севере Черного моря, не выдержала противостояния хазар, в результате чего империя была разделена на части, и хазары достигли равнин реки Днепра. Они перекрыли дорогу мусульманам, продвигавшимся на юг к Кавказу, и поселились в районе между Доном и Кавказом; жители этого края приняли власть хазар. В 683 г. они часто атаковали Кавказскую Албанию и Армению, забирали добычу и возвращались. Между тем, в 685 г. князь Армении сразился с хазарами, желавшими захватить его государство, и повернул их назад [Артамонов, 1936, с. 84]. До конца VII в. хазары захватили Крым, добившись полного контроля над Азовским регионом. Таким образом, хазары контролировали регионы от Каспийского моря до степей Днепра на Кавказе и на юге до реки Оки, помимо Крыма. После этого противостояние между хазарами и мусульманами

уменьшилось, хотя иногда они организовывали продвижение в виде набегов со стороны Кавказа.

С началом правления Омейядов пограничные столкновения между мусульманами и хазарами продолжались почти полвека, а крупные нападения на Кавказ снова начались во время правления халифа Омейядов Муавии ибн Абд Суфьяна. Командующим его армией был Маслама ибн Абд аль-Малик. Он переправился из Азербайджана и напал на Дербент в 711 г. против позиций хазар и двинулся в обход Дербента, позже захватив его в 714 г. Однако в 717 г. Маслама был вынужден покинуть Кавказ и отправиться в Константинополь, мусульманские силы отступили перед хазарами. Соответственно, хазары вошли в Ширван и оккупировали значительную часть территории нынешнего Азербайджана.

Во времена правления Омара ибн Абдель Азиза Хатем ибн аль-Ну'ман сумел остановить продвижение хазар. Но через пять лет хазары с помощью тюркских племен при поддержке населения Кавказа нанесли мусульманам большие потери. Выжившие после этого поражения смогли вернуться в Дамаск. Для выхода из положения омейядский халиф Язид ибн Абд аль-Малик назначил аль-Джарраха ибн Абдуллах аль-Хаками правителем Южного Кавказа. Помимо территории Азербайджана под власть арабов попадали Армения и Грузия, сохранявшие при этом свою автономию и противостоявшие хазарам.

Будучи многоопытным лидером, Аль-Джаррах одержал крупные победы над хазарами между 721 и 723 гг. и захватил Дербент. Две армии встретились к северу от Дербента. В этой битве аль-Джаррах нанес хазарам тяжелое поражение. Затем Джаррах захватил Беленджер, после чего правитель хазар переехал в город Итиль (اتيل), расположенный на одноименной реке Итиль (совр. Волга), сделав его столицей своего государства.

В 726 г., во время правления Хишама ибн Абд аль-Малика, Маслама ибн Абд аль-Малик снова напал на хазар, двинулся в сторону Азербайджана и Дагестана и захватил ряд крепостей. В том же году Маслама второй раз напал на хазар, взял большое количество пленных и трофеев, оставил разрушенные крепости и ушел.

Данное поражение спровоцировало хазар организовать крупное наступление против позиций омейядских халифов в 731 г. на территорию Халифата. Это случилось во время правления омейядского халифа Хишама ибн Абд аль-Малика. Огромная хазарская армия (по некоторым оценкам, около 300000 бойцов) атаковала азербайджанский регион, контролируемый арабами через пролив Дарыл (который в настоящее время является связующим пунктом между границами Ингушетии, Северной Осетии и Грузией). Впоследствии этой атаки хазарам удалось выйти к северному Азербайджану, правителем которого был аль-Джаррах ибн Абдуллах аль-Хаками, ранее сражавшийся с хазарами. По численности хазарская армия превосходила армию аль-Джарраха, поэтому между ними произошла неравная битва возле Ардебиля. В хронике Табары данная битва называется «Мардж-Ардебиль» [Тарих ат-Табары, 2003, с. 1380], бои в нем продолжались два дня, и все силы Омейядов были уничтожены вечером второго дня, а с наступлением темноты многие бойцы армии Омейядов покинули поле битвы и бежали. На третий день хазары совершили последнюю атаку.

Аль-Джаррах смог убедить бойцов сражаться вместе с ним и умереть ради Аллаха. Сам аль-Джаррах умер мученической смертью в той битве; хазарский полководец отрубил ему голову и насадил ее на копьё. Данный инцидент среди арабов оставил след как грустное упоминание о трудной ночи или трудном дне: «Ночь, подобная ночи аль-Джарраха» или «день, подобный дню аль-Джарраха» [Тарих ат-Табары, 2003, с. 1385]. Хазары осадили

Ардебиль и окружили его катапультами. После непродолжительного сопротивления город сдался. Хазары перебили в нем оставшихся воинов и поработили население. Затем отряды хазарской армии совершили глубокие рейды и достигли окрестностей Мосула и Диярбакыра, но их набеги на эти районы был отражены.

Согласно сведениям Табари, арабские солдаты были разгневаны оскорблением в адрес своего лидера аль-Джарраха, они были настроены сражаться, в результате чего воинам удалось победить хазар на окраине Мосула. Тогда армия Омейядов под предводительством Маслама ибн Абд аль-Малика, брата халифа Хишама ибн Абд аль-Малика, предприняла контратаку. Ему удалось вернуть территории, занятые хазарами, а затем пересечь границу между халифатом и Хазарским государством и совершить набег. В ходе этого инцидента он на короткий период занял город Беленджер, расположенный на Северном Кавказе, а затем, взяв с собой добычу и пленных, покинул город. Маслама смог укрепиться в Дербенте, который стал разделительной линией между Халифатом и хазарами.

В 115 г. х. (732 г.) Марван ибн Мухаммад (будущий халиф) был назначен военачальником Армении и Азербайджана, а двумя годами позже после смещения Саида аль-Хараша получил и полномочия наместника. Его армия, насчитывающая 40 тыс. бойцов, штурмовала земли Хазарского государства и взяла Дербент, а затем решила наступать на столицу хазар город Итиль.

В 737–738 гг. 150-тысячная армия подошла к Итилю и неожиданно напала на хазар. Последние не смогли противостоять Марвану, вся армия Саида двинулась в сторону Итиля и захватила его южную часть. Затем Саид продолжил преследование хазар-кагана, бежавшего в глубь своих владений. Во время погони армия Омейядов достигла некой славянской реки под названием Итиль, где хазарское войско было полностью уничтожено, и хазар-каган просил мира [Калинина, 2005]. В обмен на сохранение своего престола каган пообещал принять ислам. С этой целью два факиха остались там, чтобы учить людей исламу. Однако обращение кагана в ислам было ситуативным и примирительным [Тарих ат-Табари, 2003, с. 1407]. Касательно обещания кагана принять ислам после поражения 737 г. в хронике Табари не содержится каких-либо фактов, подтверждающих или отрицающих этот факт [Dunlop, 1954, p. 87]. С другой стороны, надо отметить, что на контролируемой территории Хазарии проживали еврейские общины, и многие хазарские военачальники примерно в 740 г. перешли в иудаизм [Артамонов, 2001, с. 364]. Таким образом, можно констатировать, что обещание кагана принять ислам не осуществлялось должным образом.

Основатель советского хазароведения М. Артамонов считал, что «хазары сыграли важнейшую роль в истории, поскольку они помешали арабам-мусульманам завоевать Кавказ, а также препятствовали распространению ислама в восьмом веке в Поволжье и Причерноморье» [Артамонов, 1936, с. 147]. Таким образом, ислам не нашел реальной возможности для распространения среди народов этого региона. Это связано с тем, что Омейяды не смогли укрепить свои позиции в завоеванных местах. По другим версиям, их армии ушли на основе соглашения, заключенного с каганами, и после их ухода хазарское государство осталось независимым. Тем временем, в самом халифате вспыхнули внутренние раздоры, и закончилось все смертью Марвана ибн Мухаммада и распадом Омейядского халифата в 750 г. Распространение ислама в начальном периоде сопровождалось интенсивными военными походами мусульман в соседние страны, но с переносом центра халифата в Багдад этот процесс утратил свою первостепенную значимость.

Следует отметить, что взаимоотношение арабов с тюрками после прихода Аббасидов к мусульманскому правлению в 132 г. х. (749 г.) приобретает более мирный и совещательный характер. Хазары также избегали противостояния с мусульманами и довольствовались укрепленными позициями, потому что, в отличие от Омейядов, политика Аббасидов не была экспансионистской. Но вскоре после прихода к власти халифа Абу Джафара аль-Мансура (136–158 г. х. / 754–775 г. н. э.) начались военные столкновения между хазарами и Аббасидами в приграничных районах. Хазары взяли под контроль ряд крупных городов — Дербент, Мукан и Тбилиси в 145 г. х. (762 г.). Язид ибн Усайд ас-Сулами не смог отбить их наступление и отступил в Ардебиль, где укрепился и обратился за помощью к аль-Мансуру. Однако у халифа имелись внутренние проблемы, одна из которых заключалась в избавлении от нападений Абу Муслима ал-Хурасани.

Фактически политика государства Аббасидов с самого начала была направлена на укрепление приграничной территории с Хазарским государством. Халиф аль-Мансур не удовлетворился укреплением своих позиций в направлении византийских границ, но также сосредоточил внимание на границах с хазарами. Поэтому он построил военные городки, сделав их опорой для мусульман, и разместил в них бойцов, чтобы, с одной стороны, избежать их нападений и, с другой стороны, привлечь их к исламу. Также принимались попытки установить с ними отношения посредством смешанных браков и выстраиванием культурных и торговых отношений, которые связывали обе стороны. Феномен политических смешанных браков между семьями правящих элит существовал в исламском мире и раньше, до прихода Аббасидов. Такая практика, в целом, способствовала улучшению отношений, прекращению войн или стремлению присоединить новые владения к другим государствам. Эти идеи были воплощены в осознании аль-Мансуром опасности войны с хазарами, и постоянные войны были нежелательны для сохранения власти Аббасидов в регионе. Поэтому он приказал своему наместнику в Армении Язиду ибн Усайду ас-Сулами найти возможность вступить в брачный союз с хазарами. В «Истории Табари» Язид как правитель Армении также часто упоминается в качестве проводника военных походов мусульман в летнее время (الصائفة) против хазар и византийцев [Тарих ат-Табари, 2003, с. 1634]. Известно, что когда турчанка выходит замуж в рамках политического брака, она превращается в посла своей страны в стране мужа, у нее сохраняется политическая роль до смешанного брака и после его завершения. Язид послушался халифа и написал хазарскому царю по имени Таатур (تعاطر) письмо о желании жениться на его дочери Хатун. Свадьба арабского наместника Армении Язида ибн Усайда и дочери хазарского кагана состоялась в 759 г. Дочь хазарского кагана прожила с ним два года и четыре месяца и родила двух детей. Однако она и оба ее сына умерли, и Язид стал оплакивать их.

Армянские источники сообщают, что благодаря этой свадьбе мирные переговоры с хазарским каганом Багатуром завершились успешно. Однако этот политический брак длился недолго, так как «она родила от него двух сыновей, а после этого умерла, и умерли оба ее сына» [Шагинян, 2011, с. 63]. Загадочная смерть Хатун стала причиной восстания хазар против мусульман. Хазары начали крупную атаку на исламские силы во главе с хазарским полководцем Рас-тарханом, закончившуюся поражением мусульман, находившихся под руководством Язида ибн Усайда аль-Сулами. Двадцатитысячная армия, направленная аббасидским халифом для отражения хазар во главе с Джибрилем ибн Яхья, потерпела сокрушительное поражение. В 145 г. х. (762 г.) хазары напали на Дербент и, согласно сведениям Табари, убили около 50 тыс. человек [Тарих ат-Табари, 2003, с. 1720]. В 764–765 гг.

царь хазар снова напал на мусульман. Византийцы помогали хазарам в этой войне, чтобы сохранить господство на Кавказе. Согласно повествованиям хроники, в 765 г. хазары снова захватили Тифлис у мусульман с помощью тюркских племен, и многие мусульмане были убиты.

Во время правления аббасидского халифа Харуна ар-Рашида хазары также совершили крупное нападение на Армению, сумев нанести тяжелое поражение мусульманам. Хотя первый смешанный брак привел к неудовлетворительным результатам, в 182 г. х. (798 г.) аль-Фадль ибн Яхья аль-Бармаки попытался заключить еще один политический смешанный брак с хазарами. Это показывает, насколько халифат Аббасидов был заинтересован в поддержании дружеских отношений с хазарами, чтобы уменьшить или, по крайней мере, нейтрализовать опасность их набегов. При описании событий 182 г. х. приводится следующее сообщение: «И в этом году дочь кагана, царя хазар, отвезли к аль-Фадлу ибн Яхья, и она умерла в Барзаа (برذعة). В это время Саид ибн Салим ибн Кутайба аль-Бахили был наместником Арминийи. Тогда те, кто был с ней из тарханов, возвратились к ее отцу, и они сказали ему, что его дочь была убита намеренно. Поэтому он рассердился на это и начал готовиться к войне с мусульманами» [Тарих ат-Табари, 2003, с. 1719]. Этот печальный инцидент послужил поводом для новой атаки хазар в Армении.

При описании событий 183 г. х. Табари приводит две версии причин хазарского набега против мусульман: первая — месть за дочь хазарского царя; причина второй состояла в том, что Саид ибн Салим обезглавил некоего астролога топором, а его сын отправился к хазарам и побудил их к возмездию [Тарих ат-Табари, 2003, с. 1720]. Поводом для новых нападений хазар на государство Аббасидов послужила загадочная смерть дочери хазарского царя Сетига. В ответ каган напал на мусульман в 183 г. х. и взял в плен около 100 тыс. человек. Халиф Харун ар-Рашид ответил на это посылкой к хазарам полководца Язида ибн Усайда, которому удалось изгнать хазар из Армении. После этого ни в одном арабском источнике, в том числе в «Истории Табари», не говорилось о каких-либо серьезных столкновениях между арабами и хазарами, а отношения между Хазарией и Арабским халифатом нормализовались. Согласно сведениям Идриси и Ибн Хордадбеха, позже халиф Абу Джафар Харун аль-Васик Биллах отправляет Салама аль-Тарджуман во главе делегации из 60 человек в Хазарию, чтобы раскрыть информацию о существовании там плотины Гога и Магога (يأجوج ومأجوج). Путешественники были приняты хазарским царем и получили от него проводников. Источники предполагают, что Салам достиг Уральских гор и Алтая, но никакой записки о результатах этой экспедиции не сохранилось, существуют лишь разные версии пересказа этого события у различных арабских авторов [Ибн Хордадбех, 1986, с. 228].

После 800 г. (183 г. х.) между халифатом и каганатом было установлено хрупкое перемирие. Однако в 809 г. движение хуррамитов под руководством Бабака охватило Талышские горы и вскоре перекинулось на весь Азербайджан, а также часть Аррана и Армении [Греков, 1953, с. 646]. Постепенно это движение нашло поддержку со стороны хазарских каганов. Закавказские владения халифата в это время были охвачены мятежом. Для его подавления халиф Му'тасим отправил военачальника Буги Старшего (بغا الكبير), хазарина по происхождению. Арабский полководец Азербайджана Манкджур ибн Карин по прозвищу Афшин вошел в заговор с хазарами. Буга совершил поход на алан и хазар и получил с них дань, но потом был отозван, так как Му'тасим боялся, что он может сговориться с соплеменниками. После подавления мятежа в 225 г. х. (840 г. н. э.) халиф разозлился на Афшина и арестовал его [Тарих ат-Табари, 2003, с. 1917]. Данное событие было последним

столкновением хазар с арабами, но Хазарский каганат сохранил относительную независимость, при этом вновь улучшились его отношения с Византией.

Арабо-хазарские столкновения выявили, что завоевание земель к северу от Южного Кавказа представляет трудную задачу. Тем не менее обе стороны упорно старались добиться успеха, ибо на чашу весов был поставлен такой «лакомый кусок», как Кавказ, открывавший широкие возможности тому, кто им владел. Через Кавказский регион пролегли важные международные торгово-транзитные магистрали, соединявшие страны Востока и Запада, — Великий шелковый путь и Дорога благовоний и пряностей, а также ряд региональных маршрутов, по которым шли не только товары, но паломники, путешественники и миссионеры, распространялись достижения культуры, религии и идеи, знания и наука. На перепутье и перекрестке судеб возник Хазарский каганат, оказавшийся в центре внимания великих держав раннего Средневековья.

На основе вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

- средневековый памятник «Та'рих ар-русул ва аль-мулук» («История пророков и царей») ученого-энциклопедиста Мухаммада ибн Джарира ат-Табари (838–923) является ценным источником для освещения историко-культурных и межконфессиональных отношений мусульманских народов и сопредельных им территорий;
- военные столкновения представляли собой серией конфликтов между армиями хазарского каганата и праведными халифами, правителями Омейядов и Аббасидов. Главным итогом арабо-хазарских отношений стало подчинение Закавказья Арабскому халифату и установление границы с Хазарией в районе Дербента;
- арабо-хазарские разногласия способствовали распространению ислама среди тюрков (хазар, болгар и др.) и переселению большей части болгарских племен из Предкавказья в Среднее Поволжье;
- изложенные события в будущем создавали необходимые предпосылки для усиления роли тюркского феномена в мусульманском мире.

Литература / References

- Авеста в русских переводах*. СПб., 1997 [*Avesta in Russian Translations*. Saint Petersburg, 1997 (in Russian)].
- Аликберов А. К. Ранние хазары (до 652/653 г.), тюрки и Хазарский каганат. *Хазары: Миф и история*. Москва, Иерусалим, 2010. С. 43–65 [Alikberov A. K. Early Khazars (Until 652/653), Turks and the Khazar Khaganate. *Khazars: Myth and History*. Moscow, Jerusalem, 2010. Pp. 43–65 (in Russian)].
- Артамонов М. И. *История хазар*. СПб., 2001 [Artamonov M. I. *History of the Khazars*. Saint Petersburg, 2001 (in Russian)].
- Артамонов М. И. *Очерки древнейшей истории хазар*. Л., 1936 [Artamonov M. I. *Essays on the Most Ancient History of the Khazars*. Leningrad, 1936 (in Russian)].
- Гогоберидзе Г. М. *Исламский толковый словарь*. Ростов-на-Дону, 2009 [Gogoberidze G. M. *Islamic Explanatory Dictionary*. Rostov-on-Don, 2009 (in Russian)].
- Голден П. Достижения и перспективы хазарских исследований. *Хазары*. М., 2005. С. 27–68 [Golden P. Achievements and Prospects of Khazar Research. *Khazars*. Moscow, 2005. Pp. 27–68 (in Russian)].
- Греков Б. Д. *Очерки истории СССР 9–13 вв.* Москва, 1953 [Grekov B. D. *Essays on the History of the USSR 9th–13th Centuries*. Moscow, 1953 (in Russian)].
- Гумилёв Л. Н. *Древние тюрки*. М., 1967 [Gumilyov L. N. *Ancient Turks*. Moscow, 1967 (in Russian)].

- Ибн Хордадбех. *Книга путей и стран*. Пер. с арабского Н. Велихановой. Баку, 1986 [Ibn Khordadbeh. *The Book of Ways and Countries*. Tr. from Arabic by N. Velikhanova. Baku, 1986 (in Russian)].
- Калинина Т. М. Ал-хазар и ас-сакалиба: контакты, конфликты? *Хазары*. М., 2005. С. 101–110 [Kalinina T. M. Al-Khazar and As-Sakaliba: Contacts, Conflicts? *Khazars*. Moscow, 2005. Pp. 101–110 (in Russian)].
- Калинина Т. М. Знать хазар в арабо-персидской средневековой литературе. *Хазарский альманах*. Т. 4. Киев, Харьков, 2005. С. 43–56. [Kalinina T. M. To Know the Khazars in the Arab-Persian Medieval Literature. *Khazarskij Almanach*. Vol. 4. Kyiv, Kharkiv, 2005. Pp. 43–56 (in Russian)].
- Лихачев Д. С. *Развитие русской литературы X–XVII веков: эпохи и стили*. Л., 1973 [Likhachev D. S. *Development of Russian Literature. 10th–17th Centuries: Epochs and Styles*. Leningrad, 1973 (in Russian)].
- Новосельцев А. П. *Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа*. М., 1990 [Novoseltsev A. P. *The Khazar State and Its Role in the History of Eastern Europe and the Caucasus*. Moscow, 1990 (in Russian)].
- Тарих ат-Табари (История Табари)*. Бейрут, 2003 [Tarikh al-Tabari (*History of Tabari*). Beirut, 2003 (in Arabic)].
- Тарихнама-е Табари (История Табари)*. Тегеран, 1999 [Tarikhnamey-e Tabari (*History of Tabari*). Tehran, 1999 (in Persian)].
- Шагинян А. К. *Армения и страны Южного Кавказа в условиях византийско-иранской и арабской власти*. СПб., 2011 [Shaginyan A. K. *Armenia and the Countries of the South Caucasus under Byzantine-Iranian and Arab Powers*. Saint Petersburg, 2011 (in Russian)].
- Эрдадь М. Хазарский язык. *Хазары*. М., 2005. С. 125–139 [Erdal M. Khazar language. *Khazars*. Moscow, 2005. Pp. 125–139 (in Russian)].
- Dunlop D. M. *The History of the Jewish Khazars*. New Jersey, 1954.
- Frye R. N. *The History of Ancient Iran*. München, 1984.
- Sabir Muḥammad Diyab Husayn. *Armenian from the Islamic Conquest to the Beginning of the Fifth Century AH*. Cairo, 1978 (in Arabic).

БИОГРАФИЯ ХАДЖЕБА БАРАКА В СОЧИНЕНИИ НАСИР АД-ДИНА МУНШИ КЕРМАНИ

© 2022

И. Д. Баскаков, Д. М. Тимохин*

История правления в Кермане (Иран) хаджеба Барака, основателя локальной династии Кутлуг-ханов, нашла свое отражение в многочисленных мусульманских исторических сочинениях, написанных как в XIII в., так и в составе более поздних памятников. Такой интерес к данной личности следует объяснять событиями эпохи монгольского нашествия, в которых Барак принял непосредственное участие, а также тем, что ему удалось захватить земли Кермана, сохранить власть над ними и передать ее своим потомкам. Статья акцентирует внимание на относительно слабо изученном исследователями труде Насир ад-Дина Мунши Кермани, в составе которого отдельный раздел посвящен рассказу о биографии хаджеба Барака. Данное сочинение первой половины XIV в. примечательно в том числе в связи со сведениями из более ранних памятников, на которые, несомненно, опирался этот мусульманский историк; также, вероятно, оно повлияло на отдельные более поздние исторические сочинения, что позволяет нам предположить существование так называемой поздней кара-китайской историографии, начало которой можно связывать именно с появлением труда Насир ад-Дина Мунши Кермани. Предстоит большая работа над тем, чтобы доказать сам факт существования данного феномена в составе мусульманских исторических сочинений XIII–XV вв., и эта статья является первым шагом в этом направлении. В ней анализируются особенности биографии хаджеба Барака в описании Насир ад-Дина Мунши Кермани, а в последующих работах мы вернемся к этому источнику для того, чтобы выделить его возможные связи с более ранними и, самое главное, более поздними мусульманскими историческими сочинениями.

Ключевые слова: средневековый Иран, Керман, монголы, хаджеб Барак, Насир ад-Дин Мунши Кермани, Симт ал-‘Ула, региональные хроники.

Для цитирования: Баскаков И. Д., Тимохин Д. М. Биография Хаджеба Барака в сочинении Насир ад-Дина Мунши Кермани. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2022. № 1. С. 81–92. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-1-81-92

* Илья Дмитриевич БАСКАКОВ, студент Московского государственного лингвистического университета, Москва; ilya_baskakov00@mail.ru

Ilya D. BASKAKOV, student of the Moscow State Linguistic University, Moscow; ilya_baskakov00@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-28424804

Дмитрий Михайлович ТИМОХИН, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; horezm83@mail.ru

Dmitry M. TIMOKHIN, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; horezm83@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-9093-5269

BIOGRAPHY OF HAJEB BARAQ IN THE WORK OF NASIR AD-DIN MUNSHI KERMANI

Ilya D. Baskakov, Dmitry M. Timokhin

The history of hajeb Barak, the founder of the local dynasty of Kutlug Khans, and his reign in Kerman (Iran), was reflected in numerous Muslim historical works written in the 13th century, as well as in later monuments. Such interest in this person should be explained, first, by the events of the era of the Mongol invasion, in which Barak took a direct part, and since he managed not only to seize the lands of Kerman, but also to maintain power over them and pass it on to his descendants. Within the framework of this article, we would like to draw attention to the work of Nasir ad-Din Munshi Kermani, relatively poorly studied by researchers, in which a separate section looks into the story of the biography of hajeb Barak. This work from the first half of the 14th century is important both in itself and in connection with the information from earlier monuments, on which this Muslim historian undoubtedly relied. In addition, this source influenced certain later historical writings, which, in turn, allows us to cautiously declare the existence of the so-called late Kara-Chinese historiography, the beginning of which should be attributed precisely to Nasir ad-Din Munshi Kermani's work. A lot of work surely remains to be done to prove the very fact of this phenomenon's existence in the Muslim historical writings of the 13th–15th centuries, and this paper could be the first step in this direction. In it, the author analyzes only the features of Hajeb Barak's biography through Nasir al-Din Munshi Kermani's narration. In subsequent works we will return to this source in order to highlight its possible connections with earlier and, most importantly, later Muslim historical writings. We hope that our study will be useful to specialists in the history of Iran during the Mongol invasion.

Keywords: Medieval Iran, Kerman, Mongols, hajeb Barak, Nasir ad-Din Munshi Kermani, Simt al-'Ula, regional chronicles.

For citation: Baskakov I. D., Timokhin D. M. Biography of Hajeb Baraq in the Work of Nasir ad-Din Munshi Kermani. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2022. 1. Pp. 81–92. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-1-81-92

О снователь династии атабеков Кермана, или Кутлуг-ханов, как ее называли некоторые исследователи (см.: [Лэн-Пуль, 2020, с. 134]), хаджеб¹ Барак сыграл заметную роль во многих событиях на политической арене Ирана в эпоху монгольского нашествия. Достаточно отметить, что Барак, принадлежавший к политической элите государства кара-китаев, оказавшись в хорезмийском плену, не только сумел обрести свободу, но и сделал головокружительную карьеру при дворе хорезмшаха 'Ала' ад-Дина Мухаммада (1200–1220). Об этом сообщают уже ранние мусульманские авторы эпохи монгольского нашествия, в частности, ан-Насави и Джувейни. «В Кермане на'ибом его брата Гийас ад-Дина был Барак-хаджиб. Этот Барак был хаджибом пюр-хана, государя хита'и, прибыл к султану [Мухаммаду] в качестве посла, когда только завязались отношения между ними обоими, и так понравился ему, что тот против его желания не дал ему вернуться к своему государю. Так он был задержан в Хорезме до тех пор, пока Аллах не оставил султана наследником земли и жилищ [хита'и] и не сделал его владыкой их страны и городов. Тогда султан призвал его, возвысил и включил его в число своих хаджибов. Он пребывал на этой должности до тех пор, пока судьба не исторгла то, что скрывали ее недра, — татарскую смуту» [ан-Насави, 1973, с. 134]. Джувейни пишет о начале карьеры Барака в Хорезмийской державе примерно то же самое, лишь указывая, что последний был захвачен в плен после поражения кара-китайской армии.

¹ Хаджеб или хаджиб — высокий военный чин в эпоху Сельджукидов и Хорезмшахов.

«Барак-Хаджеб и его брат Хамид-Пур были родом из Кара-китая, и в правлении хана Кара-китая Хамид-Пур участвовал в нескольких посольствах к султану. Когда же был захвачен в плен Таянку из Тараза, они были доставлены вместе с ним и добились успехов на службе у султана: Хамид-Пур со временем стал эмиром, а Барак стал Хаджебом» [Джувейни, 2004, с. 339]. В годы нашествия монголов под командованием Чингисхана хаджеб Барак находился на службе у одного из сыновей 'Ала' ад-Дина Мухаммада, Гийас ад-Дина, однако сбежал от него и, воспользовавшись анархией, охватившей многие регионы Хорезмийской державы, сумел захватить Керман. В этих землях Барак сумел настолько укрепить свою власть, что даже хорезмшах Джалал ад-Дин Манкбурны вынужден был отказаться от претензий на эти территории, а монгольские завоеватели — утвердить хаджеба в качестве керманского правителя [Джувейни, 2004, с. 295; Ибн ал-Асир, 2006, с. 383–384]. Именно последнее позволило Бараку не только самому править Керманом, но и передать власть наследникам, что позволяет говорить о существовании здесь локальной династии правителей во второй половине XIII — начале XIV в. [Cambridge History of Iran, 1968, p. 324; Naṭanzī, 1336, s. 23].

Все эти факты наглядно объясняют интерес к биографии хаджеба Барака и связанным с ней событиями: достаточно вспомнить классические статьи В. В. Бартольда и В. Ф. Минорского, в которых подробно описана жизнь и деятельность этого исторического персонажа [Бартольд, 1971, с. 492–493; Minorsky, 1986, p. 553–554; Boyle, 2017, p. 7]. Несомненно, значительный вклад в изучение династии атабеков Кермана и ее основателя внесла Михал Биран, чьи исследования на данный момент следует признать образцом, что в равной степени относится и к ее монографии по истории кара-китаев [Biran, 2005], и к специальной статье о хаджебе Бараке для «Энциклопедии Ислама» [Biran, 2017, p. 6–7]. Впрочем, для нас гораздо большее значение имеют не столько исследовательские практики в области реконструкции биографии этого правителя Кермана, сколько отражение его жизни и деятельности в средневековых мусульманских исторических сочинениях. В этом отношении стоит отметить любопытный момент: далеко не все тексты, содержащие описание биографии хаджеба Барака, были в одинаковой степени востребованы. В большинстве случаев мы наблюдаем обращение ученых к сочинениям XIII в. [Бартольд, 1971, с. 492–493; Biran, 2005], а точнее к «Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурны» Шихаб ад-Дина Мухаммада ан-Насави [ан-Насави, 1973], «Тарих-и джахан-гошай» Ата-малика Джувейни [Джувейни, 2004] и «ал-Камил фи-т-тарих» Ибн ал-Асира [ал-Асир, 2006]. Что же касается более поздних мусульманских исторических сочинений, то далеко не все из них были объектом специального внимания исследователей в отношении сообщений об интересующей нас личности. Отчасти исключением здесь следует признать сочинение начала XV в. «Монтахаб ат-таварих-и Моини», принадлежащее перу Моин ад-Дина Натанзи [Naṭanzī, 1336] — сведения о хаджебе Бараке, принадлежащие этому мусульманскому автору, рассматривались нами в нескольких статьях [Тимохин, 2007; 2010; 2014]. Впрочем, в рамках этого исследования хотелось бы обратить внимание на другое, относительно позднее, мусульманское историческое сочинение, в котором также подробно рассматривается образование государства атабеков Кермана и история династии Кутлуг-ханов. Речь пойдет о сочинении первой половины XIV в., известное под названием «Симт ал-'Ула лил-Хадра ал-'Улийа» [Kermanī, 1328], автором которого является Насир ад-Дин Мунши Кермани.

Специальных исследований данного памятника в современной науке практически не существует: так, за исключением необходимых сведений в предисловии к Тегеранскому изданию текста «Симт ал-'Ула» даже такие специалисты по истории государства кара-китаев,

как Михал Биран, не включают этот памятник в обзор источников [Biran, 2005, p. 7–10], хотя активно ссылаются на него в тексте [Biran, 2005, p. 86–90]. В другом случае, в издании «Исторические источники Исламского мира» сочинение Кермани упоминается лишь в связи с более ранним текстом, «Тарих-и Шахйе Кара-китайан», которое один из авторов, Махин Фахими, анализирует с учетом сведений, в том числе, из «Симт ал-‘Ула» [Historical Sources of the Islamic World, 2013, p. 111–113]. В результате единственный пример обстоятельной реконструкции биографии Кермани и его деятельности можно найти лишь в предисловии к публикации «Симт ал-‘Ула лил-Хадра ал-‘Улийа», составленного выдающимся иранским ученым Аббасом Экбалем [Kermani, 1328, s. ۱-۱]. Этот исследователь сразу обозначает основную содержательную особенность сочинения Кермани: «Книга, с которой мы хотели бы здесь познакомить уважаемых читателей, носит название “Симт ал-‘Ула лил-Хадра ал-‘Улийа” и посвящена истории кара-китайских правителей Кермана, которые с 619 по 703 г. х.² правили в этих землях с небольшим введением о положении Кермана в прошлом и об истории захвата кара-китаи этого региона» [Kermani, 1328, s. ۱]. Уже Аббас Экбаль видит в хаджебе Бараке кара-китай, а династию, которую тот основал в Кермане, называет кара-китайской [Biran, 2017, p. 6–7; Biran, 2005, p. 86–90]. Подобную тенденцию можно наблюдать и в современных исследованиях по истории кара-китаев, в то время как более ранние авторы указывали на то, что Барак был выходцем из кара-китайской державы и старались более осторожно маркировать его этническую принадлежность [Бартольд, 1971, с. 492–493]. Тем не менее в современной литературе утвердилось мнение о кара-китайской династии Кутлугханов, а само сочинение Кермани можно считать примером поздней «кара-китайской историографии».

Мы не будем специально останавливаться здесь на феномене «кара-китайской историографии», вернувшись непосредственно к Насир ад-Дину Мунши Кермани и его сочинению. Как уже отмечалось, Аббас Экбаль приводит весьма обширные сведения о биографии, где нам хотелось бы отметить лишь несколько важных сюжетов. Прежде всего, иранский исследователь отмечает, что в тексте самого «Симт ал-‘Ула» Кермани «не упоминает себя как автора текста, однако об этом свидетельствуют более поздние историки» [Kermani, 1328, s. ۱]. Среди поздних авторов об этом сообщает «Хондемир в “Хабиб ас-сийар”, Хаджи Халифа в “Кашф ал-Зунун”³, и Фасих Хавафи в “Муджмал”⁴, и Мухаммад ибн Ибрахим в “Тарих-и Сельджуки-йе Керман” также его (т. е. автора «Симт ал-‘Ула». — Д. Т.) называет не иначе как Насир ад-Дин Мунши Кермани» [Kermani, 1328, s. ۱]. Аббас Экбаль приводит и другие доказательства в пользу авторства Кермани, датируя время создания памятника, написанного в 1318–1320 гг. [Kermani, 1328, s. ۱-۲]. Добавим, что Кермани является автором еще одного сочинения, на что уже обращалось внимание в статье [Тимохин, 2020, с. 98–108]: речь идет о компиляции сочинения XII в. «Тарих ал-Вузара» Наджм ад-Дина Абу-л-Резы ал-Кумми. В предисловии к тегеранскому изданию «Тарих ал-вузара» можно найти следующие сведения: «Мир Джалал ад-Дин Хосейни Армуи (знаток хадисов) в 1338 году солнечной хиджры опубликовал историю визирей под названием “Наса’им ал-сихр” (“Дуновения

² Соответственно 1222–1223 и 1303–1304 гг.

³ Речь идет о таком известном исследователем сочинении Хаджи Халифы, как «*Кашф аз-зунун ан ал-асами кутуб ва’л-фунун*».

⁴ Речь идет о сочинении «Муджмал-и Фасихи».

волшебства”), и редактор этой книги⁵ доказал, что тем, кто этот памятник завершил в 725/1324–1325 году, следует признать Насир ад-Дина Мантуши Кермани» [al-Qummi, 1363, s. 42]. Также отметим, что определенные продолжения уже непосредственно сочинений Кермани в рамках мусульманской историографии отмечаются все тем же Аббасом Эббалем в предисловии к изданию текста «Симт ал-‘Ула» [Kermani, 1328, s. 3].

Скажем несколько слов относительно источников сочинения Кермани, отметив попутно также любопытную особенность, подмеченную уже Аббасом Эббалем. Речь идет об определенных сходствах между языком описания в «Симт ал-‘Ула» и в тексте более раннего сочинения XII в., написанного Афзал ад-Дином Кермани. «Что же касается сходств языка (текста) “Симт ал-‘Ула лил-Хадра ал-‘Улийа” с “Экд ал-‘Ола ле’л-маукеф ал-А’ла” [Kermani, 1932; Bāstānī Pāīzī, 1985, p. 599], которое является сочинением Афзал ад-Дина Абу Хамида Мунши, то это предположение следует расширить, поскольку первая из упомянутых книг является продолжением второй» [Kermani, 1328, s. 3]. Со своей стороны отметим, что указанный труд Афзал ад-Дина Абу Хамида Мунши или Афзал ад-Дина Кермани [Cahen, 1977, p. 60; A History of Persian Literature, 2012, p. 153–154], как чаще всего его именуют современные европейские исследователи, представляет собой «локальную хронику» или региональную историю⁶. Оно также, разумеется, посвящено Керману и его правителям, однако в нем описание событий в этих землях доведено лишь до 1080 г.; в этом отношении стоит согласиться с тем, что труд Насир ад-Дина Мунши Кермани мог быть лишь продолжением «Экд ал-‘Ола». Как отмечалось в специальной статье [Тимохин, 2021], эта региональная хроника вошла в состав более поздней компиляции Мухаммада ибн Ибрахима [Mohammad ibn Ibrahim, 1886], впрочем, продолжившего изложения событий до первой половины XIII в. и включившего в состав своей «Тарих-и Сельджук дар Керман» описание эпохи монгольского нашествия [Mohammad ibn Ibrahim, 1886, s. 198–201]. Безусловно, связь между тремя этими историческими сочинениями («Экд ал-‘Ола», «Симт ал-‘Ула» и «Тарих-и Сельджук») прослеживается, однако требует отдельного исследования.

Что же касается непосредственно структуры «Симт ал-‘Ула» и содержания интересующего нас фрагмента, то изданный текст источника разбит на тематические главы, в составе которых редко приводятся датировки тех или иных событий, зато гораздо чаще — цитаты из стихотворений, иногда с указанием автора. Биография хаджеба Барака включена в раздел с общим названием «Рассказ о кара-китайских султанах и их возвышении по милости Аллаха» [Kermani, 1328, s. 22], где после краткого славословия этих правителей мы видим подраздел «Султан Насир ад-Дунийа ва ад-Дин Абу ал-Фаварис Кутлуг-султан Барак хаджеб» [Kermani, 1328, s. 22]. Собственно, уже из названия следует определенная логика в том, что сама династия правителей Кермана в европейских исследованиях именуется Кутлуг-ханами или Кутлуг-султанами, поскольку уже ее основатель носил именно этот почетный титул [Minorsky, 1986, p. 553–554; Biran, 2017, p. 6–7]. В самом начале рассказа о Бараке Кермани приводит имя своего «информатора»: «Ибн Калдур [сообщает о нем, что он] был правителем мудрым и шахом всезнающим, он был отмечен Божественной милостью, был достоин титулов монарха и шаха» [Kermani, 1328, s. 22]. Издатели приводят и другой вариант этого

⁵ Т. е. издания «Тарих ал-вузара».

⁶ Известно также еще об одном сочинении этого автора — дидактической, а не исторической направленности. См. [Kermani, 1947].

имени, Ибн Калдуз, что, впрочем, нисколько не облегчает нашу задачу: на данный момент соотнести это имя с известными нам мусульманскими авторами не удастся.

Относительно происхождения Барака и его политической карьеры в домонгольский период автор «Симт ал-‘Ула» сообщает следующее: «он (т. е. Барак. — Д. Т.) и его старший брат Хисам ад-Дин Хамитбур Тайангу были кара-китайскими амирами и столпами державы Хана ханов, потомка великого гур-хана. По договору с султаном Ала ад-Дунийа ва ад-Дином Текишем хорезмшахом [они] прибыли в Хорезм от его светлости Хана ханов в качестве сборщиков дани⁷, чтобы собирать там дань по соглашению [с хорезмшахом]. Во время значительной части правления султана Ала ад-Дунийа ва ад-Дина Мухаммада хорезмшаха он занимал этот пост. Но когда султан Мухаммад выступил с неповиновением и мятежом против гур-хана, он несколько дней продержал Барака хаджиба в заключении. Однако потом отнесся к нему с участием, приказал ввести его в состав аристократического сословия, сделал своим приближенным, одобрил [его деяния], продвинул по службе: сначала, во-первых, дал ему особый пост хаджиба, а затем, во-вторых, предоставил ему должность ответственного за гонцов, [рассмотрение] тяжб и [проведения] церемоний при государственном совете, и, кроме того, назначил его атабеком при султани Гийас ад-Дине Пир-шахе» [Kermani, 1328, s. 22].

Отметим в этой части рассказа несколько важных сюжетов: во-первых, появление Барака на хорезмийской службе в тексте «Симт ал-‘Ула» в целом совпадает со сведениями более ранних памятников, например, с приведенными цитатами из сочинений ан-Насави и Джувеини [ан-Насави, 1973, с. 134; Джувеини, 2004, с. 339]. Эти авторы также указывают на то, что хорезмшах ‘Ала’ ад-Дин Мухаммад во время войны с кара-китаями насильно удерживал у себя нескольких кара-китайских чиновников, среди которых был и Барак, дав им затем возможность продолжить карьеру на хорезмийской службе. Во-вторых, и Кермани очевидно смешивает брата хаджеба Барака, которого называет «Хамидбур» или «Хамид-Пур» с другим представителем кара-китайской элиты — Тайангу. У Джувеини в «Тарих-и Джахан-гошай» мы находим следующее сообщение по этому поводу: «Барак хаджиб и его брат Хамид-Пур были родом из Кара-Китая, и в правление хана Кара-Китая Хамид-Пур участвовал в нескольких посольствах к султану. Когда был захвачен в плен Тайангу из Тараза, они были доставлены вместе с ним и добились успехов на службе у султана: Хамид-Пур со временем стал эмиром, а Барак был назначен хаджибом» [Джувеини, 2004, с. 339]. У еще более раннего ан-Насави нет сведений относительно наличия у Барака брата по имени Хамид-Пур, однако в остальном его данные согласуются с тем, что пишет Насир ад-Дин Мунши Кермани [ан-Насави, 1973, с. 134]. Вполне вероятно, что соотнесение Хамид-Пура и Тайангу может быть объяснено с учетом указаний еще более раннего Ибн ал-Асира, указывающего, что последний попал в плен к хорезмшаху после поражения кара-китайской армии и был с почетом отправлен в Хорезм. «Его привели к хорезмшаху, тот его почтил и посадил на свой трон, а потом отправил его в Хорезм» [ал-Асир, 2006, с. 333; Джувеини, 2004, с. 252–253]. Этот арабский историк ничего не сообщает о Бараке и его брате, которые вряд ли занимали столь же высокое положение в кара-китайской державе, как Тайангу, чей «возраст перешагнул за столетие, он испытал многие войны, одерживал победы и был хорошим руководителем» [ал-Асир, 2006, с. 333, с. 283]. Вероятнее всего, в более позднем тексте «Симт ал-‘Ула» смешались

⁷ Любопытно, что в тексте в данном случае используется термин «баскак» («باسقایی»), что связывает данный нарратив с реалиями эпохи монгольского нашествия.

сведения из разных более ранних сочинений, в результате чего братом хаджеба Барака становится «Хамид-Пур Тайангу», хотя это и были два разных человека.

Возвращаясь к описанию биографии хаджеба Барака в сочинении Кермани, отметим, что дальнейший рассказ об этой исторической личности здесь будет посвящен уже событиям эпохи монгольского нашествия. Автор отмечает, что дальнейшая карьера Барака была первоначально связана все тем же Гийас ад-Дином Пир-шахом, сыном хорезмшаха ‘Ала’ ад-Дина Мухаммеда. «Когда правление султана Мухаммеда окончилось, и султан Гийас ад-Дин Пир-шах силой захватил земли Ирака⁸, он назначил Барака Хаджиба начальником гарнизона Исфахана и отправил его туда собирать дань. Так как смещение и беспомощность правителей Хорезма стали очевидными, их противники догадывались о проблемах их правления и посчитали необходимым покинуть число их сторонников и уйти, таким образом, от централизованного правления, чьи дни прошли, и лишь отголоски и воспоминания оплакивают его, — так образовался первый заговор. [В это время Барак Хаджиб] с родственниками, свитой и несколькими приближенными из числа бывших сторонников хорезмшаха, например, Савандж-маликом, Санкар-маликом, Келар-маликом и некоторыми другими прибыли в Керман по пути в Хинд и Лахор к султану Шамс ад-Дину Ил-Тутмышу падишаху Дели, который был также из кара-китаев. В это время правителем был Шоджа ад-Дин Абу ал-Касым, который ведомый алчностью к [имуществу] кара-китаев, собрал против них войско» [Kermani, 1328, s. 22–23]. Согласно сообщению Кермани, хаджебу Бараку и его войску удалось не только разбить правителя Кермана, но и захватить практически все земли этого региона как раз накануне того момента, когда в 1225 г. из северной Индии в эти земли прибыл хорезмшах Джалал ад-Дин Манкбурны. «Барак Хаджиб осадил их и спустя шесть месяцев завоевал и освободил с помощью смекалки все провинции Бардсира с крепостью на горе и садами, однако город и крепость в нем остались во владении сына Шоджа ад-Дина пока войска султана Джалал ад-Дина Манкбурны не пришли с востока Индии, и он не объявил окрестности города центрами собственной державы» [Kermani, 1328, s. 23].

Последний сюжет вполне совпадает с данными более ранних мусульманских текстов, также описывающих захват хаджебом Бараком Кермана: в частности, у того же Джувеини об этом написано в подробностях, которых мы не находим у автора «Симт ал-‘Ула». Например, этот персидский историк сообщает, что часть войск правителя Кермана Шоджы ад-Дина Абу ал-Касыма, в основном воины тюркского происхождения, перешли на сторону Барака, за счет чего и была одержана победа [Джувеини, 2004, с. 339]. Сам Шоджа ад-Дин, согласно «Тарих-и джахан-гошай», попал в плен к Бараку, который попытался использовать его в переговорах о сдаче главной крепости Кермана, Джувашира, но потерпел неудачу. «Шоджа ад-Дин был взят под стражу и закован в тяжелые цепи, и после этого Барак хаджеб повернулся и отправился в Джувашир. Шоджа ад-Дин в цепях был доставлен к воротам города, чтобы его сын в обмен на его жизнь сдал крепость. Сын не обратил на него внимания, и он был предан смерти; и они осадили город и крепость» [Джувеини, 2004, с. 339–340].

Именно об этой крепости сообщает нам и Насир ад-Дина Мунши Кермани, как и Джувеини указывая на «город и крепость», однако нигде не приводит в отличие от более раннего историка, ее название [Kermani, 1328, s. 23]. Впрочем, здесь гораздо важнее обратить внимание на другой сюжет — упомянутое в «Симт ал-‘Ула» кара-китайское происхождение правителя северной Индии Шамс ад-Дина Ил-Тутмыша. Это, пожалуй, единственный

⁸ Речь идет о территории Ирака Персидского.

известный случай в мусульманской средневековой литературе соотнесения указанной исторической личности с державой кара-китаев, а точнее причисления Ил-Тутмыша к кара-китаям. Наиболее ранний пример реконструкции биографии Шамс ад-Дина мы находим в «Табакат-и Насири» персидского историка Джузджани, который указывает на тюркское происхождение этого правителя и возводит его родословную к племени Ольберли [Ṭabakāt-i Nāsirī, 1881, vol. I, p. 599]. Собственно, и в современных исследованиях истории Делийского султаната и его правителей тюркское происхождение Шамс ад-Дина не ставилось под сомнение [Jackson, 1998, p. 371]. Все это делает свидетельство Кермани уникальным: особенно это заметно на фоне того, что более биографии хаджеба Барака не содержат ни указаний на кара-китайское происхождение Шамс ад-Дина, ни даже того факта, что именно к нему на службу хотел перейти Барак [Naṭanzī, 1336, s. 20–21].

Возвращаясь к описанию биографии хаджеба Барака в сочинении «Симт ал-‘Ула», отметим, что его правление в Кермане, как о нем пишет Кермани, в целом совпадает со сведениями из более ранних мусульманских текстов. Так, после прибытия в земли Кермана хорезмшаха Джалал ад-Дина и его армии, Бараку все-таки удалось удержать в своих руках власть. В частности, автор «Симт ал-‘Ула» отмечает, что он заперся в одной из крепостей и направил хорезмшаху послание, где намекал на то, что Керман не подходит для того, чтобы быть центром державы Джалал ад-Дина, и лучше всего оставить здесь своим наместником Барака, а хорезмшаху покинуть эти земли. «После того он приказал, чтобы у врат города посадили цветы, и послал гонцов к султану с посланием, гласившим: “Керман недостойн быть столицей великих падишахов. В нем нет лугов с большими пастбищами овец. И раз эту провинцию необходимо делегировать помощнику, то какой слуга твой может более заслуживать этого, чем я? Я долго и твердо служу тебе. Я приложил немало усилий, освобождая эту провинцию, и был ранен при завоевании этих земель. Если доверишь мне эту должность, то я смогу стать достойным правителем”» [Kermanī, 1328, s. 23]. У Джувеини этот эпизод описан следующим образом: «Барак отвечал, что не смог сопровождать султана и был вынужден остаться дома, вместо того чтобы явиться к нему, по причине своего ревматизма. Поэтому султану лучше всего как можно скорее отправиться в Ирак, поскольку Джувашир — неподходящее место для его проживания и размещения его свиты и слуг. Однако в этой провинции должен находиться наместник или правитель, отвечающий перед султаном, и нет никого более подходящего для этой должности и более ей соответствующего, чем он, который поседел, служа султану, и к чьим былым заслугам добавились недавние. Более того, он завоевал это королевство своим собственным мечом и приобрел его благодаря своей доблести. С этим он отправил гонца назад, к султану, и приказал запереть ворота и выдворить из города тех людей султана, которые там еще остались» [Джувеини, 2004, с. 295]. Те же слова Барака приводит и более поздний Рашид ад-Дин: «Причина [моей] задержки — заболевание ноги, совет же мой [таков]: пусть султан как можно скорее осуществит [задуманный] им поход, так как Гувашир не годится для местопребывания престола государства и эта территория не подойдет его приближенным и подчиненным [хашам ва атба’], этой же крепости и владению не избежать [чьей-либо] комендатуры [кутвали] и [чьего-либо] наместничества [наиб]. Никто не сможет быть более расположенным [к султану], чем я, потому что я старый раб с волосами, поседевшими на службе двору, а кроме того, я завоевал это владение мечом. Если султан [все же] пожелает вернуться в крепость, [это] ему не удастся». [С этим] он отправил назад посла и, выпроводив из крепости остатки свиты султана, приказал запереть ворота» [Рашид ад-Дин, 2002, с. 239].

Из дальнейшего описания биографии хаджеба Барака в сочинении Кермани стоит выделить два важных эпизода. Первый из них касается убийства по его приказу султана Гийас ад-Дина Пир-шаха, чьим атабеком был до этого сам Барак. Рассказ об этом убийстве содержится уже у ан-Насави, который сообщает и причинах, приведших к этому: «Гийас ад-Дин спасся бегством в Керман, где находился его на'иб хаджиб Барак. Он направился к нему, надеясь на его верность. Первым мерзким поступком [Барака] было то, что он женился на его (Гийас ад-Дина) матери против желания ее самой и сына. Затем через некоторое время, он стал их бесчестить, [обвиняя их] в том, что они хотели его отравить и утолить свой гнев отмщением» [ан-Насави, 1973, с. 190]. Джувеини кратко описывает этот эпизод в одном месте своего сочинения, указывая лишь, что Барак предал «смерти султана Гийас ад-Дина, искавшего его помощи и защиты» [Джувеини, 2004, с. 341], однако в главе, посвященной самому Гийас ад-Дину, пишет и о заговоре, и о его казни по приказу Барака [Джувеини, 2004, с. 336]. У Кермани мы видим описание прямо противоположное сообщениям ан-Насави: свадьба с матерью Гийас ад-Дина произошла с согласия последнего, а смерти он был предан по причине того, что сам хотел совершить покушение и убить Барака [Kermani, 1328, s. 25]. Ан-Насави сообщает также, что лично видел письмо хаджеба Барака, которое тот отправил после произошедшего убийства: «...я читал письмо Барака-хаджиба Шараф ад-Дину, наибу Ирака, переданное султану для прочтения. Это было тогда, когда султан находился в Табризе. Он (Барак) упоминает о своих прежних заслугах и других делах, включая в число их и то, что он убил злейшего врага султана, имея в виду Гийас ад-Дина. Затем он говорит в письме: "Какой ущерб султану, если он утвердит меня, дряхлого старика, во владении тем, что под моей рукой?"» [ан-Насави, 1973, с. 191].

Если у ан-Насави Барак после совершенного по его приказу убийства стремится заручиться поддержкой Джалал ад-Дина Манкбурны, то согласно Джувеини он вместо этого «отправил гонца к Предводителю Правоверных объявить о своем переходе в ислам и попросил пожаловать ему титул султана. Его просьба была удовлетворена, и он был удостоен права называться кутлуг-султаном» [Джувеини, 2004, с. 341]. Под «Предводителем Правоверных» следует понимать, разумеется, багдадского халифа, который был одним из главных противников хорезмшаха; заручаясь его поддержкой, хаджеб Барак очевидно и сам выступал против хорезмийского правителя. В более позднем сочинении Кермани мы видим, с одной стороны, указание на то, что после убийства Гийас ад-Дина правитель Кермана обращается за поддержкой к противникам Джалал ад-Дина Манкбурны, однако, с другой стороны, в качестве адресата здесь выступает уже не багдадский халиф: «Сделав все это (то есть, казнив Гийас ад-Дина. — Д. Т.), он послал вестников к его величеству Угэдэй-хану, выразил свое повиновение и обязался платить налог. Он признался [ему] в убийстве султана Гийас ад-Дина, как произведенное собственными стараниями. [Затем] он подчинил себе местных правителей и знать. И получил от их высокого величества⁹ ярлык (يرليغ), почет и пайцзу (پايزه), которая сопровождалась многочисленными словами благоволения и благопожеланиями, и владение Керманом было закреплено за ним. Указ о даровании ему титула кутлуг-султана был подписан [ханом] и стал таким образом действителен. Под его властью Керман был пятнадцать лет» [Kermani, 1328, s. 25]. Из сообщений Джувеини и Насир ад-Дина Мунши Кермани можно сделать два вывода: первый из них касается того, что в данном случае сведения хорошо осведомленного современника, каковым был ан-Насави,

⁹ Т. е. хана Угэдэя.

противоречат данным более поздних источников. Впрочем, если переписка, которую вел хаджеб Барак, была тайной, то он мог о ней и не знать, а сведения о враждебном отношении правителя Кермана к хорезмшаху можно найти и в «Сират ас-султан» [ан-Насави, 1973, с. 168–170]. Второй момент касается более позднего сочинения Мои ад-Дина Натанзи, где мы наблюдаем соединение данных из текстов Джувейни и Кермани. Натанзи сообщает, что после убийства Гийас ад-Дина «*Барак Хаджеб немедленно отправил послов с большими подношениями и дарами ко двору Багдадского халифа, а затем к Чингиз-хану, для того чтобы в двух этих странах иметь союзников. От Святого двора Халифа он получил лакаб Кутлуг-султана и от дивана Чингисхана он также получил лакаб Кутлуг-хана*» [Natanzi, 1336, s. 23]. Несмотря на то что в этом случае посольство было отправлено непосредственно к Чингисхану, а у Кермани упоминается Угэдэй, историографическая преемственность в данном случае очевидна.

Подводя итоги, хотелось бы сделать несколько выводов. Прежде всего, отметим, что, несмотря на очевидную связь биографии хаджеба Барака, воссоздаваемой такими ранними авторами, как ан-Насави и Джувейни, с тем, что пишет о нем Кермани, текст «Симт ал-‘Ула» содержит важные детали, отсутствующие в сочинениях XIII в. Если ранние авторы указывают лишь на кара-китайское происхождение Барака и его брата, и в дальнейшем к этому не возвращаются, то в «Симт ал-‘Ула» понятие «кара-китай» фигурирует существенно чаще: здесь упоминаются и кара-китайские эмиры, сопровождающие Барака во время его бегства в северную Индию, кара-китаем становится и султан Шамс ад-Дин Ил-Тутмыш, на службу к которому так стремится попасть будущий правитель Кермана. Складывается четкое впечатление, что Кермани старательно «конструирует» кара-китайское происхождение династии атабеков Кермана, постоянно подчеркивая связь с нею хаджеба Барака. Вероятно, перед нами определенный способ легитимации в составе представленного нарратива локальной династии правителей с помощью ее «связи» с гораздо более могущественной державой кара-китаев через «этническое происхождение» основателя — хаджеба Барака. Особое значение для понимания этого служит следующий отрывок из «Симт ал-‘Ула», в котором сам хаджеб Барак «объясняет» происхождение собственной державы в Кермане: «Когда султан Гийас ад-Дин прибыл в Керман и увидел грандиозное могущество правителя кутлуг-султана, в нем вспыхнула зависть. В опьянении он выпалил: “Кто дал тебе султанат?”. На что кутлуг-султан ответил: “Султанат мне даровал тот Царь Царей¹⁰, который снял корону правителей с головы Сасанидов и поместил ее на голову рабов того рода — Себук-тегину и Махмуду¹¹. Его же сильная рука забрала верховную власть от султанов рода Сельджука, чьими слугами были хорезмшахами и твоими предшественниками. Он жалует это почетное платье кому пожелает» [Kermani, 1328, s. 25].

Анализ биографии хаджеба Барака в сочинении Кермани «Симт ал-‘Ула» позволяет сделать вывод о том, что текст может быть отнесен, с одной стороны, к хорошо известному специалистам жанру «локальной» или «региональной истории». С другой же стороны, особенности этого сочинения заставляют предположить, что перед нами пример поздней кара-китайской историографии. Очевидное стремление Кермани связать династию атабеков Кермана с державой кара-китаев вероятно обусловлено не только желанием легитимировать их господство в регионе, но и рассказать о судьбе представителей кара-китайской военной и политической элиты после крушения их государства. В этой связи судьба кара-китая Барака

¹⁰ В тексте ملك الملک — одно из коранических Имен Аллаха.

¹¹ Речь идет об основателе династии Газневидов Себук-тегине и Махмуде Газневи.

стала для автора наилучшим примером успешной политической карьеры: попав в плен к 'Ала' ад-Дину Мухаммаду, он сумел в итоге закрепиться в составе хорезмийской аристократии, на фоне крушения Хорезма захватить власть в Кермане, где ему удалось сформировать собственную локальную династию, которая сумела пережить даже монгольское вторжение. В этом случае становится понятным и нарочитое стремление «записать» в кара-китай и других выдающихся современников Барака, которые таковыми не являлись, как это было в случае с Ил-Тутмышем. В связи с этим термин «поздняя» следует понимать не столько в связи со временем написания текстов, сколько с представленными в нарративе историческими персоналиями, действующими существенно позднее гибели кара-китайской державы. Безусловно, это достаточно смелое заявление с учетом того, что синхронные с существованием государства кара-китаев мусульманские тексты, относящиеся к кара-китайской историографии, неизвестны. Да и сам по себе феномен появления такого текста, как «Симт ал-'Ула», не может не вызвать справедливых вопросов. Тем более значимым станет анализ именно поздних примеров такого рода, выявление связей между памятниками и содержащимся в них нарративом, чему мы и надеемся посвятить следующее исследование.

Литература / References

- ал-Асир ибн. *Ал-Камил фи-т-тарих. Полный свод по истории. Избранные отрывки*. Пер. П. Г. Булгакова, Ш. С. Камолiddина. Ташкент, 2006 [al-Asir Ibn. *al-Kamil Fi-t-Tarikh. The Complete History Book. Selected Excerpts*. Tr. by P. G. Bulgakov, Sh. S. Kamoliddin. Tashkent, 2006 (in Russian)].
- ан-Насави, Шихаб ад-Дин Мухаммад. *Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны*. Пер. З. М. Бунятов. Баку, 1973 [an-Nasawi Shihab ad-Din Muhammad. *The Life of Sultan Jalal al-Din Mankburny*. Tr. by Z. M. Bunyatov. Baku, 1973 (in Russian)].
- Бартольд В. В. Бурак-хаджиб. Бартольд В. В. *Сочинения*. Т. VII. *Работы по исторической географии и истории Ирана*. М., 1971. С. 492–494 [Bartold V. V. Burak-hajib. Bartold V. V. *Works*. Vol. VII. *Works on the Historical Geography and History of Iran*. Moscow, 1971. Pp. 492–494 (in Russian)].
- Джувейни. *Чингиз-хан. История завоевателя мира*. Пер. Е. Е. Харитоновой. М., 2004 [Juwayni. *Genghis Khan. History of the Conqueror of the World*. Tr. by E. E. Kharitonova. M., 2004 (in Russian)].
- Лэн-Пуль С. *Мусульманские династии. Хронологические и генеалогические таблицы с историческими введениями*. Пер. В. В. Бартольда. М., 2020 [Lane-Poole S. *Muslim Dynasties. Chronological and Genealogical Tables with Historical Introductions*. Transl. by V. V. Barthold. Moscow, 2020 (in Russian)].
- Рашид ад-Дин. *Сборник летописей*: в 3 тт. Пер. А. К. Арендса, Ю. П. Верховского, О. И. Смирновой, Л. А. Хетагурова. Т. 1. Кн. 2. М., 2002 [Rashid ad-Din. *Collection of Chronicles*: in 3 vols. Tr. by A. K. Arends, Yu. P. Verhovskij, O. I. Smirnova, L. A. Hetagurov. Vol. 1. Book 2. Moscow, 2002 (in Russian)].
- Тимохин Д. М. Арабо-персидские историки о взаимоотношениях хорезмшаха Джалал ад-Дина Манкбурны с государством атабеков Кермана. *Восточный архив*. 2010. № 1. С. 25–34 [Timokhin D. M. Arab-Persian Historians about the Relationship between the Khorezmshah Jalal ad-Din Mankburna and the Atabek State of Kerman. *Vostochnyi Arkhiv*. 2010. 1. Pp. 25–34 (in Russian)].
- Тимохин Д. М. К истории образования государства атабеков Кермана по арабо-персидским источникам. *Восточные общества: традиции и современность. Материалы II съезда молодых востоковедов стран СНГ*. Баку, 11–14 ноября 2013 г. Баку, 2014. С. 279–297 [Timokhin D. M. On the History of the Formation of the Atabeg State of Kerman According to Arab-Persian Sources. *Eastern Societies: Traditions and Modernity. Materials of the 2nd Congress of Young Orientalists of the CIS. Baku, Nov. 11–14, 2013*. Baku, 2014. Pp. 279–297 (in Russian)].

- Тимохин Д. М. Местные династии Ирана периода монгольского нашествия на примере Атабеков Кермана. *Иран-наме*. 2007. № 2. С. 135–139 [Timokhin D. M. Local Dynasties of Iran in the Period of the Mongol Invasion on the Example of the Atabeks of Kerman. *Iran-name*. 2007. 2. Pp. 135–139 (in Russian)].
- Тимохин Д. М. Обзор арабо-персидских источников XII века по истории Хорезма: особенности структуры и содержания. *Восток (Oriens)*. 2021. № 2. С. 45–56 [Timokhin D. M. Review of Arab-Persian Sources of the 12th Century on the History of Khorezm: Features of Structure and Content. *Vostok (Oriens)* 2021. 2. Pp. 45–56 (in Russian)].
- Тимохин Д. М. «Тарих ал-Бузара» как источник по истории Хорезма. *Восток (Oriens)*. 2020. № 3. С. 98–108 [Timokhin D. M. «Tarikh al-Wuzara» as a Source on the History of Khorezm. *Vostok (Oriens)*. 2020. 3. Pp. 98–108 (in Russian)].
- A History of Persian literature*. Vol. X. *Persian Historiography*. Ed. by Ch. Melville. London, New York, 2012.
- al-Qummi Najm al-Din Abu l-Riza'. *Tarih al-Wuzara*. Ed. by Muhammed Taki Dānish-Pazūh. Tehran, 1985/1363 (in Persian).
- Bāstānī Pārīzī M.E. Afzal-al-Dīn Kermānī. *Encyclopædia Iranica*. London, 1985. Vol. I. Fasc. 6. P. 599.
- Biran M. Baraq Hajib. *Encyclopedia of Islam, the Third Edition*. Leiden, Boston, 2017. Pp. 6–7.
- Biran M. *The Qara Khitai Empire in Eurasian History: Between China and the Islamic World*. Cambridge, 2005.
- Boyle J. A. Burak Hajib. Biran M. Baraq Hajib. *Encyclopedia of Islam, the Third Edition*. Leiden, Boston, 2017. P. 7.
- Cahen Cl. The Historiography of the Seljuqid period. Cahen Cl. *Les peuples musulmans dans l'histoire medieval*. Damas, 1977. Pp. 37–63.
- Cambridge History of Iran*. Vol. 5. *The Saljuq and Mongol Periods*. Ed. by J. A. Boyle. Cambridge, 1968.
- Historical Sources of the Islamic World: Selected Entries from Encyclopaedia of the World of Islam (Encyclopaedia of the World of Islam (EWI))*. Ed. by G. H. Adel, M. J. Elmi, H. Taromi-Rad. London, 2013.
- Jackson P. Ēltotmeš, Šams-al-Dīn. *Encyclopædia Iranica*. London, 1998. Vol. VIII. Fasc. 4. P. 371.
- Kermani Afzal-al-Din. *Badāye'-al-aẓmān*. Ed. Mehdi Bayāni. Tehran, 1947 (in Persian).
- Kermani Hamid-e Efzel ad-Din. *Ketab-e-egd-ol-olla li mavkife al-ola Talif Afzal*. Tehran, 1932 (in Persian).
- Kermani Nasir ad-Din Munshi. 'Abbas I.(ed.). *Simt al-'ulii li'l-hadra al-'ulya*. Tehran, 1328/1949 (in Persian).
- Minorsky V. *Ḳutlugh-Khānids*. *Encyclopaedia of Islam*. Ed. by P. Bearman, Th. Bianquis, C. E. Bosworth, E. van Donzel, W.P. Heinrichs. Vol. V. Leiden, 1986. Pp. 553–554.
- Mohammad ibn Ibrahim. Tavvarih-e al-e saljouk. *Recueil de textes relatifs a l'histoire des seldjoudes*. Ed. M.Th. Houtsma. Vol. I. Berlin, 1886. (in Persian).
- Naṭanzī Mu'in al-Dīn. *Extraits du Muntakhab al-Tavarikh-i Mu'ini (Anonyme d'Iskandar)*. Aubin J. (ed.). Tehran, 1336 (1957) (in Persian).
- Ṭabakāt-i-Nāṣirī: A General History of the Muhammadan Dynasties of Asia, Including Hindustan; from A. H. 194 (810 A. D.) to A. H. 658 (1260 A. D.) and the Irruption of the Infidel Mughals into Islam*. Ed. by Minhāj-ud-dīn, Abū-'Umar-i-'Usmān; transl. by H. G. Raverty. Vol. I–II. London, 1881.

DOI: 10.31696/2618-7302-2022-1-93-112

К ДИСКУССИИ О ПРИЧИНАХ «ЗАПАДНОГО» ПОХОДА ИМАГАВА ЁСИМОТО В 1560 г.

© 2022

С. А. Полхов*

В статье рассматривается вопрос о побудительных мотивах даймё Имагава Ёсимото, начавшего военный поход на запад — в пограничные области провинции Овари в 1560 г., который закончился его поражением и гибелью в битве при Окэхадзама. Благодаря победе над Ёсимото, его противник Ода Нобунага не только упрочил господство над Овари, но и приступил к дальнейшей экспансии. В историографии предлагались разные трактовки планов Имагава Ёсимото. Конечной его целью считалось вступление в Киото, столицу Японии, либо помощь гарнизонам замков Наруми и О:дака, изолированных после строительства Нобунага блокирующих фортов, или же возвращение земель в Овари, принадлежавших некогда Нагоя Имагава, родственному Ёсимото дому. Однако разблокирование крепостей Наруми и О:дака было лишь промежуточной целью. Главной задачей военной экспедиции Ёсимото было подчинение всей провинции Овари и сокрушение дома Ода Дандзё:но тю:, о чем говорит значительный масштаб предпринятого Ёсимото похода. Дополнительные аргументы в пользу этой версии дает и анализ текста «Начального свитка» «Синтё:ко: ки» («Записей о князе Нобунага») О:та Гю:ити, важнейшего источника по изучению сражения при Окэхадзама. В данной публикации также осуществлен первый академический комментированный перевод на русский язык фрагмента «Начального свитка» «Синтё:ко: ки», в котором приводится описание сражения при Окэхадзама. Переведен фрагмент списка из книгохранилища Ё:мэй, в комментариях отмечены наиболее существенные его отличия от аналогичного отрывка из рукописи Тэнри — другого варианта «Начального свитка».

Ключевые слова: период Сэнгоку, «Синтё:ко: ки», битва при Окэхадзама, Ода Нобунага, Имагава Ёсимото, провинция Овари.

Для цитирования: Полхов С. А. К дискуссии о причинах «западного» похода Имагава Ёсимото в 1560 г. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2022. № 1. С. 93–112. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-1-93-112

TO THE DISCUSSION ON THE REASONS FOR THE “WESTERN” CAMPAIGN OF IMAGAWA YOSHIMOTO OF 1560

Svyatoslav A. Polkhov

The article discusses the question of the motives of the daimyō Imagawa Yoshimoto, who began a military campaign in the west — in the border areas of Owari Province in 1560, which ended in his defeat

* Святослав Александрович ПОЛХОВ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; cjr-ran@yandex.ru

Svyatoslav A. POLKHOV, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; cjr-ran@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-4705-7488

and death in the Battle of Okehazama. Thanks to the victory over Yoshimoto, his opponent Oda Nobunaga not only consolidated his dominance over Owari, but also proceeded to further expansion. Historiography offered different interpretations of Imagawa Yoshimoto's plans. His goal was to enter Kyoto, the capital of Japan, either to aid the castle garrisons of Narumi and Ōdaka castles, isolated by Nobunaga's blockade forts, or to reclaim land in Owari that belonged to Nagoya Imagawa, Yoshimoto's relatives. However, unlocking the strongholds of Narumi and Ōdaka was only an intermediate goal. The main objective of Yoshimoto's military expedition was to subjugate the entire province of Owari and crush the house of Oda Danjō-no chu, as evidenced by the significant scale of the campaign undertaken by Yoshimoto. Additional arguments in favor of this version are provided by the analysis of the text of the "Initial Book" of "Shincho-ko ki" by Ōta Gyuichi, the most important source for studying the battle of Okehazama. This publication also provides the first academic commentary translation into Russian of a fragment of the "Initial Book" of "Shincho-ko ki", which describes the battle of Okehazama. A fragment of the Yōmei version of the "Initial Book" has been translated, the comments point out its most significant differences from a similar passage of the Tenri manuscript — another variant of the "Initial Book".

Keywords: Sengoku period, «Shincho-ko ki», Okehazama battle, Oda Nobunaga, Imagawa Yoshimoto, Owari province.

For citation: Polkhov S. A. To the Discussion on the Reasons for the "Western" Campaign of Imagawa Yoshimoto of 1560. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2022. 1. Pp. 93–112. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-1-93-112

В 5-й луне 3-го года Эйроку (1560 г.) даймё Имагава Ёсимото (1519–1560)¹, правитель княжества, занимавшего земли Суруга, То:то:ми и Микава² с большой армией двинулся на запад и вторгся в провинцию Овари. В 19 день 5 луны того же года произошла знаменитая битва при Окэахадзама, в которой армия Ёсимото, несмотря на многократное численное превосходство, потерпела сокрушительное поражение от войска Ода Нобунага (1534–1582), властителя Овари³. Эта победа привела к полной потере влияния дома Имагава в Овари, к резкому ослаблению, а затем и к утрате им господства над землей Микава, а также к отпадению от Имагава дома Мацудайра, глава которого Мацудайра Мотоясу (Токугава Иэясу, 1542–1616) в начале 4 года Эйроку (1561 г.) заключил союз с

¹ Имагава Ёсимото — могущественный даймё из рода Имагава, боковой ветви дома Асикага. После смерти брата Удзитэру (1513–1536) одержал верх в борьбе за власть над своим единокровным братом Гэнко: Этан (1517–1536) и возглавил дом Имагава в 1536 г. В 1554 г. стал участником трехстороннего альянса вместе с даймё Такэда Сингэн и Хо:дзё: Удзиясу. Присоединил к своему уделу (провинции Суруга и То:то:ми) землю Микава. Активно проводил обмеры земель (*кэнти*) и составление земельных кадастров. Известен законотворческой деятельностью — составлением в 1553 г. «Имагава канамокуроку цуйка», дополнения к своду законов своего отца Имагава Удзитака из 21 статьи. Между 1557 и 1559 гг. передал номинальное главенство в доме Имагава старшему сыну Удзидзанэ, но фактически сохранил верховную власть. Погиб в битве при Окэахадзама в 1560 г. Подробнее см.: [Овада, 2004; Аримичу, 2008].

² В настоящее время — часть территории префектур Айти и Сидзуока.

³ В первой половине XVI в. дома Имагава и Ода Дандзё:но тю:, из которого происходил Нобунага, соперничали друг с другом за влияние в провинции Микава. Имагава Ёсимото приступил с 1546 г. к серьезной экспансии на востоке Микава. В 1548 г. в сражении при Адзукидзака в Микава силы Ода Нобухидэ, отца Нобунага, были разбиты армией Ёсимото и его союзников. К концу 1540-х гг. вся провинция Микава была включена в княжество Имагава, а дом Ода Дандзё:но тю: утратил там прежние позиции [Аримичу, 2008, с. 118–132; Овада, 2004, с. 141–151]. Имагава Ёсимото, вытеснив Ода Нобухидэ из Микава, примерно с 1550 г. начал планомерное расширение своего влияния в провинции Овари. Он привлек на свою сторону клан Ямагути из уезда Айти (о «предательстве» Ямагути дома Ода Дандзё:но тю: рассказывается и в «Начальном свитке»). На руку Ёсимото была и смерть Ода Нобухидэ в 1552 г., после которой его наследник Нобунага вынужден был вести борьбу в Овари с многочисленными врагами, среди которых был и его младший брат Нобукацу.

Нобунага. В конечном счете поражение армии Имагава при Окэхадзама способствовало дальнейшему возвышению Нобунага.

Историки предлагали различные объяснения как причин неожиданной победы Нобунага, так и целей военной кампании его противника⁴. В японской довоенной исторической науке, пожалуй, наиболее влиятельной была версия о том, что Ёсимото выступил в поход на Киото⁵. Танака Ёсинари (1860–1919) полагал, что для главы дома Имагава захват провинции Овари был «первым шагом» в походе на запад, чтобы «поставить знамя» в Киото [Танака, 1926, с. 27]. Его подход разделял и Ватанабэ Ёсукэ (1874–1957): Ёсимото намеревался прибыть с войском в столицу, а чтобы исполнить свой замысел должен был подчинить себе всех полководцев. Первым же его врагом на пути туда был Ода Нобунага [Ватанабэ, 1916, с. 30]. Среди современных историков Хори Син выдвигает сходное предположение: тщательно подготовившись, Ёсимото во время похода подобно сёгуну во время выездов в Киото, следовал в лакированном паланкине (*нуригоси* 塗輿), тогда как *энгоку даймё*: не использовали такие экипажи для перемещения по своим княжествам. В будущем, хотя не обязательно в 1560 г., он непременно желал войти в столицу [Хори, 2010, с. 27]. Была обоснована и другая гипотеза: Имагава Ёсимото в 1560 г. стремился к захвату провинции Овари [Имаи, 1963, с. 51; Овада, 2004, с. 239]. Развернутая аргументация этой версии содержится в книге Овада Тэцуо. Если бы Ёсимото желал захватить столицу, он бы обязательно осуществил заблаговременную дипломатическую подготовку — вступил во взаимодействие с даймё, чьи владения находились на пути туда (Сайто: (провинция Мино), Роккаку (юг Оми) и др.), а также со столичной аристократией (*күгэ*). Но в источниках нет совершенно никаких свидетельств такой подготовки. Примечателен и крупный масштаб военной экспедиции 1560 г. — Ёсимото мобилизовал максимальную по численности армию (25 тыс. человек) и лично ее возглавил [Овада, 2004, с. 235, 237, 239]. Точку зрения Овада принял Хонда Такаситэ [Хонда, 2010, с. 21]⁶. Кубота Масаки в статье, впервые опубликованной в 1981 г., утверждал, что владелец Суруга желал установить полный контроль над провинцией Микава и покорить Овари (в его намерения входило и удержание стратегически важных замков Наруми, Одака и др. на границе этих двух провинций) [Кубота, 2005, с. 129–131]. Взгляды Кубота по данному вопросу разделяет и Хирано Акио [Хирано, 2016, с. 8]. Административные документы дома Имагава, относящиеся к восточным областям

⁴ В отечественной историографии нет работ, посвященных битве при Окэхадзама, в которых на основе анализа исторических источников рассматривались бы относящиеся к этому важнейшему событию вопросы. Тем не менее само сражение неизменно упоминается в трудах обобщающего характера по истории Японии и учебных пособиях для высших учебных заведений.

⁵ В западной исторической науке Дж. Сэнсом и Й. Ламерс придерживались близких взглядов. Если бы Нобунага в битве при Окэхадзама потерпел поражение, Ёсимото достиг бы Киото и утвердился там, отмечал Сэнсом [Sansom, 1961, p. 277]. Со своей стороны Й. Ламерс ограничивается ремаркой об «известном, хотя и неудачном наступлении Имагава Ёсимото на Киото весной 1560 г.» [Ламерс, 2012, с. 54].

⁶ В российском японоведении Имагава Ёсимото приписывается намерение подчинить провинцию Овари, однако это утверждение не подкрепляется рассмотрением источников и сформулированных японскими коллегами концепций (см. например [История Японии, 1998, с. 293; Искендеров, 1984, с. 86]). В. В. Кожевников в одном фрагменте своей работы пишет, что Имагава Ёсимото ставил своей целью «пройти до столицы и укрепить свою власть», а в другом указывает, что он планировал захватить Овари [Кожевников, 1999, с. 184, 282]. В кратком описании сражения при Окэхадзама, содержащемся в книге В. В. Кожевникова, отсутствуют ссылки на источники, а также нет корректно оформленных ссылок на японские и западные исследования. Создается впечатление, что автор во многом опирается на сравнительно поздние по происхождению и малодостоверные источники периода Токугава [Кожевников, 1999, с. 282–283].

Микава, дошли в гораздо большем количестве, чем аналогичные источники, связанные с управлением западом Микава. Из этого, по мнению Кубота, следует, что в сравнении с востоком господство Имагава над западом Микава было неполным [Кубота, 2005, с. 139]. Несколько иной точки зрения придерживается Фудзимото Масаюки, считающий, что Ёсимото, преследуя более ограниченные цели, предпринял типичный для периода Сэнгоку поход для разблокирования замков, в данном случае — Наруми и О:дака, близ которых Нобунага построил блокирующие форты (*цукэдзиро* 付城) — Тангэ, Дзэнсё:дзи, Накадзима (у Наруми), а также Васидзу и Марунэ (у О:дака). Едва ли в тот момент Ёсимото стремился к захвату Киёсу, резиденции Нобунага, или к уничтожению дома Ода Дандзё:но тью: — такая экспедиция требовала больших расходов и влекла за собой многочисленные жертвы. Ёсимото не стремился к генеральному сражению с Нобунага [Фудзимото, 2003, с. 81–82]⁷. О:иси Ясуси соглашается как с Фудзимото, так и с Кубота [О:иси, 2018, с. 165], несколько упрощая концепцию последнего (Кубота не сводит мотивацию Ёсимото лишь к упрочению контроля над западом Микава). Наконец, Аримицу Ю:гаку и Ёкояма Сумио допускают, что Ёсимото в 1560 г. хотел отвоевать исконные владения дома Нагоя Имагава, его родственников [Ёкояма, 2012, с. 104; Аримицу, 2008, с. 283]. В конце периода Камакура отпрыск клана Нагоя из уезда Айти провинции Овари женился на дочери Имагава Мотоудзи и был усыновлен домом Имагава. Впоследствии этот род стал называться Нагоя Имагава. В 1520-е гг., возможно из-за отсутствия сыновей, глава Нагоя Имагава сделал наследником Имагава Удзитоё, сына даймё Имагава Удзитика и младшего брата Имагава Ёсимото. Однако около 1538 г. замок Нагоя, резиденция Удзитоё, захватил Ода Нобухидэ. Масштаб похода свидетельствует о том, что Ёсимото едва ли рассчитывал в 1560 г. разрешить обычный пограничный конфликт. При этом историк не исключает, что Ёсимото действительно собирался прибыть в Киото, однако не готовился к захвату власти [Аримицу, 2008, с. 279–283]. Таким образом, сформулировано по меньшей мере пять концепций, объясняющих стратегию Ёсимото в 1560 г.: 1) поход на Киото; 2) завоевание Овари; 3) захват Овари и упрочение господства над востоком Микава; 4) помощь гарнизонам замков Наруми и О:дака, оказавшихся в блокаде; 5) возврат земель Нагоя Имагава в Овари. Подобное несовпадение взглядов объясняется скудностью синхронных документальных свидетельств.

Краткие упоминания о самом факте сражения содержатся в корреспонденции некоторых даймё и самураев, а также в грамотах Имагава Удзидзанэ, наследника Ёсимото, удостоверяющих военные заслуги вассалов. Эти сведения, к сожалению, не дают никакого представления ни о замыслах полководцев, ни о соотношении сил двух сторон, ни о ходе самой битвы. Более пространное описание битвы при Окэхадзама содержится в *гунки* (軍記 «военных повестях») периода Токугава. Сравнительно достоверные памятники этого жанра относятся к первой трети XVII в., более поздние *гунки* как правило уступают им по степени надежности, так как либо повторяют многие их сообщения о сражении, либо изобилуют ошибками, сомнительными сведениями, иногда являющимися полным вымыслом. Среди этих *гунки* высокую оценку среди современных историков снискали «Синтё:ко: ки» («Записи о князе Нобунага»), созданные О:та Гю:ити, вассалом Нобунага, на рубеже XVI–XVII вв. О битве при Окэхадзама рассказывается в так называемом «Начальном свитке» этого сочинения, где говорится о жизни и деяниях Нобунага до его вступления в Киото в 1568 г. «Начальный свиток» дошел в нескольких версиях, из которых особенно ценны список из книгохранилища

⁷ Точку зрения Фудзимото разделяют Вада Ясухиро и Сиба Хироюки [Вада, 2018, с. 66; Сиба, 2019, с. 305].

Ё:мэй и рукопись из библиотеки университета Тэнри. В отличие от произведения О:та Гю:ити менее надежными признаются «Синтё: ки» («Записи о Нобунага») врача и конфуцианского ученого Одзэ Хоан (1564–1640), первое ксилографическое издание которых увидело свет около 1611–1612 гг. В основу этого произведения положен труд О:та Гю:ити, однако оно насыщено конфуцианским морализаторством и считается менее достоверным источником, чем «Синтё:-ко: ки». Кроме того, важно «Микава моногатари» («Повесть [о земле] Микава») кисти Окубо Тадатака (1560–1639), вассала дома Токугава, старшие братья которого участвовали во многих военных кампаниях Токугава Иэясу. Это сочинение было написано в 1620-х – нач. 1630-х гг. Заслуживают упоминания и «Записи о Мацудайра» («Мацудайра ки»), предположительно созданные наследственным вассалом рода Мацудайра (Токугава) в годы Кэйтё: (1596–1615). Как известно, Мацудайра Мотоясу (Токугава Иэясу) участвовал в «западном» походе Имагава Ёсимото как подчиненный ему полководец и лишь по случайности избежал участия в битве при Окэхадзама. Самураи дома Мацудайра (Токугава) могли располагать определенными сведениями об этом событии, которые и попали в «Микава моногатари» и «Мацудайра ки». Краткие и отрывочные упоминания об этой битве содержатся и в ряде других военных повестей и хроник, составленных в период Токугава: «То:дай ки» («Записи нашего времени», созданы в годы Канъэй — 1624–1644), «Дзё:ко:дзи нэндай ки» («Хроника [храма] Дзё:ко:дзи»), «Кё:року ирай нэндай ки» («Хроника со [времени] годов Эйроку»)⁸, «Асикага кисэй ки»⁹ и др.

Версия о том, что конечной целью военной экспедиции Ёсимото была столица, опирается на сведения «Синтё: ки» Одзэ Хоан, «То:дай ки», «Мацудайра ки», «Асикага кисэй ки» и *гунки* второй половины периода Токугава. Согласно Одзэ Хоан, владелец Суруга выступил в поход на Киото (*тэнка* 天下, дословно «Поднебесная», в данном случае — Киото, или Киото и близлежащие земли), чтобы «чтобы выправить дурной путь государства» (*кокка-но дзяро о тадасан тотэ* 国家の邪路を正さんとて) [Синтё: ки, 1981, с. 57]. В «Мацудайра ки» написано, что глава дома Имагава желал «казнить» (*то:бацу*; 誅罰) Ода Нобунага и прибыть в столицу [Мацудайра ки, 2014, с. 100]. В «То:дай ки» говорится, что Ёсимото направил войско в Овари, планируя позднее захватить «Поднебесную» [То:дай ки, 1995, с. 3]. Наконец, согласно «Асикага кисэй ки», Ёсимото собирался «покарать» провинцию Овари, явиться в Киото и предстать перед сёгуном Асикага Ёситэру [Асикага кисэй ки, 1906, с. 218]. Следует отметить, что ни в одном из вышеперечисленных памятников не сказано, что Имагава Ёсимото хотел сместить сёгуна и возглавить бакуфу на основании родства с домом Асикага. Ёсимото, согласно Одзэ Хоан, хотел «навести порядок» в делах правления в столице, а согласно составителю «Асикага кисэй ки» — желал явиться к сёгуну (и помогать ему в управлении «Поднебесной»?). Таким образом, данные вышеперечисленных источников совпадают только в одном — владелец Суруга собирался с войском прибыть в столицу, однако его мотивы описаны не совсем внятно и четко. Примечательно, что сохранившиеся документы описываемого времени не содержат никаких подтверждений версии о том, что конечной целью похода главы дома Имагава была столица. Сэкигути Удзидзуми (?–1562), вассал и родственник Ёсимото, в 20 день 3 луны 3 года Эйроку, почти за два месяца до битвы при Окэхадзама, написал ответное письмо, адресованное жрецам Внешнего (Гёку:) святилища

⁸ «Дзё:ко:дзи нэндай ки» и «Кё:року ирай нэндай ки» были завершены в период Токугава, но возможно начали записываться с более раннего времени.

⁹ Время создания и составители этого сочинения неизвестны.

Исэ дзингу:. Он извещал о готовности Ёсимото выделить часть доходов провинции Микава на строительные работы во Внешнем святилище и упомянул о намерении Ёсимото в ближайшее время выступить в поход на границу Овари (*Бисю: сакаимэ* 尾州境目) [Сэнгоку ибун, 2011, № 1540, с. 301]. Кроме того, в сборнике материалов по истории префектуры Айти помещено письмо Имагава Ёсимото, адресованное Мидзуно Дзюро:дзаэмон. Письмо датировано 12 днем 4 луны, однако год его составления не указан. В документе Ёсимото извещает о том, что летом отправляется в поход и заранее приказал построить крепости на границе Овари, а также направил туда войско. В связи с этим он просит Мидзуно оказать помощь. Составители сборника предположительно относят это послание к 3 году Эйроку [Айти, 2004, № 7, с. 4]. Таким образом, два вышеуказанных документа как будто бы свидетельствуют лишь о том, что Ёсимото готовился воевать в пограничных районах Овари и не ставил перед собой более значительных задач.

Как известно, период Сэнгоку ознаменовался упадком центральной власти, расприями и смутами. В 1493 г. сёгун Асикага Ёситанэ (1466–1523) в результате переворота был отстранен от власти могущественным вассалом Хосокава Масамото (1466–1507), Хино Томико (1440–1496), матерью предшественника главы бакуфу, и их союзниками. Ёситанэ бежал из заточения и в 1508 г. при поддержке войск даймё О:ути Ёсиоки (1477–1528) и Хосокава Такакуни (1484–1531) с триумфом возвратился в столицу. Однако в 1521 г. после конфликта с Такакуни сёгун он был вынужден бежать из Киото на остров Авадзи и умер во время скитаний по разным землям Японии. Сёгуну Асикага Ёсихару и его сыну Ёситэру также приходилось не раз покидать столицу в ходе борьбы с влиятельными военачальниками. В 1553 г. Асикага Ёситэру после разрыва с Миёси Нагаёси спешно оставил Киото и направился в провинцию О:ми. После примирения с Нагаёси он вернулся в столицу только в 1558 г. после пятилетнего отсутствия. В 1560 г. Ёситэру и Миёси Нагаёси, самый могущественный даймё столичной области Кинай и близлежащих земель, смогли найти *modus vivendi*. Сёгун осыпал Нагаёси, его родственников и главнейших вассалов почетными титулами и званиями (подробнее о правлении Ёситэру см. [Ямада, 2019]). Таким образом, политическая обстановка в Киото в то время было относительно стабильной. Поводов для военного похода на столицу у Имагава Ёсимото и других даймё на тот момент не было: Асикага Ёситэру тогда не находился в конфронтации с домом Миёси и не просил о помощи. В 1559 г. в Киото побывали три даймё: Ода Нобунага (2 луна), Иссики (Сайто:) Ёситацу (4 луна) и Нагао Кагэтора (Уэсуги Кэнсин, 4–10 луна).

Как отмечает Иматани Акира, визит этих трех удельных князей в столицу не имел военного характера. По его правдоподобному предположению все трое явились в ответ на призыв сёгуна, который лишь недавно примирился с Миёси Нагаёси и, по-видимому, желал, чтобы они выступили в роли «гарантов» примирения. Иссики Ёситацу и Нагао Кагэтора были удостоены почетных званий *осё:бансю* (御相伴衆), Кагэтора также получил право пользоваться лакированным паланкином (*нуригоси*) [Иматани, 2008, с. 183–184]. Не исключено, что сведения источников периода Токугава отражают какие-то действительные намерения Имагава Ёсимото. Возможно, он планировал прибыть в Киото и подобно трем вышеуказанным владельцам получить аудиенцию Асикага Ёситэру. Однако это посещение Киото не должно было стать военной экспедицией. Похоже, что в позднейших источниках военная кампания Ёсимото превратилась в поход на столицу, тогда как в действительности он намеревался явиться в Киото с небольшим войском в другое время, возможно также откликаясь на повеление сёгуна.

Вместе с тем, едва ли Имагава Ёсимото отправился в Овари, чтобы по пути установить более прочный контроль над западными областями Микава. К середине — началу второй половине 1550-х гг. Ёсимото удалось подавить мятежи владельцев Микава и включить эту провинцию в состав своего удела. В западной части Микава мало документов дома Имагава, поскольку Ёсимото осуществлял там свое господство опосредованно через вассалов дома Мацудайра. Кроме того, восточную часть Микава Имагава подчинили раньше, поэтому количество административных документов из западной части Микава меньше [Овада, 2004, с. 253]. В 1560 г. Ёсимото выступил в поход из Сумпу, миновал земли Суруга и То:то:ми. Затем его армия прошла через Микава, где не вела боевых действий [Микава, 1974, с. 77]. Практически все операции войска Имагава имели место на территории провинции Овари: доставка провианта в замок О:дака, штурм фортов Васидзу и Марунэ и др.

Представляется также маловероятным, что Ёсимото готов был довольствоваться лишь снятием блокады с замков О:дака и Наруми. Видимо его замыслы были куда более масштабны. Во-первых, он самолично возглавил армию. Если бы дело касалось только лишь разблокирования форпостов Имагава в провинции Овари, то Ёсимото мог доверить выполнение этой задачи одному из своих полководцев. При этом согласно «Синтё:ко: ки» владелец Суруга следовал в лакированном паланкине. Сёгуны Асикага предоставляли право передвигаться в таком паланкине могущественным даймё. Можно согласиться с О:иси Ясуси: Ёсимото в данном случае желал выставить напоказ свой статус *сюго* жителям провинций То:то:ми и Микава, а также Овари. Передвигаясь в Овари в *нуригоси* он стремился подчеркнуть равенство своего статуса *сюго* из рода Сиба (номинальным властителем Овари во второй половине эпохи Муромати), и одновременно превосходство над домом Ода Дандзё:но тю:. Тем самым он, вероятно, рассчитывал снизить сопротивление наступлению армии Имагава [О:иси, 2018, с. 169]. Во-вторых, военные силы Ёсимото были велики. В источниках встречаются различные оценки численности войска Имагава. В «Синтё:ко: ки» говорится о 45 тыс. человек, в «Синтё: ки» Одзэ Хоан — одновременно о нескольких десятках тысяч и о 45 тыс., в хронике «Кё:року ирай нэндайки» — о более чем 20 тыс., в «Дзё:ко:дзи нэндай ки» — о 10 тыс., в «Асикага кисэй ки» — о более чем 10 тыс. [Айти, 2004, с. 39; Асикага кисэй ки, 1906, с. 218; Синтё: ки, 1981, с. 57–58]. Довольно большой разброс в оценках размера армии Ёсимото обнаруживается и в трудах историков XX — начала XXI вв.: Кирино Сакудзин — 45 тыс. воинов, Ватанабэ, Овада, Сэнсом, Хори — 25 тыс., Кувата Тадатика (1902–1987) — 20 тыс. с небольшим, Вада — около 20 тыс. человек [Вада, 2017, с. 57; Ватанабэ, 1916, с. 32; Кувата, 1964, с. 67; Ёкояма, 2012, с. 98; Кирино, 2011, с. 123; Овада, 2004, с. 231; Хори, 2010, с. 25; Sansom, 1961, p. 276]¹⁰. Принимать на веру все данные О:та Гю:ити было бы неосмотрительно: автор «Синтё:ко: ки» стремился превознести победу своего господина и для этого сознательно завысил численность армии противника, которая скорее всего не могла насчитывать 45 тыс. человек. Оценки армии Ёсимото в 20–25 тыс. человек кажутся правдоподобными. Не исключено, что она могла насчитывать от 10 до 20 тыс. воинов. Так или иначе, это были весьма значительные силы. Одновременно Хаттори Томосада (?–1568), союзник Ёсимото из уезда Кайсай провинции Овари, с большим флотом, который в «Синтё:ко: ки» оценивается в 1 тыс. кораблей, подплыл к порту Ацута и напал на него с моря, однако горожанам Ацута удалось отразить атаку. Участие кораблей Хаттори в военной кампании Ёсимото — еще одно свидетельство ее большого размаха.

¹⁰ В отечественных работах указывается, что в армии Имагава Ёсимото было 25 тыс. человек [История Японии, 1998, с. 293; Кожевников, 1999, с. 184] или же «несколько десятков тысяч человек» [Искендеров, 1984, с. 86].

Данные практически всех доступных нам источников совпадают в том, что Ода Нобунага располагал гораздо меньшей армией. И в этом случае сведения «Синтё:-ко: ки» не кажутся столь уж далекими от истины: под рукой у Нобунага было почти 2 тыс. человек. Согласно «Синтё: ки» и «Микава моногатари» он командовал 3 тыс. воинов [Микава, 1974, с. 79; Синтё: ки, 1981, с. 58]¹¹. Напротив, вызывают сомнение цифры, приводимые в хронике «Кё:року ирай нэндай ки», — 700 воинов [Айти, 2004, с. 39]. Учитывая поспешность, с которой Нобунага устремился навстречу Ёсимото, у него не было времени, чтобы собрать более многочисленную армию. По-видимому, он командовал войском в 2–3 тыс. человек.

Наконец, в рукописи Тэнри «Синтё:-ко: ки» содержатся дополнительные доказательства того, что замыслы Ёсимото не сводились к устранению угрозы замкам О:дака и Наруми со стороны сил Нобунага. В этой версии хроники содержится рассказ о военном совете перед битвой при Окэхадзама. В списке «Ё:мэй» данный эпизод отсутствует. Согласно рукописи, Тэнри Нобунага объявил о намерении дать сражение армии врага на границе Овари, тогда как «старейшины высочайшего дома [Ода Дандзё:-но тю:]» (*гокаро:-но сю* 御家老之衆) в один голос предостерегали его: армия врага велика, тогда как наши силы малы. У его милости есть «хороший и славный замок», следует выждать и в благоприятный момент дать сражение, убеждали они. Однако Нобунага не внял их совету [Синтё: ки, 2014, с. 57]. Скорее всего, в данном отрывке речь идет о Киёсу — замке-резиденции Нобунага. Тем самым согласно рукописи, как Тэнри как глава дома Ода Дандзё:-но тю:, так и его главнейшие вассалы ожидали дальнейшего продвижения воинства Имагава. Нобунага настаивал на том, чтобы нанести упреждающую атаку по неприятелю на границе Овари и Микава, тогда как «старейшины» дома Ода предлагали выждать в замке Киёсу, а в подходящий момент ударить по врагу.

Таким образом, вполне вероятно, что снятие блокады с замков О:дака и Наруми — лишь одна и не главная («тактическая») задача «западного» похода Имагава Ёсимото. Стратегическая его цель состояла в сокрушении господства Ода Нобунага над большей частью Овари, в захвате Киёсу и других важнейших замков. Это подтверждается не только масштабом военной кампании Ёсимото, но и тем, что вассалы Нобунага рекомендовали ему отступить в Киёсу и, возможно, ожидали последующей осады замка.

ФРАГМЕНТ «НАЧАЛЬНОГО СВИТКА». ПЕРЕВОД¹²

Шла молва, что [князь Нобунага] скрывает в душе тревогу из-за того, что в земле [Овари]¹³ принят Имагава Ёсимото. К югу от замка Наруми река, зовущаяся Куродзуэ, впадала в море, из бухты морские приливы [доходили] до стен замка. К востоку тянулась равнина, к западу — заболоченные рисовые поля. Оттуда на восток тянулись горы. На расстоянии 20 *ми*:

¹¹ В «Синтё: ки» приводятся две разные оценки численности войска Нобунага — 3 тыс. и 5 тыс. человек [Синтё: ки, 1981, с. 58, 61].

¹² Перевод отрывка из «Начального свитка» произведен по изданию текста списка Ё:мэй в томе XIV серии источников по истории префектуры Айти [Синтё:-ко: ки, 2014, с. 56–64]. Во время работы автор обращался как к публикации той же версии текста издательства «Кадокава сётэн» [Синтё:-ко: ки, 1996, с. 17–51], так и к списку Матида, практически идентичному рукописи Ё:мэй [Синтё:-ко: ки, 1921, с. 30–35], а также к списку Тэнри, который имеет отличия от нее [Синтё: ки, 2014, с. 56–62].

¹³ *Окуни* (御国). Гоноративный префикс здесь означает владение провинцией Овари Нобунага.

от замка была старая усадьба, звавшаяся Тангэ¹⁴. Ее [князь Нобунага] перестроил в крепость¹⁵. [В ней разместились]: Мидзуно Татэваки, Ямагути Эби-но дзё:, Цугэ Гэмба-но ками, Маки Ёдзю:ро:, Маки Со:дзю:ро:, Бан Дзю:дзаэмон-но дзё:¹⁶.

К востоку находились руины [храма], звавшегося Дзэнсё:дзи¹⁷. [Князь Нобунага воздвиг там] крепость, соизволил разместить [в ней] Сакума Уэмон и его младшего брата Сакё:-но сукэ¹⁸. К югу располагалась деревушка, звавшаяся Накадзима. Соблаговоллив сделать [там] крепость, [Нобунага] разместил [в ней] Кадзикава Хэйдзаэмон¹⁹. На противоположной стороне устья [реки] Куродзуэ [князь Нобунага] перерезал [пути] между [замками] О:дака и Наруми, [приказав] построить две крепости.

На горе Марунэ соизволил разместить Сакума Дайгаку.

На горе Васидзу²⁰ соизволил разместить Ода Гэмба²¹ и Иино: О:ми-но ками с сыном.

(24). 21 год [девиза правления] Тэмбун²², год крысы и старшего брата воды, 5 луна, 17 день. Имагава Ёсимото [с войском] подошел к замку Куцукакэ. По слухам [Ёсимото] доподлинно [приказал] в 18 день с наступлением ночи доставить провиант в [замок] О:дака, и, рассчитывая на полный прилив утром 19 дня, чтобы не [было] оказано помощи, уничтожить крепости [князя Нобунага]. Вечером 18 дня [его милости] представили донесение об этом от Сакума Дайгаку и Ода Гэмба: Той ночью [в замке Киёсу князь Нобунага] совсем не обсуждал военные планы, но вел досужие разговоры о всяких [делах] на свете. «Уже наступила глубокая ночь, посему возвращайтесь по [своим] домам», — [сказал князь Нобунага], даровав [вассалам] дозволение уйти²³. Старейшины дома говорили: «Когда удаче [приходит] конец, зеркало рассудка тускнеет. Сейчас все как [в этой поговорке]». И все, насмехаясь [над князем Нобунага], вернулись. Как и ожидалось, на рассвете от Сакума Дайгаку²⁴ и Ода Гэмба одно за

¹⁴ Уезд Айти провинции Овари. Часть территории района Мидори современного города Нагоя в префектуре Айти.

¹⁵ Строительство по приказу Нобунага фортов Тангэ и Дзэнсё:дзи, блокировавших замок Наруми, датируется 2-м годом Эйроку (1559 г.).

¹⁶ Здесь, как и во многих других фрагментах хроники, приводятся имена командиров отрядов. Подразумевается, что они разместились в форте вместе со служивыми людьми. Мидзуно Татэваки — Мидзуно Татэвакидзаэмон (?-?). Ямагути Эби-но дзё: — Ямагути Моритака (1535–1565).

¹⁷ Уезд Айти провинции Овари. Часть территории района Мидори современного города Нагоя в префектуре Айти.

¹⁸ Сакума Сакё:-но сукэ — Сакума Нобунао (1538–1599).

¹⁹ Кадзикава Хидэмори (?-?).

²⁰ Форты Марунэ и Васидзу, как и Накадзима, Тангэ и Дзэнсё:дзи находились в уезде Айти провинции Овари (ныне — район Мидори города Нагоя).

²¹ Ода Гэмба — Ода Хидэтоси (?–1560), старший родственник Нобунага: младший брат Ода Нобусада, деда Нобунага, или же сын Бунго-но ками, дяди Ода Нобухидэ [Танигути, 2010, с. 135].

²² В «Начальном свитке» дважды указывается неверная дата битвы при Окэхадама: сражение произошло не в 21 году девиза правления Тэмбун (1552 г.), году крысы и старшего брата воды, а в 3 году девиза правления Эйроку, году обезьяны и старшего брата металла (1560 г.), в 19 день 5 луны (12 июня 1560 г.).

²³ В списке Тэнри поведение Нобунага описывается совсем иначе. Согласно этой версии хроники, незадолго до битвы при Окэхадама в замке Киёсу ночью был проведен военный совет: «Той ночью [князь Нобунага] беседовал [с вассалами], обсуждали военные планы». Нобунага высказал свое мнение: «Следует во что бы то ни стало провести битву на границе земли [Овари]». Но старейшины дома Ода Дандзё:-но тью:, «сплотившись все как один», предложили другую стратегию. У врага большое войско — 45 тыс. человек, тогда как войска у его милости недостаточно, но он владеет «хорошим и славным замком» Киёсу. Потому нужно отступить в замок, выждать благоприятный момент и дать сражение. Однако Нобунага отверг этот совет [Синтё: ки, 2014, с. 57].

²⁴ Сакума Морисигэ (?–1560), вассал Ода Нобухидэ. Сначала служил Ода Нобукацу, младшему брату Нобунага. Позднее примкнул к Нобунага.

другим [поступили] донесения: войско [Ёсимото] уже нападает на горы Васидзу и Марунэ. Тогда Нобунага изволил исполнить танец Ацумори²⁵. «Пятьдесят лет в Мире людей, коль сравнить [со сроком жизни] на [Небесах] Нирманарати — все равно что сон иль наваждение. Однажды жизнь обрета, разве может кто-нибудь не стинуть?», — [пропел он]. «Грубить в [раковину] [*хорагай*], принести [мои] доспехи», — повелел [князь Нобунага]. Облачившись в доспехи, [он] стоя, изволил поест²⁶, надел шлем и соблаговолил выступить в поход. Тогда спутниками [его милости] были [отроки] *окоё*: Ивамуро Нагато-но kami, Хасэгава Кё:сукэ, Саваки То:хати, Ямагути Хида-но kami, Като: Ясабуро:.

Эти шестеро всадников — господин и вассалы за один час проскакали три *ри* до Ацута. Когда [князь Нобунага] в час дракона, [стоя] перед святилищем Гэндаю:²⁷, обратил взор на восток, казалось, что [крепости] Васидзу и Марунэ уже пали, [там] поднимался дым. Тогда [было] шесть конных и примерно двести простых воинов²⁸. Если бы [его милость] проследовал по морскому берегу, путь был бы короче, но поднялся прилив, [его] коню там было не проехать, и [князь Нобунага], погнав коня во весь опор, изволил поскакать по верхней дороге от Ацута. Сначала пожаловал в крепость Тангэ, оттуда изволил проследовать в Дзэнсё:дзи — крепость, [в которой была] ставка Сакума [Нобумори]. Собрав войско, [его милость] построил отряды [в боевые порядки] и обозрел сложившееся положение. Враг [его

²⁵ Согласно рукописи Тэнри после ночного совещания с главными вассалами относительно дальнейших военных планов Нобунага устроил пир, на котором актер театра Но: по имени Мияфукудаю: продекламировал отрывок из пьесы Но:. При этом Нобунага стучал в малый барабанчик *коцудзүми*, «пошел буйный пир» (*рансю ни макаринари*; 乱酒二罷也, *рансю* — «попойка»; «неумеренные возлияния») [Синтё: ки, 2014, с. 57]. В «Синтё: ки» Одзэ Хоан также рассказывается об этом застолье. Хоан упоминает и о танце Мияфукудаю:, которому восхищенный Нобунага будто бы пожаловал 20 *рё*: золота [Синтё: ки, 1981, с. 59].

²⁶ *Микэ о маири* (御食を参り). *Микэ* — еда, пища знатного и высокопоставленного лица [Судзуки, 2019, с. 579]. Возможно, в данном случае хроника фиксирует один из обычаев периода Сэнгоку — ритуальное вкушение полководцем трех блюд вместе с сакэ перед битвой. Сперва надлежало отвесть сушеных аваби (*утиаваб*; 打ち鰐, также *носиаваб*), затем сушеных каштанов (*катицури*; 勝ち栗), а напоследок — морскую капусту (*камбу*; 昆布). Исходя из значения иероглифов, образовывавших названия первых двух блюд, а также созвучия *камбу* глаголу *ёрокобу* (悦ぶ «радоваться») ритуал вкушения рассматривался как залог успеха на войне. Съев *утиаваб*, военачальник должен был ударить (*уцу*; 打つ) по врагу, победить его (*кацу*; 勝つ) и радоваться (*ёрокобу*; 悦ぶ) своему успеху. Овада обращает внимание на эпизод из «До:кэ Сокан ки» (道家祖看記; «Записи До:кэ Сокан», около 1643 г.), сочинения До:кэ Сокан, настоятеля храма Сё:ринъин, который будто бы записал услышанное от своего отца, вассала Нобунага. На заре 19 дня 5 луны перед битвой при Окэхадама один из «отроков» (*окоё*:) принес Нобунага *кампу* и *катицури* [Овада, 2007, с. 180, 181]. В «Синтё:ко: ки» не написано, что именно съел Нобунага, однако вполне возможно, что в «До:кэ Сокан ки» в данном случае содержатся достоверные сведения. Таким образом, Нобунага видимо совершил ритуальное вкушение пиши (веря в то, что это поможет одолеть сильного противника, или желая придать войнам уверенности в победе).

²⁷ Святилище Гэндаю: (Гэндаю: дэнкю: 源太夫殿宮) — Камитикама дзиндзя (上知我麻神社). Уезд Айти провинции Овари (сейчас часть территории района Ацута города Нагоя). Ныне одно из святилищ *сэсся* (摂社) на территории комплекса Ацута дзингу:. Одно из почитаемых божеств — Отоё-но микото (乎止与命), божество-охранитель (*дзинусигами*; 地主神) См.: Ацута. Бэцугу:. Сэсся. Масся. Сайт святилища Ацута Дзингу: URL: <https://www.atsutajingu.or.jp/jingu/about/yukari/> (дата обращения 01.09.2021). Отоё-но микото считается одним из первых управителей земли Овари (*куни-но мияцүко*), будто бы жившим в период Кофун (IV–VI вв.).

²⁸ *Дзохё*: (雑兵) — воины низкого социального положения, «простые» воины, *асигафу*. В данном случае слово, по-видимому, является синонимом *асигафу*, пеших легковооруженных воинов.

милости)²⁹ Имагава Ёсимото вел 45 тыс. [воинов], на Окэхадазамаяма³⁰ [он] дал передышку [людям] и лошадям.

21 год Тэмбун, год крысы и старшего брата воды, 5 луна, 17 день, час лошади³¹. [Ёсимото] построил войско в северо-западном направлении и взял приступом [крепости] Васидзу и Марунэ. Говорят, [он] был безмерно доволен и соизволил нараспев прочесть три отрывка из [пьес] Но. Тогда Иэясу³² в красных доспехах³³ возглавил атаку, доставил провиант в [замок] О:дака, не щадил себя у Васидзу и Марунэ, соблаговолил тяжело потрудиться, и потому [после этого Иэясу] дал перевести дух людям и коням, разместил ставку в О:дака.

Увидев, что Нобунага изволил прибыть в Дзэнсё:дзи, два предводителя³⁴ Сасса Хято-но kami и Сэнсю: Сиро:³⁵ с войском из примерно трех сотен [человек] направились к [армии] Ёсимото и пошли на [вражеских] *асигафу*. Тогда [все враги] разом [на них] напали, Сэнсю: Сиро: и Сасса Хято-но kami, а [всего] примерно пятьдесят всадников были сражены в пылу сечи³⁶. Увидев это, [Ёсимото] возрадовался: «Даже мары и демоны³⁷ не устоят перед острием

²⁹ Враг [его милости] — *готэки* (御敵).

³⁰ Окэхадазамаяма — уезд Айти провинции Овари. Точная локализация этого топонима вызывает у исследователей затруднения. Принято считать, что речь идет о местности в южной части района Мидори города Нагоя. См.: Окэхадазама. *Сэйсёхан Нихон кокуго дайджитэн*. Сёгакукан. 2005–2006. URL: <https://kotobank.jp/word/%E6%A1%B6%E7%8B%AD%E9%96%93%E3%83%BB%E6%A1%B6%E8%BF%AB%E9%96%93-2015800> (дата обращения 01.09.2021). В списке Тэнри сказано, что он расположил на Окэхадазамаяма отряды войска «один за другим» (*дан дан* 段々) [Синтё: ки, 2014, с. 58]. Таким образом, по всей видимости Окэхадазамаяма — это название не одной горы, а гористой местности.

³¹ Час лошади — 1) 12 часов дня; 2) временной промежуток с 11 часов утра до 1 часа дня.

³² Иэясу — Токугава Иэясу, основатель сёгуната Токугава. На момент битвы при Окэхадазама он прозывался Мацудайра Мотоясу и был вассалом Имагава Ёсимото. Мацудайра — влиятельный род провинции Микава. Как известно Мацудайра Киёясу, дед Иэясу, стал наиболее влиятельным военачальником в Микава. В детстве Иэясу довелось быть заложником в Сумпу, столице удела Имагава. В 1557 г. Иэясу женился на дочери Сэкигити Ёсихиро, одного из вассалов Имагава Ёсимото. В 1558 г. он выступил в первый свой военный поход. Видимо, посчитав его успешным, Ёсимото пожаловал Иэясу часть родовых владений Мацудайра. В 1560 г. во время похода на Овари Иэясу повел авангард армии Имагава из воннов Микава. Согласно обычаю периода Сэнгоку передовой отряд часто возглавляли самуран, чьи владения граничили с вражескими землями. Считалось, что им удобнее атаковать ввиду хорошего знания местности. После гибели Ёсимото в сражении при Окэхадазама Иэясу порвал с домом Имагава и заключил союз с Ода Нобунага. Подробнее о жизненном пути Токугава Иэясу см.: [Хонда, 2010; Сиба, 2017].

³³ Дословно Иэясу называется «красным воином» (*акамуся*; 朱武者), что означает, что его шлем и доспехи (а возможно и ножны меча или копье) были красного цвета.

³⁴ Предводитель — *касифа* (首).

³⁵ Сэнсю: Сиро: — Суэтада (1534–1560), сын Сэнсю: Суэмицу, главного жреца святилища Ацута. Унаследовал после смерти старшего брата статус главы святилища. Одновременно служил Нобунага, управляя замком Хадзудзакки в уезде Тита провинции Овари (сейчас поселение Минамитита в уезде Тита префектуры Айти) [Танигити, 2010, с. 248].

³⁶ Согласно рукописи Тэнри оба этих командира находились в форте Накадзима и увидели оттуда, как Нобунага проследовал в крепость Дзэнсё:дзи: «Увидев из Накадзима, что Нобунага пожаловал в Дзэнсё:дзи, два предводителя Сасса Хято-но kami и Сэнсю: Суэтада поспешили к горным отрогам». В последовавшей стычке пало не 50 (цифра из списка Ё:мэй), а 30 «всадников» [Синтё: ки, 2014, с. 58]. Некоторые историки ранее считали, что Сасса и Сэнсю: атаковали по приказу Нобунага, чтобы отвлечь внимание военачальников Имагава от действий главных его сил. Однако по всей видимости правы Фудзимото и Кирино: в данном случае была совершена самовольная атака самураями, желавшими выказать доблесть на глазах Нобунага. В этом небольшом столкновении возможно участвовал и Маэда Тосинэ, ранее впадший в немилость и желавший вернуть расположение Нобунага (Тосинэ удалось спастись). Нобунага, имея небольшие силы, нуждался в каждом воине и едва ли послал бы на верную гибель триста бойцов [Кирино, 2011, с. 199–200; Фудзимото, 2003, с. 89–90].

копья Ёсимото, [я] в превосходном настроении». Медленно, нараспев, прочитал отрывок [из пьесы театра Но] и раскинул лагерь. Увидев [это], Нобунага вознамерился двинуться к Накадзима. «По обе стороны [дороги] заболоченные рисовые поля, [где] всадники проедут лишь по одному [друг за другом]. Враг точно увидит, как малы [наши] силы. [Этого делать Вашей милости] никак не следует», — в один голос говорили старейшины дома³⁸, схватившись за поводья³⁹ [его] коня. Но [князь Нобунага] вырвал [поводья из их рук] и переместился в Накадзима. Как говорят, тогда в войске [его милости] не было и двух тысяч [человек].

Из Накадзима [он] снова двинул войско. И хотя [старейшины дома], крепко схватившись [за поводья коня], удерживали [его], [князь Нобунага] тогда рёк: «Послушайте же все [меня] хорошенько. Эти [вражеские] воины вечером израсходовали провиант, шли всю ночь напролет, доставили провизию в [замок] О:дака, не падали себя у Васидзу и Марунэ. [Это] тяжело потрудившиеся, истомленные воины. Но вы [полны] свежих сил. Кроме того, «Не следует малому войску страшиться многочисленного врага. Удача [зависит от] Неба»⁴⁰. Разве не знаете этого речения? Когда [враг] наступает, отходите, когда отступает, преследуйте. Непременно сокрушим и разобьем [врага] — будет, как [я] задумал. Брать трофеи⁴¹

Таким образом, вероятно здесь мы имеем дело с *нукэгакэ* (нукэакэ 抜) — повсеместно распространенной в Средние века в Японии практике, когда желавшие проявить доблесть и заслужить награду самуран по своему почину бросались в атаку прежде других воинов, не дожидаясь сигнала военачальника. В период Сэнгоку подобные действия запрещались в военных уставах *сэнгоку даймё*, однако на деле высоко оценивались военным дворянством. Кроме того, в списке Тэнри содержится следующая фраза: «Те, кто пришел из окрестностей Ацута и Ямадзак... сказали: «Верно в битве [его милость] потерпит поражение, скорее вернемся» и все возвратились обратно. И [войско князя Нобунага] стало еще более малочисленным» [Синтё: ки, 2014, с. 59]. По-видимому, здесь говорится о самураях провинции Овари, которые, удостоверившись в малой численности армии Нобунага, решили к ней не присоединяться, ожидая его неминуемого поражения.

³⁷ Даже мары и демоны — *тэмма кидзин мо* (天魔鬼神 も). *Тэмма* (天魔) — в буддизме повелитель богов шестого, «самого высокого неба сферы страстей» (Мара, яп. *мао*: 魔王) и подчиненные ему обитатели этого неба. Они насылают соблазны и искушения на людей и пытаются воспрепятствовать их спасению [Андросов, 2011, с. 277–278]; Тэмма. *Сэйсэнхан Нихон кокуго дайджитэн*. Сёгакукан. 2005–2006. URL: <https://kotobank.jp/word/%E5%A4%A9%E9%AD%94-102784> (дата обращения 01.09.2021). *Кидзин* (鬼神) — многозначное слово, в частности, так в Японии называли создания, наделенные сверхчеловеческими силами и способностями. Так могли именоваться благие боги – охранители буддийского закона, но в то же время и злые божества и демоны — ракишасы и т. п. См.: Кидзин. *Сэйсэнхан Нихон кокуго дайджитэн*. Сёгакукан. 2005–2006. URL: <https://kotobank.jp/word/%E9%AC%BC%E7%A5%9E-50543> (дата обращения 01.09.2021). В данном случае бином, употребленный вместе с *тэмма*, вероятно имеет последнее значение — «демоны».

³⁸ Старейшины дома — *каро-но сю*: (家老の衆). В списке Тэнри в отличие от списка Ё:мэй перечислены фамилии старейших вассалов дома Ода, пытавшихся отговорить Нобунага от безрассудной, по их мнению, затеи: Хаяси, Хиратэ, Икэда, Хасэгава, Ясуи, Хатия [Синтё: ки, 2014, с. 59].

³⁹ Поводья — дословно *куцува-но хикитэ* (轡之引手). *Хикитэ* (хиттэ 引手) — металлическая продолговатая деталь, соединявшая уздечку с поводьями [Сэкай, 2007]. Выражаю признательность к.и.н., с.н.с. ИВ РАН С. Е. Малых за помощь в написании данного комментария.

⁴⁰ Цитата или парафраз из неизвестного, возможно, китайского источника.

⁴¹ Брать трофеи — *бундори* (分捕), то есть добывать на поле битвы голову, оружие, доспехи врага (и др.) как доказательство заслуг, для последующего предъявления и получения награды. В Японии в Средние века *бундори* как правило отличали от *рандори* (乱捕), грабежа имущества во вражеских землях. См. Бундори. *Сэйсэнхан Нихон кокуго дайджитэн*. Сёгакукан. 2005–2006. URL: <https://kotobank.jp/word/%E5%88%86%E6%8D%95-1203490> (дата обращения 01.09.2021). *Бундори* в данном фрагменте хроники иногда интерпретируется как приказ Нобунага, запрещающий присваивать чужие заслуги [Судзуки, 2019, с. 536]. Однако такая трактовка кажется неверной, поскольку Нобунага согласно тексту О:та Гюити стремится побудить воинов как можно быстрее разгромить

возбраниется. Разите [врагов]. Коли победим в битве, пришедшие сюда [преумножат] честь своего рода, и прославят имя в грядущих веках. [Вы] должны отдать все свои силы». Когда [он так] рёк, явились Маэда Матадзаэмон, Мо:ри Кавати, Мо:ри Дзю:ро, Киносита Утаносукэ, Накагава Кинъэмон, Сакума Ятаро:, Мори Косукэ, Адзики Ятаро:, Уодзуми Хаято⁴², держа в руках головы врагов. [Князь Нобунага] в точности передал [им] вышесказанное. Когда [он] приблизил войско к подножию горы, внезапный ливень — словно посыпались камни или град, хлынул врагам в лицо. Пролился [он] позади наших [воинов]. На перевале Куцукакэ среди сосен камфарное дерево [толщиной] в два или три обхвата было повалено дождем на восток. «Случай из ряда вон выходящий — не иначе как [случится] битва великого светлого божества Ацута»⁴³, — говорили [воины]. Увидев, что небо прояснилось, Нобунага схватил копье, и вскричав громким голосом, приказал: «Эй⁴⁴, нападайте, нападайте». [Люди Имагава] видели [лишь], как [на них] нападают, поднимая клубы черного дыма⁴⁵, и [вражеское войско] вдруг, смешав боевые порядки, устремилось назад⁴⁶ — словно хлынула вода. Луки, копья, аркебузы, стяги, [флажки] *сасимоно* [лежали] словно разбросанные [в беспорядке] гадательные палочки. Бросив даже лакированный паланкин Ёсимото, [его люди] обратились в беспорядочное бегство.

21 год [девиза правления] Тэмбун⁴⁷, крысы и старшего брата воды, 5 луна, 19 день. «Там стяг [Ёсимото]. Нападайте туда», — отдал приказ [князь Нобунага]. В час овцы⁴⁸ [он]

противника, не отвлекаясь на *бундори*. Едва ли речь здесь идет о запрете действий по определению считавшихся предосудительными.

⁴² Почти все эти войны относились к *оумамавафи* («личной гвардии» Нобунага). Маэда Матадзаэмон — Маэда Тосиэ (1537–1599). Мо:ри Кавати — Мо:ри Нагахидэ (1541–1593). Киносита Утаносукэ (?–1584). Накагава Кинъэмон (?–?). Сакума Ятаро: (?–?). Мори Косукэ (?–?). Адзики Ятаро: — Адзики Садамаса (?–?). Уодзуми Хаято — Уодзуми Хаято-но камии (?–?). В списке Тэнри упоминаются лишь первые шесть из этих девяти имен, среди них вместо Сакума Ятаро: фигурирует Сакума Ягоро: (вероятно, Ягоро: — ошибочное написание имени Ятаро:) [Синтё: ки, 2014, с. 59, 60].

⁴³ Битва великого светлого божества Ацута — Ацута Даймё:дзин-но камии икуса (熱田大明神の神軍). *Ками икуса* (神軍) — «сражение, осуществляемое богами»; «сражение между богами»; «воинство богов». См.: Камии икуса. *Сэйсэнкан* Нихон кокуго дайджитэн. Сёгакукан. 2005–2006. URL: <https://kotobank.jp/word/%E7%A5%9E%E8%BB%8D-2024161> (дата обращения 01.09.2021). Божество Ацута — по-видимому, подразумевается одно из божеств, почитавшихся в святилище Ацута Дзингу, в котором хранится одна из трех императорских регалий — меч Кусанаги-но цуруги, считающийся *синтай* («телом божества») Ацута О:ками (熱田大神). В других строениях святилища чтят Аматаэрасу, Сусаноо-но микото, Ямато-такэру и др. богов. См.: Камата Дзюнъити. Ацута Дзингу. *Нихон дайхякка дзэнё* (Ниппоника). Сёгакукан. URL: <https://kotobank.jp/word/%E7%86%B1%E7%94%B0%E7%A5%9E%E5%AE%AE-26002> (дата обращения 01.06.2021); [Смирнов, 2010, с. 169–170].

⁴⁴ Эй — *Сува* (すは), междометие.

⁴⁵ Поднимая клубы черного дыма — *кокуэн татэ* (黒煙立て). *Курокэмури о татэру* (黒煙を立てる) — настолько сосредоточиться или всецело отдаться чему-либо, что «из головы идет черный дым». См.: Курокэмури о татэру. *Сэйсэнкан* Нихон кокуго дайджитэн. Сёгакукан. 2005–2006. URL: <https://kotobank.jp/word/%E9%BB%92%E7%85%99%E3%82%92%E7%AB%8B%E3%81%A6%E3%82%8B-2033082> (дата обращения 01.09.2021).

⁴⁶ Вдруг, смешав боевые порядки, разом устремилось назад — дословно «вдруг обрушилось вспять» (*усифо э катто кудзурэтари* 後口へくはつと崩れたり). *Кудзурэру* (崩れる) — расстройство в битве боевых порядков войска. Еще одно значение — «потерпев поражение, разбегаться».

⁴⁷ Здесь, как и ранее, ошибочно указан 21 год Тэмбун, тогда как правильная дата — 3 год Эйроку (1560).

⁴⁸ Около 2 часов дня; временной интервал с 13.00 до 15.00.

соблаговолит атаковать в восточном направлении. Сначала три сотни всадников⁴⁹, образовав круг, защищали Ёсимото во время отступления, но дважды, трижды, четырежды, пять раз, поворачивая назад, [они] отбивались и отбивались. Постепенно их стало мало, в конце концов, осталось примерно пятьдесят всадников.

Нобунага тоже спешил, не желая уступать молодым воинам, разил и сбивал [врагов копьем]. Разъяренные молодые [воины], обрушившись, смешались [с врагами], [били так], что [на мечях] истирались *синоги*⁵⁰, раскалывались гарды [мечей], сыпались искры, взвивалось пламя. Однако отличали вражеских воинов от своих по цвету [флажков и стягов]. Там было не сосчитать раненых и убитых *оумамавари*, [отроков] *окоё*: и именитых [самураев]. Хаттори Кохэйта⁵¹ ринулся на Ёсимото, но [ему] подрубил коленные чашечки, и [Кохэйта] рухнул навзничь. Мо:ри Синсукэ зарубил Ёсимото и добыл [его] голову. Позднее люди судачили: «[Вышло] так лишь только [по одной причине]: когда в прошлые годы в замке Киёсу напали и всех до единого истребили его светлость Буэй [с родичами], [Синсукэ] одного младшего брата [его светлости], взяв живым [в плен], спас, вот тотчас и явилась милость [Будд и богов]⁵² — добыл голову Ёсимото».

Было ли это предвестием того, что удача [Имагава Ёсимото] иссякла? Окэхадама — место, где [тянутся] запутанные ущелья, заболоченные рисовые поля и топи, низины и возвышенности, заросшие лесом и травой, [это] невероятно труднопроходимая местность. Когда бежавшие на заболоченные рисовые поля [воины Ёсимото] блуждали, [не в силах] выбраться оттуда, молодые [самураи князя Нобунага] настигали их [одного за другим], [а затем], каждый из них, держа в обеих руках по две-три головы [врагов] представлял перед [господином]. «Осмотр всех голов [пройдёт] в Киёсу», — распорядился [князь Нобунага]. Соизволив осмотреть голову Ёсимото, [он] был несказанно доволен. [Затем его милость] вернулся из похода той же дорогой, которой пришел.

Ода Бинго-но kami, отец князя Нобунага, многие годы благоволил Ямагути Сама-но сукэ и его сыну Куро:дзиро:, разместив [их] в замке Наруми. Когда внезапно [он] преставился, вскоре [они] позабыли о [высочайших] благодеяниях, питая вражду к князю Нобунага, и явив верность Имагава Ёсимото, впустили в [свой] замок-резиденцию Наруми [силы Имагава], и уезд Тита покорился [Ёсимото]. После того, вторгшись в уезд Айти, [воины Имагава] построили крепость в месте, зовущемся Касадэра. В [том] замке [Ёсимото] разместил Окабэ Горобё:э, Кадзураяма, Адзай Косиро:, Иино: Будзэн, Мнура Сама-но сукэ. Разместив в Наруми сына Куро:дзиро:, построил крепость в селении Накамура неподалеку от Касадэра, Ямагути

⁴⁹ Вероятно, речь идет о пеших (или спешившихся) воинах. В тексте хроники под «всадниками» (*ки*) очень часто понимаются все воины, включая пехотинцев.

⁵⁰ [На мечях] истирались *синоги* — *синоги о кэдзур* (しのきをけつり), дословно «соскабливали *синоги*». *Синоги* (鎗) — выпуклая каемка вдоль боковой поверхности меча [Конрад, 1970, с. 96], «ребро клинка» [Носов, 2010, с. 352]. Данное выражение часто использовалось в военных повестях при изображении ожесточенных схваток: во время поединка *синоги* мечей противников так сильно терлись друг о друга, что казалось они вот-вот будут соскоблены. См.: Синоги о кэдзур. *Сэйсэнхан Нихон кокуго дайджитэн*. Сёгакукан. 2005–2006. URL: <https://kotobank.jp/word/%E9%8E%AC%E3%82%92%E5%89%8A%E3%82%8B-522592> (дата обращения 01.09.2021).

⁵¹ Хаттори Кохэйта — Хаттори Кадзутада (?–1594), воин из портового города Цусима. Согласно рукописи Тэнри в поединок с Ёсимото первым вступил другой воин с похожим именем — Хаттори Кото:та (?–1582) [Синтё: ки, 2014, с. 61]. Кото:та — вероятно брат Кохэйта [Танигути, 2010, с. 369].

⁵² Милость [Будд и богов] — *мё:га* (冥加) скрытая, незаметная милость (или защита, покровительство) Будд и божеств; неожиданная удача; небывалая удача.

Сама-но сукэ обосновался [там]. И хотя так [они] всевозможным образом являли верность [Имагава], Ямагути Сама-но сукэ и его сына Куро:дзиро: [Ёсимото] соизволил призвать в Суруга, и не дав совсем никакой награды, жестоко и без всякой жалости заставил умертвить себя⁵³. «Хоть мир и вступил в эпоху упадка, солнце и луна покамест не пали на землю»⁵⁴. Имагава Ёсимото прибыл к замку⁵⁵ Ямагути Сама-но сукэ, у Наруми предводительствовал большим войском в 45 тыс. человек, но и это оказалось напрасным. Был разгромлен ничтожной армией Нобунага, в которой едва ли было 2 тыс. [воинов] и погиб во время бегства. Постыдная участь. Воздаяние ясно [явилось], добро и зло — два начала⁵⁶. Страшен Путь Неба.

Человек по имени Ямада Синдзаэмон был уроженцем земли Суруга. Ёсимото ему особенно благоволил. Узнав, что [его господин] убит, [он] повернул коня обратно и пал в бою. Сей случай [соответствует изречению]: «Жизнь легче долга»⁵⁷. Владелец замка Футамата Мацуи Гохатири: ⁵⁸ вместе с двумя сотнями родичей и вассалов⁵⁹ пали в бою один подле другого. Пали здесь в бою во множестве именитые [самураи].

⁵³ Заставил покончить с собой — *сё:гай сасэрафэ со:ро:* (生害させられ候). Бином *сё:гай* (生害) в источниках периода Муромати и Адзуты-Момояма может использоваться для обозначения как казни (когда человека зарубают мечом или отрубают ему голову и т. п.), так и *сэппуку* (самоубийства — вспарывания живота). Сё:гай. *Сэйсэнхан Нихон кокуго дайджитэн*. Сёгакукан. 2005–2006. URL: <https://kotobank.jp/word/%E7%94%9F%E5%AE%B3-530758> (дата обращения 01.09.2021). В данном случае говорится о *сэппуку*, что недвусмысленно подтверждается предшествующим фрагментом хроники, согласно которому отца и сына Ямагути вызвали в Сумпу и заставили взрезать животы [Синтё:ко: ки, 2014, с. 53]. В этой связи нельзя не обратить внимание на неточность английского перевода, где *сё:гай сасэрафэ со:ро:* переведено словом «killed» [The Chronicle, 2011, p. 90].

⁵⁴ Хоть мир и вступил в эпоху упадка, солнце и луна покамест не пали на землю — *Ё ва гё:ки ни оёбу то издома дзицу гёцу мада ти ни отидзу* (世は雖及干澆季未墜干日月地). Фраза является почти дословной цитатой из «Атака» (安宅), пьесы Но:, обычно приписываемой Каназэ Нобумицу (1435/1450–1516) и основанной на материалах военной эпопеи «Гикэйки» (義経記, «Сказание о Ёсицунэ») и других памятниках средневековой японской словесности [Синтё:ко: ки, 1996, с. 57, сноска № 7]. Смысл данного выражения следующий: моральные нормы, «правильный путь», по которому должен следовать человек, не спинули, остаются по-прежнему, несмотря на то что мир вступил во времена упадка и порчи нравов и моральных норм (*масэ* 末世). См.: Дзицу гёцу ти ни отидзу. *Сэйсэнхан Нихон кокуго дайджитэн*. Сёгакукан. 2005–2006. URL: <https://kotobank.jp/word/%E6%97%A5%E6%9C%88%E5%9C%B0%E3%81%AB%E5%A2%9C%E3%81%A1%E3%81%9A-521233> (дата обращения 02.09.2020).

⁵⁵ К замку — *дзайсё э* (在所へ).

⁵⁶ Добро и зло — два начала — *дзэнъаку фунацу но до:ри* (善惡二つの道理). Согласно махаянским буддийским доктринам, добро и зло не являются двумя отдельными и различными феноменами, в равной степени представляя собой проявления абсолютной реальности (*матхаты*). Эти представления выражены в формуле *дзэнъаку фуни* (善惡不二) — «недвойственности добра и зла». Однако в данном фрагменте хроники отражена не эта формула, а взгляды хрониста на должное и недолжное поведение самурая и наказание Пути Неба, постигающее предателя, нарушающего основополагающие принципы отношений между господином и вассалом.

⁵⁷ Поистине жизнь легче долга — *макото ни иноти ва ги ни ёритэ кароси* (寔命者輕依干義). Цитата из «Хоу Хань шу» (後漢書 «Книга [о] Поздней [династии] Хань») [Синтё:ко: ки, 1996, с. 57, сноска № 8].

⁵⁸ Замок Футамата — уезд Тоёда провинции То:то:ми (в настоящее время — район Тэнрю: города Хамамацу префектуры Сидзуока). Мацуи Гохатири: — Мацуи Мунэнобу (?–1560), вассал Имагава Ёсимото и владелец замка Футамата.

⁵⁹ Родичи и вассалы — *Мацуи итимои итто:* (松井一門一党). *Итто:* (一党) — в Японии в Средние века объединения воинов на основе родственных или соседских связей. В данном фрагменте *итто:* — это, по-видимому, вассалы клана Мацуи.

Монах Ниноэ в Каваути, Хаттори Сакё:-но сукэ из Угуира⁶⁰, действуя заодно с Ёсимото, с примерно тысячей кораблей с воинами⁶¹, рассыпавшихся по морю подобно множеству [маленьких] паучков, доплыл до устья реки Куродзуэ ниже [замка] О:дака, но так и ничего не предприняв, повернул обратно. При возвращении корабли подплыли к порту Ацута и [его воины] высадились на мелководье. Когда [они], собирались поджечь вход в город, горожане, подпустив [их] поближе, устремились [одновременно] всеми [силами на врага], убив несколько десятков [воинов]. Потому, ничего не добившись, [Хаттори со своим флотом] отступил в Каваути.

Кадзуса-но сукэ Нобунага велел впереди своего коня нести голову Имагава Ёсимото, и потому как изволил спешить, в течение дня пожаловал в Киёсу. На следующий день [он устроил] осмотр голов. Число голов было больше трех тысяч⁶². Тогда [инока-приближенного] *до:бо:*⁶³, хранившего хлыст и [перчатку лучника] *югакэ*⁶⁴ Ёсимото, взял [в плен] живым и привел [к его милости] [воин] по имени Симоката Куро:дзаэмон. [Князь Нобунага сказал], что ныне [он] прославил себя, наградил [Куро:дзаэмон], и был в прекрасном расположении духа. [*До:бо:*] рассказал от начала до конца [о делах] Ёсимото, [и по приказу князя Нобунага] опознал все головы и записал имена [воинов Имагава]. Тому *до:бо:* [его милость] пожаловал [мечи] *дайто:* и *вакидзаси* с ножнами в золотой и серебряной обкладке. После того [князь Нобунага] выбрал десять монахов, отдал *до:бо:* голову Ёсимото и отправил в Суруга.

В 20 *тё:* к югу от Киёсу в Сугагути⁶⁵, у тракта, ведущего в Ацута, [по воле князя Нобунага] насыпали [курган] Ёсимото-дзука, [он также велел] ради упокоения [Ёсимото] тысячу раз читать [вслух] сутры⁶⁶, и была воздвигнута большая ступа. [Князь Нобунага] соблаговолит взять себе знаменитый меч Самондзи⁶⁷, которым Ёсимото дорожил и всегда

⁶⁰ Уезд Кайсай провинции Овари. Ныне часть территории города Ятоми в префектуре Айти.

⁶¹ Кораблей с воинами — *мусябунэ* (武者舟), также «военные корабли».

⁶² Согласно списку Тэнри, на осмотре голов было выставлено три тысячи пятьсот голов воинов Имагава [Синтё: ки, 2014, с. 61].

⁶³ Одзэ Хоан называет имя *до:бо:* — Ринъами (林阿弥) [Синтё: ки, 1981, с. 64].

⁶⁴ *Югакэ* (ゆがけ) — кожаная перчатка, которую японские лучники надевали на руку для защиты от повреждения пальцев тетивой. Бытовали разные ее разновидности.

⁶⁵ Уезд Касугаи провинции Овари. Часть территории современного города Киёсу.

⁶⁶ *Сэмбукё:* (千部経), буддийская служба, известная также как *сэмбуэ* (千部会). Пятьсот или тысяча монахов однократно прочитывают сутру для упокоения души умершего, либо один монах прочитывает сутру тысячу раз. Сэмбуэ. *Сэйсэнхан Нихон кокуго дайджитэн.* Сёгакукан. 2005–2006. URL: <https://kotobank.jp/word/%E5%8D%83%E9%83%A8%E4%BC%9A-551178#E7.B2.BE.E9.81.B8.E7.89.88.20.E6.97.A5.E6.9C.AC.E5.9B.BD.E8.AA.9E.E5.A4.A7.E8.BE.9E.E5.85.B8> (дата обращения 01.09.2021).

⁶⁷ Меч Самондзи — *Самондзи-но катана* (左文字の刀). Самондзи (Самодзи) звали известного изготовителя мечей первой половины периода Намбокутё: (1336–1392), часто оставлявшего на выкованных клинках гравировку в виде иероглифа *са* (左, «левый»). Буквально Самондзи значит — «знак *са*». Самондзи (настоящее имя Саэмон Сабуро; 左衛門三郎) особенно прославился своими короткими мечами. Окуно Такахиро отмечал, что в Киото в святилище Такэисао (Кэнкун дзиндзя) хранится меч Самондзи, принадлежавший Ёсимото и доставшийся Ода Нобунага после битвы при Окэхадама [Синтё:-ко: ки, 1996, с. 58]. Оиси Ясуси указывает, что это тот самый клинок Ёсимото, упоминающийся в «Начальном свитке» и в настоящее время признанный «важным культурным достоянием» Японии [О:иси, 2018, с. 161]. В «Начальном свитке» списка Тэнри меч назван иначе — *Го:-но катана* (がうの刀) [Синтё: ки, 2014, с. 62]. В «Ода ки» (織田記 «Записях об Ода») этот трофей Нобунага именуется сходным образом, но *Го:* обозначается иероглифом 郷 (郷の刀). По-видимому, речь идет о мече, выкованном

носил, [этот клинок был у Ёсимото] и в миг [его] гибели. Несколько раз изволив испробовать [этот клинок], Нобунага постоянно носил его с собой. Не передать словами, сколь достославным деянием [была победа князя Нобунага].

Меж тем в замке Наруми заперся Окабэ Горо:бё:э. Моля о пощаде, [он] сдался, и потому [князь Нобунага] сохранил ему жизнь и отпустил⁶⁸. [Вместе с Наруми] подобным же образом [силы Имагава] оставили [всего] пять замков: О:дака, Куцукакэ, Тирю:, Сигихара⁶⁹.

Литература / References

- Айти кэн си. Сирё:хэн (История префектуры Айти. Исторические материалы). Т. 11. Сёкухо: (период Ода–Тоётоми) Ч. 1. Нагоя, 2004 [History of the Aichi Prefecture. Historical Materials. Vol. 11. The Oda-Toyotomi Period. Part 1. Nagoya, 2004 (in Japanese)].
- Андросов В. П. Индо-тибетский буддизм. Энциклопедический словарь. М., 2011 [Androsov V. P. Indo-Tibetan Buddhism. Encyclopedic Dictionary. Moscow, 2011 (in Russian)].
- Аримитсу Ю:гаку. Имагава Ёсимото. Токио, 2008 [Arimitsu Yūgaku. Imagawa Yoshimoto. Tokyo, 2008 (in Japanese)].
- Асикага кисэй ки (Записи о последних временах Асикага). Кайтэй сисэки сю:ран [Исправленное собрание исторических книг]. Т. 13. Токио, 1906. С. 132–264 [Records of the Last Times of Ashikaga. Revised Collection of Historical Books. Vol. 13. Tokyo, 1906. Pp. 132–264 (in Japanese)].
- Вада Ясухиро. Гю:ити-но суйко: ни цунтэ. Сюкан ни окэру дэмпонкан-но идо: о тю:син ни (О совершенствовании [текста] Гю:ити. Главным образом о различии и сходстве между сохранившимися списками «Начального свитка»). «Синтё: ки» то Нобунага, Хидэёси но дзидай («Синтё: ки» и эпоха Нобунага и Хидэёси). Канэко Хираку (ред.). Токио, 2012. С. 3–36 [Wada Yasuhiro. On Improving [the Text] by Gyūichi. Mainly about the Difference and Similarity between the Versions of the “Initial Book”. Shintyō-ki and the Epoch of Nobunaga and Hideyoshi. Kaneko Hiraku (ed.). Tokyo, 2012. Pp. 3–36 (in Japanese)].
- Вада Ясухиро. Ода Нобунага-но касиндан. Хабацу то нингэн канкэй (Вассальная организация Ода Нобунага. Клики и личные взаимоотношения). Токио, 2017 [Wada Yasuhiro. Vassal organization of Oda Nobunaga. Clicks and personal Relationships. Tokyo, 2017 (in Japanese)].

знаменитым оружейником второй половины периода Камакура Го: Ёсихиро (郷義弘) из провинции Эттю:. Тогда наименование из списка Тэнри означает «меч Го: [Ёсихиро]». Причина разночтений в списках Ё:мэй и Тэнри неясна, констатирует Вада Ясухиро [Вада, 2012, с. 22]. По всей видимости, в списке Тэнри ошибка в имени мастера, выковавшего клинок.

⁶⁸ Согласно «Микава моногатари» Окабэ Мотонобу, командовавший гарнизоном замка Наруми, после битвы при Окэхадама не бежал из своего замка, а оказал сопротивление войску Нобунага, но в конце концов вынужден был сдать Наруми (об этом говорится и в «Синтё:ко: ки»). По просьбе Мотонобу Нобунага передал ему останки Ёсимото. Голову Ёсимото он доставил в Сумпу. Окубо Тадатака, автор «Микава моногатари», перевозносит «ратную доблесть» (ぶけん 武辺) Окабэ, его «службу потомственному господину» (фудай-но сю но хо:ко: 譜代之主の奉公), верность «долгу самурая» (самурай-но гири 侍之義理) [Микава, 1974, с. 79]. Сохранилась заверенная личной монограммой грамота Удзидзанэ, сына Ёсимото и главы дома Имагава, написанная вскоре после сражения при Окэхадама и датированная 8 днем 6 луны 3 года Эйроку. Из этого документа выясняются некоторые дополнительные подробности. Воины Имагава «бросили» замки Куцукакэ и О:дака, что соответствует и известиям «Синтё:ко: ки». Однако, Удзидзанэ хвалит Мотонобу за «крепкую» оборону замка Наруми. Мотонобу вывел воинов из замка лишь по приказу господина. Кроме того, тогда же Мотонобу сжег замок Кария, а Мидзуно То:куро:, его владельца и союзника Нобунага, убил вместе со многими самураями высокого положения. В награду за «верность» и «беззаветную» службу Удзидзанэ возвращал Окабэ «исконные владения», ранее по какой-то причине конфискованные [Сэнгоку, 2011, № 1544, с. 320].

⁶⁹ Замки Тирю: и Сигихара находились в уезде Хэкикай провинции Микава. Тирю: — в настоящее время часть территории города Тирю: в префектуре Айти. В результате одержанной при Окэхадама победы под контроль Нобунага перешел уезд Тита провинции Овари, ранее находившийся в сфере влияния дома Имагава.

- Вада Ясухиро. *Синтё-ко: ки. Сэнгоку хася-но уккю: сирё*: («Синтё-ко: ки». *Источник первого класса [по биографии] гегемона [периода] Сэнгоку*). Токно, 2018 [Wada Yasuhiro. *Shincho-ko ki. Source of the First Class [on Biography] of the Sengoku [Period] Hegemon*. Tokyo, 2018 (in Japanese)].
- Ватанабэ Ёсукэ. *Адзуты Момояма дзидай си* (*История периода Адзуты-Момояма*). Токно, 1916 [Watanabe Yosuke. *History of the Azuchi-Momoyama Period*. Tokyo, 1916 (in Japanese)].
- Ёкояма Сумио. *Нобунага-но Овари дзидай* [*Период Овари [в жизни] Нобунага*]. Токно, 2012 [Yokoyama Sumio. *The Owari Period of Nobunaga*. Tokyo, 2012 (in Japanese)].
- Имаи Ринтаро:. *Нобунага-но сюцугэн то тю:сэйтэки кэнри но хитэй* (Появление Нобунага и отрицание средневековых прав). *Иванами Ко:дза Нихон рэкиси. Кинсэй*. Т. 1 (*Серия по истории Японии [издательства] Иванами. Раннее Новое время*). Токно, 1963. С. 47–83 [Imai Rintarō. The Appearance of Nobunaga and the Denial of Medieval Rights. *Iwanami Series on Japanese History. Early Modern Period. Vol. 1*. Tokyo, 1963. Pp. 47–83 (in Japanese)].
- Иматани Акира. *Сэнгоку даймё: то тэнно*: (*Сэнгоку даймё: и император*). Токно, 2008 [Imatani Akira. *Sengoku daimyo and the Emperor*. Tokyo, 2008 (in Japanese)].
- Искендеров А.А. *Тоётоми Хидэёси* [Iskenderov A. A. *Toyotomi Hideyoshi*. Moscow, 1984 (in Russian)]. *История Японии*. Т. 1. М., 1998 [The History of Japan. Vol. 1. Moscow, 1998 (in Russian)].
- Кирино Сакудзин. *Ода Нобунага. Сэнгоку сайкё: но гунди карисума* (*Ода Нобунага. Сильнейшая военная харизма [периода] Сэнгоку*). Токно, 2011 [Kirino Sakujin. *Oda Nobunaga. The strongest military charisma of Sengoku [period]*. Tokyo, 2011 (in Japanese)].
- Кожевников В. В. *Очерки истории Японии XII – XVI вв.* Владивосток, 1999 [Kozhevnikov V. V. *Essays on the History of Japan of the XII – XVI Centuries*. Vladivostok, 1999 (in Russian)].
- Конрад Н. И. (ред.). *Большой русско-японский словарь*. Т. 2. М., 1970 [Large Japanese–Russian Dictionary. Konrad N. I. (ed.). Vol. 2. Moscow, 1970 (in Russian and Japanese)].
- Кубота Масаки. *Сэнгоку даймё: Имагава-си то рё:гоку сьякай* (*Сэнгоку даймё: рода Имагава и удельное общество*). Токно, 2005 [Kubota Masaki. *Sengoku Daimyo of the Imagawa Clan and the Society of the Sengoku Period Domain*. Tokyo, 2005 (in Japanese)].
- Кувата Тадатика. *Ода Нобунага*. Токно, 1964 [Kuwata Tadachika. *Oda Nobunaga*. Tokyo, 1964 (in Japanese)].
- Ламерс Й. П. *Японский тиран. Новый взгляд на японского полководца Ода Нобунага*. Пер. с англ. Р. В. Котенко. СПб., 2012 [Lamers J. P. *Japonius Tyrannus. The Japanese Warlord Oda Nobunaga Reconsidered*. English Transl. by R. V. Kotenko. Saint Petersburg, 2012 (in Russian)].
- Мацудайра ки («Записи о Мацудайра»). *Айти кэн си. Сирё: хэн 14. Тю:сэй. Сёкухо*: (*История префектуры Айти. Источники*). Т. 14. *Средние век — [период] Ода и Тоётоми*). Нагоя, 2014. С. 91–152 [The Records on Matsudaira. *The History of Aichi Prefecture. The Sources*. Vol. 14. *The Middle Ages — [Period] of Oda and Toyotomi*. Nagoya, 2014. Pp. 91–152 (in Japanese)].
- Микава моногатари. *Хагакурэ. Сайки Кадзума и др.* (сост. и комм.). Токно, 1974 [Mikawa monogatari. *Hagakure*. Saiki Kazuma et al. (comp. and comm.). Tokyo, 1974 (in Japanese)].
- Носов К. С. *Самураи: эволюция вооружения*. М., 2010 [Nosov K. S. *Samurai: The Evolution of Weapons*. Moscow, 2010 (in Russian)].
- Овада Тэцуо. *Имагава Ёсимото. Дзibun-но рикирё: о моттэ куни-но хатто о мо:сицуку* (*Имагава Ёсимото. По своему разумению устанавливать законы земли*). Киото, 2004 [Owada Tetsuo. *Imagawa Yoshimoto. Establishing the Laws of the Land by Their Own Wits*. Kyoto, 2004 (in Japanese)].
- Овада Тэцуо. *Сэнгоку гунси-но кассэндзюцу* (*Искусство сражения гунси [периода] Сэнгоку*). Токно, 2007 [Owada Tetsuo. *The Battle Art of Gunshi during Sengoku [Period]*. Tokyo, 2007 (in Japanese)].
- О:иси Ясуси. *Имагава-си мэцубо*: (*Гибель рода Имагава*). Токно, 2018 [Oishi Yasushi. *The Fall of the Imagawa Clan*. Tokyo, 2018 (in Japanese)].
- Сиба Хироюки. *Окэхадзама кассэн-но сэйкаку* (*Характер битвы при Окэхадзама*). *Имагава Ёсимото то соно дзидай. Сэнгоку даймё: но синкэнкю*: Т. 1 (*Имагава Ёсимото и его эпоха. Новые исследования сэнгоку даймё*). Курода Мотоки (ред.). Токно, 2019. С. 294–314 [Shiba Hiroyuki. The Character of the

- Okehazama Battle. *Imagawa Yoshimoto and His Era. New Studies of Sengoku Daimyo*. Vol. 1. Kuroda Motoki (ed.). Tokyo, 2019. Pp. 294–314 (in Japanese)].
- Сиба Хироюки. Токугава Иэясу. Кё:кай-но рё:сю кара тэнкабито э (Токугава Иэясу. Из приграничного владельца в повелителя Поднебесной). Токио, 2017 [Shiba Hiroyuki. *Tokugawa Ieyasu. From the Border Ruler to the Lord of the Realm*). Tokyo, 2017 (in Japanese)].
- Синтё: ки. Сюкан (Тэнри-бон). О:та Гю:ити («Записи о Нобунага». «Начальный свиток». (Список Тэнри). О:та Гю:ити). *Айти кэн си. Сирё: хэн 14. Тю:сэй. Сёкухо: (История префектуры Айти. Источники. Т. 14. Средние века — [период] Ода и Тоётоми)*. Нагоя, 2014. С. 19–90 [Shinchō ki. Shukan (Tenri-bon). Ōta Gyuichi. *The History of Aichi Prefecture. The Sources*. Vol. 14. *The Middle Ages — [Period] of Oda and Toyotomi*]. Nagoya, 2014. Pp. 19–90 (in Japanese)].
- Синтё: ки. Т. 1. Аманэ Кангори (сост. и комм.). Токио, 1981 [Shinchō ki. Vol. 1. Amane Kangori (ed.). Tokyo, 1981 (in Japanese)].
- Синтё-ко: ки («Записи о князе Нобунага). О:та Гю:ити. *Кайтэй сисэки сю:ран (Исправленное собрание исторических книг)*. Токио, 1921. С. 1–258 [Shincho-kō ki. Ōta Gyuichi. *Revised Collection of Historical Books*. Tokyo, 1921. Pp. 1–258 (in Japanese)].
- Синтё-ко: ки (Записи о князе Нобунага). О:та Гю:ити. Ивасава Ёсихико, Окуно Такахиро (комм.). Токио, 1996 [Shincho-kō ki. Ōta Gyuichi. Iwasawa Yoshihiko, Okuno Takahiro (comm.). Tokyo, 1996 (in Japanese)].
- Смирнов И. С. (ред.). Боги, святилища, обряды Японии. *Энциклопедия Синто*. М., 2010 [Smirnov I. S. (ed.). *Japan: Gods, Shrines, Rites. Encyclopedia of Shinto*. Moscow, 2010 (in Russian)].
- Судзуки Масандо (сост.). *Сэнгоку комондзё ё:го дзитэн (Словарь терминов документов [периода] Сэнгоку)*. Токио, 2019 [Suzuki Masando (ed.). *Dictionary of Sengoku [Period] Document Terms*. Tokyo, 2019 (in Japanese)].
- Сэкай дайсякка дзитэн (Мировая энциклопедия). Като: Сюити (ред.). Изд. на CD ROM. Хэйбонся; 2007 [World Encyclopedia]. Kato Shuichi (ed.). CD ROM ed. Heibonsha, 2007 (in Japanese)].
- Сэнгоку ибун. Имагава-си хэн (Наследие [периода] Сэнгоку. Клан Имагава). Т. 2. Кубота Масакэ, О:иси Ясуси (сост.). Токио, 2011 [The Legacy of the Sengoku [Period]. Imagawa House. Vol. 2. Kubota Masaki, Ōishi Yasushi (comp.). Tokyo, 2011 (in Japanese)].
- Танака Ёсинари. *Ода дзидай си (История периода Ода)*. 3-е изд. Токио, 1926 [Tanaka Yoshinari. *The History of the Oda Period*. 3rd ed. Tokyo, 1926 (in Japanese)].
- Танигучи Кацухиро. *Ода Нобунага касин дзиммэй дзитэн (Словарь имен вассалов Ода Нобунага)*. 2-е изд. Токио, 2010 [Taniguchi Katsuhiko. *Oda Nobunaga's Vassals Names Dictionary*. 2nd ed. Tokyo, 2010 (in Japanese)].
- То:дайки («Записи этого времени»). *Сисэки дзассан (Собрание разных исторических книг)*. Т. 2. Токио, 1995 [The Records of the Recent Times. *The Collection of Various Historical Books*. Vol. 2. Tokyo, 1995 (in Japanese)].
- Фудзимото Масаюки. *Нобунага-но сэно: (Войны Нобунага)*. Токио, 2003 [Fujimoto Masayuki. *The Wars of Nobunaga*. Tokyo, 2003 (in Japanese)].
- Хирано Акио. *Окэадазама-но татакан (Битва при Окэадазама). Нобунага гун-но кассэн-си 1560–1582 (История сражений войска Нобунага)*. Ватанабэ Даймон (ред.). Токио, 2016. С. 1–23 [Hirano Akio. Okehazama Battle. *The History of the Battles of the Nobunaga Army*. 1560-1582. Watanabe Daimon (ed.). Tokyo, 2016. Pp. 1–23 (in Japanese)].
- Хонда Такасигэ. *Тэйхон. Токугава Иэясу*. Токио, 2010 [Honda Takashige. *Teihon. Tokugawa Ieyasu*. Tokyo, 2010 (in Japanese)].
- Хори Син. *Тэнка то:шу кара сакоку э (От объединения Поднебесной к закрытию страны)*. Нихон тю:сэй-но рэкиси (История Средневековой Японии). Т. 7. Токио, 2010 [Hori Sin. *From the Unification of the Tenka to the Closure of the Country. History of Medieval Japan*. Vol. 7. Tokyo, 2010 (in Japanese)].
- Ямада Ясухиро. *Асикага Ёситэру, Ёсиаки*. Киото, 2019 [Yamada Yasuhiro. *Ashikaga Yoshiteru, Yoshiaki*. Kyoto, 2019 (in Japanese)].
- Sansom George. *A History of Japan. 1334–1615*. London, 1961.

The Chronicle of Lord Nobunaga by Ōta Gyūichi. Elisonas J. S. A. and Lamers J. P. (transl. and ed.). Boston, Leiden, 2011.

Электронные ресурсы / Electronic sources

- Ацута. Бэцугу: Сэся. Масся. Сайт святилища Ацута Дзингу:
URL: <https://www.atsutajingu.or.jp/jingu/about/yukari/> (дата обращения 01.09.2021).
- Бундори. *Сэйсэнхан Нихон кокуго дайджитэн* [Большой словарь японского языка. Издание тщательно отобранного [содержания]]. Сёгакукан. 2005–2006. URL: <https://kotobank.jp/word/%E5%88%86%E6%8D%95-1203490> (дата обращения 01.09.2021).
- Дзингу гэнгу ти ни отназу. *Сэйсэнхан Нихон кокуго дайджитэн* [Большой словарь японского языка. Издание тщательно отобранного [содержания]]. Сёгакукан. 2005–2006. URL: <https://kotobank.jp/word/%E6%97%A5%E6%9C%88%E5%9C%B0%E3%81%AB%E5%A2%9C%E3%81%A1%E3%81%9A-521233> (дата обращения 01.09.2020).
- Камата Дзюнъити. Ацута Дзингу: Нихон дайякка дзэнсё (Ниппоника) [Полная энциклопедия Японии (Ниппоника)]. Сёгакукан. URL: <https://kotobank.jp/word/%E7%86%B1%E7%94%B0%E7%A5%9E%E5%AE%AE-26002> (дата обращения 01.06.2021)
- Каминкус. *Сэйсэнхан Нихон кокуго дайджитэн* [Большой словарь японского языка. Издание тщательно отобранного [содержания]]. Сёгакукан. 2005–2006. URL: <https://kotobank.jp/word/%E7%A5%9E%E8%BB%8D-2024161> (дата обращения 01.09.2021).
- Кидзин. *Сэйсэнхан Нихон кокуго дайджитэн* [Большой словарь японского языка. Издание тщательно отобранного [содержания]]. Сёгакукан. 2005–2006. URL: <https://kotobank.jp/word/%E9%AC%BC%E7%A5%9E-50543> (дата обращения 01.09.2021).
- Курокэмурин о татэру. *Сэйсэнхан Нихон кокуго дайджитэн* [Большой словарь японского языка. Издание тщательно отобранного [содержания]]. Сёгакукан. 2005–2006. URL: <https://kotobank.jp/word/%E9%BB%92%E7%85%99%E3%82%92%E7%AB%8B%E3%81%A6%E3%82%8B-2033082> (дата обращения 01.09.2021).
- Окэхадама. *Сэйсэнхан Нихон кокуго дайджитэн* [Большой словарь японского языка. Издание тщательно отобранного [содержания]]. Сёгакукан. 2005–2006. URL: <https://kotobank.jp/word/%E6%A1%B6%E7%8B%AD%E9%96%93%E3%83%BB%E6%A1%B6%E8%BF%AB%E9%96%93-2015800> (дата обращения 01.09.2021).
- Сёгай. *Сэйсэнхан Нихон кокуго дайджитэн* [Большой словарь японского языка. Издание тщательно отобранного [содержания]]. Сёгакукан. 2005–2006. URL: <https://kotobank.jp/word/%E7%94%9F%E5%AE%B3-530758> (дата обращения 01.09.2021).
- Синоги о кэазуру. *Сэйсэнхан Нихон кокуго дайджитэн* [Большой словарь японского языка. Издание тщательно отобранного [содержания]]. Сёгакукан. 2005–2006. URL: <https://kotobank.jp/word/%E9%8E%AC%E3%82%92%E5%89%8A%E3%82%8B-522592> (дата обращения 01.09.2021).
- Сэмбуэ. *Сэйсэнхан Нихон кокуго дайджитэн* [Большой словарь японского языка. Издание тщательно отобранного [содержания]]. Сёгакукан. 2005–2006. URL: <https://kotobank.jp/word/%E5%8D%83%E9%83%A8%E4%BC%9A-551178#E7.B2.BE.E9.81.B8.E7.89.88.20.E6.97.A5.E6.9C.AC.E5.9B.BD.E8.AA.9E.E5.A4.A7.E8.B.E.9E.E5.85.B8> (дата обращения 01.09.2021).
- Тэмма. *Сэйсэнхан Нихон кокуго дайджитэн* [Большой словарь японского языка. Издание тщательно отобранного [содержания]]. Сёгакукан. 2005–2006. URL: <https://kotobank.jp/word/%E5%A4%A9%E9%AD%94-102784> (дата обращения 01.09.2021).

ДОРОГИ ЯПОНИИ ЭПОХИ ТОКУГАВА И ПЕРИОДА МЭЙДЗИ

© 2022

И. Ю. Авдаков*

Статья посвящена социально-экономическим и культурно-бытовым особенностям функционирования наземных путей сообщения Японии за более чем триста лет. В древности особенности развития японских дорог определялись в первую очередь природно-географическими факторами. Раннефеодальные дороги использовались для передачи информации, доставки налогов, транспортировки людей и грузов, перемещения войск. В эпоху Токугава к этим функциям добавились паломничество к святым местам и ежегодные поездки крупных феодалов с челядью и грузом к верховному правителю в Эдо. Путешествие по дорогам, входившим в систему центральных дорог Японии (Гокайдо), было не только относительно надежным, но и увлекательным занятием. Придорожные почтовые станции остались в народном сознании достопримечательностями, а путешествие — уходом от тяжелой реальной жизни, полной условностей, строгих обязанностей и регламентаций к приятным размышлениям, развлечениям и наслаждениям. Созданные во второй половине XIX в. железные дороги кардинально изменили привычный образ жизни японцев. Если в эпоху Токугава движение по дорогам было продолжительным и относительно малопродуктивным действием, которое всей своей философией отвечало логике и культуре того времени, то железные дороги, появившиеся в эпоху Мэйдзи, внесли новое в быт, нравы, культуру японцев. Они создавали объективные условия для устранения в сознании японцев препятствий при усвоении европейских стандартов и образа жизни. В связи с открытием железнодорожного движения в Японии устанавливалось единое для всей страны время, чего не было прежде. Общее время способствовало четкости работы не только железных дорог, но и приучало японцев к большей динамике и ритмичности деловой жизни, что создавало одно из многочисленных условий успеха индустриализации, модернизации и вестернизации страны.

Ключевые слова: Япония, эпоха Токугава, период Мэйдзи, Гокайдо, железные дороги, вестернизация.

Для цитирования: Авдаков И. Ю. Дороги Японии эпохи Токугава и периода Мэйдзи. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2022. № 1. С. 113–118. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-1-113-118

ROADS IN JAPAN OF TOKUGAWA AND MEIJI PERIODS

Igor Yu. Avdakov

The article covers socio-economic and cultural-domestic peculiarities of land transport routes functioning in Japan for more than three hundred years. In ancient times the development features of Japanese railroads were determined primarily by natural geographic factors. Early feudal period roads were used to transmit information, to deliver taxes, to transport people and goods, as well as for the transportation of troops purposes. Pilgrimage to holy places and annual trips of big feudal lords, accompanied by servants

* Игорь Юрьевич АВДАКОВ, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; avdakovigor@yandex.ru

Igor Yu. AVDAKOV, PhD (Economics), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; avdakovigor@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0003-3403-3479

and cargo and heading to the supreme ruler in Edo added to these functions in the Tokugawa period. At those times journey along the Japanese five main roads (Gokaido) was not only rather a reliable means of communication, but also kind of fascinating. Roadside postal stations remained in Japanese national consciousness as exiting places of interest. Travel served as an escape from the heavy life of Japanese people, full of conventionalities, strict duties and regulations, transferring them to pleasant reflections and entertainment. In the Tokugawa era travelling was a long and rather unproductive occupation; its philosophy corresponded to the general logic and culture of that time. The railroads of Meiji epoch brought new dimensions to life, customs and culture of the Japanese. They created favourable conditions, removing the mental obstacles in mastering high European standards and way of life. As soon as railway traffic had been established, the united time scheme starts to be used in all the country, which was a novelty. The unified time contributed not only to the precision of the railway traffic, but accustomed people to more dynamism and rhythm of business life. This measure created one of the numerous conditions for the success of industrialization, modernization, and westernization of the country.

Keywords: Japan, Tokugawa period, Meiji period, Gokaido, roads, railways, westernization.

For citation: Avdakov I. Yu. Roads in Japan of Tokugawa and Meiji Periods. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2022. 1. Pp. 113–118. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-1-113-118

Своеобразная территория Японии — страны, расположенной на четырех основных и тысячах мелких островов протяженностью около 4 тыс. км, определила условия развития морских и наземных путей сообщения. Для древних японцев изрезанная береговая линия и горные массивы, составляющие около двух третей территории, были препятствием для дорожного строительства: приходилось преодолевать горные перевалы, пробивать, а затем укреплять скалистые породы, наводить мосты через быстротечные горные реки и огибать береговую линию.

Первые упоминания и описания дорожной инфраструктуры относятся к VII–X вв. Это было время формирования, расцвета и начала упадка централизованного раннефеодального государства. Еще в правление Суйко (начало VII в.) одна из дорог соединила расположенную в Асука резиденцию японских правителей с морской гаванью Нанива (современное название — Осака), в которую прибывали китайские и корейские послы. О большом значении, которое придавалось японским государством обустройству дорог, свидетельствует «Манифест Тайка», написанный в 645 г., где большое внимание уделяется созданию сети почтовых дворов для быстрой доставки распоряжений правительства и продвижению товарных потоков [Мещеряков, 1999, с. 94]

Российский японовед А. Н. Мещеряков справедливо отмечает: «На сегодняшний день можно сказать, что “государственные дороги” реально использовались для передачи на места распоряжений центральных властей и отчетов местных властей в столицу; для доставки налогов; транспортировки людей и грузов при проведении общественных работ (строительство столицы, центров местной власти, буддийских храмов, ирригационных сооружений)... Дороги, ведущие на север Хонсю, использовались также для перемещения войск во время завоевательных экспедиций против эмиси (народ, населявший север островов Хонсю, Хоккайдо, Курилы и Сахалин. — *II. А.*), а дороги на Кюсю — для перемещения войск, мобилизованных для подавления мятежей». [Мещеряков, 1999, с. 96]. В периоды Камакура (1192–1333) и Муромати (1338–1573) дорожное строительство велось не в таких крупных масштабах, как в период формирования и расцвета раннеяпонского централизованного государства, а ряд дорог, проложенных ранее — в период Нара (710–784) и Хэйан (794–1185), пришли в запустение. Децентрализация отрицательно сказывалась на строительстве крупных дорог [Авдаков, 2012 с. 11].

В систему центральных дорог (Гокайдо) периода Токугава (1603–1868), административно управляемых из Эдо и там же начинающихся, входили пять дорог. Дорога Токайдо шла по береговой линии плотно заселенного 500-километрового участка Японии до Киото. Накасендо была несколько длиннее и протянулась по горной отдаленной от Тихого океана местности тоже до Киото. Эти две дороги соединяла Косюкайдо, проходящая по горным районам через Кофу; Никкокайдо и Осюкайдо шли вместе к северу от Эдо, затем Никкокайдо поворачивала влево к семейному храму Токугава — Никко, а Осюкайдо продолжала идти в северном направлении через Уцунумия до Сиракава. Грузы перевозились выючным транспортом (телеги при этом использовались редко) или переносились людьми. Кроме того, многие дороги пересекались реками, но только на некоторых крупных реках существовали постоянные мосты. На многих мелких реках опоры мостов были сделаны из дерева, плохо укреплялись и становились жертвами наводнений в июне, тайфунов в августе и сентябре, талых вод в марте.

Ответственными за состояние дорог, административно поделенных на секции, были придорожные почтовые станции (*сукуба эки*) и близлежащие деревни. По распоряжению чиновников станций деревни предоставляли необходимое число людей и лошадей как для ремонта дорог и мостов, так и для обеспечения передвижения в случае, если у самих почтовых станций их не хватало. Несмотря на то что эти деревни получали компенсацию за гужевую повинность, она, как правило, не покрывала всех расходов.

Около почтовых станций, находившихся обычно на расстоянии 10 км друг от друга, строились постоянные дворы, гостиницы, торговые лавки, бани. У промежуточных станций стояли чайные дома. Гостиницы подразделялись на гостиницы высшей категории (*хондзин*) для даймё¹, первой категории (*ваки-хондзин*) для чиновников и самураев, второй категории (*ядоя*) и ночлежки для носильщиков (*кумосуке*). Почтовые станции вдоль оживленных дорог обрастали многочисленными лавками, предлагавшими проезжающим разнообразные товары, чайными домами, гостиницами. На месте почтовых станций образовывались целые почтовые города (*сукуба мати*). Регионы, прилегавшие к дорогам, экономически процветали. Некоторым исключением были, пожалуй, только деревни, которые несли гужевую повинность.

Главная дорога Гокайдо — Токайдо заслуживает особого внимания. В период Эдо она соединяла Киото, в те времена императорскую столицу, и Эдо — резиденцию сёгуна. Камигата (верхний район) являлся возвышенным местом, на котором находился императорский дворец в Киото, и поэтому в период Эдо считалось, что люди направляются вверх (нобори) в Киото или вниз (кудари) в Эдо². Токайдо была достаточно широкой (около 5,5 м) и прочной дорогой (строилась из песка и гравия, а в горах выкладывалась из камня). На каждом *ри* (3,94 км) стоял указатель пройденного расстояния, а на развилках — указатели направлений. Вдоль дорог высаживались деревья. Путешествие из Эдо в Киото обычно занимало около 12 дней при средней скорости 40 км в день. Вдоль Токайдо было построено 53 почтовые станции. На каждой станции имелось 100 человек obsługi и 100 лошадей [Лещенко, 1999 с. 147]. В случае необходимости люди и лошади привлекались из близлежащих деревень. Придорожные почтовые станции имели льготы при выплате земельного налога, они занимались перевозкой и предоставляли ночлег простым людям по

¹ Даймё — крупные владельцы земли; в эпоху Токугава непосредственно подчиненный бакуфу крупные феодалы или приравненные к ним лица.

² В период Мэйдзи, когда номинально политическая власть перешла к императору, и он переехал в Эдо, понятия поменялись, направление движения в Эдо стало называться вверх, а в Киото — вниз.

полной стоимости (то есть без льгот) или бесплатно для привилегированных сословий [Traganou, 1997, p. 18].

Движение по дорогам было настолько интенсивным, что врач голландской фактории Э. Кемпфер, человек широко образованный и побывавший во многих европейских странах, не мог не изумляться, увидев, что Токайдо «более многолюдна, чем любая из главных улиц самых крупных по численности населения городов Европы» [Kaempher, 1906 p. 72].

Путешествие по Токайдо было надежным мероприятием. Недаром почтовые станции остались в народном сознании достопримечательностями, а путешествие — уходом от тяжелой реальной жизни, полной условностей, строгих обязанностей и регламентаций к приятным размышлениям, развлечениям и наслаждениям. Многочисленные сувенирные лавки и цветочные магазины, чайные дома, общественные бани, создаваемые для отдыха путников, составляли особый мир. Он занимал часть жизни разных слоев общества от даймё до крестьян, мелких купцов и деклассированных самураев и нашел свое отражение в *укиё* — культуре, основанной на путешествии, медитации, получении удовольствия. Во всем мире хорошо известны знаменитые гравюры Хиросиге, совершившего в 1832 г. путешествие из Эдо в Киото и обратно. Оно было запечатлено не только в серии замечательных гравюр «Токайдо годзюсанцуги» («Пятьдесят три станции дороги Токайдо»), но и в серии из 20 гравюр с видами Токайдо, выполненных им позднее.

Тракт Токайдо — одно из немногих мест в Японии, где люди из разных мест и сословий могли увидеть иностранцев — голландцев. Изолированная от японского общества голландская фактория Ост-Индской компании была расположена на искусственном острове Дэдзима неподалеку от Нагасаки. Одной из обязанностей голландцев были ежегодные поездки в Эдо, где глава фактории был обязан засвидетельствовать свое почтение сёгуну. Для этого ему присваивался высокий статус — даймё. Делегация отправлялась из Нагасаки на лодке, а затем следовала по главному тракту в Эдо. Местные жители имели возможность увидеть своими глазами голландцев, а по прибытии в Эдо и побеседовать с ними. Токайдо позволяла расширить кругозор местных обывателей, увидеть другие нравы и обычаи, то есть получать информацию, о которой они и не слышали.

Прорыв международной изоляции Японии выразился в том, что с 1854 по 1858 гг. были подписаны мирные и торговые договоры с США, Великобританией, Россией. Нидерландами и Францией. Такой поворот международной жизни по жизни подорвал позиции и так уже ослабшего изнутри режима сёгуна. Переход власти от сёгуна к императору стал неизбежен. 3 января 1868 г. был обнародован указ о реставрации императорской власти. Как справедливо отмечает российский японовед С. Б. Маркарьянц: «Реставрация императорской власти была итогом борьбы националистических сил страны с уже изжившим себя феодальным режимом сёгуната, борьбы против угрозы потери национальной независимости, в ходе которой реализовывался лозунг “богатая страна — сильная армия” (*фу коку кё хэй*). Целью было поднять Японию до уровня западных держав. Император был своеобразным знаменем формировавшегося национального самосознания, символом национального единства» [Маркарьянц, 2000, с. 26].

В период Мэйдзи (1868–1912) особое значение стал приобретать железнодорожный транспорт. Развитие капитализма в стране вызывало острейшую необходимость в создании соответствующей транспортной инфраструктуры. Но, помимо экономической, имелась и не менее важная политическая причина создания железных дорог — потребность в централизации власти, усиление ее военного могущества, укрепление национальной

независимости на базе модернизации, чему могли способствовать железные дороги, ставшие одним из важнейших символов и условием экономического роста Японии [Eiichi Aoki et al., 1999].

От появления первой железной дороги в 1872 г. (на паровой тяге) до начала электрификации железных дорог прошло менее четверти века. По сути, промышленная и вторая технологическая революции на железнодорожном транспорте (как и во всей экономике) Японии проходили исторически почти одновременно, в то время как в Англии интервал между двумя революциями составил чуть ли не целый век. В области железнодорожного транспорта Япония начала переход от вестернизации к самостоятельному догоняющему развитию.

Железные дороги способствовали формированию у японцев положительного отношения к идее научно-технического прогресса, модернизации и вестернизации. Если в период Эдо движение по дорогам было хотя и увлекательным, но продолжительным и относительно малопродуктивным занятием, которое всей своей философией отвечало логике и культуре феодального общества тех времен, порождая особое восприятие мира (*укиё*), то железные дороги вносят новое в быт, нравы и культуру японцев. И дело не только в том, что недорогой для проезда и быстрый железнодорожный транспорт обеспечивал мобильные перевозки людей из деревень в города, где господствовали иные идеи, мысли и ритм жизни, но и в том, что в другие города быстро и в больших количествах поступала качественно новая продукция с предприятий, построенных в бывших почтовых и других феодального типа городах, таких, как Кувана, ставших индустриальными в эпоху Мэйдзи.

Не останавливаясь подробно на том, как появление и развитие железнодорожного транспорта повлияло на менталитет японцев, отметим лишь, что движение поездов в соответствии с расписанием внесло определенные изменения в понимание японцами времени. С 1872 г. в связи с открытием железнодорожного движения для всей страны устанавливалось единое время и вне зависимости от географического расположения того или иного района (до этого момента время определялось светлым и темным временем суток и было разным в отдаленных в долготном измерении районах). В массовом сознании понимание единого для страны времени было закреплено в значительной мере в результате необходимости следовать единому расписанию на железных дорогах. В частности, на запрос, сделанный в 1872 г. местными властями города Киото в Министерство общественных работ (*Кокё джигьо сё*), министерство ответило: «Время, которое указывает колокол на верху горы Атаго (имеется в виду колокол храма Атаго, расположенного на северо-востоке от Киото на одноименной горе, высотой 924 м. — *И. А.*) должно быть синхронизировано с временем пушечных выстрелов из башни замка Эдо (расположен в Токио. — *И. А.*), так как желательно иметь общее время для железных дорог» [Nakamura, 2002, p. 21].

Общее время способствовало четкости работы не только железных дорог, но и всего народного хозяйства страны, приучало японцев к большей динамике и ритмичности деловой жизни. Подчинение жизни японцев четкому ритму производства (а не светлыми или темными часами суток, что было характерно для феодальной сельскохозяйственной Японии) создавало одно из многочисленных условий успеха индустриализации, модернизации и вестернизации.

Литература / References

- Авдаков И. Ю. *Железные дороги Японии: от вестернизации до глобализации*. М., 2012 [Avdakov I. Yu. *Japanese Railways from Westernization to Globalization*. Moscow, 2012 (in Russian)].
- Лещенко Н. Ф. *Япония в эпоху Токугава*. М., 1999 [*Japan in the Tokugawa Era*. Moscow (in Russian)].
- Маркарянц С. Б. Институт императора как фактор устойчивости государственной системы в Японии. *Консерватизм и традиционализм*. М., 2000. С. 19–31 [Markaryantz S. B. Institute of Emperor as a Factor of Stability of State System in Japan. *Conservatism and Traditionalism*. Moscow, 2000. Pp. 19–31 (in Russian)].
- Мещеряков А. Н. Объем письменной информации в Японии VII–X вв. *Ландшафт и этнос*. М., 1996. С. 89–111 [Mescheryakov A. N. Volume of Written Information in Japan in 7th–10th Centuries. *Landscape and Ethnos*. Moscow, 1996. Pp. 89–111 (in Russian)].
- Eiichi Aoki, Matshuhide Imashiro, Shinichi Kato, Yasuo Wakuda. *A History of Japanese Railways*. Tokyo, 2000.
- Kaempfer E. *History of Japan*. Vol. 1. Glasgow, 1906.
- Nakamura Naofumi. Rail Systems and Time Consciousness in Modern Japan. *Japan Review*. 2002. 14. Pp. 20–22.
- Traganou J. The Tokaido — Scenes from Edo to Meiji Eras. *Japan Railway and Transport Review*. 1997. 13. Pp. 17–28.

DOI: 10.31696/2618-7302-2022-1-119-125

**КОРНЕТ ГЛЕБОВ
(ПЛЕНЕНИЕ ГОРЦАМИ СЕКУНДАНТА М. Ю. ЛЕРМОНТОВА)**

© 2022

Л. И. Цвижба*

15 июля 1841 г. состоявший в лейб-гвардии конном полку корнет М. П. Глебов, находясь на Кавказских Минеральных Водах для лечения ран, полученных в походе против горцев в 1840 г., стал секундантом дуэли, состоявшей между отставным майором Н. С. Мартыновым и поручиком М. Ю. Лермонтовым. О гибели Лермонтова и о дальнейшей судьбе секундантов этой трагической истории известно по многим архивным документам и воспоминаниям свидетелей, публиковавшимся в разное время. Среди участников дуэли только М. П. Глебов состоял на военной службе, его жизнь также оборвалась на Кавказе в 1847 г. при штурме аула Салты. 28 сентября 1843 г. во время служебной поездки корнет попал в плен к горцам. В фондах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) сохранилась переписка о ходе расследования должностными лицами на Кавказе этого происшествия и о попытках освобождения Глебова из плена. Количество документов ограничено, но они содержат сведения об обстоятельствах пленения адъютанта командира Отдельного Кавказского корпуса Глебова, посланного в Санкт-Петербург с донесениями военному министру, между станциями Сергиевской и Базовой балкой и о роли двух горцев, Карамурзина и Белялова, принимавших активное участие в освобождении пленника. Преодолевая опасности, горцы выкрали Глебова 27 ноября 1843 г. и передали начальнику правого фланга Кавказской линии генерал-майору М. Ольшескому.

Ключевые слова: Кавказ, М. Ю. Лермонтов, корнет М. П. Глебов, Н. С. Мартынов, Минеральные Воды, поход против горцев, секунданты, дуэль, плен.

Для цитирования: Цвижба Л. И. Корнет Глебов (пленение горцами секунданта М. Ю. Лермонтова). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2022. № 1. С. 119–125. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-1-119-125

**CORNET GLEBOV (THE CAPTIVITY OF MIHAIL YU. LERMONTOV'S
SECOND BY THE CAUCASIAN HIGHLANDERS)**

Larisa I. Tsvizhba

Cornet Mikhail P. Glebov, who served in the Lifeguards Cavalry Regiment, while on the Caucasian Mineralnye Vody to treat wounds received in a campaign against the highlanders in 1840, became a second in a duel on July 15, 1841, which took place between retired major Nikolai S. Martynov and lieutenant Mikhail Yu. Lermontov. The death of Lermontov and the further fate of the seconds of this tragic story is known

* Лариса Исиновна ЦВИЖБА, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; laratas@mail.ru

Larisa I. Tsvizhba, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; laratas@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-6085-1964

from many archival documents, memoirs of witnesses, published at different times. Among the participants of the duel, only Mikhail P. Glebov was in military service, his life was also cut short in the Caucasus in 1847 during the storming of the village of Salta. On September 28, 1843, during his business trip, the cornet was captured by the highlanders. The funds of the Russian State Military Historical Archive (RGVIA) preserved correspondence about the progress of the official investigation of this incident and the attempts to free cornet Glebov from captivity. We have in our disposal just a few documents, but they contain information about the circumstances of the capture of the commander of the Separate Caucasian Corps Glebov's aide-de-camp, who was sent to St. Petersburg with reports to the Minister of War, between the stations of Sergievskaya and Bazovaya Balka, and about the role of two highlanders, Karamurzin and Belyalov, who took an active part in the release of the prisoner. Overcoming dangers, the two daredevils stole Glebov on November 27, 1843, and handed him over to the head of the right flank of the Caucasian line, Major General Olshevsky.

Keywords: Caucasus, Mikhail Yu. Lermontov, Cornet Mikhail P. Glebov, Nikolai S. Martynov, Mineralnye Vody, campaign against mountaineers, seconds, duels, captivity.

For citation: Tsvizhba L. I. Cornet Glebov (The Captivity of Mihail Yu. Lermontov's Second by the Caucasian Highlanders). *Vestnik Instituta vostokovedeniia RAN*. 2022. 1. Pp. 119–125. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-1-119-125

Корнет Михаил Павлович Глебов служил в Лейб-гвардии конном полку. В 1841 г., находясь на Кавказских Минеральных Водах для лечения ран, полученных в походе против горцев, он стал секундantom дуэли между отставным майором Николаем Соломоновичем Мартыновым и поручиком Михаилом Юрьевичем Лермонтовым. Об этой дуэли, вернее гибели на этой дуэли М. Ю. Лермонтова и о судьбе участников трагического вечера 15 июля 1841 г. недалеко от Пятигорска — у подошвы горы Машук, сохранилось много документов в архивах. Кроме того, имеются воспоминания свидетелей назревавшего конфликта между Мартыновым и Лермонтовым и о роковой дуэли с трагическим исходом, публиковавшиеся в разное время. К числу авторов исследований относятся, например, В. А. Мануйлов и В. А. Захаров [Мануйлов, 1964; Захаров, 2000; 2003].

Участникам дуэли Н. С. Мартынову и секундantom М. П. Глебову и титулярному советнику Александру Илларионовичу Васильчикову был вынесен весьма мягкий приговор. Об этом следует из отношения командира Отдельного Кавказского корпуса генерала от инфантерии Е. А. Головина командующему Кавказской линией и Черноморией генерал-адъютанту П. Х. Граббе от 6 февраля 1842 г.: «Господин военный министр отзывался от 4 и 13 минувшего генваря N 129 и 126, уведомил меня первым: что государь император, по всеподданнейшему докладу его величеству краткого извлечения из военно-судного дела, произведенного в Пятигорске над уволенным от службы манором Мартыновым, корнетом Лейб-гвардии конного полка Глебовым и чиновником II Отделения собственной его императорского величества канцелярии титулярным советником князем Васильчиковым, сужденными первый за дуэль с поручиком Тенгинского пехотного полка Лермонтовым, на которой сей последний убит, а последние за нахождение секундantomами при той дуэли, в 3-й день того генваря высочайше повелеть соизволил: майора Мартынова посадить в крепость на гауптвахту на три месяца и предать церковному покаянию; а титулярного советника князя Васильчикова и корнета Глебова простить: первого во внимании к заслугам отца, а второго

по уважению полученной им в сражении раны. Верно: аудитор Ефремов»¹ [Захаров, 2003, с. 617].

Среди участников этой истории только М. П. Глебов состоял на действительной службе, и его жизнь также оборвется на Кавказе. Но прежде следует вспомнить, что в 1839 г. Глебов окончил Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, после чего оказался на службе на Кавказе. Дместе с М. Ю. Лермонтовым он принимал участие в военных походах, в частности, в сражении на реке Валерик в 1840 г. и получил тяжелое ранение в ключицу. Летом 1841 г. он приехал для продолжения лечения в Пятигорск, во время которого и стал секундantom роковой дуэли. В 1847 г. в бою при штурме аула Салты Глебов был убит пулей в голову [Захаров, 2000, с. 328–329].

Следует обратить внимание на одну малоизвестную страницу службы корнета Глебова на Кавказе, хотя исследователь В. А. Захаров написал в своем документальном повествовании, ссылаясь на источники: «Через два года после смерти Лермонтова Глебов попал в плен к горцам и, при весьма романтических обстоятельствах, с помощью ногайского князя Карамурзина, показав чудеса храбрости, бежал из плена. Этот подвиг прославил Глебова, и перед ним открылась блестящая карьера, он был назначен адъютантом к наместнику Кавказа князю М. С. Воронцову» [Захаров, 2000, с. 329].

Во время Кавказской войны похищение людей было распространенным явлением, притом что этим «ремеслом» занимались обе стороны: горцы и отряды русской армии. По-разному складывались судьбы людей, попавших в плен: кто-то по обстоятельствам решал остаться на жительство у пленивших его людей, принимал ислам, обзаводился семьей, кто-то пытался бежать из плена, и не всегда успешно, кого-то выкупали или обменивали на таких же пленных горцев. Сроки нахождения в плену были различны, иногда доходили до нескольких лет и более.

Корнет Глебов не оставил описания пленения и условий нахождения у горцев, подробности освобождения или бегства из плена, но в документах, хранящихся в фондах Российского государственного военно-исторического архива, зафиксированы подробности нападения горцев на экипаж Глебова, его пленение и освобождение при непосредственном участии двух горцев. Ниже публикуются эти материалы. Они воспроизводятся в современной орфографии с сохранением особенностей языка оригинала.

№ 1. 4 января 1842 г. — ОТНОШЕНИЕ ВОЕННОГО МИНИСТРА А. И. ЧЕРНЫШЕВА КОМАНДИРУ ОТДЕЛЬНОГО ГВАРДЕЙСКОГО КОРПУСА ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ МИХАИЛУ ПАВЛОВИЧУ С ИЗЛОЖЕНИЕМ ВЫСОЧАЙШЕЙ КОНФИРМАЦИИ ПО ВОЕННОСУДНОМУ ДЕЛУ О КОРНЕТЕ М. П. ГЛЕБОВЕ

Лейб-гвардии конного полка Глебов, по высочайшему государя императора велению, сужден был военным судом в г. Пятигорске, за нахождение, в бытность там для пользования полученной им в сражении против горцев раны, в июле минувшего 1841 года секундantom при дуэли, произведенной отставным майором Мартыновым с поручиком Тенгинского пехотного полка Лермонтовым, на коей сей последний был убит.

¹ *Дело штаба отдельного Кавказского корпуса по дежурству судного отделения.* URL: <http://lermontov-lit.ru/lermontov/documents/duel-lermontova/duel-delo-3.htm> (дата обращения 19.08.2021).

По окончании производства дела корнету Глебову на основании Высочайшего повеления, последовавшего в ноябре того года, дозволено отправиться из Пятигорска в С.-Петербург.

Ныне государь император, по всеподданнейшему докладу его величеству окончательного решения по сему делу в 3 день сего генваря высочайше повелеть соизволил: корнета Глебова простить по уважению полученной им тяжелой раны на службе. О таковой высочайшей воле, имея честь сообщить вашему императорскому высочеству для зависящего распоряжения о приведении оной в исполнение, покорнейше прошу предписать, кому следует, о действительном исполнении уведомить Аудиториатский департамент.

Военный министр князь Чернышев

Генерал-аудитор Ноинский²

№ 27. С.-Петербург

[РГВИА. Ф. 14664. Оп. 4. Д. 73. Л. 5–5 об.]. Подлинник.

№ 2. Секретно. 2 октября 1843 г. — ДЕПЕША НАЧАЛЬНИКА ШТАБА ОТДЕЛЬНОГО КАВКАЗСКОГО КОРПУСА ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА А. С. ТРАСКИНА НАЧАЛЬНИКУ ШТАБА ВОЙСК КАВКАЗСКОЙ ЛИНИИ И ЧЕРНОМОРИИ ПОЛКОВНИКУ И. И. НОРДЕНСТАМУ О ВЫЯСНЕНИИ СУДЬБЫ ПЛЕНЕННОГО ГОРЦАМИ КОРНЕТА ГЛЕБОВА

Нарочный, возвращавшийся сюда из Керчи, привез известие, что адъютант г[осподина] корпусного командира Лейб-гвардии конного полка корнета Глебова, посланный в С.-Петербург с донесениями г[осподину] военному министру, между станциями Сергиевской и Базовой балкой взят в плен закубанцами.

Вследствие этого, по поручению г[осподина] корпусного командира имею честь покорнейше просить ваше высокоблагородие представить его высокопревосходительству в скорейшем по возможности времени все подробности этого происшествия, а также и то, какие сведения имеются о том, что сделалось с корнетом Глебовым.

По приказанию г[осподина] корпусного командира я с сим вместе пишу к генералам [М.] Ольшевскому и [Н. С.] Завадовскому и прошу их употребить все зависящие от них средства для вымена корнета Глебова, если он попался в плен. Сообщая об этом вашему высокоблагородию, я покорнейше прошу вас относительно этого последнего обстоятельства хранить глубочайшую тайну, так как вам известно, что если горцами узнано будет, что начальство желает его выменить, то этим вымен будет весьма затруднен и замедлен.

Начальник Штаба генерал-майор Траскин

[РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 497. Л. 20–20 об.]. Подлинник

№ 3. 5 октября 1843 г. — РАПОРТ СОСТОЯЩЕГО ПО ОСОБЫМ ПОРУЧЕНИЯМ ПРИ КОМАНДУЮЩЕМ ВОЙСКАМИ МАЙОРА Е. П. ПОПОНДОПУЛО НАЧАЛЬНИКУ ШТАБА ВОЙСК КАВКАЗСКОЙ ЛИНИИ И ЧЕРНОМОРИИ ПОЛКОВНИКУ НОРДЕНСТАМУ О ВЗЯТИИ ГОРЦАМИ КОРНЕТА ГЛЕБОВА В ПЛЕН

Получив предписание вашего высокоблагородия от 30 истекшего сентября за № 1469 о собрании точных сведений по происшествию, случившемуся 28 числа того месяца между

² Ноинский Адам Иванович, генерал-аудитор и директор Аудиториатского департамента Военного министерства (1838–1852).

станциями Базовая-Балка и Сергиевская, где хищники, напавши на проезжавшего в то время адъютанта господина корпусного командира гвардии корнета Глебова, взяли его в плен, я в то же время отправился на место происшествия и по тщательным разысканиям открыл следующие обстоятельства:

28 сентября часа в 4 пополудни, возвращавшийся из Базовой станции в Сергиевку ямщик с порожнею почтовою тройкою, не доезжая полверсты до находящейся на половине дороги горской речки, встретил семь человек вооруженных людей, одетых в черкесском платье, из которых трое, отделившись немного в сторону, поскакали в лес от дороги, а остальные четыре поехали прямо к нему на встречу. И один из сих последних, подъезжая поближе к ямщику, спрашивал по-русски, куда и зачем он ездил. Ямщик отвечал ему, что он возил экстрапочту и, замечая между тем из разговоров и движения ехавших за ним еще трех человек, что это должны быть хищники, тотчас же ударил по лошадям и хотел от них ускакать, но лишь только он успел проехать чрез находящийся на горской речке мостик, как хищники эти обскакали ему дорогу и начали хватать за пристяжных лошадей, а один из них, выстреливши из пистолета, ранил коренную лошадь. В это самое время из горы, на которую ямщику нужно было подниматься, показалась другая курьерская тройка, везшая из Сергиевки в Базовую адъютанта г[осподи]на корпусного командира гвардии корнета Глебова. Хищники, бросив тотчас прежнего ямщика, бросились на эту тройку и, подстреливши коренную лошадь, остановили ее шагах в 30-ти переехавши уже мостик. Когда коренная лошадь упала, то ямщик, соскочивши из повозки, побежал в находящийся вблизи тростник и скрылся, а хищники, взявши корнета Глебова, бывшего с ним сопровождающего, пару пристяжных лошадей и все что нашли в повозке, пустились по направлению к речке Янкуляш. В это время присоединились к ним и те три хищника, которые отделившись при встрече с первым ямщиком, возвращавшимся из Базовой станции, успели прискакать к находящемуся близ этой горской речки верстах в двух от большой дороги, при гурте рогатой скотины, ставропольскому купеческому сыну Широчинскому и взять у него лошадь с седлом и из числа бывших при нем четырех работников мальчика лет 16-ти. Упомянутый Широчинский и его работники говорят, что они, будучи безоружными, не могли защищаться от напавших на них хищников, и что один из этих хищников говорил чисто по-русски, имел на своей шапке серебряный темляк.

Известие об этом происшествии не замедлило прийти в станицу Сергиевскую от прискакавшего туда ямщика с порожнею повозкою, а в Базовую балку от посланного упомянутым Широчинским отставного казака, равным образом, в новоучрежденном посту и Бешпагирской станице узнали об этом происшествии довольно скоро, и потому, все бывшие в этих местах казачьи команды прискакали на место происшествия и начали делать розыски по направлению, взятому хищниками по всем балкам и окрестным местам до самого Янкульского поста, откуда предварена была и вся кордонная линия по Кубани для принятия надлежащих мер к открытию этих хищников, но все усилия остались тщетными, ибо хищники, пользуясь ночным временем и чрезвычайными в описываемых местах рытвинами и оврагами, успели на рассвете другого дня пробраться на ту сторону Кубани, где 29 числа часу в 9-ом утра, два бесленеевца, живущие на Лаббе, находясь по своей надобности в лесу на Урупе близ старых Бесленеевских аулов, встретили их возвращающимися уже со взятою ими добычею, и через два или чрез три дня после того посредством своих знакомых мирных бесленеевцев дали об этом знать главному закубанскому приставу майору Базилевичу с подробным наименованием каждого из этих ямщиков, в числе коих главнейшими были

двукратно от нас бежавшие сотник Атарщиков и кабардинский князь Магомет Атажукин Криворукий.

Эти два хищника, совершенно знавшие русский язык и местности, по которым им нужно было проходить на злодеяния, легко могли пробраться до большой дороги, не бывши никем не замеченными, но в каких именно местах они переправились через Кубань достоверно еще неизвестно.

Имея честь почтительнейше о сем донести вашему высокоблагородию, присовокупляю, что как о происшествии этом производится ныне формальное следствие ставропольским окружным начальником, а я по предписанию вашему за №19012 назначен для содействия г[осподи]ну полковнику Масловскому в этом деле, то по окончании оно, что окажется, буду иметь честь особо донести вашему высокоблагородию. Майор Попондопуло.

№ 36

Октября 5 дня 1843 года

Город Ставрополь

Помета: Подшить к делу для сведения. Окт. 5.

[РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 497. Л. 26–27 об.]. Подлинник.

№ 4. 12 ДЕКАБРЯ 1843 г. — РАПОРТ КОМАНДИРА ОТДЕЛЬНОГО КАВКАЗСКОГО КОРПУСА ГЕНЕРАЛ-АДЪЮТАНТА НЕЙДГАРДА ВОЕННОМУ МИНИСТРУ ГЕНЕРАЛ-АДЪЮТАНТУ ЧЕРНЫШЕВУ ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ ГЛЕБОВА ИЗ ПЛЕНА

О том, когда адъютант мой гвардии поручик Глебов был, как то известно вашему сиятельству, взят хищниками, то я предписал исправляющему должность начальника Правого фланга генерал-майору Ольшевскому изыскать средства выручить его из плена. Трудное поручение это возложено было генерал-майором Ольшевским на князя Бея Карамурзина и узденя Имама Гази-Белялова.

Несмотря на все препятствия, Карамурзин и Белялов после многих стараний, сопряженных со значительными с их стороны издержками и большою опасностью, успели, наконец, выкрасть поручика Глебова и 27 ноября доставили его на Шалоховский пост. Донося об этом генерал-майор Ольшевский выставляет заслуги в этом случае означенных лиц, о награждении коих я впоследствии буду иметь честь войти к вашему сиятельству с особенным представлением.

Генерал-адъютант Нейдгардт

Екатеринодар

Резолюция: «Доложено его величеству». 21 декабря 1843 г.

[РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6515. Л. 8–8 об.]. Подлинник.

№ 5. 1 МАРТА 1844 г. — РАПОРТ КОМАНДИРА ОТДЕЛЬНОГО КАВКАЗСКОГО КОРПУСА ГЕНЕРАЛ-АДЪЮТАНТА НЕЙДГАРДА ВОЕННОМУ МИНИСТРУ ГЕНЕРАЛ-АДЪЮТАНТУ ЧЕРНЫШЕВУ О ВОЗНАГРАЖДЕНИИ ЗАКУБАНЦЕВ, ВЫКРАВШИХ ИЗ ПЛЕНА ГЛЕБОВА

...После донесения моего Вашему сиятельству от 12 декабря [1843 г.] об освобождении из плена поручика Глебова, я поручил командующему войсками на Кавказской линии войти в подробное исследование обстоятельств этого дела, дабы знать, в

какой мере заслужили вознаграждения выкравшие Глебова закубанцы князь Бей Карамурзин и уздень Имам Гази-Белялов.

Усматривая из полученных ныне донесений генерала Гурко, что они при освобождении Глебова вовлечены были в значительные издержки я имею честь покорнейше просить ваше сиятельство согласно с представлением генерал-лейтенанта Гурко и ходатайствовать у всемилостивейшего государя императора производство кн[язя] Бея Карамурзина и уздения Имама Гази-Белялова в прапорщики и, сверх того, единовременно: первому 500 руб. и 2-му 300 руб. серебром.

Генерал-адъютант Нейдгардт

Тифлис

Резолюция: «Высочайше повелено исполнить». 21 марта.

[РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6515. Л. 9–9 об.]. Подлинник.

№ 6. 30 МАРТА 1844 Г. — ПРИКАЗ ВОЕННОГО МИНИСТРА

Государь император в награду отличного усердия и преданности правительству, всемилостивейшее соизволил произвести закубанцев кн[язя] Бея Карамурзина и уздения Имама Гази-Белялова в прапорщики.

[РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6515. Л. 12].

Михаил Павлович Глебов находился в плену с 28 сентября по 27 ноября 1843 г. Если обстоятельства пленения стали известны, но нет информации, в какой семье содержался он, в каких условиях провел свой двухмесячный плен, насколько было сложно выкрасть его у похитителей. Возможно, что и эти вопросы когда-нибудь получат ответы.

Литература / References

- Захаров В. А. *Загадка последней дуэли. Документальное исследование*. М., 2000 [Zakharov V. A. *The Mystery of the Last Duel. Documentary Research*. Moscow, 2000 (in Russian)].
- Захаров В. А. *Летопись жизни и творчества М. Ю. Лермонтова*. М., 2003 [Zakharov V. A. *Chronicle of the Life and Work of Mikhail Yu. Lermontov*. Moscow, 2003 (in Russian)].
- Мануйлов В. *Летопись жизни и творчества М. Ю. Лермонтова*. М.-Л.; 1964 [Manuilov V. *Chronicle of the Life and Work of Mikhail Yu. Lermontov*. Moscow, 1964 (in Russian)].

Архивные документы / Archive documents

- Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА) [Russian State Military Historical Archive]. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6515.
- РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 497.
- РГВИА. Ф. 14664. Оп. 4. Д. 73.

Электронные ресурсы / Electronic sources

- Дело штаба отдельного Кавказского корпуса по дежурству судного отделения*. URL: <http://lermontov-lit.ru/lermontov/documents/duel-lermontova/duel-delo-3.htm> (дата обращения 19.08.2021).

DOI: 10.31696/2618-7302-2022-1-126-139

ПОЗДНЯЯ КЕРАМИКА ИЗ ДРЕВНЕЕГИПЕТСКОЙ ГРОБНИЦЫ НЕСЕМНАУ В ГИЗЕ И ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАБИТЕЛЬСКИХ СЛОЕВ В ПОГРЕБАЛЬНЫХ ШАХТАХ

© 2022

С. Е. Малых*

Древнеегипетская скальная гробница Несемнау в северо-восточной части некрополя Гиза исследовалась Российской археологической экспедицией Института востоковедения РАН в 2015–2017 и 2020 гг. Археологическое изучение трех шахт гробницы выявило неоднократное нарушение слоев заполнения в ходе деятельности грабителей, в результате чего оригинальные погребения эпохи Древнего царства были разрушены, и в данные комплексы попал более поздний керамический и вещевой материал. Из найденных 2602 керамических образцов 827 являются поздними, остальные относятся ко времени правления V–VI династий (XXIV–XXIII вв. до н. э.) — эпохе создания погребального комплекса. Анализ керамики, относящейся к интервалу от эпохи Нового царства до начала XX в., позволяет рассмотреть вопрос об особенностях формирования грабительских слоев в погребальных шахтах этой гробницы. Полученные данные указывают на неоднократное проникновение людей в подземные помещения гробницы, по-видимому, имевшие место в Поздний период (возможно, с целью устройства вторичных захоронений), Птолемеевское и Византийское время, эпоху Средневековья и Новейшее время (с целью грабежа). Показательно, что в слоях заполнения всех шахт гробницы Несемнау встречаются фрагменты от одних сосудов, следовательно, они попали в данные погребальные комплексы в одно время, в результате деятельности одной группы грабителей. Наиболее поздняя керамика — фрагменты кувшина-*зира* XIX — начала XX вв. — указывает на *terminus ante quem* разграбления. Вероятно, заметный рост туристического потока и начало широкомасштабного археологического изучения некрополя Гиза в то время активизировало деятельность грабителей на древнем памятнике.

Ключевые слова: Древний Египет, некрополь Гиза, скальные гробницы, древнеегипетская керамика, Новое царство, Поздний период, греко-римский период, Фатимиды.

Для цитирования: Малых С. Е. Поздняя керамика из древнеегипетской гробницы Несемнау в Гизе и особенности формирования грабительских слоев в погребальных шахтах. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2022. № 1. С. 126–139. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-1-126-139

* Светлана Евгеньевна МАЛЫХ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; malyh2002@mail.ru

Svetlana E. MALYKH, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; malyh2002@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-2077-7285

LATE POTTERY FROM THE ANCIENT EGYPTIAN TOMB OF NESEMNAU IN GIZA AND FEATURES OF THE FORMATION OF THIEVES' DEBRIS IN BURIAL SHAFTS

Svetlana E. Malykh

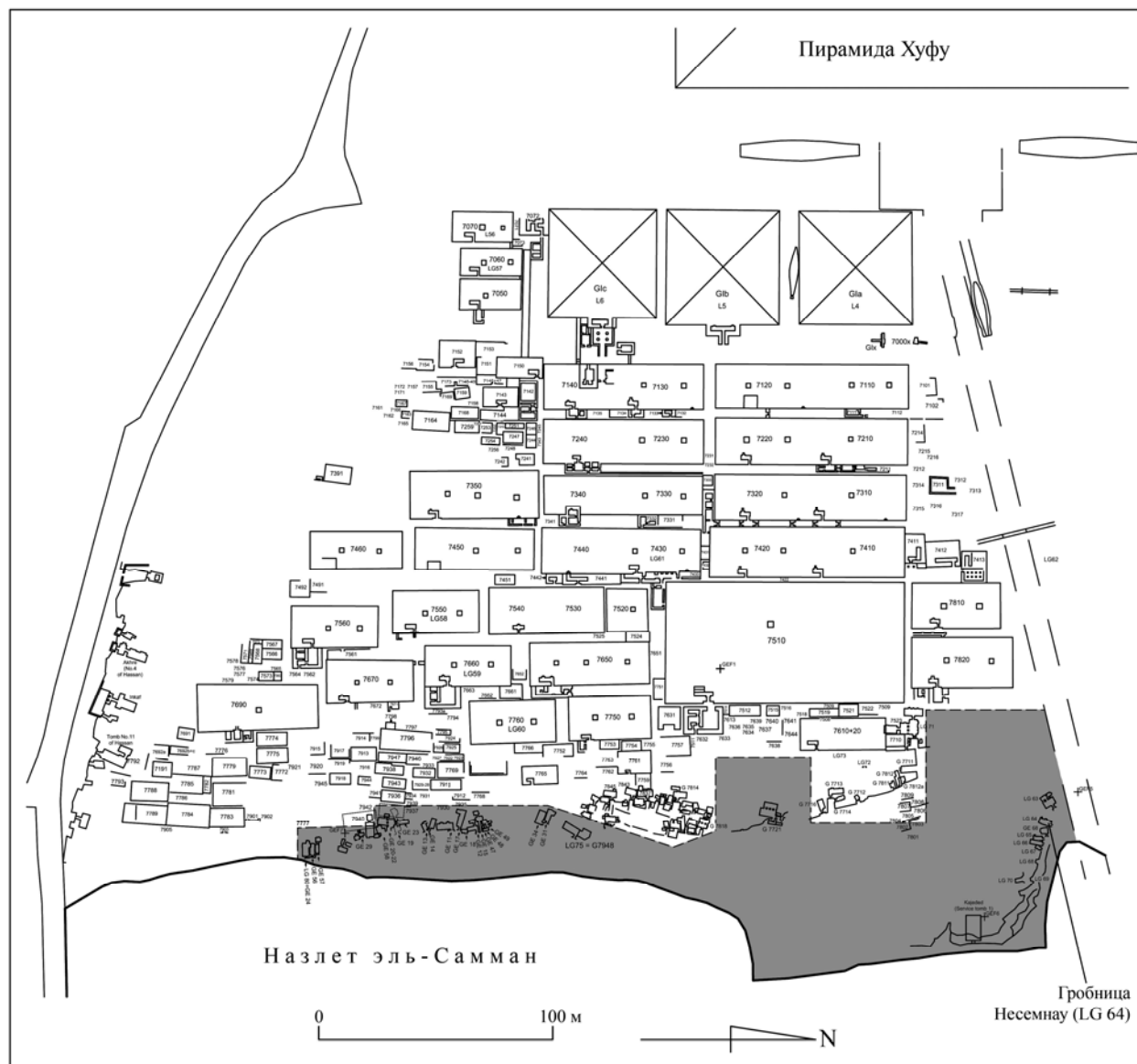
The ancient Egyptian rock-cut tomb of Nesemnau in the north-eastern part of the Giza Necropolis was explored by the Russian Archaeological Mission of the Institute of Oriental Studies RAS in 2015–2017 and 2020. Archaeological study of the three tomb shafts revealed repeated violation of the filling layers due to the numerous robberies; as a result, the original burials of the Old Kingdom were destroyed, and later pottery (827 out of 2602 ceramic samples) and artifacts entered these complexes. Pottery analysis dating from the New Kingdom to the beginning of the 20th century allows speculating on the formation of thieves' debris in the burial shafts of this tomb. Obtained data indicates repeated human intervention into the tomb, occurring apparently in the Late Period (possibly in order to create secondary burials), in Ptolemaic and Byzantine times, in the Middle Ages and in Modern times (during the robbery). Fragments from the same vessels are present in the fillings of all the shafts in Nesemnau's tomb; therefore, they ended in these burial complexes at the same time as a result of the one and the same group of robbers' activities. The latest ceramic fragments belonging to the *zîr*-jars of the 19th — early 20th centuries indicate *terminus ante quem* of plundering. It is probable that the increase of tourism and the beginning of large-scale archaeological excavations in Giza Necropolis at that time intensified the thieves' activity at the ancient site.

Keywords: Ancient Egypt, Giza Necropolis, rock-cut tombs, ancient Egyptian pottery, New Kingdom, Late Period, Greco-Roman Period, Fatimids.

For citation: Malykh S. E. Late Pottery from the Ancient Egyptian Tomb of Nesemnau in Giza and Features of the Formation of Thieves' Debris in Burial Shafts. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2021. 2. Pp. 126–139. DOI: 10.31696/2618-7302-2021-2-126-139

В течение четырех полевых сезонов 2015–2017 и 2020 гг. Российская археологическая экспедиция Института востоковедения РАН в Гизе (руководитель — Э. Е. Кормышева) вела раскопки в гробнице эпохи Древнего царства, принадлежавшей придворному Несемнау, царскому жрецу-*уабу*, надсмотрщику над лекарями Великого дома (т. е. царского дворца) [Porter, Moss, 1974, p. 209] и высеченной в скальном обрыве у т. н. восходящей (процессионной) дороги царя Хуфу в северо-восточной части некрополя Гизы (илл. 1). В поминальной часовне гробницы было вырублено три шахты глубиной 5,92 м, 5,72 м и 4,32 м, ведущих в погребальные камеры (илл. 2). Археологическое изучение шахт показало, что оригинальные погребения поздней V–VI династий (XXIV–XXIII вв. до н. э.) были разрушены грабителями, а в заполнении шахт и камер, наряду с предметами эпохи Древнего царства¹, присутствовал поздний керамический и вещевой материал. Анализ керамики, относящейся к интервалу от эпохи Нового царства до начала XX в., позволяет рассмотреть вопрос об особенностях формирования грабительских слоев в погребальных шахтах этой гробницы.

¹ Подробнее об этом см.: [Малых, 2021].

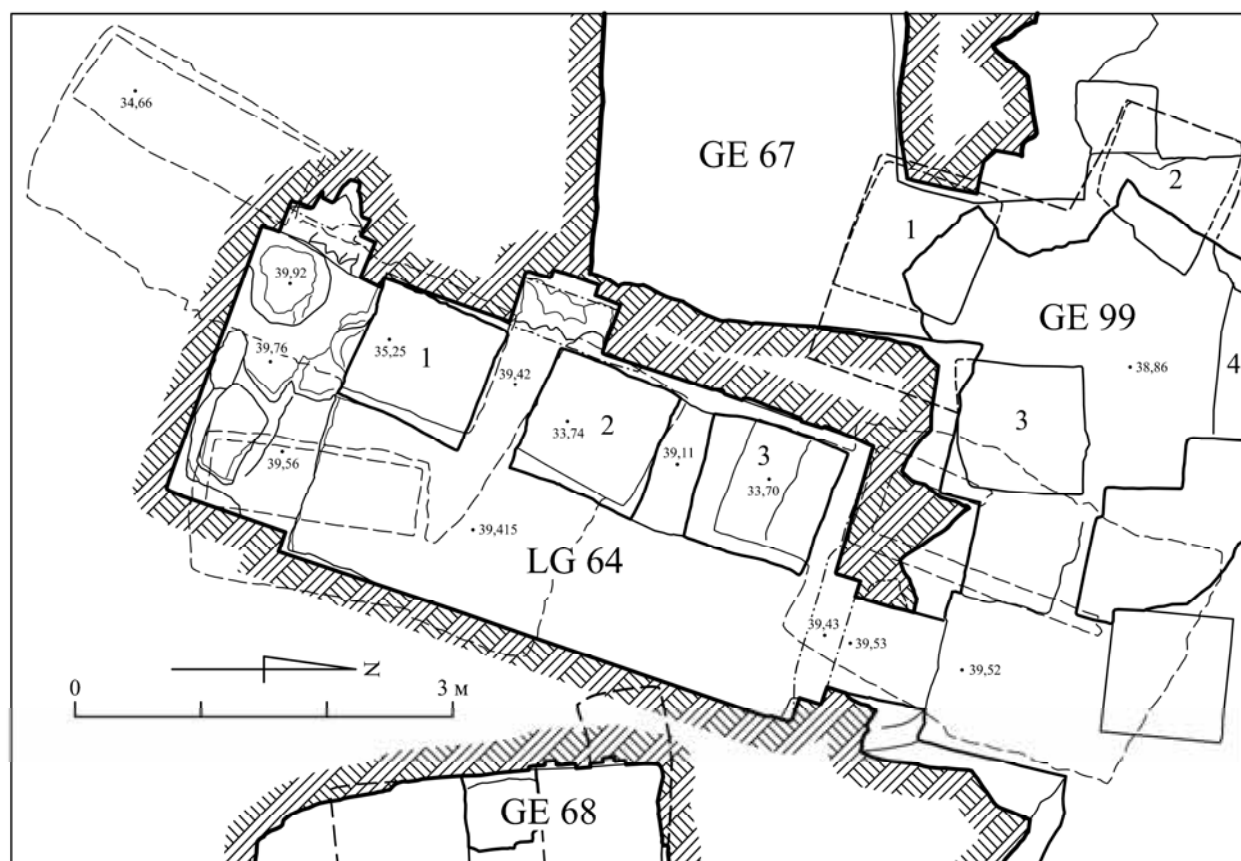

Илл. 1. План Восточного некрополя Гизы. Серым цветом отмечена зона работ Российской археологической экспедиции ИВ РАН (рис. С. В. Ветохова с добавлениями автора)

КЕРАМИКА ИЗ ШАХТЫ 1

В заполнении шахты 1 и погребальной камеры 1А из 460 выявленных керамических образцов 192 (41,7 %) являются поздними, сделанными на гончарном круге, остальные фрагменты глиняной утвари датированы временем Древнего царства.

Среди позднего керамического материала доминируют фрагменты сосудов VI–II вв. до н. э., однако древнейшим в рассматриваемой группе является донце круглодонного кувшина 15/64-1/5 (илл. 3), форма которого характерна для эпохи Нового царства, преимущественно для времени правления XVIII династии (1550–1292 гг. до н. э.) [Hope, 1989, p. 22, fig. 2g; Bourriau et al., 2005, p. 44, fig. 22, no.116; Wodzińska, 2010a, p. 123, no.114].

Илл. 2. План гробницы Несемнау (LG 64) (рис. С. В. Ветехова)

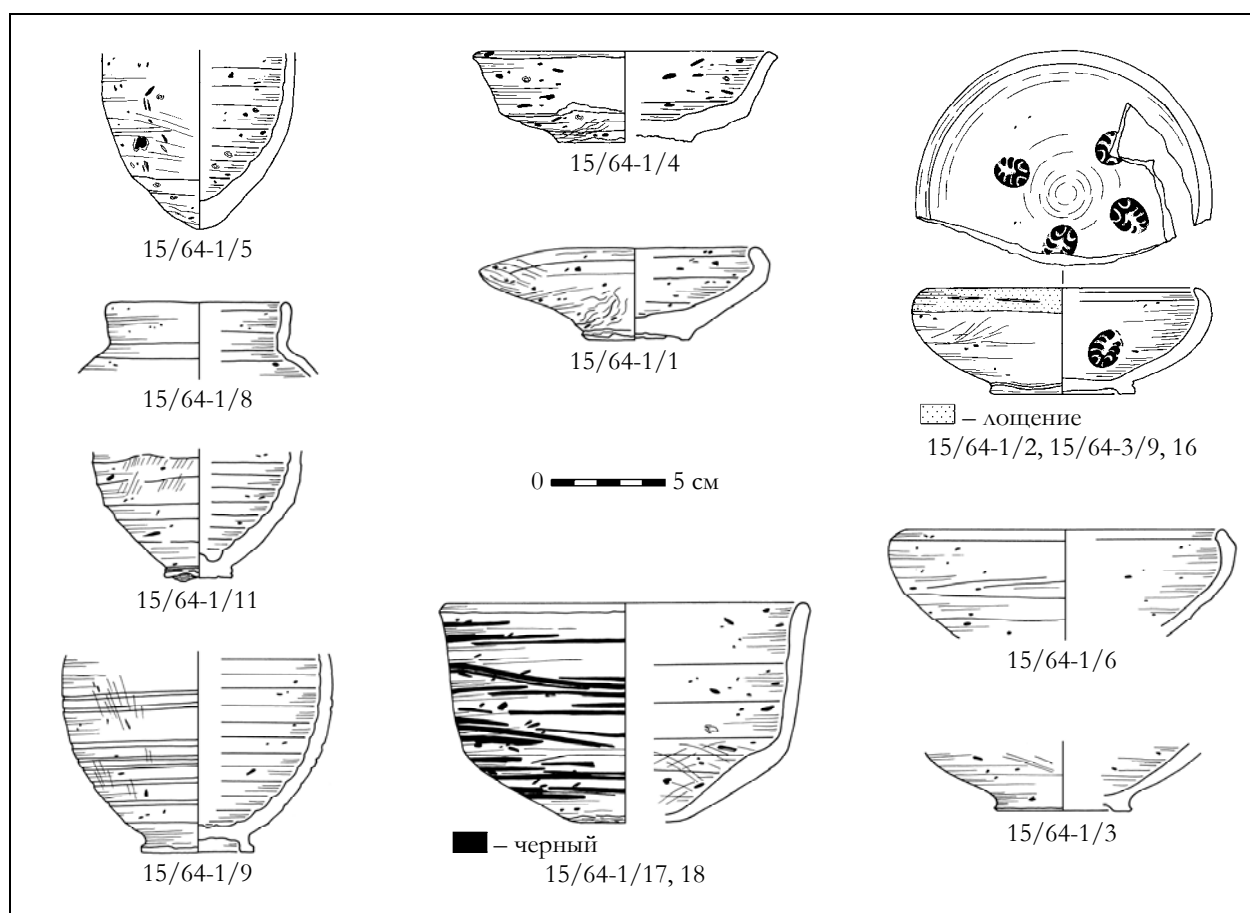
Поздним периодом (664–332 гг. до н. э.) следует датировать чашу 15/64-1/4, чашу-светильник 15/64-1/1 со следами копоти и нагара, а также небольшие шарообразные горшки, от которых сохранились нижняя часть тулова 15/64-1/11 и венчик 15/64-1/8² (илл. 3). Последние характерны для т. н. Персидского времени (V–IV вв. до н. э.) и являются своеобразным хронологическим маркером. Этот тип керамической утвари использовался и в быту, и в погребальном контексте — для хранения остатков от мумификации в «тайниках бальзамировщиков» [French, Bourriau, 2018, p. 158, fig. 29d], что, вероятно, и объясняет присутствие данных предметов в некрополе Гизы. Обнаружение керамики указанного периода во всех слоях заполнения шахты 1 логично связать с активным переиспользованием гробниц Древнего царства в качестве новых мест погребения в I тыс. до н. э., на что косвенно указывают фрагменты керамического антропоморфного саркофага с иероглифическим знаком □ pr, обнаруженные в средней части заполнения шахты 1 (слой 7)³.

К следующему хронологическому периоду — времени правления в Египте династии Птолемея (332–30 гг. до н. э.), относятся фрагменты чаш на кольцевом поддоне (илл. 3: 15/64-1/2, 15/64-1/6 и 16/64-1/3), с венчиком, завернутым внутрь: эта разновидность столовой посуды получила название *ххинос* (от греч. ἑχῖνος — «морской еж»), из-за внешнего

² Морфологические параллели см.: [French, Ghaly, 1991, p. 120, fig. 96; French, Bourriau, 2018, p. 86, 162, fig. 12a, 290; Defernéz, 2012, p. 49, fig. E12; Hudson, 2014, p. 30, fig. I.1].

³ Подробнее об этой находке см.: [Малых, 2019, с. 129–131].

сходства с панцирем морских иглокожих животных. Несомненно египетские по глине, эти чаши копируют греческие образцы V–II вв. до н. э.⁴ В Египте в Птолемеяевское и раннее Римское время изготовляли две разновидности таких чаш, визуально отличавшихся цветом — черные и красные, который зависел от технологии обжига — восстановительного или окислительного. Чаши с черной поверхностью из шахты 1 гробницы Несемнау (15/64-1/2 и 16/64-1/3), вероятно, были сделаны в мастерских города Буто, расположенного более чем в 200 км севернее Гизы. По особенностям формы и декору в виде схематичных вдавленных пальметт на одной из чаш их следует отнести ко II в. до н. э. [Ballet, Południkiewicz, 2012, p. 33–34, pl. 3, no. 42–46; Hudson, 2014, p. 31, fig. 3 (II.1–3); Köhler, Boulet, 2017, p. 37, fig. 10m; Малых, 2020, с. 31]. Красноангобированная чаша 15/64-1/6 имеет морфологические параллели в керамике I в. до н. э. [Jacquet-Gordon, 2012, p. 336, fig. 139g; Ballet, Południkiewicz, 2012, p. 30, pl. 2, no. 17].

Илл. 3. Поздняя керамика из шахты 1 гробницы Несемнау (рис. автора)

Интервалом от Птолемеяевского до раннего Римского периодов можно датировать нижнюю часть арибаллического лекифа 15/64-1/9 (илл. 3). Точных аналогов ему в специальной литературе найти пока не удалось, но форма поддона и техника изготовления скорее указывают первые века н. э.

⁴ О чапках-эхирах и их распространении в эллинистическом мире см.: [Малых, 2020, с. 20–22].

Не удалось установить и морфологические параллели для чаши 15/64-1/17, 18 (илл. 3), 13 фрагментов которой были выявлены в нижней части заполнения шахты 1. Она примечательна не только формой, но и отделкой: внешняя поверхность чаши из аллювиальной красно-коричневой глины была покрыта желтовато-белым ангобом и неаккуратно декорирована черными, хаотично нанесенными горизонтальными линиями. Предварительно ее следует отнести в т. н. Арабскому периоду египетской истории (641/642–1250 гг. н. э.). Керамика этого времени еще недостаточно изучена и опубликована, что может объяснять отсутствие аналогов в специальной литературе.

КЕРАМИКА ИЗ ШАХТЫ 2

В заполнении шахты 2 и погребальной камеры 2А гробницы Несемнау было найдено 673 фрагмента керамики, из них 232 фрагмента (34,5 %) датируется позже III тыс. до н. э., т. е. относится Новому царству, Позднему периоду, Птолемеевскому, Римскому, Византийскому и Арабскому времени, включая многочисленные фрагменты бытовой керамики IV–VII вв. н. э. (котлы, чаши, винные амфоры типа *Late Roman 7*), а также поливную керамику позднего Средневековья и Нового времени и фарфор XIX — начала XX вв. Поздний керамический материал сконцентрирован главным образом в верхней половине заполнения шахты, а ниже его доля в разы уменьшается и ограничена лишь редкими фрагментами сосудов Нового царства и Позднего периода.

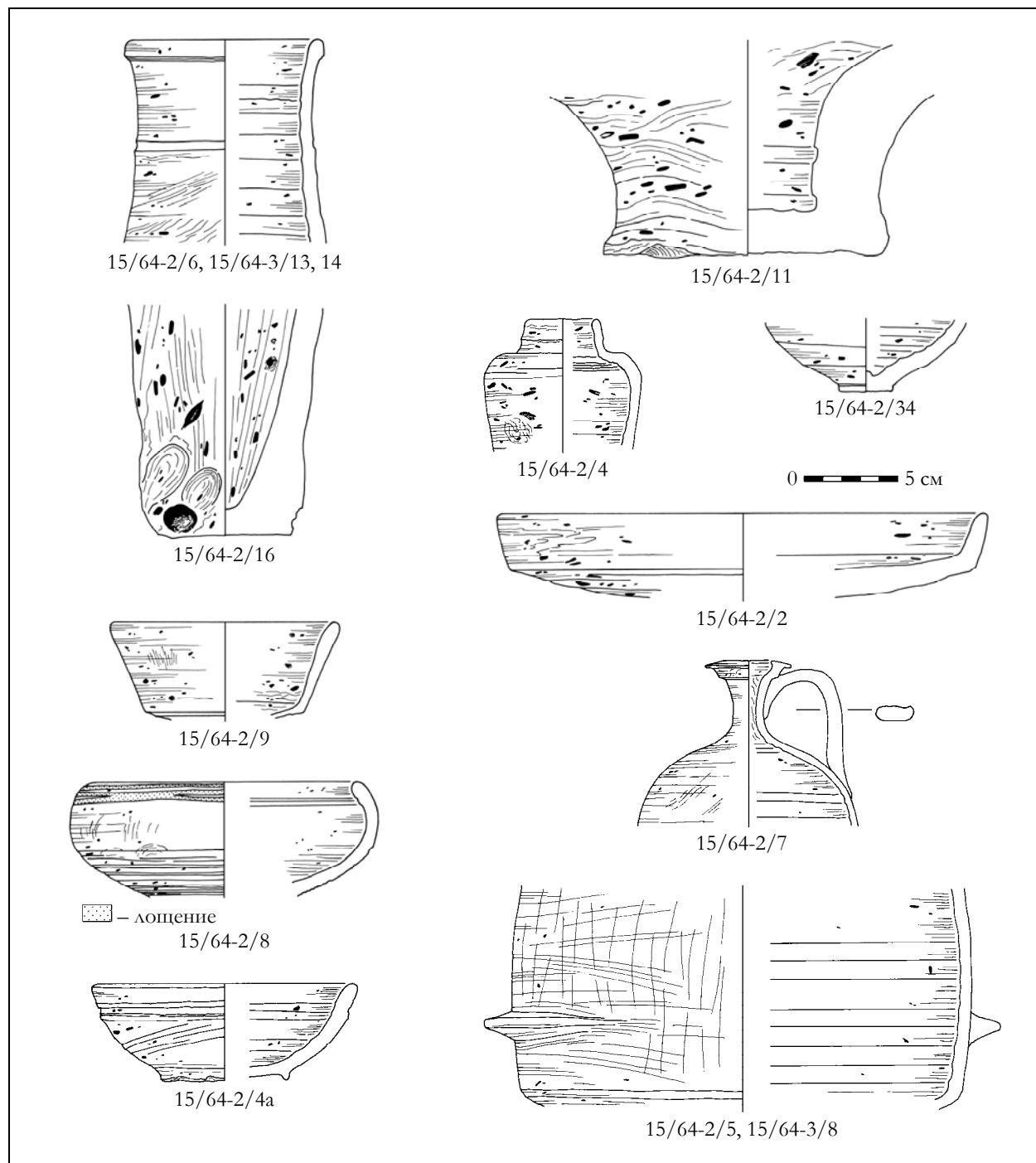
Типичным для эпохи Нового царства (1150–1070/1069 гг. до н. э.) является фрагмент стенки кувшина с голубой росписью 15/64-2/1, принадлежавший тому же сосуду, что и более крупный фрагмент 15/64-3/12 из шахты 3 (илл. 5). Эта разновидность древнеегипетской керамики, в англоязычной литературе именуемая “blue-painted ware”, редка для некрополя Гизы: за более чем четверть века работ Российской археологической экспедиции ИВ РАН на этом памятнике пока выявлено всего четыре фрагмента подобных изделий⁵, два из них — в скальной гробнице Несемнау.

Не имея возможности подробно останавливаться в статье на этом типе гончарных изделий, все же следует отметить, что древнеегипетская керамика с голубой росписью в силу редкости красочного пигмента — алюмината кобальта, небольшие залежи которого имелись в удаленных оазисах Ливийской пустыни Дахла и Харга [Норе, 1989, р. 7], не просто была дорогой столовой посудой для обеспеченных людей, она использовалась в царских резиденциях и храмах при проведении религиозных праздников и ритуалов, способствовавших возрождению и обновлению жизненных сил царя. По этой причине большинство образцов этого типа происходят из дворца Аменхотепа III в Малкате, и лишь затем из гробниц царей XVIII династии в Фивах [Bourriau, 1981, р. 79; Норе, 1989, р. 7–9; Budka, 2013, р. 188, 206–207].

Другим характерным для Нового царства представителем керамического корпуса является донце 15/64-2/16 хлебной формы грубой формовки, с углублениями от пальцев, со следами бытового использования — копотью внутри и снаружи (илл. 4). Его цилиндрическая форма имеет аналогии в керамике из фиванской области, преимущественно времени правления XVIII династии [Barahona Mendieta, Montserrat, Séguier, 2019, р. 191, fig. 39], хотя технологические особенности присущи и другому типу керамики Нового царства — т. н.

⁵ Например, см.: [Kormysheva et al., 2021, р. 97, pl. XC (19/19-7C/1)].

пивным кувшинам, донца которых также имеют ярко выраженные следы от пальцев (см.: [Jacquet-Gordon, 2012, p. 134, fig. 59f; Marchand, Tallet, 1999, p. 333, fig. 42d]).

Илл. 4. Поздняя керамика из шахты 2 гробницы Несемнау (рис. автора)

Временем правления XVIII династии следует датировать и венчик продолговатого светлоглиняного кувшина 15/64-2/6 (илл. 4), найденного на глубине –150–180 см от устья шахты 2. Другие два фрагмента от него же (15/64-3/13, 14) обнаружены в заполнении соседней шахты 3, на глубине –400–500 см от устья. Многочисленные морфологические параллели происходят из юго-восточной Гизы Саккары, Фив и даже северного Синая [Tavares, Laemmel, 2011, p. 956, fig. 4; Bourriau et al., 2005, p. 30–31, fig. 11, no.75; Jacquet-Gordon, 2012, p. 116, 138, fig. 51n, 61h; Dorner, Aston, 1997, p. 43, pl. I.8–9, II.10–11].

Уникальным для мемфисского региона и кладбищенского контекста является обнаружение нижней части крупного толстостенного плоскодонного сосуда 15/64-2/11 (илл. 4), вероятно, портативного очага. Внешне похожий предмет был найден в Рамессеуме — поминальном храме Рамсеса II (XIX династия) на западном берегу Фив [Lecuyot, 2014, p. 102–103, pl. Ia].

К Позднему периоду следует отнести фрагменты небольшого конического сосуда 15/64-2/4, арибаллического лекифа 15/64-2/34 и крупной тарелки 15/64-2/2 (илл. 4). Если первый датируется преимущественно Саисским временем (664–525 гг. до н. э.) и в целом характерен для Нижнего Египта, особенно региона Мемфиса [Malykh, 2015, p. 115, fig. 7; French, Bourriau, 2018, p. 79–80, fig. 10m], то другие два экземпляра бытовали позже — уже в т. н. Персидское время (525–332 гг. до н. э.) [French, Ghaly, 1991, p. 116, fig. 72; French, Bourriau, 2018, p. 50, fig. 3], причем для тарелок формы как у 15/64-2/2 К. Дефернез на основе хорошо сохранившегося материала египетской крепости Телль эль-Херр на северном Синае предлагает датировку второй — третьей четвертями V в. до н. э. [Defernez, 2001, p. 76–79, pl. IX (фаза VI)].

Для Птолемеевского периода типичны небольшие чаши 15-64-2/8 и 15/64-2/9 (илл. 4), причем чаша 15/64-2/9, покрытая желтовато-белым ангобом, должна была иметь кольцевой поддон, а имеющиеся аналоги относятся к III в. до н. э. [Ballet, Poludnikiewicz, 2012, p. 48, pl. 9, no.121; Wodzińska, 2010b, p. 68, no.109]. Чаша-*эхинус* 15/64-2/8, покрытая частично лощеным красным ангобом, относится к III–II вв. до н. э. [Ballet, 1997, p. 49, pl. I.3; Harlaut, 2002, p. 271, fig. 9b] и могла быть продукцией мастерских нильской Дельты, функционировавших в Буто и Атрибисе [Élaigne, 2012, p. 205, fig. 64 (no.10366/18, 11045/22)]. Вероятно, в гончарнях города Буто был произведен и арибаллический лекиф 15/64-2/7 (илл. 4), который, судя по форме венчика, следует датировать рубежом эр [Ballet et al., 2018, p. 55, fig. 3.4].

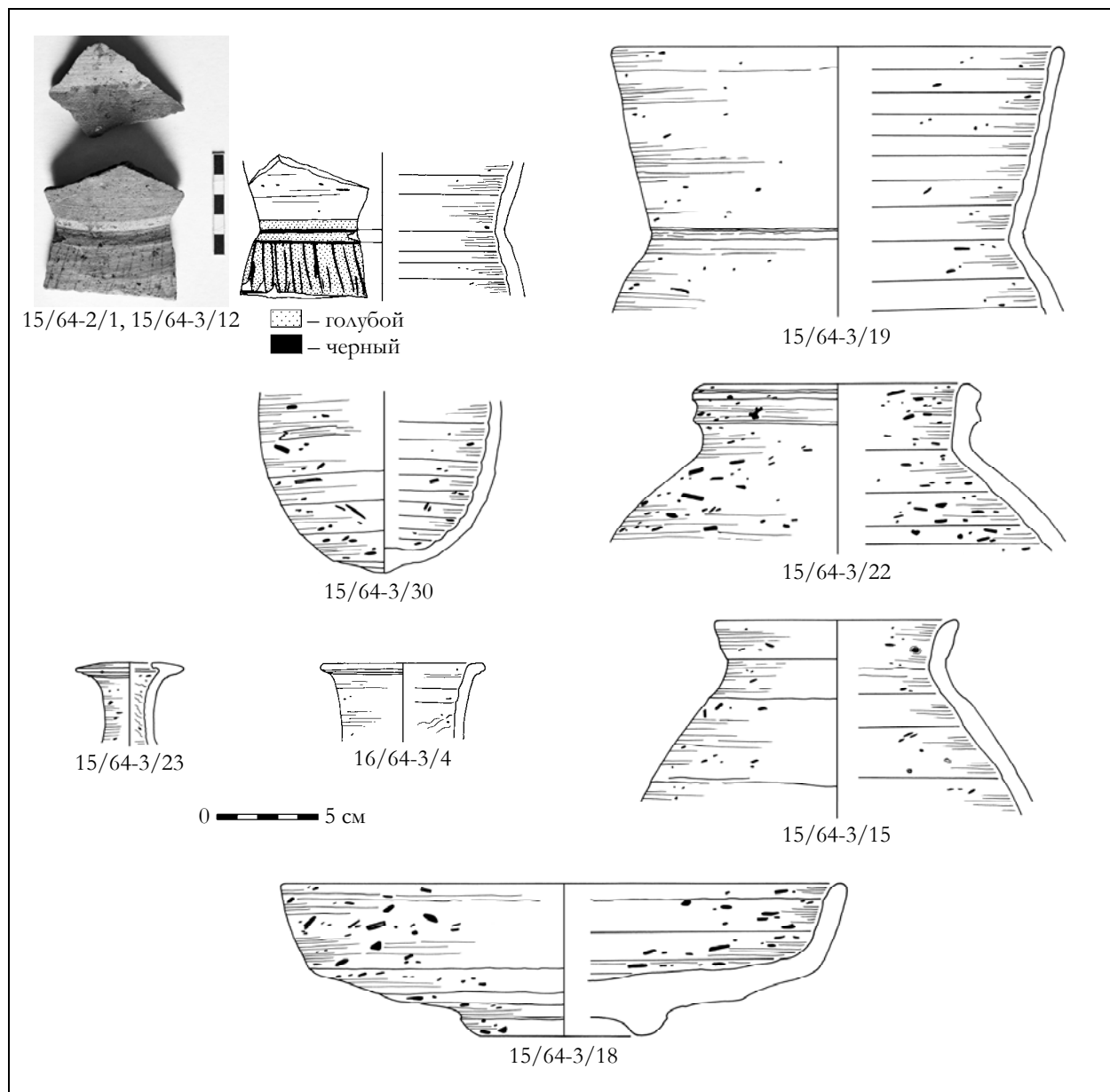
Закономерно, что в верхней части заполнения шахты 2 гробницы Несемнау (глубина –80–180 см от устья) залегали фрагменты поздней кухонной утвари — котла 15/64-2/5 с ручками-ушками, типичного для времени правления Фатимидов⁶ в Египте (969–1169 гг. н. э.), и чаши 15/64-2/4а (илл. 4) эпохи ранних мамлюков (XIII–XIV вв. до н. э.) [Monchamp, 2019, p. 136, fig. 2.10–11].

КЕРАМИКА ИЗ ШАХТЫ 3

В заполнении шахты 3 и погребальной камеры 3А обнаружено 403 поздних фрагмента керамики от общего числа в 1469 экземпляров (т. е. 27,4 %); остальные

⁶ Точных аналогий форме котла 15/64-2/5 пока не найдено, однако морфологически выразительные ручки-ушки характерны для керамики времени правления Фатимидов. См., например: [Monchamp, 2016, p. 151, fig. 9.1–2; 2017, p. 6–7, 11, fig. 1.1, 3.6, 6.6; 2018, p. 258, fig. 5.5].

керамические находки приходятся на эпоху Древнего царства. При этом поздняя керамика достаточно равномерно распределена по всем слоям заполнения шахты и погребальной камеры.

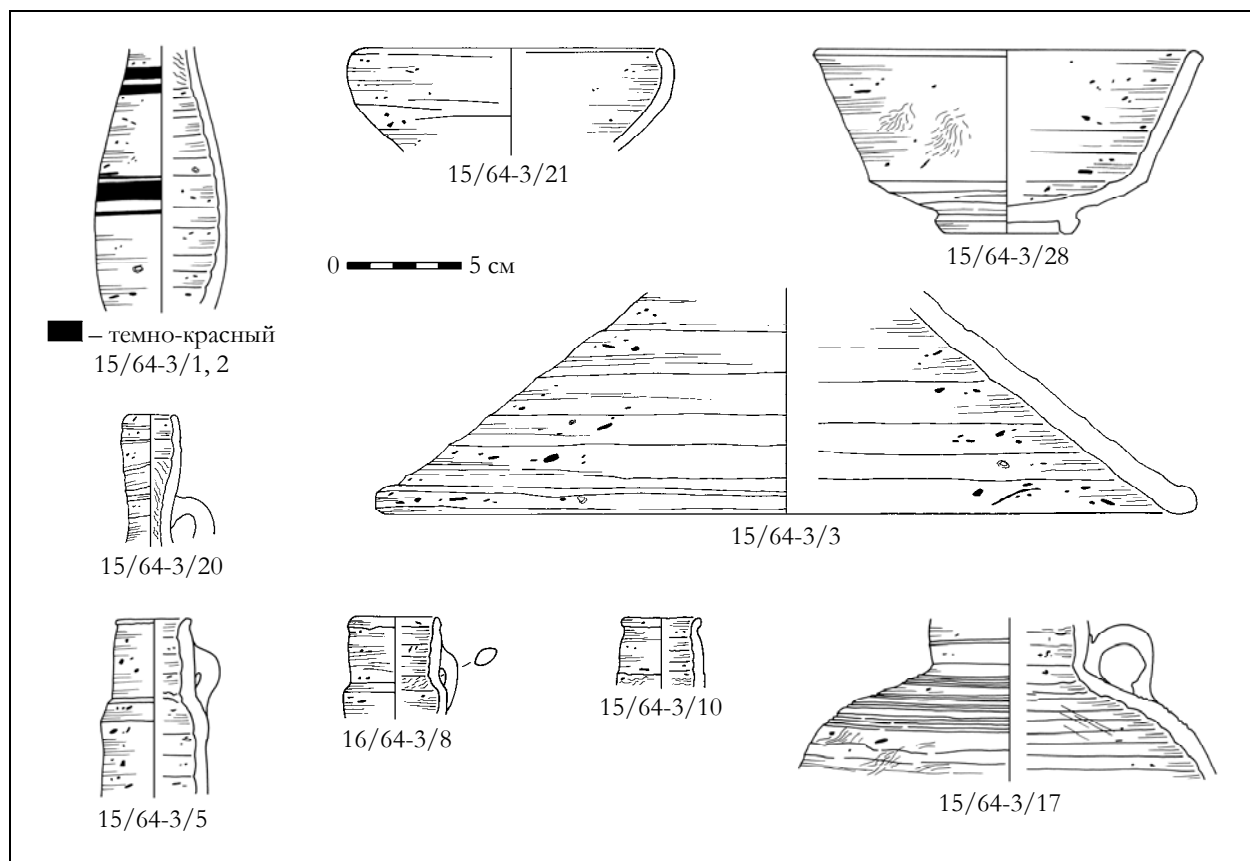

Илл. 5. Поздняя керамика из шахты 3 гробницы Несемнау (рис. автора)

Как и в двух других шахтах гробницы Несемнау, в шахте 3 присутствует керамика эпохи Нового царства, в том числе продолговатый кувшин 15/64-3/13, 14 (фрагмент от него же 15/64-2/6 (илл. 4) выявлен в шахте 2) и стенка кувшина с голубой росписью 15/64-3/12 (илл. 5) времени правления XVIII династии, другой фрагмент которого находился в шахте 2. Фрагменты принадлежат сосуду с овальным туловом и воронковидным венчиком, а декор выполнен в виде лепестков голубого лотоса. Еще один фрагмент верхней части сосуда

15/64-3/19 (илл. 5) аналогичной формы, но более крупного, был оставлен без декора⁷. Продолговатому круглодонному кувшину Нового царства принадлежит и донце 15/64-3/30 (илл. 5).

Поздним периодом следует датировать сосуды для хранения различных веществ⁸, от которых сохранились лишь венчики (15/64-3/15 и 15/64-3/22, илл. 5), при этом аналоги кувшина 15/64-3/15 имеют датировку Персидским временем [Defernez, 1997, p. 37, fig. 7]. В целом им синхронна греческая чернолаковая столовая амфора / ольпа 16/64-3/4 (илл. 5), венчик которой найден в погребальной камере 3А. Фрагментарность сосуда не позволяет только определить его форму, однако текстура глины и отделка поверхности — черный с металлическим отливом лак — указывают на происхождение предмета из Аттики.

Илл. 6. Поздняя керамика из шахты 3 гробницы Несемнау (рис. автора)

Для поздней части Позднего периода характерно блюдо на кольцевом поддоне 15/64-3/18 (илл. 5), аналоги которому в литературе датируются IV в. до н. э. [Defernez, 2001, p. 294, pl. LXIV, no.178b; French, Bourriau, 2018, p. 56–58, fig. 4h–j]. К IV–III вв. н. э. относится

⁷ Аналоги для 15/64-3/12 и 15/64-3/19 см.: [Hope, 1991, p. 38, fig. 6e; Bourriau et al., 2005, p. 23, 42, 50, fig. 7, 21, 25, no.44, 110, 137; Wodzińska, 2010a, p. 99, no.67; Aston, 2011, p. 30, fig. 55–56; Pinch Brock, 2012, p. 200, fig. 7 (P7)].

⁸ Аналоги для 15/64-3/22 см.: [Defernez, 1997, p. 38, fig. 9–10; 2001, p. 146, pl. XXIII, no.62b; Aston, Aston, 2010, p. 178, fig. 43; Köhler, Boulet, 2017, p. 35, fig. 9b].

венчик арибаллического лекифа 15/64-3/23⁹ (илл. 5); несмотря на типичную форму, мергельная глина бежево-оранжевого цвета исключает его атрибуцию как изделие мастерских Буто или Атрибиса. Возможно, местом его производства были мастерские мемфисско-фаюмского региона.

В Птолемеевский период были созданы краснолощенный и украшенный темно-красной линейной росписью алабастрон 15/64-3/1, 2, одноручный неангобированный кувшин 15/64-3/20, чернолощенная чаша-*эхинос* 15/64-3/9, 16 со штампами-пальметтами внутри (илл. 3, ее фрагмент также найден в шахте 1), краснолаковая чаша-*эхинос* 15/64-3/21, чаша на кольцевом поддоне 15/64-3/28¹⁰ (илл. 6), поверхность которой, так же, как и аналогичного по форме сосуда 15/64-2/9 из шахты 2, покрыта желтовато-белым ангобом.

Датировка четырех диагностических образцов керамики представляет трудности. Так, аналоги крышки 15/64-3/3 (илл. 6) имеют широкую датировку от Позднего периода до Арабского времени¹¹. Точных морфологических параллелей узким продолговатым сосудам (алабастроном?) 15/64-3/5, 15/64-3/10 и 16/64-3/8 (илл. 6) из светложущейся мергельной глины пока не обнаружено, однако предварительно мы отнесли их к Птолемеевскому времени на основе единственной дальней аналогии из Тебтиниса (Фаюмский оазис) [Ballet, 2001, p. 113, fig. 24].

Керамика Византийского периода (395–641 гг. н. э.) представлена многочисленными фрагментами обычной кухонной посуды (чашами, мисками, котлами, жаровнями) и египетских винных амфор типа *Late Roman 7*, обнаруженными не только в стволе шахты, но и в погребальной камере. Здесь же выявлено два небольших фрагмента импортных винных амфор типа *Late Roman 1*, судя по глине, привезенных с Кипра. На дне шахты обнаружена верхняя часть амфоры 15/64-3/17 (илл. 6) типа *Late Roman 5/6*, сделанная из аллювиальной глины. Эта разновидность тарных изделий в большом количестве изготавливалась в V–VII вв. н. э. в монастыре Св. Мины для хранения и транспортировки местного вина, однако их глина светложущаяся мергельная [Empereur, Picon, 1992, p. 150–151, fig. 8; Engemann, 1992, p. 153–157]. В меньшем количестве такие амфоры производились в Среднем Египте уже из аллювиальной глины [Ballet, Picon, 1987, p. 39]; вероятно, и найденный в гробнице Несемнау экземпляр следует отнести к этому производственному центру.

Единичные фрагменты кувшинов Арабского периода найдены в верхней части заполнения шахты 3 (–35–120 см от устья). На дне шахты обнаружено пять фрагментов котла 15/64-3/8 эпохи правления Фатимидов; один фрагмент от него же (15/64-2/5, илл. 4) был выявлен в шахте 2. На глубине –160–250 см от устья шахты 3 залегали фрагменты обычного египетского толстостенного кувшина-*зира* для воды, характерного для XIX — начала XX вв., что маркирует наиболее позднее проникновение грабителей в данную шахту.

⁹ Аналоги см.: [French, Ghaly, 1991, p. 111, fig. 49; Ballet, Poludnikiewicz, 2012, p. 129, pl. 59, no.561].

¹⁰ Аналоги для 15/64-3/20 см.: [Ballet, Poludnikiewicz, 2012, p. 128, pl. 58, no.551]; для 15/64-3/21: [Marchand, 2011, p. 219, 236, fig. 4a (2773-6); Elaigne, 2012, p. 188, fig. 58 (no.8007/8, 10069/37); Jacquet-Gordon, 2012, p. 336, fig. 139g; Ballet, Poludnikiewicz, 2012, p. 29, pl. 1, no.12, 14; Köhler, Boulet, 2017, p. 37, fig. 10m]; для 15/64-3/28: [Jacquet-Gordon, 2012, p. 337, fig. 139aa; Ballet, Poludnikiewicz, 2012, p. 47, pl. 9, no.115].

¹¹ Для Позднего периода см. крышки/тарелки из Таниса: [Petric, 1888, pl. XXXIV.17; Leclère, Spencer, 2014, p. 101, 110, pl. 32, 39 (EA 23662, EA 23727)]. Для Птолемеевского периода см. пример из Тебтиниса: [Ballet, Poludnikiewicz, 2012, p. 203, pl. 104, no.893]. Для раннеарабского времени см. керамику из Тода и Тебтиниса: [Pierrat, 1991, p. 150, fig. 1d; Rousset, Marchand, 1999, p. 221–222, no.32].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, многочисленный керамический материал середины II тыс. до н. э. – II тыс. н.э. (827 экземпляров), выявленный в заполнении трех шахт и погребальных камер скальной гробницы Несемнау, указывает на неоднократное проникновение людей в подземные помещения этого сооружения, имевшие место, видимо, в Поздний период (возможно, с целью устройства вторичных захоронений), Птолемееское и Византийское время, эпоху Средневековья и Новейшее время (с целью грабежа). Тем не менее оригинальная керамика эпохи Древнего царства, хотя и разбитая, доминирует в слоях заполнения шахт и камер, показывая, что грабители вынимали лишь наиболее интересующие их предметы, а не вычищали скальные помещения дочиста, в ряде случаев даже оставив без внимания или не заметив фрагменты древних позолоченных украшений¹².

Весьма показательно, что в заполнении всех шахт гробницы Несемнау встречаются фрагменты от одних сосудов:

- две стенки 15/64-2/1 и 15/64-3/12 кувшина с голубой росписью времени XVIII династии (илл. 5) обнаружены в шахтах 2 (слой 2) и 3 (слой 4);
- три фрагмента венчика 15/64-2/6, 15/64-3/13, 14 продолговатого кувшина XVIII династии (илл. 4) находились в шахтах 2 (слой 2) и 3 (слой 4);
- крупный фрагмент чернолощеной чаши с пальметтами 15/64-1/2 Птолемееского периода (илл. 3), а также фрагменты венчика и донца 15/64-3/9, 16 от нее же выявлены на входе в погребальную камеру 1А шахты 1 (слой 6/7) и в заполнении шахты 3 (слой 4);
- венчик 15/64-2/5 и четыре фрагмента тулова 15/64-3/8 котла Фатимидского периода (илл. 4) залегали в шахтах 2 (слой 2) и 3 (слой 4).

Таким образом, можно говорить, что идентичны по наполнению слой 2 в шахте 2, слой 4 в шахте 3 и слой 6/7 в шахте 1, следовательно, они хронологически синхронны и попали в данные погребальные комплексы практически одновременно (или в короткий интервал времени), в результате деятельности одной группы грабителей. Также вероятно, что шахта 1, самая удаленная от входа в гробницу, раскапывалась первой, поэтому в ней наблюдается наименьшее совпадение фрагментов одних и тех же сосудов. Наиболее поздняя керамика из рассматриваемых слоев — фрагменты кувшина-*зифа* XIX — начала XX вв. — указывает на *terminus ante quem* разграбления. Вероятно, заметный рост туристического потока и начало широкомасштабного археологического изучения некрополя Гиза в то время активизировало деятельность грабителей на древнем памятнике.

Литература / References

- Малых С. Е. Знаки на древнеегипетских погребальных сосудах и керамических саркофагах из Гизы: апотропей *vs* детерминант. *Эпиграфика Востока*. 2019. № 34. С. 118–126 [Malykh S. E. Signs on Ancient Egyptian burial vessels and ceramic sarcophagi from Giza: Apotropheus *vs* determinant. *Epigraphika Vostoka*. 2019. 34. Pp. 123–131 (in Russian)].
- Малых С. Е. Штампы-пальметты на древнеегипетской керамике в контексте средиземноморской культуры второй половины 1-го тыс. до н.э. *Восток (Oriens)*. 2020. № 3. С. 19–34 [Malykh S. E. Stamped Palmettes on Ancient Egyptian Pottery in the Context of the Mediterranean Culture of the Second Half of 1st Millennium B.C. *Vostok (Oriens)*. 2020. 3. Pp. 19–34 (in Russian)].
- Малых С. Е. Керамика эпохи Древнего царства из египетской скальной гробницы Несемнау в северо-восточной Гизе: о возможности реконструкции оригинального археологического контекста.

¹² Подробнее об этом см.: [Малых, 2021, с. 59–63, 67, фото 1].

- Вестник Института востоковедения РАН*. 2021. № 2. С. 55–69 [Malykh S. E. Old Kingdom Pottery from the Egyptian Rock-cut Tomb of Nesemna in North-eastern Giza: On the Possibility of Reconstructing the Original Archaeological Context. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2021. 2. Pp. 55–69 (in Russian)].
- Aston D. A. Blue-Painted Pottery of the Late Eighteenth Dynasty. The Material from the Tomb of Maya and Merit at Saqqara. *Cahiers de la Céramique Égyptienne*. 2011. 9. Pp. 1–35.
- Aston D. A., Aston B. G. *Late Period Pottery from the New Kingdom Necropolis at Saqqâra. Egypt Exploration Society — National Museum of Antiquities, Leiden, Excavations 1975–1995. Excavation Memoir 92*. London, Leiden, 2010.
- Ballet P. Céramiques hellénistiques et romaines d’Égypte. Lévêque P., Morel J.-P., Geny É. (eds.). *Céramiques hellénistiques et romaines III*. Paris, 2001. Pp. 105–144.
- Ballet P. Tell al-Moufarig. *Cahiers de la Céramique Égyptienne*. 1997. 5. Pp. 47–55.
- Ballet P., Lecuyot G., Marchand J., Mazou L., Pesenti M., Reimann R., Simony A. Bouto / Tell el-Fara’in. Production et consommation de la céramique en connexte urbain de l’époque ptolémaïque aux débuts de l’Islam. *Bulletin de Liaison de la Céramique Égyptienne*. 2018. 28. Pp. 53–79.
- Ballet P., Picon M. Recherches préliminaires sur les origines de la céramique des Kellia (Égypte). Importations et productions égyptiennes. *Cahiers de la Céramique Égyptienne*. 1987. 1. Pp. 17–48.
- Ballet P., Poludnikiewicz A. *Tebtynis V. La céramique des époques hellénistique et impériale. Campagnes 1988–1993. Production, consommation et réception dans le Fayoum méridional*. Le Caire, 2012.
- Barahona Mendieta Z., Montserrat F. R., Séguier R. Nouvelles données sur un four à céramiques des XVIIe – XVIIIe dynasties à Médamoud. *Bulletin de Liaison de la Céramique Égyptienne*. 2019. 29. Pp. 165–230.
- Bourriau J. *Umm El-Gaâb. Pottery from the Nile Valley before the Arab Conquest. Catalogue*. Cambridge, 1981.
- Bourriau J. D., Aston D. A., Raven M. J., van Walsem R., Hope C. *The Memphite Tomb of Horemheb, Commander-in-chief of Tut’ankhamun. III. The New Kingdom Pottery*. London, 2005.
- Budka J. Festival Pottery from New Kingdom Egypt: Three Case Studies. Bader B., Ownby M. F. (eds.). *Functional Aspects of Egyptian Ceramics in their Archaeological Context. Proceedings of a Conference held at the McDonald Institute for Archaeological Research, Cambridge, July 24th – 25th, 2009*. Leuven, Paris, Walpole, 2013. Pp. 185–213.
- Defernez C. Heboua I — Période perse. *Cahiers de la Céramique Égyptienne*. 1997. 5. Pp. 35–39.
- Defernez C. *La céramique d’époque perse à Tell el-Herr. Étude chrono-typologique et comparative*. Lille, 2001.
- Defernez C. Remarques à propos du mobilier récent découvert sur le site de Tell el-Herr (saison 2010). *Bulletin de Liaison de la Céramique Égyptienne*. 2012. 23. Pp. 19–50.
- Dorner J., Aston D. Pottery from Heboua IV / South — Preliminary Report. *Cahiers de la Céramique Égyptienne*. 1997. 5. Pp. 41–45.
- Élaigne S. *La vaisselle fine de l’habitat alexandrine*. Le Caire, 2012.
- Empereur J.-Y., Picon M. La reconnaissance des productions des ateliers céramiques: l’exemple de la Maréotide. *Cahiers de la Céramique Égyptienne*. 1992. 3. Pp. 145–152.
- Engemann J. À propos des amphores d’Abou Mina. *Cahiers de la Céramique Égyptienne*. 1992. 3. Pp. 153–159.
- French P., Bourriau J. *The Anubieion at Saqqara IV. Pottery of the Late Dynastic Period with Comparative Material from the Sacred Animal Necropolis*. London, 2018.
- French P., Ghaly H. Pottery Chiefly of the Late Dynastic Period, from Excavations by the Egyptian Antiquities Organization at Saqqara, 1987. *Cahiers de la Céramique Égyptienne*. 1991. 2. Pp. 93–124.
- Harlaut C. Production céramiques égyptiennes d’Alexandrie à l’époque Ptolémaïque. Évolution des formes et des fabriques: traditions locales et innovations. Francine B. (ed.). *Céramiques hellénistiques et romaines, productions et diffusion en Méditerranée orientale (Chypre, Égypte et côte syro-palestinienne). Actes du colloque tenu à la Maison de l’Orient méditerranéen Jean Pouilloux du 2 au 4 mars 2000*. Lyon, 2002. Pp. 263–287.
- Hope C. Blue-painted and Polychrome Decorated Pottery from Amarna: A Preliminary Corpus. *Cahiers de la Céramique Égyptienne*. 1991. 2. Pp. 17–92.

- Hope C. *Pottery of Egyptian New Kingdom: Three Studies*. (Victoria College Archaeology Research Unit, Occasional Paper No.2). Melbourne, 1989.
- Hudson N. Preliminary Report on the Pottery at Tell Timai (Thmuis). *Bulletin de Liaison de la Céramique Égyptienne*. 2014. 24. Pp. 15–49.
- Jacquet-Gordon H. *Karnak-Nord X. Le trésor de Thoutmosis Ier. La céramique*. Le Caire, 2012.
- Köhler E. C., Boulet S. Preliminary Observations from the Ceramological Studies at el-Sheikh Fadl (Middle Egypt). *Bulletin de Liaison de la Céramique Égyptienne*. 2017. 27. Pp. 33–50.
- Kormysheva E., Malykh S., Lebedev M., Vetokhov S. *Giza. Eastern Necropolis V. Tombs of Perinedju and Neferseskheptah*. Moscow, 2021.
- Leclère F., Spencer J. *Tell Dafana Reconsidered: The Archaeology of an Egyptian Frontier Town*. London, 2014.
- Lecuyot G. La céramique du Ramesseum et de ses abords, état des recherches. *Bulletin de Liaison de la Céramique Égyptienne*. 2014. 24. Pp. 101–120.
- Malykh S. E. Unusual ceramic complex in the Eastern Giza: problems of dating and interpretation. *Bulletin de Liaison de la Céramique Égyptienne*. 2015. 25. Pp. 113–125.
- Marchand S. La dernière occupation d'une maison d'époque ptolémaïque du village de Tebtynis (Fayoum). Une céramique de transition tardo-hellénistique. *Cahiers de la Céramique Égyptienne*. 2011. 9. Pp. 215–251.
- Marchand S., Tallet P. Ayn Asil et l'oasis Dakhla au Nouvel Empire. *Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale*. 1999. 99. Pp. 307–352.
- Monchamp J. Assemblages céramiques d'époque médiévale de Burg al-Zafar, murailles du Caire. *Bulletin de Liaison de la Céramique Égyptienne*. 2017. 27. Pp. 5–30.
- Monchamp J. Céramiques fatimides de Bāb al-Nasr, murailles du Caire. *Bulletin de Liaison de la Céramique Égyptienne*. 2016. 26. Pp. 143–165.
- Monchamp J. Céramiques médiévales et ottomanes du Mashtal. Murailles du Caire. *Bulletin de Liaison de la Céramique Égyptienne*. 2018. 28. Pp. 253–295.
- Monchamp J. Mobilier médiéval et ottoman de Bab al-Gedid (Murailles du Caire). *Bulletin de Liaison de la Céramique Égyptienne*. 2019. 29. Pp. 133–162.
- Petrie W. M. F. *Tanis II. Nebesheb (Am) and Defenneb (Tahpanhes)*. 1886. London, 1888.
- Pierrat G. Essai de classification de la céramique de Tōd de la fin du VII-e siècle au début du XIII-e siècle apr. J.-C. *Cahiers de la Céramique Égyptienne*. 1991. 2. Pp. 145–204.
- Pinch Brock L. The Pottery from the So-Called “Tomb of Queen Tiye”. *Bulletin de Liaison de la Céramique Égyptienne*. 2012. 23. Pp. 195–208.
- Porter B., Moss R. L. B. *Topographical bibliography of ancient Egyptian hieroglyphic texts, reliefs, and paintings*. III. *Memphis*. Part 1. *Abū Rawāsh to Abūšīr*. Oxford, 1974.
- Rousset M.-O., Marchand S. Tebtynis 1998. Travaux dans le secteur nord. *Annales Islamologiques*. 1999. 33. Pp. 185–262.
- Tavares A., Laemmel S. Some Post-Old Kingdom Pottery from Giza. Aston D., Bader B., Gallorini C., Nicholson P., Buckingham S. (eds.). *Under the Potter's Tree. Studies on Ancient Egypt Presented to Janine Bourriau on the Occasion of her 70th Birthday*. Leuven, Paris, Walpole, 2011. Pp. 949–976.
- Wodzińska A. *A Manual of Egyptian Pottery*. Vol. 3: *Second Intermediate Period — Late Period*. Boston, 2010.
- Wodzińska A. *A Manual of Egyptian Pottery*. Vol. 4: *Ptolemaic Period — Modern*. Boston, 2010.

ОРНАМЕНТАЛЬНЫЙ ДЕКОР РАННЕХРИСТИАНСКОГО МАВЗОЛЕЯ

«КАПЕЛЛА ИСХОДА» (ХАРГА, ЕГИПЕТ): ФУНКЦИИ, КОННОТАЦИИ, ДАТИРОВКА

© 2022

В. З. Куватова*

«Капелла Исхода» — небольшой раннехристианский мавзолей в оазисе Харга, расположенном в Ливийской пустыне (Египет). Фигуративная живопись памятника датируется в широком диапазоне от конца IV до середины V вв. н. э. В то время как сложной иконографической программе купола посвящено немало исследований, орнаментальный декор мавзолея до сих пор оставался в тени фигуративных сцен. Между тем, орнаментальный декор — одна из самых ярких проекций эпохи. Декоративная программа «Капеллы Исхода» сама по себе достаточно информативна, а при сопоставлении с фигуративной программой памятника развивает и дополняет гипотезы и интерпретации исследователей. Если иконография и стиль фигуративных сцен выглядят архаично по сравнению с искусством крупных раннехристианских центров, то декоративная программа, напротив, значительно опережает предположительную датировку памятника. Ее целостность, полихромность и богатство орнаментальных мотивов нетипичны для египетской монументальной живописи V в., но характерны для храмовых росписей VI в. Живописная имитация колонн с витыми стволами дает дополнительные аргументы в пользу более поздней датировки декоративной программы. Целостность декора и акцент на имитации ценных пород камня подчеркивает высокий статус усопшего, погребенного в мавзолее. Помимо «Капеллы Исхода», лишь одна примерно современная ей гробница содержит целостную декоративную программу с элементами имитации ценных пород камня — гробница Святого Шенуте. Вероятно, к моменту создания орнаментального декора гробница V в. стала важным поминальным памятником.

Ключевые слова: Египет, оазис Харга, Византийский период, Багават, «Капелла Исхода», раннехристианское искусство, погребальная живопись, византийское искусство, коптское искусство.

Для цитирования: Куватова В. З. Орнаментальный декор раннехристианского мавзолея «Капелла Исхода» (Харга, Египет): функции, коннотации, примерная датировка. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2022. № 1. С. 140–157. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-1-140-157

ORNAMENTAL DECORATION OF THE EARLY CHRISTIAN MAUSOLEUM

CHAPEL OF EXODUS (KHARGA OASIS, EGYPT):

ROLE, CONNOTATIONS, DATING

Valeria Z. Kuvatova

The Chapel of Exodus is a small Coptic mausoleum located in the outskirts of the oasis of Kharga in Libyan Desert (Egypt). It is famous for its elaborated pictorial program which is loosely dated back to the late

* Валерия Зуфаровна КУВАТОВА, научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; kintosh@mail.ru

Valeria Z. KUVATOVA, Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; kintosh@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-8932-6490

4th through the early 5th century A.D. While its figure paintings have long been under the academic scrutiny, the decorative program has not so far attracted the scholars' attention. Meanwhile, the non-figured decorations usually tell the story of their own, and the study of the decorative programs can be highly enlightening. This is exactly the case of the Chapel of Exodus. The style and color palette of the decorative paintings stand in stark contrast to the figure scenes. While the latter look rather outdated for the suggested timespan, the former seem precocious in many ways. The decorative program is holistic, polychromic and rich in ornamental motifs, which is unusual for Egyptian murals of the 5th century A.D., while being characteristic of the 6th century decorations of Christian churches. Painted imitations of spiral fluted columns also support the idea of later dating. Moreover, the holistic character of the program and accent on precious stone veneer imitations underline the high status of the mausoleum owner. It seems plausible that by the time when the decorative program was added (presumably, in the 6th century), the 5th century mausoleum had become an important commemorative monument.

Keywords: Egypt, Byzantine Period, Kharga Oasis, Bagawat, Chapel of Exodus, Early Christian art, funerary painting, Coptic art, Byzantine art.

For citation: Kuvatova V. Z. Ornamental Decoration of the Early Christian Mausoleum Chapel of Exodus (Kharga Oasis, Egypt): Role, Connotations, Dating. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2022. 1. Pp. 140–157. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-1-140-157

«Капелла Исхода» — небольшой раннехристианский мавзолей в некрополе Багават в оазисе Харга, расположенном в Ливийской пустыне (Египет), примерно в 200 км к западу от Луксора — представляет собой кубическую постройку из кирпича-сырца, перекрытую невысоким куполом (илл. 1). Памятник датируется в широком диапазоне от второй половины IV до середины V в. н. э. Прежде всего он известен насыщенной и сложной иконографической программой, которая в течение многих десятилетий остается предметом научных дискуссий. Мавзолей получил свое название благодаря сцене Исхода евреев из Египта, составляющей основу его иконографической программы. Помимо фигуративной программы купола, мавзолей удивляет сложным и целостным орнаментальным декором, совершенно не характерным для современных ему раннехристианских памятников Египта. Декоративная часть росписи «Капеллы Исхода» всегда оставалась в тени фигуративной программы. Между тем, особенности орнаментального декора несут в себе важную информацию о функциях памятника и социальном статусе владельцев гробницы. В настоящем исследовании с помощью методов семиотического анализа и исторической контекстуализации предпринята попытка оценить декоративную программу гробницы в контексте позднеантичного орнаментального декора и осмыслить ее роль в «Капелле Исхода».

Четыре подпружные арки, частично встроенные в стены и опирающиеся на импосты сдвоенных квадратных полуколонн, поддерживают свод купола (цветная вклейка, фото 1–3). Нижняя часть стен, за исключением южной (входной), примерно на высоту 150 см от пола, покрыта росписью, имитирующей высокий цоколь из декоративных панелей, выполненных в технике *opus sectile* (цветная вклейка, фото 4–5). Архитектурный декор цоколя каждой стены включает изображения четырех колонн, делящих поверхность на три примерно равных вертикальных прямоугольника-ортостата. На восточной стене изображены витые колонны с коринфскими капителями, на северной стене — витые колонны с менее сложной формой капителей. Стволы колонн на западной стене трактованы как имитация ценных пород камня, капители аналогичны капителям северной стены.

Колонны «поставлены» на низкий двухчастный бордюр. Нижняя часть имитирует кладку из горизонтальных каменных блоков, верхняя расписана зубчатым орнаментом. На

Илл. 1. Общий вид «Капеллы Исхода», оазис Харга, Египет
(фото В. Мельника)

капители визуально «опираются» имитации архитравов. На восточной и западной стенах они декорированы зеленовато-голубыми гирляндами, перехваченными в нескольких местах скрещенными пальмовыми листьями. По архитраву на северной стене тянется Х-образный орнамент. Ортостаты имитируют декоративные панели из ценных пород камня. Боковые панели состоят из встроенных друг в друга прямоугольников, в центральных изображены круглые эмблемы с замысловатым орнаментом.

На нижних частях северо-западной, северо-восточной и юго-восточной подпружных арок сохранились изображения миниатюрных колонок с витыми стволами, условно коринфскими капителями и сложными базами, форма которых «прочитывается» не везде (*цветная вклейка, фото 1–2*). Колонки служат визуальными опорами для декора наличников и интрадосов арок. В частности, на них опирается гирлянда наличника северной арки и декоративный мотив интрадосов северной, восточной и западной арок (на западном интрадосе видны лишь следы росписи). На наличнике западной арки сохранились следы коричневой краски, по которым нельзя понять, как он был расписан. Декор наличника южной арки состоит из чередующихся коричневых и бежевых прямоугольников, имитирующих кладку из каменных блоков. Наличник восточной арки расписан в виде виноградной лозы, северной — в виде темно-коричневой флоральной гирлянды, перехваченной скрещенными пальмовыми листьями.

ОРНАМЕНТАЛЬНЫЙ ДЕКОР СТЕН

«Капелла Исхода» в контексте основных типов орнаментального декора

Имитация панелей из ценных пород камня — универсальный художественный прием монументальной живописи римской ойкумены, берущий начало, по-видимому, в погребальном искусстве Александрии III в. до н. э. [Kuvatova, 2019, p. 151]. Однако в силу широкой распространенности декоративного мотива, варианты дизайна заметно варьируются от памятника к памятнику. В истории монументальной живописи прослеживаются три основных направления орнаментального декора стен, восходящие к трем прототипам. Самый ранний — уже упомянутый александрийский вариант (вариант 1), основанный на имитации цельных каменных блоков или монолитных отделочных панелей (*цветная вклейка, фото 6*). Второй вариант (вариант 2), представляет собой производную от первого помпейского стиля и, возможно, также восходит к александрийскому архитектурному

декору¹ (цветная вклейка, фото 7). Вариант 2 состоит из панелей-ортостатов, чередующихся с имитациями колонн. Вариант 3, имитирующий напольные панели в технике *opus sectile*, имеет римское происхождение (цветная вклейка, фото 8). Подробная характеристика трех вариантов декора будет представлена ниже.

Богатство декора «Капеллы Исхода» контрастирует с его размерами и архитектурной простотой. В нем объединяются три мотива: имитация декоративных панелей, центральные розетки со сложным орнаментом и имитация витых колонн. Повышенное внимание к орнаментальному декору заставляет задуматься о возможных иконографических прототипах, а также о причинах выбора в пользу комплексного и подчеркнуто выразительного художественного оформления гробницы. Помимо «Капеллы Исхода», в некрополе есть только два памятника с расписными куполами — так называемая «Капелла мира» и мавзолей 25 — и в обоих практически отсутствует живописный декор стен. Росписи не опускаются ниже парусов куполов. За исключением «Капеллы Исхода», имитация каменных стеновых панелей вообще отсутствует в гробницах Багавата. Росписи, имитирующие отделку ценными породами камня, встречаются в других примерно синхронных «Капелле Исхода» памятниках Харги, соседнего оазиса Дахлы, а также ближайших к Харге районов долины Нила, однако они заметно отличаются с иконографической точки зрения.

В позднеантичном декоре, имитирующем отделку из ценных пород камня, просматриваются три основных направления, восходящие к разным прототипам. Вариант 1 получил широкое распространение в Римской империи во II в. до н. э. — I в. н. э. и продолжал использоваться позднее, наряду с новыми художественными решениями. Он представляет собой имитацию простой отделки монотонными панелями из разных пород камня. Декор такого типа можно встретить как в Италии, так и в римских провинциях, включая Египет. Именно такой вариант росписи сохранился в Харге, в датируемом II в. н. э. скальном храме в Айн эль-Лебека [Wagner, 1996, p. 97; Hussein, 2000, p. 14, photos 20–22]. Похожий стиль можно видеть в ряде гробниц некрополей Туна эль-Гебель² в Гермополе Магна и Саламуни в Ахмиме (гробница Каплан № 8 [Venit, 2016, p. 185, fig. 5.27]). Все эти гробницы датируются Римским периодом.

Вариант 1 сохранял актуальность на протяжении всей истории Римской империи, однако его популярность снижалась по мере распространения варианта 3, имитирующего *opus sectile*. Практика отделки стен мраморными панелями с простым геометрическим узором появилась в Риме в I в. до н. э. [Dunbabin, 1999, p. 261], а в I в. н. э. на стенах стали появляться расписные имитации напольного орнаментального декора. Техника *opus sectile* высоко ценилась в *Pax Romana* и считалась более престижной, чем привычная мозаика. В напольных покрытиях она обычно использовалась в центральных панно (эмблемах) и комбинировалась с другими техниками, в частности, с мозаикой. Как правило, применялся модульный принцип построения декоративной программы, то есть многократный повтор одной и той же

¹ Все больше исследователей склоняется к мысли о том, что первый помпейский стиль сформировался под влиянием архитектурного декора Александрии Египетской. Наиболее убедительно гипотеза сформулирована Д. Маккензи [McKenzie, 2007].

² Например, предкамера гробницы 21 [Venit, 2016, p. 118, fig. 4.9]. См. также GB10/M3/SS: The Roman Necropolis of Hermupolis / Tuna el-Gebel. Final report on the field school 2015. Fig. 25. *Docplayer*. URL: <https://docplayer.net/56474709-The-roman-necropolis-of-hermupolis-tuna-el-gebel.html> (дата обращения 31.03.2022); GB27: Pfund H. Existing Wall Painting and Their Condition. Fig. 6. *Tuna el-Gebel — The City of the Dead*. URL: https://www.tuna-el-gebel.com/files/tuna/content/conservation/Existing%20wall%20paintings%20and%20their%20condition_Pfund.pdf. (дата обращения 31.03.2022).

единицы дизайна [Dunbabin, 1999, p. 255–257]. Самые сложные варианты декора сохранились на территории Италии. В Египте и Северной Африке также встречаются комбинации *opus sectile* и мозаики *tesselata*. Примером может служить триклиний так называемой «Виллы птиц» в Ком эль-Дикке (Александрия), где покрытие пола выполнено в обеих техниках [Majcherek, 2007, p. 27–42]. Памятник датируется II в. н. э. [Kolataj et al, 2007, p. 45], причем орнаментальные мотивы явно восходят к римской традиции. В первую очередь обращает на себя внимание характерная эмблема в виде круглой розетки с множественными лепестками, напоминающая заключенный в круг цветок подсолнечника. Это практически универсальный римский мотив, завоевавший Восточное Средиземноморье и Северную Африку. Имитации такой розетки встречаются, в частности, в датируемых II в. н. э. гробницах некрополя Туна эль-Гебель (GB 7, GB6/M22/SS(LH) [Lembke, 2015, fig. 9])³. В известных александрийских гробницах Римского периода, однако, имитации *opus sectile* не встречаются.

К IV в. н. э. орнаменты *opus sectile* постепенно отдаляются от жесткого модульного принципа. Все чаще можно встретить полы, декор которых включает несколько уникальных эмблем, визуально связанных между собой более простыми декоративными мотивами. Отчасти эти изменения обуславливались параллельным развитием настенного декора *opus sectile*, требовавшего иного подхода: ухода от монотонности и включения имитаций архитектурных элементов [Dunbabin, 1999, p. 262]. Нельзя исключать и перекрестное влияние мозаичного искусства. Орнаменты *opus sectile* получали развитие в мозаиках *tesselata* (в Александрии примером могут служить напольные мозаики упомянутой «Виллы птиц»), а те, в свою очередь, влияли на декор эмблем *opus sectile*. В Египте живописный цоколь, имитирующий сложные, не повторяющиеся эмблемы, украшал датируемый концом III в. н. э. храм императорского культа в Луксорском храме [Jones, McFadden, 2015, p. 1]. Росписи почти не сохранились, и судить о них приходится по акварелям Дж. Г. Уилкинсона [Jones, McFadden, 2015, fig. A. 1, A. 4], которые отражают взаиморасположение элементов и детали дизайна, но не тщательность имитации пород камня. Исключение составляют вертикальные прямоугольники-ортостаты, чередующиеся с эмблемами: судя по акварелям, они имитировали отделку темно-зеленым мрамором *cipollino verde*. С эллинистического периода композиционное решение «круг в квадрате / прямоугольнике», выбранное для цоколя императорского храма, пользовалось популярностью в декоре александрийских напольных мозаик [Daszewsky, 1996, p. 146]. Впрочем, оно нередко встречалось и в других регионах империи, как в мозаиках, так и в декоре *opus sectile*.

Центральные панно цоколя «Капеллы Исхода» декорированы сложными многокомпонентными эмблемами, заключенными в прямоугольники. В этом плане они ближе к росписям императорского храма в Луксоре и александрийским напольным мозаикам II–III вв., чем к росписям римских гробниц некрополя Туна эль-Гебель.

Декор боковых панно, состоящий из заключенных друг в друга прямоугольников разного периметра, не встречается в известных египетских памятниках II–V вв. Это относится и к росписям, и к мозаикам, и к *opus sectile*. Характерная особенность декора — маленькие центральные (внутренние) прямоугольники и диагональные линии, прочерченные от внешних углов панно к углам центральных прямоугольников. Такие имитации прямоугольных панно в технике *opus sectile* характерны, в первую очередь, для настенного

³ Pfund H. Existing Wall Painting and Their Condition. Fig. 5. *Tuna el-Gebel — The City of the Dead*. URL: https://www.tuna-el-gebel.com/files/tuna/content/conservation/Existing%20wall%20paintings%20and%20their%20condition_Pfund.pdf. (дата обращения 31.03.2022).

декора, что представляется логичным, потому что они задают определенный ритм и, в отличие от связного модульного напольного орнамента, хорошо вписываются в архитектурный декор, как реальный, так и живописный. Имитация панелей-ортостатов сохранилась в гробнице М 6 в Туна эль-Гебель и упомянутом скальном храме Харги, хотя их художественное оформление значительно проще и легко прослеживается до римских прототипов I–II вв.

Сложный декор боковых панелей-ортостатов в «Капелле Исхода» находит наиболее близкие параллели в Македонии и Юго-Восточной Европе, находившейся под македонским культурным влиянием. Памятники со сходным орнаментальным декором — преимущественно христианские. Они датируются, в основном, серединой IV–V вв. [Φραγούλης, 2015, σ. 145]. В фессалоникийской гробнице 53 (360–370 гг. [Μαρχή, 2006, σ. 174]) сохранилась имитация прямоугольных панелей, составленных из разных пород камня, причем внутренний прямоугольник по коротким сторонам фланкирован извилистым декором [Μαρχή, 2006, πιν. 19 (α, β)] (*цветная вклейка, фото 9*). Такие панели чередуются с прямоугольниками, в которые вписаны круги, заключенные в ромбы. По сути, в гробнице 53 использован тот же прием чередования двух типов декоративных панелей, что и в «Капелле Исхода», однако в Фессалонике они расположены не вертикально, а горизонтально. Такой подход, по-видимому, обусловлен архитектурой гробницы, которая представляет собой вытянутый параллелепипед, а не кубический объем, как в Багавате. Кроме того, в гробнице 53 отсутствует имитация пилястров.

Еще ближе к орнаментальному декору «Капеллы Исхода» подходит декор гипогея базилики под именем М. Эминеску в Констанце (Румыния), датируемой серединой IV в. [Barbet, Monier, 2001, p. 377, pls. 3–4]. С точки зрения архитектуры она также принадлежит к македонскому типу. Три стены (торцовая со стороны входа и обе длинные) расписаны в виде имитаций прямоугольных панелей, чередующихся с пилястрами, несущими архитрав с флоральным декором в виде пальметт [Barbet, Monier, 2001, p. 224–226, figs. 2–4]. Декор длинных стен организован так же, как в «Капелле Исхода»: центральная панель с круглой эмблемой фланкирована пилястрами, за которыми следуют панели с прямоугольным декором. Вновь обращают на себя внимание диагонали, прочерченные от углов внешнего прямоугольника через углы внутренних [Barbet, Monier, 2001, p. 378, pl. 6]. Эта деталь встречается редко, однако в «Капелле Исхода» она очень заметна. Прямоугольные панели расположены на стенах по-разному, как горизонтально, так и вертикально.

Вертикальное расположение предусмотрено в епископальной базилике Стоби (Северная Македония). Ее строительство велось в несколько фаз. Орнаментальный декор, имитирующий *opus sectile* и коринфские пилястры, датируется первой половиной IV в. [Dimitrova, Blaževska, Tutkovski, 2012, p. 13–15]. Имитации простых панелей из ценных пород чередовались с имитациями *opus sectile* довольно сложной конфигурации. На южной стене старой епископальной базилики сохранилась имитация панели типа прямоугольника в ромбе, вписанном в прямоугольник [Dimitrova, Blaževska, Tutkovski, 2012, p. 22]. Геометрические фигуры разграничены прямоугольными же рамками. Необычная черта — диагональные линии, соединяющие внешние углы рамок с углами внутренних прямоугольников.

Росписи второй фазы, фрагменты которых сохранились на северной, южной и западной стенах, датируются более поздним временем — второй половиной IV в. [Dimitrova, Blaževska, Tutkovski 2012, p. 23]. Орнаментальный декор второй фазы росписей базилики

Стоби более упорядочен и соответствует современному ей популярному стилю росписи раннехристианских базилик, известному по памятникам Восточной Римской империи, в первую очередь, греческим и южно-европейским [Dimitrova, Blaževska, Tutkovski, 2012, p. 22]. Видимо, такой декор, основанный на чередовании имитаций ортостатов и пилястров, органично вписывался в высокое и просторное архитектурное пространство базилики, задающее ритм ритуального движения. На западной стене сохранился еще один фрагмент росписи, важный в контексте сопоставления с «Капеллой Исхода», — имитация колонны с витым стволом [Dimitrova, Blaževska, Tutkovski, 2012, p. 15; Tutkovski, 2018, figs. 8, 13]. В отличие от росписей капеллы, где изображены лишь витые колонны, в подавляющем большинстве известных памятников IV–VI вв. встречаются имитации либо каннелированных, либо прямых стволов из цельного камня.

Ранние образцы орнаментального декора, сочетающего в себе имитацию панелей в технике *opus sectile* и коринфских колонн, сохранились террасных домах в Эфесе. Росписи так называемого Ценаторнума (Cenatorium B, H 1/b) датируются примерно 300 г. н. э. [Strocka, 1977, S. 31–38; Φραγούλης 2015, σ. 145], похожие росписи террасного дома Одеон [Zimmermann, 2018, S. 84, Abb. 14] и дома H 1/SR2 [Strocka, 1976, S. 473, Abb. 2] — ранним IV в. [Strocka, 1976, S. 471]. Характерная иконографическая особенность этих памятников — сложный рельефный контур коротких (горизонтальных) сторон внутренних прямоугольников-эмблем, при этом внутренний декор эмблем предельно прост либо отсутствует.

В конце IV–VI вв. мотив получает широкое распространение в живописных программах христианских храмов, несколько видоизменяясь, по сравнению с традицией первой половины IV в. Программа памятников этого периода отличается большей организованностью входящих в нее элементов, а также более сложным декором панелей-ортостатов. Часто они состоят из нескольких ромбов и прямоугольников, последовательно включенных друг в друга и обрамленных широкими рамками. Несмотря на скромное качество исполнения, по сложности декора ортостаты в «Капелле Исхода» напоминают панели на стенах раннехристианских храмов IV–V вв.

Орнаментальный декор базилики А в Дионе, датируемый концом IV — началом V вв. [Φραγούλης, 2015, σ. 148], включал в себя чередование коринфских пилястров и панелей-ортостатов. В такие ортостаты включались эмблемы сложных форм и геометрические фигуры [Φραγούλης, 2015, ει. 74–84]. Первой половиной V в. датируются фрески монументального баптистерия в Ипати, (Фтиотида) [Φραγούλης, 2015, σ. 146, πιν. 27], южного нефа базилики в Димитриаде [Φραγούλης, 2015, σ. 147, πιν. 28], портика базилики 1/А в Сандански (Болгария) [Petrova, 2012, p. 105, 128, fig. 11] и, по-видимому, епископальной базилики 4 в Сандански [Petrova, 2012, p. 111, 133, fig. 20].

К концу V — началу VI в. орнаментальный декор христианских храмов приобретает новые характеристики — интенсивную декоративность, ритмическую упорядоченность, разнообразный и замысловатый декор эмблем. К. Фрагулис отмечает сложность внутреннего дизайна эмблем новой епископальной базилики Стоби [Φραγούλης, 2015, σ. 147], построенной и расписанной в этот период [Dimitrova, Blaževska, Tutkovski, 2012, p. 14; Φραγούλης, 2015, σ. 145]. Ярким примером такого декора может служить живописный цоколь в фессалоникийской базилике Космы и Дамиана на Агоре, датируемой VI в. (в настоящее время росписи находятся в Византийском музее Фессалоники) (цветная вклейка, фото 7).

«Капелла Исхода» в контексте египетских памятников

К сожалению, исследователям мало известно о живописном декоре храмов Александрии и других раннехристианских центров Египта IV–V вв. В лучшем случае они сохранились на уровне фундаментов, позволяющих судить об архитектурных планах, но не о росписях. Сохранившиеся раннехристианские церкви в оазисе Харга либо не расписаны, либо живопись практически полностью утрачена⁴. Некоторое представление об орнаментальном декоре провинциальных раннехристианских храмов дают две небольшие церкви IV в., обнаруженные в Исмат эль-Харабе (Келлис) в оазисе Дахла (так называемые восточные церкви) [Bowen, 2002, p. 65; 2003, p. 162]. В большой церкви были расписаны только апсида и стена над ней, однако с момента обнаружения росписи были утрачены. Исследователи отмечают, что декоративная программа состояла из невысокого расписного цоколя и трех стоящих на нем колонн [Knudstad, Frey, 1999, p. 207–208]. Декор малой церкви сохранился намного лучше: живописная программа также не выходит за пределы апсиды и фланкирующих ее пиластр. Она не обладает стройностью и целостностью, характерной для современных ей раннехристианских храмов Греции и Юго-Восточной Европы, но включает те же элементы: имитацию панелей-ортостатов в технике *opus sectile* и колонн⁵. В апсиде малой церкви эти элементы дополнены изображениями двухстворчатых дверей [Bowen, 2003, p. 159].

Ранние храмы и мавритии перестраивались, росписи записывались новыми слоями⁶. Как уже упоминалось, первый мавритий, построенный над гробницей-гипогеем Абу Мины, датируемый по найденной керамике началом V в., представлял собой небольшой свободно стоящий мавзолей-тетрапилон из кирпича-сырца. К сожалению, ничего не известно о том, были ли там росписи. Около 465 г. датируется гробница-гипогей Апа Шенуте в Белом монастыре в Сохаге [Bolman, 2016, p. 21, fig. 3.5]. Гробница, состоящая из квадратной предкамеры с куполом и погребальной камеры македонского типа, расположена под часовней-триконхом. Росписи погребальной камеры и подкупольной предкамеры датируются второй половиной V в. [Bolman, 2010, p. 461], а росписи стен часовни (сохранились фрагментарно) — VI в. [Bolman, 2010, p. 455–456]. Иконографическая программа свода в целом типична для раннехристианских гробниц Восточного Средиземноморья, но содержит элементы, пользовавшиеся особой популярностью в христианском Египте. Стены декорированы имитацией каменных ортостатов. Хотя сохранность росписи на стенах оставляет желать лучшего, можно предположить, что имитировались, скорее всего, панели из алебастрового оникса и агата, разделенные узкими светлыми полосами. Декоративный орнамент, воспроизводящий отделку цельными панелями из дорогого камня, восходит к александрийскому декору элитарных гробниц Птолемеевского периода [Kuvatova, 2019, p. 149–151]. С точки зрения архитектуры и общих принципов декора погребальная камера гробницы Шенуте находит свои параллели в камере 1 гробницы I и камере 1 гробницы II александрийского некрополя Анфуши [Venit, 2002, p. 73–85, fig. 62–63, 65, pl. I] (цветная вклейка, фото б). В обоих памятниках нижние части стен

⁴ Не упомянутые ни в одной публикации фрагменты росписей маленькой часовни, пристроенной к монастырю Мустафа Кашеф (2 км к востоку от Багавата), были обнаружены нами в 2017 г.

⁵ [Bowen, 2003, p. 159, 161, pl. 5–7]. См. также: The East Church Complex. Monash University. <https://www.monash.edu/arts/philosophical-historical-international-studies/ancient-kellis/areas-investigated/area-a/the-east-church-complex> (дата обращения 31.03.2022).

⁶ Например, храм-мавритий Абу Мины в 65 км к западу от Александрии [McKenzie, 2007, p. 288–291]; церковь IV в. и возведенная над ней базилика V в. в Марее [Babraj, 2018, p. 208–212]; росписи первой фазы (V в.) Красного монастыря в Сохаге [Bolman, 2016, p. XXX, tabl. 1].

расписаны в виде цоколя, составленного из панелей-ортостатов из алебастрового оникса и агата, а верхняя часть стен и своды отведены под другие декоративные мотивы и под символические изображения (а гробнице Шенуте и фигуративные). Как символика, так и орнаменты верхней части христианского и птолемеевских памятников полностью различаются, однако общим остается мотив цоколя из алебаstra/агата и организационные принципы декора. Такой же цоколь предусмотрен на стенах предкамеры гробницы Шенуте, которая, с точки зрения архитектуры, напоминает «Капеллу Исхода», отличаясь от последней большей затесненностью и повышенным подкупольным пространством. Э. Болман обращает внимание на то, что в гробнице Шенуте для демонстрации высокого статуса усопшего использованы выразительные средства, характерные для имперского Рима [Bolman, 2016, p. 21]. На наш взгляд, в орнаментальном декоре памятника отсутствует римская атрибутика элитарности, в отличие от храма императорского культа в Луксоре. Связь с александрийской традицией орнаментального декора прослеживается намного яснее. Статус памятника подчеркивается с помощью имитации панелей-ортостатов из алебастрового оникса и агата, ведущей историю от раннептолемеевских памятников. Изображения орлов в характерных геральдических позах связаны с культом александрийской царской династии. Видимо, этот иконографический тип оказал влияние на римскую иконографию символа царской власти [Huzar, 1966, p. 340–341, fig. 4, 6]. Орлы в похожей трактовке встречаются в египетском погребальном искусстве на протяжении греко-римского и ранневизантийского периодов.

Кроме того, для гробницы Шенуте характерна довольно тщательная имитация пород камня. Хотя живопись далека от иллюзионистических эффектов египетских и римских памятников I–II вв. н. э., виды камня вполне узнаваемы. Однако в позднеантичный период живописные имитации каменной отделки становились все более условными. Если датируемые II в. н. э. росписи жилого дома в Исмант эль-Харабе (Келлис, Дахла), имитирующие *opus sectile*, имитируют даже извилистые контрастные ленты жеод агата [Норе, 2006, p. 325, pl. 6–7], то трактовка *opus sectile* в «Капелле Исхода» не позволяет распознать ни одной породы. В росписях упомянутых раннехристианских базилик IV–VI вв. примерно узнаваемы лишь самые выразительные с точки зрения текстуры породы — брекчия и мрамор *cipollino verde*. Повышенный интерес авторов росписи гробницы Шенуте к реалистичной трактовке каменной отделки может говорить о том, что в этой части программы они ориентировались на более ранние образцы.

Живопись «Капеллы Исхода», без сомнения, восходит к иным прототипам. Как и в гробнице Шенуте, в ней прослеживается стремление подчеркнуть статус усопшего, однако он транслируется через другие инструменты — использование имитации *opus sectile* и архитектурного декора.

В позднеантичных памятниках Египта мастера часто объединяли элементы разных вариантов орнаментального декора. Помимо трех упомянутых вариантов имитации каменной отделки, в Египте встречаются также сильно упрощенные производные второго, третьего и четвертого помпейского стиля. Александрийский стиль, то есть имитация ценных пород камня, иногда в сочетании с шахматным узором, воспроизводящим глазурованную плитку, подчеркивал высокий статус заказчика. Имитация *opus sectile* и/или римских мозаик появилась в Египте в конце I в. н. э. и получила широкое распространение как в культовой, так и в светской архитектуре. Памятники этого стиля варьируются от простых стандартизированных орнаментов до изощренных многокомпонентных композиций. Эмблемы панелей в храме императорского культа в Луксоре служат ярким примером этого стиля. Третий

имитационный вариант, по-видимому, пришел в Египет во второй половине IV в. из восточной части Римской империи, скорее всего, из Фессалоники, поддерживавших тесные связи с Александрией. Он представляет собой упорядоченное чередование панелей *opus sectile* и коринфских колон. На первый взгляд, последний вариант прослеживается до раннего республиканского Рима, однако в Египет пришла более поздняя традиция, сформировавшаяся в IV–V вв. Для нее характерны плоскостность и отсутствие иллюзионизма в передаче объемных деталей и трактовке текстуры камня. К. Фрагулис подчеркивает, что орнаментальный декор IV–VI вв. не является «ренессансом» первого помпейского стиля, а представляет собой результат художественной эволюции в рамках формирующейся ранневизантийской эстетики [Φραγούλης, 2015, σ. 144].

Орнаментальный декор «Капеллы Исхода» наиболее родствен декору греческих и восточноевропейских базилик V в. Вполне вероятно, александрийские храмы расписывались аналогичным образом, но, к сожалению, ни в самой Александрии, ни в ближайших к ней регионах не сохранилось ни одного раннехристианского храма. Особенность декоративной программы «Капеллы Исхода» — сложные многосоставные эмблемы на центральных панелях, напоминающие эмблемы храма императорского культа в Луксоре. Ничего нельзя сказать о том, включались ли сравнимые по сложности эмблемы программы александрийских христианских памятников. Фрагмент росписи в виде панели *opus sectile*, датируемый приблизительно концом V в., был обнаружен в некрополе города Антиноя (Средний Египет) [Pazi, 2008, p. 80–81, fig. 55]. Однако в целом декоративная программа «Капеллы Исхода» построена по тем же принципам, что и орнаментальный декор раннехристианских базилик.

При сопоставлении орнаментального декора «Капеллы Исхода» с многочисленными египетскими памятниками на передний план выступают два обстоятельства, требующие внимательного рассмотрения.

Учитывая определенное архитектурное сходство между погребальной архитектурой Туна эль-Гебель и Багавата, остается открытым вопрос возможного влияния декора гробниц Туна эль-Гебель на росписи мавзолеев Харги. В течение всего периода активного использования некрополя декоративная система гробниц в Туна эль-Гебель постепенно изменялась. К. Лембке подчеркивает, что популярный в ранний Римский период невысокий цоколь из ортостатов, имитирующих алебастровый оникс или зеленый и розовый порфир, со временем сменился имитацией высоких, в человеческий рост, ортостатов из оникса, порфира и мрамора [Lembke, 2010, p. 245–246]. Позднее эстетические предпочтения сместились в сторону универсальной римской декоративной системы, основанной на имитации *opus sectile* [Lembke, 2010, p. 246]. В некрополе сохранились также росписи, напрямую восходящие к первому помпейскому стилю⁷. Вместе с тем, в Туна эль-Гебель не встречаются имитации сложных эмблем, подобных тем, что украшают стены «Капеллы Исхода» и храма императорского культа в Луксоре. Кроме того, в Туна эль-Гебель отсутствуют примеры архитектурного декора с имитацией колонн, что закономерно, поскольку некрополь перестал функционировать в III в. н. э. [Lembke, 2014, p. 84], в то время как новый декоративный стиль сформировался лишь к концу IV в. Фактически нет оснований говорить о непосредственном влиянии погребальной живописи гробниц Туна эль-Гебель на иконографическую программу и стиль орнаментального декора «Капеллы

⁷ Например, гробница М 6: [Lembke, 2020, Abb. 8].

Исхода», хотя отдельные элементы, в силу универсальной популярности, встречаются и в Среднем Египте, и в Харге.

Во-вторых, декоративную программу капеллы нужно рассматривать в широком контексте позднеантичных египетских памятников, как культовых, так и светских. Ни один из таких памятников не предлагает близких аналогий. Орнаментальный декор в принципе нечасто встречается в погребальных и культовых сооружениях этого периода. В церквях и ораториях монастыря Келлия (Северный Египет), известного богатством росписей, датируемых VI–VIII вв., живопись IV–V вв. исчерпывается изображениями простых крестов [Bolman, 2007, p. 411]. Даже в гробницах с насыщенной фигуративной и/или символической программой интерес к орнаментальному декору незначителен. Орнаментальные мотивы практически отсутствуют в известном погребальном комплексе Оксиринха. Этот комплекс, перестроенный и приспособленный под поминальный храм, отличается насыщенной иконографической программой. Однако ни в его погребальной части [Subias, 2003, p. 16–29], датируемой ориентировочно V в. [Subias 2008, p. 114], ни в культовой [Subias, 2003, p. 30–34], датируемой концом V–VI вв. [Subias 2008, p. 114], орнаментальный декор не предусматривался. Сохранившиеся изображения архитектурных памятников представляют собой не имитацию архитектурного декора, а смысловой элемент программы [Subias, 2003, figs. 11–12]. В упомянутых раннехристианских церквях Исмант эль-Хараба (Дахла) орнаментальный декор предусмотрен лишь для небольших зон возле алтаря, а в церкви в Ахмейде/Тримитисе (Дахла), датируемой IV в. [Aravecchia, 2020, p. 449], декор был только на своде [Aravecchia, 2020, p. 455]. Большинство культовых сооружений Харги и мавзолеев Багавата не содержат орнаментального декора. Исключение составляет мотив виноградной лозы, который несет семантическую, смысловую нагрузку.

Тем не менее в раннехристианском мавзолее 25 сохранились росписи, имитирующие орнаментальные мотивы греко-римских напольных мозаик и датируемые примерно концом IV — началом V вв. [Cipriano, 2008, p. 102]. Роспись в северной камере представляет собой концентрически организованный орнамент из повторяющихся веерообразных деталей, поддерживаемый крыльями птиц, вписанных в паруса, а роспись апсиды — орнамент коврового типа из геометрических фигур с включениями в виде четырехлепестковых цветов. Декор апсиды близок к декору упомянутой церкви в Тримитисе [Aravecchia, 2020, figs. 10–12], в обоих памятниках отсутствует орнаментальный декор на стенах под расписанными сводами. Оба мотива из мавзолея 25 присутствуют в росписях дома Сереноса в оазисе Дахла, датируемом IV в. [McFadden, 2019, fig. 16.1, 16.5; Davoli, 2011, p. 84, fig. 16]. Впрочем, декоративные программы жилых домов римских поселений, даже при сходстве отдельных орнаментальных мотивов, в целом значительно отличаются от декора погребальных и культовых памятников. Несмотря на общую провинциальность, они тяготеют к декоративным традициям римской жилой архитектуры. В таких памятниках можно встретить реминисценции третьего и четвертого помпейских стилей, что абсолютно не характерно для современных им культовых и погребальных сооружений.

Таким образом, лишь в нескольких известных культовых и погребальных памятниках IV–V вв. был предусмотрен орнаментальный декор, имитирующий отделку из ценных пород камня или мозаику. Помимо «Капеллы Исхода», речь идет о церквях в Келлисе и Тримитисе в Дахле, мавзолее 25 в Багавате, гробнице в некрополе Антиной и гробнице Шенуте в Белом монастыре. Самым концом V в. датируется первая фаза росписей Красного монастыря, входившего вместе с Белым монастырем в конгломерат Шенуте [Bolman, 2016, p. 21]. По-

видимому, в Египте традиция комплексного орнаментального декора стен гробниц и храмов начала оформляться лишь к концу V в. Только два погребальных памятника — «Капелла Исхода» и гробница Шенуте — имеют целостную декоративную программу, заполняющую все живописные поверхности, за исключением занятых фигуративными изображениями. На фоне общего количества известных гробниц и культовых сооружений можно говорить о том, что развитая декоративная программа, основанная на имитации статусной отделки александрийских гробниц, скорее всего, свидетельствует о высоком статусе усопшего и большой значимости самого памятника.

В VI–VII вв. ситуация меняется коренным образом: в Египте появляется целый ряд памятников с богатой декоративной программой, построенной, в том числе, на имитации сложных мотивов *opus sectile* и мозаик, а также панелей из ценных пород камня и архитектурных элементов. Ярчайший пример — Красный монастырь, сохранность которого значительно лучше, чем у большинства современных ему памятников. Большая часть орнаментального декора Красного монастыря относится ко второй фазе росписей, датируемой первой четвертью VI в. [Bolman, 2016, p. XXX, tabl. 1]. Над гробницей Шенуте сохранились росписи стены апсиды поминальной часовни, датируемые тем же периодом. Орнаментальный декор состоял из панелей со сложными эмблемами, отчасти имитирующими мозаичные узоры, но в целом принадлежащими уже скорее к новой ранневизантийской декоративной системе⁸. Небольшой христианский храм в Абу Гиргисе в Марьуте (Северный Египет), состоящий из гипогея и наземного прямоугольного пространства, был оформлен, в том числе, декоративной программой, включавшей имитацию панелей со сложными многокомпонентными эмблемами [Breccia, 1913, p. 5; Pazi, 2008, fig. 76]. Храм ориентировочно датируется первой половиной VI в. [Pazi, 2008, p. 135]. Орнаментальный декор зала 6 монастыря Апа Аполло в Бавите (*цветная вклейка, фото 10*), осторожно датируемый концом V–VI вв. [Gabra, Eaton-Krauss, 2007, p. 88; Pazi, 2008, p. 171–173], состоял из чередующихся квадратных и прямоугольных панелей, имитирующих *opus sectile* [Maspéro, 1932, pl. XVIII, XV–XVIIIa–c; Gabra, Eaton-Krauss, 2007, cat.no. 58]. Декоративное решение эмблем квадратных панелей своей изобретательностью напоминает эмблемы из Красного монастыря и храма в Абу Гиргисе.

Как и в «Капелле Исхода», в упомянутых памятниках конца V–VI вв. имитация камня очень условна. Складывается впечатление, что связь с прототипом все больше утрачивалась, а на смену имитационному стилю пришла сложная, но абстрактная декоративная система.

Особенности орнаментального декора «Капеллы Исхода»

Имитация колонн с условно коринфскими капителями и витыми стволами составляет заметную часть декоративной программы «Капеллы Исхода» (*цветная вклейка, фото 11*), что особенно удивляет в контексте достаточно ранней датировки росписей. Э. Субиас в работе, посвященной росписям поминальной часовни в Оксирихе, датируемым V в., отмечает, что витые стволы колонн характерны для более позднего периода [Subias, 2003, p. 30; Subias, 2008, p. 114]. Действительно, в большинстве декоративных программ IV–VI вв., включающих имитацию колонн, изображены либо гладкие, либо каннелированные прямые колонны с коринфскими капителями. Это закономерно, поскольку в реальной архитектуре того времени преобладал именно такой тип колонн. Витые стволы практически не встречаются в

⁸Funerary Chapel. *Yale Egyptology*. <https://egyptology.yale.edu/current-expeditions/yale-monastic-archaeology-project-south-sohag/white-monastery/funerary-chapel> (дата обращения 31.03.2022).

монументальных сооружениях как основная форма (исключение составляет датируемая II в. н. э. колоннада в Апаме, Сирия [Henderson, 2018, p. 365]). Фрагменты находят, как правило, в единичных экземплярах, чаще всего в театрах, нимфеях, святилищах и некрополях. Влияние александрийской архитектуры вполне вероятно [Henderson 2018, p. 371–372], тем более, что значительная часть фрагментов витых колонн найдена в регионах традиционного присутствия александрийской культурной традиции — Ливии, Сирии, Малой Азии, на Кипре и греческих островах [Henderson, 2018, p. 372–373; Benson, 1959, p. 265–268]. Кроме того, александрийская архитектура в принципе тяготела к барочности [McKenzie, 2007, p. 92–94]. С конца II в. витые колонки вошли в репертуар азиатских саркофагов, фасад которых имитировал колоннады [Henderson, 2018, p. 375; Ögüş, 2014, p. 122; Weitzmann, 1980, p. 255–256, cat.no. 238], однако большинство саркофагов датируется III в. [Ögüş, 2014, p. 117]. Иногда витые стволы колонок встречаются в римских саркофагах III–IV вв. [Zanker, Ewald, 2012, p. 182, fig. 168; Kötzsche, 2004, S. 146, Abb. 116; Weitzmann, 1980, p. 427–428, cat.no. 386].

Трактовка колонн в орнаментальном декоре «Капеллы Исхода» предусматривает исключительно витые стволы. Как уже упоминалось, такой тип практически не встречается как основная форма в монументальных сооружениях IV–V вв. Соответственно, и в живописных имитациях их можно видеть достаточно редко. Производство азиатских саркофагов в IV в. тоже практически прекратилось [Ögüş, 2014, p. 118–119]. Фактически, в IV — первой половине V в., по-видимому, было немного визуальных образцов, на которые могли бы ориентироваться художники при работе над имитациями архитектурного декора. Хотя Дж. Бенсон отмечает рост популярности витых стволов в V–VI вв. [Benson, 1959, p. 258], однако до конца V в. случаи обращения к этой форме остаются очень редкими, как в архитектуре, так и в монументальной живописи.

В декоративной программе епископальной базилики Стоби (западная стена) наряду с изображениями прямых коринфских колонн сохранились фрагменты изображений нескольких витых стволов [Dimitrova, Blaževska, Tutkovski, 2012, p. 15; Tutkovski, 2018, fig. 8, 13]. Они принадлежали ко второй фазе росписей, датируемой второй половиной IV в., хотя, насколько можно судить по стилю, были созданы не ранее рубежа IV–V вв. На мозаиках купола Ротонды в Фессалонике можно видеть чередование колон с гладкими, прямыми канеллированными, инкрустированными и витыми стволами [Bakirtzis, 2012, pl. 68–70]. Датировка не вполне очевидна, однако исследователи склоняются к тому, что мозаики были созданы в V в. [Krautheimer, 1992, p. 82; McKenzie, 2007, p. 331], а данные радиоуглеродного датирования показывают, что они были выполнены не ранее второй половины V в. [Образцова, 2019, с. 221]. Таким образом, включение витых стволов в архитектурный декор мозаик Ротонды вряд ли стояло у истоков новой традиции. Дж. Маккензи рассматривает архитектурные композиции мозаик купола Ротонды в контексте влияния александрийской архитектуры [McKenzie, 2007, p. 331]. В самой Александрии обнаружено немного фрагментов витых колонн (в некрополе Ком эль-Шокафа и, по-видимому, в частной вилле в некрополе Ком эль-Дикка [Henderson, 2018, p. 406–407]), однако, учитывая историческую судьбу города и значительную площадь археологических зон, находящихся под поздней застройкой либо затопленных в результате изменения береговой линии, вполне возможно, что такие фрагменты еще будут обнаружены.

Если рассматривать форму витых стволов в более широком контексте, становится очевидно, что она, вероятно, была популярна в египетском декоративно-прикладном искусстве и малых архитектурных формах. В гробнице Исидоры, датируемой второй

четвертью II в. н. э. [Graindor, Waddell, 1932, p. 98; Venit, 2016, p. 92], две витые стукковые колонки на высоких базах фланкируют саркофаг-клине, установленный в аркосолии [Venit, 2016, fig. 3.3]. Декор знаменитых коптских тканей, включающий архитектурный стаффаж, также сохранил довольно ранние примеры колонн с витыми стволами. На датируемой второй половиной IV в. [Kötzsche, 2004, S. 99] расписной храмовой завесе из музея Абегт-Штифтунг сохранилось несколько изображений колонн с витыми стволами [Kötzsche, 2004, Taf. 1a–b]. Такие стволы можно встретить не только на тканях, но и на других памятниках египетского декоративно-прикладного искусства. Так, найденные в Саккаре декоративные панели «сундука невесты» (кость на дереве), датируемые IV в., декорированы изображениями женских фигур в нишах, фланкированных витыми колоннами [Weitzmann, 1980, p. 332, cat.no. 311]. Деревянный резной алтарь из церкви святых Сергия и Вакха в Старом Каире датируется V в. [Gabra, Eaton-Krauss, 2007, p. 195, fig. 125]. В VI в. витые колонны получают также широкое распространение в рельефах погребальных стел и александрийской малой пластики из слоновой кости (пиксиды), деревянной и каменной резьбе, украшающей внутреннее пространство храмов. Складывается впечатление, что популярность колонн с витыми стволами в декоративно-прикладном искусстве предшествовала их популярности в византийской архитектуре. Декоративно-прикладное искусство, возможно, черпало вдохновение в малых архитектурных формах III в., в частности, в декоре саркофагов.

Помимо витых стволов, колонн, интерес представляют также сдвоенные, квадратные в плане импостные опоры арок, расписанные имитацией ценных пород камня. Такая имитационная роспись колонн, опор и пилястров абсолютно типична для египетского архитектурного декора, начиная с раннептолемеевских монументальных гробниц. Однако для гробниц Багавата она не характерна, так же, как и вся декоративная программа «Капеллы Исхода». Эта деталь, так же, как и имитация отделки *opus sectile*, подчеркивает статус памятника, стремление мастера создать иллюзию здания, построенного из дорогих материалов.

Отдельные декоративные элементы в том или ином виде можно встретить в росписях нескольких мавзолеев некрополя, однако основная часть программы — имитация панелей *opus sectile* и каменных опор-ортостатов в сочетании с витыми колоннами — единственная в своем роде как в Багавате, так и во всем Верхнем Египте IV–V вв. Еще одна уникальная черта орнаментального декора «Капеллы Исхода» — ее бросающаяся в глаза полихромность, особенно заметная на западной стене. В росписи использованы голубовато-зеленый и винно-красный на юго-западных опорах, а также ярко-синий, голубой, красный, коричневый, желтый, охристый, зеленоватый, сиреневый и фиолетовый — на панелях-ортостатах, эмблемах, цоколе и архитраве. Такого богатства оттенков нет не только в мавзолеев Багавата, но и в датируемом V–VI вв. декоре Красного монастыря. При всей броской декоративности росписей монастыря цветовая гамма в нем более лаконична. Сравнимое с капеллой цветное многообразие присутствовало лишь в лускорском храме императорского культа (III в.) и римских виллах Дахлы, а позднее появилось в саккарском монастыре Апа Иеремия (VII в.) и среднеегипетском Апа Аполло в Бавите.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Таким образом, можно выделить следующие ключевые характеристики декоративной программы «Капеллы Исхода»:

- целостность;
- полихромность;

- обилие декоративных элементов;
- условность имитации пород камня;
- отсутствие иллюзии трехмерности;
- декоративная сложность эмблем;
- полное отсутствие гладких либо прямых канеллированных колонн.

Каждая из этих характеристик, даже взятая в отдельности, выделяет «Капеллу Исхода» из ряда предположительно современных ей египетских памятников, как погребальных, так и культовых. В комплексе же они свидетельствуют об уникальности мавзолея и позволяют выдвинуть ряд гипотез относительно датировки декоративной программы и социального статуса усопшего.

С точки зрения сочетания элементов декора (чередование панелей *opus sectile* с колоннами) программа «Капеллы Исхода» восходит к традиции росписи раннехристианских храмов, которая окончательно оформилась в Греции к концу IV в. Однако удаленность Харги от основных культурных центров подразумевает определенное отставание от новых трендов. Архаичная для своего времени иконография фигуративных сцен в куполе мавзолея подтверждает это предположение. Витые стволы колонн в орнаментальном декоре, напротив, как минимум на столетие опережают предлагаемые исследователями датировки росписей «Капеллы Исхода». Даже в декоре греческих и восточноевропейских базилик IV в. такие колонны встречаются крайне редко, и в V в. по-прежнему остаются нечастым элементом орнаментального декора. Не характерная для египетских христианских памятников IV–V вв. полихромность декора «Капеллы Исхода», условность трактовки пород камня и плоскостность живописи лишь усиливают сомнения в традиционной датировке росписей. Сложный дизайн эмблем также свидетельствует в пользу более позднего периода. Кроме того, бросающаяся в глаза разница между стилем и качеством исполнения фигуративной и декоративной программы говорит в пользу их разновременности. С точки зрения иконографии и стиля, VI в. выглядит наиболее вероятной датировкой орнаментального декора.

Семантика фигуративных сцен, их иконография и стиль вписываются в предлагаемые исследователями временные рамки (конец IV–V вв.), в отличие от орнаментального декора. Необычайная семантическая насыщенность и сложность фигуративной программы предполагает специфический социальный профиль усопшего (или усопших). Маловероятно, чтобы владелец гробницы был рядовым христианином, жившим в оазисе. Целостная, тщательно разработанная декоративная программа только усиливает это впечатление. Дополнение изначальной программы мавзолея росписями, имитирующими дорогостоящую отделку, говорит о желании подчеркнуть высокий статус памятника. Выбор в пользу орнаментального декора, типичного для раннехристианских храмов, заставляет задуматься о культовом характере мавзолея. Культовые сооружения (мартирии) часто возводились над местами захоронения святых мучеников. Хотя в данном случае невозможно однозначно говорить о судьбе владельца гробницы и его роли в раннехристианской истории, в какой-то момент мавзолей, по-видимому, стал местом поминального культа усопшего.

История Харги не противоречит такому предположению. В позднеантичную эпоху оазис стал популярным местом ссылки по религиозным и политическим мотивам. По свидетельству Афанасия Александрийского, в середине IV в., в период арианских гонений в Александрии, в Харгу были сосланы оппозиционно настроенные епископы и пресвитеры, простые верующие, а также группа девственников [Athanasius, 1935, p. 73]. В 431 г. в ссылку в

оазис был отправлен основоположник несторианской ереси архиепископ Константинопольский Несторий, где он и умер около 451 г. Харга — ближайший оазис к конгломерату монастырей Шенуте, самому влиятельному богословскому центру раннехристианского Египта. В монастырях Шенуте царил жесткая дисциплина, а в особых случаях согрешивших монахов изгоняли, в первую очередь за еретические взгляды. Однако ряд богословских воззрений, которые сам Шенуте считал ересью, были популярны в южном Египте [Boud'hors, 2008, p. 19; Kraviec, 2002, p. 74; Schroeder, 2007, p. 75]. Изгнанные монахи-богословы вполне могли после изгнания обосноваться в Харге.

Таким образом, в Харге IV–V вв. наверняка жили значимые для христианского южного Египта люди, удостоившиеся посмертного почитания. И кто-то из них, возможно, был погребен в «Капелле Исхода». В пользу этой гипотезы свидетельствует как сложная, насыщенная смыслами фигуративная программа, выполненная, по-видимому, в V в., так и целостный, качественный орнаментальный декор, значительно позже дополнивший фигуративную живопись.

Литература / References

- Образцова К. Оранты ротонды в Фессалонике: между идеальным и индивидуальным. *Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей*. Под ред. А. В. Захарова, С. В. Мальцева, Е. Ю. Станюкович-Денисова (ред.). Вып. 9. СПб., 2019. С. 220–232 [Obraztsova K. Orant figures in Thessalonika Rotonda: between the ideal and individual. Zakharova A., Maltseva S., Stanyukovich-Denisova (eds.). *Actual Problems of the Theory and History of Art*. Vol. 9. Saint Petersburg, 2019. Pp. 220–232. (in Russian)].
- Aravecchia N. Geometric Painting in Late-Antique Egypt: The Ceiling of a 4th-C. Church at Amheida (Dakhla Oasis). *Journal of Roman Archaeology*. 2020. 33. Pp. 449–466.
- Athanasius. Apologia de fuga sua, in Opitz H. G. (ed.). *Athanasius Werke*. II. Band, Erster Teil: *Die Apologien* (Lfg. 1–7). Berlin, Leipzig, 1935. S. 68–86.
- Babraj K. Wielka bazylika transeptowa w “Marei” w Egipcie z V w. i jej poprzednik nowo odkryty kościół IV w. w 2018 r. *Materiały archeologiczne*. 2018. 42. Pp. 203–224.
- Bakirtzis Ch. (ed.). *Mosaics of Thessaloniki, 4th–14th Centuries*. Athens, 2012.
- Barbet A., Monier F. La crypte funéraire de la basilique sous le lycée M. Eminescu à Constantza (Roumanie). Barbet A. (ed.). *La peinture funéraire antique. IV siècle av. J.-C – IV siècle apr. J.-C*. Paris, 2001.
- Benson J. L. Spirally Fluted Columns in Greece. *Hesperia*. 1959. 28.4. Pp. 253–272.
- Bolman E. S. Depicting the Kingdom of Heaven: Paintings and Monastic Practice in Early Byzantine Egypt. Bagnall R. S. (ed.). *Egypt in the Byzantine World, 300–700*. Cambridge, 2007. Pp. 408–436.
- Bolman E. S. (ed.). *The Red Monastery Church. Beauty and Asceticism in Upper Egypt*. New Haven, London, 2016.
- Bolman E. S., Davis S. J., Pyke G. Shenoute and a Recently Discovered Tomb Chapel at the White Monastery. *Journal of Early Christian Studies*. 2010. 18.3. Pp. 453–462.
- Boud'hors A. Some Aspects of Volume 8 of Shenoute's Canons. Gabra G., Takla H. N. (eds.). *Christianity and Monasticism in Upper Egypt*. Vol. I. *Akhmim and Sohag*. Cairo, 2008.
- Bowen G. E. The Small East Church at Ismant el-Kharab. Bowen G. E. Hope C. A. (eds.). *The Oasis Papers 3*. Oxford, 2003. Pp. 153–165.
- Bowen G. E. The Fourth-Century Churches at Ismant el-Kharab. Hope C. A., Bowen G. E. (eds.). *Dakhleh Oasis Project: Preliminary Reports on the 1994–1995 to 1998–1999 Field Season*. Oxford, 2002.
- Breccia E. Fouilles 1. Fouilles d'Abou Girgeh. *Rapport sur la marche du Service du Musée en 1912*. Alexandria, 1913. Pp. 3–14.
- Cipriano G. *El-Bagawat. Un cimitero paleocristiano nell'alto Egitto*. Todi, 2008.

- Daszewsky W. A. Art of Hellenistic Alexandria. True M., Hamma K. (ed.). *Alexandria and Alexandrianism: Papers Delivered at a Symposium Organized by the J. Paul Getty Museum and the Getty Center for the History of Art and the Humanities and Held at the Museum April 22–25, 1993*. Malibu, 1996.
- Davoli P. Reflections on Urbanism in Graeco-Roman Egypt: a Historical and Regional Perspective. Subias E. et al. *The Space of the City in Graeco-Roman Egypt. Image and Reality*. Tarragona, 2011. Pp. 69–92.
- Dimitrova E., Blaževska S., Tutkovski M. *Early Christian Wall Paintings from the Episcopal Basilica in Stobi. Exhibition Catalogue*. Stobi, 2012.
- Dunbabin K. M. D. *Mosaics of the Greek and Roman World*. Cambridge, 1999.
- Gabra G., Eaton-Krauss M. *The Treasures of Coptic Art in the Coptic Museum and Churches of Old Cairo*. Cairo, New York, 2007.
- Graindor P., Waddell W. G. Inscriptions de la nécropole de Touna el-Ghebel (Hermoupolis). *Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale*. 1932. 32. Pp. 97–119.
- Henderson G. J. Turn, Turn, Turn: The Construction of the Architectural Spiral Fluted Column in the Ancient Mediterranean World. *Technology and Culture*. 2018. 59.2. Pp. 363–409.
- Hope C. A., Whitehouse H. A painted residence at Ismant el-Kharab (Kellis) in the Dakhleh Oasis. *Journal of Roman Archaeology*. 2006. 19. Pp. 312–328.
- Huzar E. G. Egyptian Influences on Roman Coinage in the Third Century B. C. *The Classical Journal*. 1966. 61.8. Pp. 337–346.
- Hussein A. *Le sanctuaire rupestre de Pyris à Ayn al-Labakha*. Le Caire, 2000.
- Jones M., McFadden S. (eds.). *Art of Empire. The Roman Frescoes and Imperial Cult Chamber in Luxor Temple*. New Haven, London, 2015.
- Knudstad J. E., Frey R. A. Kellis: The Architectural Survey of the Romano-Byzantine Town of Ismant el-Kharab. Churcher C. S., Mills A. J. (eds.). *Reports from the Survey of the Dakhleh Oasis 1977–1987*. Oxford, 1999. Pp. 189–214.
- Kołątaj W., Majcherek G., Parandowska E. *Villa of the Birds: The Excavation and Preservation of the Kom al-Dikka Mosaics*. Cairo, 2007.
- Kötzsche L. *Der bemalte Behang in der Abegg-Stiftung in Riggisberg. Eine alttestamentliche Bildfolge des 4. Jahrhunderts*. Riggisberg, 2004.
- Krautheimer R. *Early Christian and Byzantine Architecture*. New Haven, London, 1992.
- Kraviec R. *Women of the White Monastery. Egyptian Monasticism in Late Antiquity*. Oxford, 2002.
- Kuvatova V. Comparative Analysis of Paintings. Kormysheva E. et al. *Abu Erteila. Excavations in Progress*. Moscow, 2019. Pp. 141–156.
- Lembke K. City of the Dead: The Necropolis of Tuna el-Gebel during the Roman Period. O'Connell E. R. (ed.). *Egypt in the First Millennium A.D. Perspectives from the Fieldwork*. Leuven, Paris, Walpole, 2014. Pp. 83–93.
- Lembke K. The Petosiris-Necropolis of Tuna El Gebel. Lembke K., Minas-Nerpel M., Pfeiffer S. (eds.). *Tradition and Transformation. Egypt under Roman Rule. Proceedings of the International Conference, Hildesheim, Roemer and Pelizaeus-Museum, 3–6 July 2008*. Leiden, Boston, 2010. Pp. 231–254.
- Lembke K. Neferu — aesthesis — pulchritudo. Zum Wandel des Schönheitsbegriffs im ptolemäisch-römischen Ägypten am Beispiel der Petosiris-Nekropole von Tuna el-Gebel. Flossmann-Schütze M. C., Hoffmann F., Schütze A. (Hrsg.). *Tuna el-Gebel — Eine ferne Welt. Tagungsband zur Konferenz der Graduate School "Distant Worlds" vom 16. bis 19.1.2014 in München*. (Tuna el-Gebel. Bd. 8). Vaterstetten, 2020. S. 131–144.
- Majcherek G. Archaeological Research Work. Kołątaj W., Majcherek G., Parandowska E. (eds.). *Villa of the Birds: The Excavation and Preservation of the Kom al-Dikka Mosaics*. Cairo, 2007.
- Maspéro J. *Fouilles exécutées à Baouit*. Le Caire, 1932.
- McFadden S. The House of Serenos and Wall Painting in the Western Oases. Bagnall R. S., Tallet G. (eds.). *The Great Oasis of Egypt, the Kharga and Dakhla Oases in Antiquity*. Cambridge, 2019. Pp. 281–296.
- McKenzie J. *The Architecture of Alexandria and Egypt. 300 BC — AD 700*. Yale, 2007.

- Ögüş E. Columnar Sarcophagi from Aphrodisias: Elite Emulation in the Greek East. *American Journal of Archaeology*. 2014. 118.1. Pp. 113–136.
- Pazi S. *La pittura Cristiana in Egitto dale origini alla conquista araba*. Ravenna, 2008.
- Petrova S. On Early Christianity and Early Christian Basilicas of Parthicopolis. *Studi sull'Oriente Cristiano*. 2012. 16.1. Pp. 93–139.
- Schroeder C. T. *Monastic Bodies. Discipline and Salvation in Shenoute of Atripe*. Philadelphia, 2007.
- Strocka V. M. Wandmalerei. *Jahreshefte des Österreichischen Archäologischen Institutes* 50. 1976. 1972/75. S. 469–494.
- Strocka V. M. Die Wandmalerei der Hanghäuser in Ephesos. *Forschungen in Ephesos*. 1977. 8.1. S. 469–494.
- Subias E. P. *La corona immarcescibile: pintures de l'antiguitat tardana de la necropolis alta d'Oxirinc (Minia, Egipte)*. Tarragona, 2003.
- Subias E. P. *La maison funéraire de la nécropole haute à Oxyrhynchos (el Minya, Égypte): du tombeau à la diaconie*. Barselona, 2008.
- Tutkovski M. Paintings in the Old Episcopal Basilica in Stobi — Analyses of the Technical-Technological Characteristics. Jakimovski A. (ed.). *Folia Archaeologica Balkanika*. 2018. 4. Pp. 377–404.
- Venit M. S. The Tomb from Tigran Pasha Street and the Iconography of Death in Roman Alexandria. *American Journal of Archaeology*. 1997. 101.4. Pp. 701–729.
- Venit M. S. *Visualizing the Afterlife in the Tombs of Graeco-Roman Egypt*. New York, 2016.
- Wagner G. Les inscriptions grecques d'Ain Labakha (steles-graffites-dipinti). *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 1996. 111. Pp. 97–114.
- Weitzmann K. (ed.). *Age of Spirituality*. New York, Princeton, 1980.
- Zanker P., Ewald B. C. *Living with the Myths. The Imagery of Roman Sarcophagi*. Oxford, 2012.
- Zimmermann N. Die Entwicklung der Wandmalerei in Kleinasien von der griechischen bis zur römischen Zeit am Beispiel von Ephesos. Dubois Y., Niffeler N. (eds.). *Pictores per provincias II — status quaestionis. Acts du 13e Colloque de l'Association Internationale pour la Peinture Murale Antique (AIPMA). Université de Lausanne, 12–16 septembre 2016*. Basel, 2018. Pp. 69–88.
- Μαρκή Ε. Η Νεκρόπολη της Θεσσαλονίκης στους υστερορωμαϊκούς και παλαιοχριστιανικούς χρόνους (μέσα του 3^{ου} έως μέσα του 8^{ου} αι. μ.Χ.). Υπουργείο πολιτισμού. Αθήνα, 2006 [Marki E. H. *The Necropolis of Thessaloniki of the Late Roman and Early Christian Period (mid-3rd – mid-8th c. AD*. Athens, 2006. (in Greek)].
- Φραγκούλης Κ. Η επισκοπική βασιλική της πρωτοβυζαντινής πόλης του Δίου. Θεσσαλονίκη, 2015 [Fragulis K. *The Episcopal Basilica of the Early Byzantine City of Dion*. Thessaloniki, 2015 (in Greek)].

Электронные ресурсы / Electronic sources

- Funerary Chapel. *Yale Egyptology*. <https://egyptology.yale.edu/current-expeditions/yale-monastic-archaeology-project-south-sohag/white-monastery/funerary-chapel> (дата обращения 31.03.2022).
- Pfund H. Existing Wall Painting and Their Condition. *Tuna el-Gebel — The City of the Dead*. URL: https://www.tuna-el-gebel.com/files/tuna/content/conservation/Existing%20wall%20paintings%20and%20their%20condition_Pfund.pdf. (дата обращения 31.03.2022).
- The East Church Complex. *Monash University*. <https://www.monash.edu/arts/philosophical-historical-international-studies/ancient-kellis/areas-investigated/area-a/the-east-church-complex> (дата обращения 31.03.2022).
- The Roman Necropolis of Hermupolis / Tuna el-Gebel. Final report on the field school 2015. Fig. 25. *Docplayer*. URL: <https://docplayer.net/56474709-The-roman-necropolis-of-hermupolis-tuna-el-gebel.html> (дата обращения 31.03.2022).

Фото 1. Восточная стена,
юго-восточная сторона

Фото 2. Угол северной (слева)
и восточной (справа) стены

Фото 3. Западная стена,
юго-западная сторона

Илл. к статье В. З. Кузатовой «Орнаментальный декор раннехристианского мавзолея «Капелла Исхода»: функции, коннотации, примерная датировка»

Илл. к статье В. З. Куватовой «Орнаментальный декор раннехристианского мавзолея “Капелла Исхода”»: функции, коннотации, примерная датировка»

Фото 4. Западная стена «Капеллы Исхода» (фото В. Мельника)

Фото 5. Северная стена «Капеллы Исхода» (фото В. Мельника)

Фото 6. Камера 1 гробницы I Анфуши,
Александрия, II в. до н.э. (фото В. З. Куватовой)

Фото 8. Фрагмент росписи храма культа императора,
Луксор, III в. н. э. (фото В. З. Куватовой)

Фото 7. Фрагмент росписи базилики Космы и Дамиана,
Фессалоника, VI в. н. э. (фото В. З. Куватовой)

Фото 9. Фрагмент росписи гробницы 53,
Фессалоника, 360–370 гг. н. э. (фото В. З. Куватовой)

Илл. к статье В. З. Куватовой «Орнаментальный декор раннехристианского мавзолея "Кашеда Исхода": функции, коннотации, примерная датировка»

Илл. к статье В. З. Куватовой «Орнаментальный декор раннехристианского мавзолея “Капелла Исхода”»: функции, коннотации, примерная датировка»

Фото 10. Фрагмент росписи зала б монастыря Апа Аполло в Бавите, VI в. н. э. (фото В. З. Куватовой)

Фото 11. Фрагмент декора «Капеллы Исхода». Имитации колонн с витыми стволами (фото В. З. Куватовой)

THE “FEEDBACK EFFECT” IN MODERN DOGON CULTURE (MALI)

© 2022

Bocary Guindo, Petr A. Kutsenkov*

The ‘Feedback effect’ is a phenomenon of a ‘feedback’, repeatedly described for discussing the oral tradition: Back in 1982, German ethnologist David Henige noted that researchers of African traditional cultures more and more often encounter the practice when they are recounted the results of the field materials of their predecessors. In all such cases, informants reproduce the works of anthropologists, but the authenticity of recorded traditions in general is beyond doubt. That is not the case with Dogon. The example of this people shows that the phenomenon of ‘feedback’ can not only complicate the work of anthropologists, but also contribute to the growth of ethnic and national identity. Myths borrowed from anthropological literature began to penetrate rural folklore with the development of tourism in the 1990s–2000s. But the purposeful imposition of a united mythology ‘according to Griaule’ began to play a very important role in the development of ethnic and national identity. The most important role belongs here to the festivals of Ogobagnia. Thus, using the example of the Dogon, one can see a kind of a ‘secondary’ mythology version based on the phenomenon of feedback. The imposition of this ideology is still opposed by local traditions and local folklore, which are very different from the “Dogon mirage” introduced by intellectuals, as well as local customs and rituals, sometimes having little in common with each other; so far, the linguistic and cultural diversity of the ethno-social organism of the Dogon has resisted the pressure of these myths, but perhaps the day is not far off when not only in the Sangha, but also in Semari and Tintan, visitors will be told about Nommo and Sirius names which do not exist (*sign tolo* or *pô tolo*), and the mythology of the Dogon will really turn into a harmonious, but artificial system.

Keywords: Mali, Dogon, Ogobagnia, secondary mythologization.

For citation: Guindo B., Kutsenkov P. A. The “Feedback Effect” in Modern Dogon Culture (Mali). *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2022. 1. Pp. 158–170. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-1-158-170

ЭФФЕКТ «ОБРАТНОЙ СВЯЗИ»

В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ ДОГОНОВ (МАЛИ)

Б. Гиндо, П. А. Куценков

Feedback — феномен «обратной связи», многократно описанный для устной традиции: еще в 1982 г. немецкий этнолог Д. Хэниге отметил, что исследователи африканских традиционных культур все чаще и чаще встречаются с практикой, когда им пересказывают результаты полевых материалов их предшественников. Во всех подобных случаях информанты воспроизводили труды антропологов, но аутентичность зафиксированных в них традиций в целом не вызывает сомнений. С догонами дело обстоит иначе. Пример этого народа показывает, что феномен *фидбэка* может не только осложнять

* Bocary GUINDO, Master of Sociology, Bamako, Endé, Mali; bocaryguindo@gmail.com

Бокари ГИНДО, магистр (социология), Бамако, Энде, Мали; bocaryguindo@gmail.com

Petr A. KUTSENKOV, PhD (History of Art), DSc (Culturology), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia; pkutsenkov@gmail.com

Петр А. КУЦЕНКОВ, кандидат искусствоведения, доктор культурологии, ведущий научный сотрудник Институт востоковедения РАН, Москва, Россия; pkutsenkov@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-4288-6167

работу антропологов, но и способствовать росту этнического и национального самосознания. Мифы, заимствованные из антропологической литературы, начали проникать в деревенский фольклор с развитием туризма в 1990-х — 2000-х гг. При этом целенаправленное насаждение единой мифологии «по Гриолю» начало играть очень важную роль в развитии этнического и национального самосознания. Важнейшая роль в этом процессе принадлежит фестивалям Огобанья. Таким образом, на примере догонов можно видеть своеобразный вариант формирования «вторичной» мифологии, основанной на феномене обратной связи. Насаждению этой идеологии пока что противостоят локальные предания и местный фольклор, сильно отличающиеся от внедряемого интеллектуалами «догонского миража», а также местные обычаи и ритуалы, подчас имеющие между собой мало общего. Лингвистическое и культурное разнообразие этно-социального организма догонов пока еще противостоит напору этих мифов, однако, возможно, недалек тот день, когда не только в Сангха, но и в Семари и Тинтан приезжим будут рассказывать о Номмо, Сириусе (*signi tolo* или *pô tolo*), а мифология догонов действительно превратится в стройную, но искусственную систему.

Ключевые слова: Мали, догоны, Огобанья, вторичная мифологизация.

Для цитирования: Гиндо Б., Куценков П. А. Эффект «обратной связи» в современной культуре догонов (Мали). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2022. № 1. С. 158–170. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-1-158-170

The phenomenon of ‘feedback’ is described several times for different oral traditions: “As early as 1982, the German ethnologist D. Henige noted that more and more researchers from traditional African cultures encounter the practice when they are told the results of the field materials of their predecessors. This is how the English ethnographer Gwilliam I. Jones described the origins of this phenomenon: “To the average Ibo villager, the anthropologist is someone who knows more about Ibo traditional culture than he does himself. Any monograph written by an anthropologist on a particular tribe and accessible to its literate members becomes a tribal Bible” [Henige, 1973; 1982, p. 395; Jones, 1974, p. 287]. D. Henige called this phenomenon “a feedback effect” that results in plunging traditional mythology with anthropological myths. Literate traditional leaders, often with a European education, did not lag behind their compatriots, drawing their knowledge from the publications and works of European specialists. The penetration of the written tradition (i.e., information from the mentioned above article of G. I. Jones [Jones, 1974] into the Yoruba oral tradition was noted by Ade Obayemi, who studied the records of local genealogies in 1970. Ethnography and written knowledge became a tool for the construction of cultural identities” [Пакин, 2018, с. 54, 55]. A similar phenomenon was observed in Baoulé oral tradition (Côte d’Ivoire) [Viti, 2009, p. 883–885]. However, the phenomenon of feedback in traditional African societies is not limited to oral tradition: for example, a case where a fanciful mixture of newspaper articles and rumors forms testimonies is described in the article by Luise White on the example of one exotic “vampire” trial in Kampala, Uganda [White, 2000].

HISTORIOGRAPHY

Thus, it is difficult to find even one ethnographer who has not encountered this phenomenon in their fieldwork. For example, Olga Yu. Zavyalova (Saint Petersburg University) repeatedly encountered feedback from oral tradition during her field research among the Mandinka in Guinea. Once at the end of the conversation an informant demonstrated the book that he had read. In March 2015 in Sévaré in Mali, the griot Madani Kouyaté told the author the story of Surakata, the ancestor of the caste of griots in Mandinka and Bambara, in perfect harmony with the version published at the time by David C. Conrad [Conrad, 1985, p. 39–40].

In all the listed cases and in many similar ones, the informants reproduced the work of anthropologists, but there is no doubt in the authenticity of the recorded traditions. In the case of Dogon, the situation differs.

The oral traditions of the Dogon Country located in Mali on the Dogon Plateau and the neighboring valleys began to be reported at the beginning of the last century [Desplagnes, 1907, p. 193, 376]. For the long time they had remained among peoples, whose tradition was fully integrated into the overall picture of the West African culture. But in 1948, due to the publication of Marcel Griaule's book "Dieu d'eau" [Griaule, 1948; 1975] everything changed: it suddenly turned out that Dogon possessed a particular esoteric knowledge, having no analogy in Africa. Two years after "Dieu d'eau" Marcel Griaule and Germaine Dieterlen published the article named "Un système soudanais de Sirius" ("Sudanese System of Sirius") [Griaule, Dieterlen, 1950], claiming that the Dogon possessed astronomical knowledge that only became the property of science in modern times.

Criticism of Griaule's book appeared as early as the 1960s. Almost the first of those was written by Berta I. Sarevskaja (in Russian [Шаповская, 1962]; in French [Sarevskaja, 1964]). In the late 1970s, it was found that there was too much dubious information in the publications of the Griaule school. In 1990–2010 appeared several publications, summarizing the massive fact-checking statements made by M. Griaule and the representatives of his school (see, for example, [Beek, 1991; 2004; 2007; Blom, 2011; Ciarcia, 2001a; 2001b; Clark-Taoua, 2002; Doquet, 2003; Jolly¹, 2018; Schijns, 2009]). Dutch anthropologist Walter van Beek was a pioneer in this field; in 1991 he published the article entitled "Dogon Restudied: A Field Evaluation of the Work of Marcel Griaule" [Beek, 1991]. It turned out, for example, that in the Sangha village, where M. Griaule and G. Dieterlen conducted their research, no one, with the exception of Griaule's and Dieterlen's informants, knew the words '*sign tolo*' or '*pô tolo*' (Toro-so Dogon language), which, as Griaule argued, indicate Sirius [Beek, 1991, p. 149]. There is a suspicion that even drawings in Griaule's books "Jeux Dogons" [Griaule, 1938a] and "Masques Dogons" [Griaule, 1938b] and photos in "L'Afrique fantôme" of Michel Leiris [Leiris, 1981] are not a credible source: "Or rather that what we call a document can be – indeed must be – threatened through with enculturation, with subjectivity, with desire: 'au gré presque de [la] fantasie'"² [Walker, 1997, p. 651].

In this context, we are more interested in the Dogon cosmology recorded by M. Griaule. It is worth mentioning that van Beek, among others, noted the phenomenon: his informants did not agree with each other about the star designated as *sign tolo*: some spoke about the invisible star whose sunrise means the beginning of the *Signi* (*Signi*) festival; others pointed to Venus. At the same time, everyone agreed on what they learned from this star of Griaule. In response to the publication of this information, Griaule's daughter Geneviève Calame-Griaule, made a rebuttal of the data received by W. van Beek (and many other researchers), claiming that the Dutch anthropologist did not take all the necessary actions to obtain knowledge (in reference to Griaule's 'clear speech' (*la parole claire*), and his informants, perhaps, decided that he was secretly sent by the Malian government to test "Dogon Muslim orthodoxy" [Calame-Griaule, 1991]. We know that in the Republic of Mali no one is concerned by someone's "Muslim orthodoxy" (unfortunately, except the jihadists in recent times). It may also be interesting for the reader to learn that Griaule spent in the Dogon country no more

¹ Jolly É. Les premières collectes d'objets Dogon par les missions ethnographiques. Menil, 2018. URL: <https://www.menil.org/read/online-features/recollecting-dogon/collecting-and-recollecting/ethnographic-expeditions-eric-jolly?locale=fr> (accessed 09.07.2018).

² "Almost like a fantasy".

than six months [Ciarcia, 2001a, p. 220], while van Beek worked there for several decades, starting in 1979. As a result, at the time of the publication of his article in 1991, he visited the Dogon Plateaus for twelve consecutive years almost every year.

It is worth mentioning that in the early 21st century there were attempts to reconcile Griaule's critique with the basic postulates of the school (that is, in other words, the fact that esoteric myths "by Griaule" are ignored by Dogon themselves): "Following Griaule, we can acknowledge the significance of what he called '*la parole claire*'—the deepest level of secret knowledge — as an important domain of social knowledge and power, but contra Griaule, we maintain that its content is fluid rather than fixed. As we shall see, this perspective vitiates van Beek's 'discovery' that the Dogon today do not recognize the secret myths and cosmogony documented in Griaule's later work, we need not presume that deep knowledge possessed a fixed content in the first place. If Dogon esoterica is like Yoruba deep knowledge, it is context-specific, not stable and timeless". [Apter, 2005, p. 96]. By the way, a case of this instability was recorded by the author during the Dogon Ogobagnia culture festivals which, since 2016, have been held in Bamako at the end of January. Their obligatory part is the arrival of the masks (heavily abbreviated Dama ceremony (*color plates, photos 1–2*))³. Every year, not only the quantity of the masks changes somewhat, but also their interpretation. During the ceremony, the speaker talks about the meaning of the masks: in 2016, Walu mask was said to represent an antelope, and the following year that it was a wild buffalo. But both times, the mask was called a "police mask", which monitors the order (during real ceremonies, not festivals, it is forced to expel women and children who cannot see masks). However, in this case, the problem is not only in the instability of the stories: neither in the Sangha region villages explored by van Beek, nor in the villages Endé and Begnematou of the South or Tintan and Semari of the North of Plateau explored by Malian Expedition of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Science, anyone could remember anything associated with Sirius satellites; In the Tengu-Kan language, spoken in Endé village, there are also no words for any celestial bodies, except for Sun, Moon and any "star" at all (*Nungu; Ó; toro*)⁴.

³ From the first Festivals, only the masks of the village of Sangha participate in this action. Nowadays, Sangha is a small town that has long since become a tourist center, and local Mask Society, in fact, has become a professional stage team.

⁴ It should be noted that the first and perhaps only reliable information about Dogon cosmology is contained in the already mentioned book by Louis Desplagnes [Desplagnes, 1907, p. 375–376]: "Indeed among the Habbes, there are notions of space, a system of celestial organization, a knowledge of the march of certain celestial bodies and a division of time; but these ideas seem to us mixed and variable according to the individuals and above all very imprecise. They are, moreover, very imperfectly transmitted to us by incompetent interpreters", and further: "Here are several vague notions that I was allowed to collect during my stay in the tribes of the Nigerien plateau. The world, according to an old man from Bankassi, consisted of seven celestial regions and seven terrestrial regions carried on the back of an ox. Among the few known constellations that populate the heavens and are used for the predictions of Hogons, there is a group of bright stars named 'atalfa' (they are, I believe, the Pleiades. — P. K.) on the river and 'Tulei diangon' in the mountain, whose appearance is awaited by everyone with great anxiety. For when these luminous stars arise towards the East during the moon of 'Gonra-Keou' (month of July) one can prepare for the festival of sowing, wintering always following the ascension of This constellation in the sky.

The North Star is also known to many old men who call it 'dénia siggi' or 'siggihire' or even 'gangiii'. It is, they say, the column that supports the roof of the universe by tilting slightly every thirty years; also, when this column collapses it will be the end of the world.

According to the same old people, solar eclipses happen when the sun meets the moon on its way and grabs it. This is a great happiness, because people participate in the union of male and female deities that generate the forces of the universe. On the river, on the contrary, the population is sure that eclipses are due to an animal — a cat, trying to devour the celestial body".

Part of this — in words of B. I. Sharevskaya — “Dogon mirage” is visual art. Like all the traditional arts of the peoples of sub-Saharan Africa, it continues to be seen as the expression of religious views and myths (although no one has yet managed to prove the connection between the angular or rounded shape of sculpture and the religious views of an artist). Dogon art is still seen as a typical model of a monolithic ethnic style that evolves from relative naturalism to abstraction: “... the diachronic evolution that takes place over time is characterized by very defined quantitative changes (folding of the form, particular erosion, exposure of the morphological structure, increase in abstraction). Models of diachronic evolution have a universal character and are correlated with the common substratum elements of each individual artistic tradition” [Мириманов, 1986, с. 187]. But stylistically Dogon art is very diverse: even in a village, the styles of different neighborhoods and individual masters differ substantially. The fact that the “universally accepted style” still exists in the public image and that sculpture of this people continue to be considered a model of such a style can be explained by several reasons.

First, Dogon masks really possess stylistic unity, but they are common only in the villages on the Cliffs and in the neighboring villages on the highlands and in the Seno Valley. In the north of Dogon country, the masks are unknown (see [Тембине, 1984]).

Secondly, the metal sculpture (wrought iron and cast bronze or brass) associated with the blacksmith caste also has clearly visible similarity, mainly due to the almost identical forging and casting techniques in the lost wax model technique. The fact is that blacksmiths are a special caste; they cannot be members of village communities and do not have plots of land, living only from their trade. They move freely from village to village throughout Dogon Country, if there is a shortage or, on the contrary, an overabundance of craftsmen. As a result, local competences are sometimes transferred over long distances and have notable similarities in cultural and historical areas (Kambari, Wakara, Bondum, etc.). Thus, the Seyba blacksmith family emigrated to Endé from the village of Songo, located about 12–15 km north of Bandiagara 130–150 years ago. Despite this, local schools (such as Tintan, Songo, Endé and Yajanga) are well recognized in the art of blacksmiths (*fig. 1*). The individual styles of individual masters, even within the same family, are also well recognized. Some kinds of decorative and applied art also belong to forging products, especially door locks.

Thirdly, in Dogon sculpture there are several patterns of composition present in the art of all cultural and historical regions without exception. These are ‘Nommo’ — images of people with raised hands and paired images of ancestors (including ones on door locks).

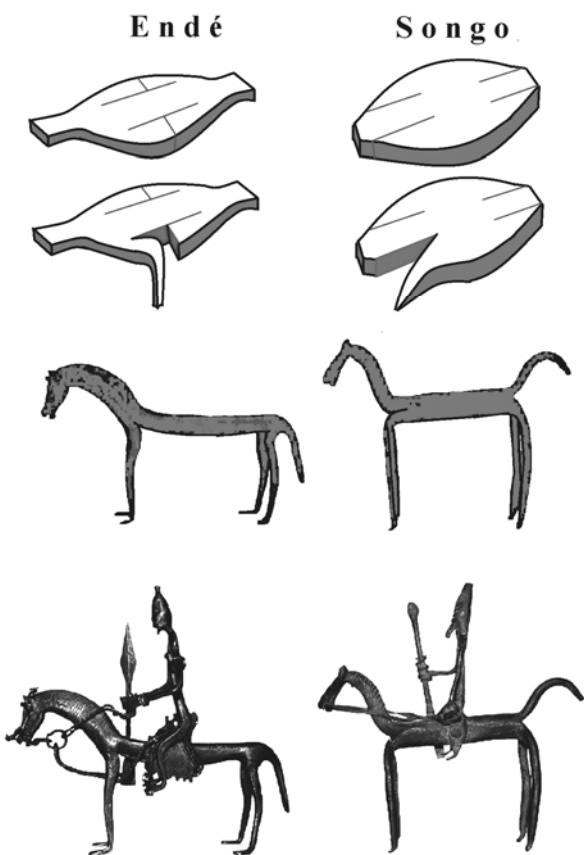

Fig. 1. Forging technique of the villages of Endé and Songo (drawn by P. A. Kutsenkov)

However, the proportion system, style methods (rounded or rectangular shapes, interpretation of faces, etc.) vary greatly from one village to another and even in different neighborhoods of the same village. If we go beyond the fine arts and turn to architecture, we will easily discover at least two types of structures that serve as the ‘markers’ of ethnicity and are well recognized in all cultural and historical regions of Dogon country. These are the Toguna (*color plates, photo 3*), the lookouts on the low pillars, and the Ginna with their characteristic pilasters and niches, arranged differently in different villages.

Fourth, the image of Dogon art in Europe was formed under the influence of the early artistic avant-garde: even at the first collections is clearly visible priority given to ritual or decorative objects and their aesthetics, just before the craze for “*l’art nègre*” or in its extension⁵. Thus, the canonical image of Dogon art developed under the influence of the early European avant-garde: “Connection between the development of ethnography and the Surrealism movement, as well as the ties between some of the ethnographers involved with the French missions of 1930s and Parisian avant-garde circles, quickly made Dogon art part of the visual vocabulary of European artistic modernity” [Biro, Thiaw, 2020, p. 211]. To this, we can add only one remark: unfortunately for ethnology, Griaule possessed a remarkable literary gift, which forces modern researchers to turn to his writings again and again.

‘FEEDBACK’: NEO-TRADITIONALISM AND ‘SECONDARY MYTHOLOGIZATIONS’

From 1961, new Dogon generations began to receive higher and university education more often; and now, despite their relatively small number, they play a very important role in the economy, politics and culture of the Republic of Mali. Before the military coup of 18–19 August 2020, the Dogon had never been less than 12 % in the Malian government, while their share in the Malian population was no more than 8 %. The ideology of these people became neo-traditionalist:

“It is, on the other hand, more surprising to see this desire for ‘traditionalization’ of modern elites, far from the Dogon country, in the capital, where Dogon officials and businessmen are engaged in strategies of ‘neo-traditionalist’ legitimization of their political or economic practices. The evidence of this phenomenon is recent creation of ‘Malian Association for the Protection and Promotion of Dogon Culture’ Ginna Dogon. The neo-traditionalism that animates it is a phenomenon, both urban and recent, which differs from traditionalism by the fact that its promoters do not adhere to tradition: the founders of the association are all scholars, whose families are Muslim or Christian, often for several generations, who belong to the urban socio-cultural spaces of the capital and who exercise, or have exercised economic, political or administrative functions at the national level”⁶.

The Ginna Dogon Association is the initiator and organizer of the Dogon Ogobagnia culture festivals, which have been held every late January in the Malian capital since 2016. On the one hand, there is no doubt about their positive role: the festivals contribute greatly to the rise of both ethnic self-awareness, and Malian patriotism, not only among the Dogon, but also among all their partners by joking kinship; there is no doubt that one of the objectives of these festivals, to

⁵ Jolly É. Les premières collectes d’objets Dogon par les missions ethnographiques. *Menil*. 2018. URL: <https://www.menil.org/read/online-features/recollecting-dogon/collecting-and-recollecting/ethnographic-expeditions-eric-jolly?locale=fr> (accessed 09.07.2018).

⁶ Bouju J. Tradition et identité. *Enquête* [En ligne], 2, 1995, mis en ligne le 10 juillet 2013, consulté le 18 avril 2019. URL: <http://journals.openedition.org/enquete/313> P. 108. (accessed 07.10.2020).

attract tourists to the Dogon country (which is extremely important economically), would have been solved if there had not been a constant deterioration of the military situation in the country⁷.

But there is also the other side of the coin: “One of association’s major cultural objectives is to work on the manufacture of a conforming version of the ‘Dogon tradition’. After considering all that we know, it is impossible to imagine that there could exist ‘a Dogon tradition’, valid for all Dogon fractions, which would be able to affirm something more than the myth of common origin: the original emigration of the Mande⁸. In this context, the following question would be relevant: ‘What traditions are we trying to transmit? Those shaped by the writings of Griaule in *Dieu d’eau* and that tourist guides learned by heart to recite them to tourists caught under the spell of this ‘ancestral culture’ or those carried by the traditional activities that structured the spatial and economic organization of the many villages”⁹?

Given these observations, it is quite appropriate to mention a study by Mamadou Ballo. At the height of the tourist boom at the end of the first decade of the 21st century, he conducted sociological surveys among the Dogon. Their findings unequivocally suggest that the Dogon were seriously concerned about the interaction between tourism and cultural heritage. First of all, these are those villages; still quite numerous, where traditional beliefs and rituals govern daily life and have a sacred character. It proves that this is people’s biggest concern: the majority of those interviewed by Ballo expressed dissatisfaction with the lack of professionalism among those employed in the touristic sector (indicated by more than 50 % of respondents). These are non-professional guides who do not have the appropriate qualifications, but who are led to talk about things of which they have no idea and thus discredit traditional culture¹⁰. This applies precisely to the layer of mythology “by Griaule” which is unknown outside the agglomeration of Sangha.

Thus, the answer to Sidy Lamine Bagayoko’s and Nadine Wanono’s question must be in the affirmative; moreover, the Ogobagnia originally were the festivals of the village of Sangha, where Griaule worked, becoming the Mecca of French ethnology, as well as the tourist center of the Dogon country. But it is impossible to dispute that the promotion of Sangha in the media and in Ogobagnia festivals is of great economic importance for the rural commune of Sanghaï and for the entire Malian touristic industry, now practically destroyed by the war¹¹.

In the Dogon oral tradition, there is another episode that could be related to the phenomenon of ‘feedback’: the affirmation of an exodus from Egypt. Thus, in one of the versions of the legend about how Dogon and Bozo became brothers, it was mentioned that, before leaving

⁷ In this respect is characteristic the strong statement of the Ms. President from Ginna Dogon Mamadou Togo: “Westerners want to divide Mali as they did with Sudan”. See: Togo M. Mamadou Togo, Président de l’Association Ginna Dogon: “Les Occidentaux veulent diviser le Mali comme ils l’ont fait avec le Soudan”. *Farafinet*. 10.04.2019. URL: <http://www.farafinet.com/2019/04/10/mamadou-togo-president-de-lassociation-ginna-dogon-les-occidentaux-veulent-diviser-le-mali-comme-ils-lont-fait-avec-le-soudan/> (accessed 07.11.2020).

⁸ See: Bouju J. Tradition et identité. *Enquête* [En ligne], 2, 1995, mis en ligne le 10 juillet 2013, consulté le 18 avril 2019. P. 108. URL: <http://journals.openedition.org/enquete/313> (accessed 07.10.2020).

⁹ Bagayoko S. L., Wanono N. Le festival Ogobagna. *Journal des anthropologues* [En ligne]. 150–151 | 2017, mis en ligne le 15 novembre 2019, consulté le 08 février 2018. P. 247. URL: <http://journals.openedition.org/jda/6827> (accessed 06.11.2020).

¹⁰ Ballo M. *Cultural impacts of tourism: The case of the “Dogon Country” in Mali*. Thesis. Rochester Institute of Technology. 2010. URL: <http://scholarworks.rit.edu/theses> (accessed 19.04.2017).

¹¹ The personal role of the mayor of the rural commune of Sanghaï, Ali Inogo Dolo, is very important.

for the east next to modern Mopti, the three brothers, Keïta, Bozo and Dogon, left Egypt and settled in Koumbi-Salé, then moved to Mandé Country¹².

It is also very likely that the ideas of Cheikh Anta Diop (and perhaps Léopold Sédar Senghor) played an important role in this whole story. In France, a circle of African intellectuals formed around him. In 1959–60, Dogon Aldiuma Togo, Senator of Sudan and member of the Commission for Higher Education and Cultural Relations, was also in Paris (Léopold Sédar Senghor was also a member of the National Assembly). Any one Dogon, regardless of his social situation, never loses contact with his ancestral village. It is likely that Aldiuma Togo was able to tell the writings of Sheikh A. Diop to his compatriots... It is quite possible that the 'Egyptian' episode could have entered the Dogon oral historical traditions, although in a somewhat modified form: the role of high-culture source in this version was not played by the Egyptians, but by the Dogon themselves (see: [Куценков, Лаврентьева, Чегодаев, 2019, с. 226–334]).

The phenomenon of feedback in Dogon visual arts, in general, differs little from the same phenomenon in the oral tradition: like the canonical myths 'by Griaule', there is also a corpus of monuments that are 'business card' of their culture. As already mentioned, it was formed mainly from these artifacts brought to Europe by early explorers in the 1900s–1930s. Lieutenant Louis Desplagnes, who studied it in February–June 1905, brought about fifty objects to France, and handed them over to the Trocadero Museum of Ethnography (this collection later became the basis of the Dogon collection of the Musée de l'Homme and then of Musée du Quai Branly). The eminent German anthropologist Leo Frobenius visited the south of the Dogon Country in September 1908. He brought a dozen artifacts, including ogobagnia (ɔgɔbɔɔɔ – 'chief's cup'), the hare mask, a lock and the barn door etc. Henri Labouret, former colonial administrator and ethnologist by his occupations, traveled through the Dogon Country during the winter of 1929–1930. His collection of Dogon artifacts included a hundred objects. These were mainly wooden masks, but also a dozen locks, doors and statuettes. This collection was also donated to the Trocadero Museum. Finally, in 1931, 1935 and 1938 three expeditions to the Dogon country were undertaken by Marcel Griaule, who spent a total of about six months there [Ciarci (1), 2001, p. 220]; Denise Paulme and Deborah Lifchitz were there in 1935; Solange de Ganay and Germain Dieterlen in 1937¹³.

Since the beginning of economic policy liberalization in 1991, tourists have flocked to Mali and the number of Dogon artwork in European and American collections has increased considerably. According to Ballot's research, after the beginning of the touristic boom, the Dogon had to face a difficult task: it was necessary to maintain a delicate balance between the need to develop tourism, which the vital economic modernization for the entire Republic of Mali depended on, and the maintenance of their traditional culture's integrity. Of course, even before 1991 craftsmen produced sculptures and masks 'for the tourists', but since the early 90s their production took on a massive scale. Those artifacts reproduced the *par excellence* 'classic' models, largely facilitated by international institutions and the Malian authorities. Thus, in 1993, UNESCO and the Malian government created a cultural mission in Bandiagara: "Often mission officials take with them, during their field trips, publications where the inhabitants can physically recognize the culture to which they belong: familiar faces, traditional objects, buildings. Cultural promoters consider this

¹² *La parenté à plaisanterie entre Dogon et Bozo*. URL: <http://youssoufoye.unblog.fr/2008/11/23/la-parente-a-plaisanterie-entre-dogon-et-bozo/> (accessed 24.12.2019).

¹³ Jolly É. Les premières collectes d'objets Dogon par les missions ethnographiques. *Menil*. 2018. URL: <https://www.menil.org/read/online-features/recollecting-dogon/collecting-and-recollecting/ethnographic-expeditions-eric-jolly?locale=fr> (accessed 09.07.2018).

Fig. 2. Female figure with a child behind her back. Sangha Agglomeration, Republic of Mali. Not earlier than 2015. Private collection, Moscow. The figurine was purchased in Ende village in January 2019 from the merchant Amadomo Say from the village of Tireli (photo of E. I. Zhelton)

approach fundamental, to the point of venturing on foot or by motorcycle on difficult courses, with large volumes such as “Statuaire dogon” by Hélène Leloup¹⁴. The book and its images are considered emblems sanctioning status, and therefore imply the assumption of certain responsibilities by those represented in it” [Ciarcia, 2001b, p. 114]. This is the way the Dogon were encouraged to artificially reproduce their lost practices. According to Anne Gaugue, ‘ethnographic discourse’ was used for ‘the tourist purposes’¹⁵.

The art of remembrance has existed in Africa since the 29th century, but “...it should not be forgotten that the boundaries between this product, as a rule, frankly commercial, on the one hand, and other phenomena of modern African art — on the other, are quite uncertain” [Григорович, 2014, с. 34]. This remark applies fully to modern Dogon art; in words of N. E. Grigorovich, one can only add that the criterion of ‘authenticity’ in the case of traditional art can be the demand among the bearers of traditional culture themselves. It should be noted that, despite the use of ethnographic discourse for tourist purposes, carved locks and doors continue to exist in Dogon villages; many of the “fetishes” acquired by the Malian expedition of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Science, have been manufactured almost today. Thus, the widespread idea that all modern Dogon art is made for tourists is greatly exaggerated, to say the least. However, during the expedition we recorded some examples of reproduction of already lost practices: thus, State Museum of Oriental Art (Moscow) possesses an image of the rider by Ansama Seyba, the blacksmith of Endé (*color plates, photo 4*), for the first time published in [Ванюкова, Куценков, 2019, с. 46]). He produces the sculpture from the photos presented by a Dogon collector named Amagha Dougnion. The sculpture exists in a single copy: According to Ansama’s testimony, Amagha had taken his word that he will never reproduce it in future. Subsequently, the uncle of one of the authors of this article, Seydou (Justine) Guindo, saw this sculpture and bought it, admiring its artistic quality. This sculpture is a “variation on the theme” of the famous Tellem or Dogon sculpture from the collection of the Musée du Quai Branly.

The same variation on the theme is the sculpture in the style of the ‘master of Ogol’ (*fig. 2*, first published in [Ванюкова, Куценков, 2019, p. 43]), of one or more sculptors of the Sangha region, including the works of the 18th–19th centuries, with a light hand collector of the first half of the 20th century, are now

¹⁴ See: [Leloup, Rubin, Serra, Baselitz, 1994].

¹⁵ Gaugue A. Du savoir ethnologique au produit touristique. *Géographie et cultures* [En ligne], 70, 2009, mis en ligne le 14 mai 2013, consulté le 22 avril 2016. P. 7. URL: <http://gc.revues.org/2333> (accessed 21.04.2017).

considered classics of Dogon art. Compared to the authentic works of the ‘master of Ogol’, his style is too deliberate and emphatically decorative.

CONCLUSION: THE NATURE OF CULTURE AND THE IDEOLOGY OF ETHNIC CONSOLIDATION

In the 2010s, the sharp increase in the number of contacts with the outside world, the increase in literacy, as well as the availability of cellular communications and mobile Internet led to the beginning of the transformation of the very essence of Dogon culture. From oral, it gradually turns into a written culture: people started writing legends about the history of the foundation of their villages and neighborhoods, as well as to make written descriptions of their villages. The Malian expedition of the Institute of Oriental Studies (Russian Academy of Sciences) collected these documents; In part they are already published (see [Описание деревни Семари, 2016; Kutsenkov, 2019]). They are also published on the Internet¹⁶. The recipes of traditional medicine also started to be recorded (this was mentioned during a conference at the Ogobagnia Festival on January 27 and 28, 2018).

As for the stories about the foundation of the villages, there are still variable narratives typical for oral literature. Thus in 1905, Desplagnes recorded one of the accounts of the settlement of Endé, which we could not find in the village, and those that have been recorded recently already had slight differences between them. However, it is very likely that one day when one of these stories will become ‘canonical’, and each neighborhood of the village will have only one historical legend. We also think that the legends about the foundation of the villages will sooner or later be aligned with the only myth about the origin common to all Dogon groups (about the exodus from Mande country). Now, this information is not always available in local historical traditions — for example, it is not present in the legend of the foundation of the Ogodengou and Endé-Toro neighborhoods of the village Endé [Kutsenkov, 2019]¹⁷.

The ethno-social organism of the Dogon is divided into several ethnographic, linguistic and socio-professional groups (castes). But long before the era of information technology’s rapid development they were united by an ethnic territory (Dogon Country) and a powerful awareness of their unity. This consciousness is supported by certain elements of material culture and art, but by only one common myth (the exodus from Mande Country). The growth of literacy, the development of cellular communications and mobile Internet not only led to an increase in the frequency and intensity of contact with the outside world, but also to a strengthening of ties between certain Dogon groups, including those who previously could not acknowledge the existence of each other. There is no doubt that all this has greatly contributed to further increasing of ethnic self-awareness. Myths borrowed from anthropological literature began to infiltrate rural folklore with the development of tourism in the 1990s and 2000s. The targeted planting of a single mythology

¹⁶ *La parenté à plaisanterie entre Dogon et Bozo*. URL: <http://youssoufoye.unblog.fr/2008/11/23/la-parente-a-plaisanterie-entre-dogon-et-bozo/> (accessed 24.12.2019); *L’Histoire de Endé*. http://ende-dogon-mali.over-blog.com/pages/LHistoire_de_Endé-2499366.html (accessed 24.12.2019).

¹⁷ The Guindo-Ouandia traveling the country Telle found in the village of Engem, abandoned by the defeated primitives, only an old man, high priest, guardian of the Bouna, protector of the country, and his family. Having seized the divine talismans and, now certain of the heavenly protection, he married the daughter of the old man Telle; then, with his family, he repopulated the old Engem. Since that time, a Hogon chief, representing the Guindo families and a Laggam chief, representing the Telle, shared power in the canton of Engem [Desplagnes, 1907, p. 193].

‘according to Griaule’ should probably be considered as a part of the same trend. The most important role in this process belongs to the Ogobagnia festivals.

Thus, on the example of the Dogon, we can see a particular variant of the formation of a ‘secondary’ mythology based on the phenomenon of ‘feedback’. The planting of this ideology is opposed to local traditions and folklore that are very different from the ‘Mirage Dogon’ of intellectuals. Linguistic, cultural, ethnic and social diversity still resist these myths, but the day is near when, not only in Sangha, but also in Tintan, guides will talk to tourists about Nommo, *sign tolo* and *pô tolo*, and Dogon mythology will indeed be a coherent though artificial system.

References / Литература

- Ванюкова Д. В., Куценков П. А. *Пленники Сириуса. Путешествие в Страну догонов. Каталог выставки*. М., 2019 [Vanyukova D. V., Kutsenkov P. A. *The Captives of Sirius. A Journey to Dogon Country. Exhibition Catalog*. Moscow, 2019 (in Russian)].
- Григорович Н. Е. «Аэропортное» искусство. Подделки или копии? *Оригинал и повторение. Подлинник, реплика, имитация в искусстве Востока. Сборник статей*. М., 2014. С. 16–35 [Grigorovich N. E. “Airport art”. Fakes or copies? *The Original and Copy. The Original, Replica, Imitation in the Art of the East. Collection of Articles*. Moscow, 2014. Pp. 16–35 (in Russian)]¹⁸.
- Куценков П. А. Устные традиции деревни Энде (Страна догонов). *Восток (Oriens)*. 2019. № 4. С. 51–59 [Kutsenkov P. A. Oral Traditions of Endé Village (Dogon Country). *Vostok (Oriens)*. 2019. 4. Pp. 51–59 (in Russian)].
- Куценков П. А., Лаврентьева Н. В., Чегодаев М. А. *От родового общества к ранним цивилизациям: Древний Египет и Западная Африка*. М., 2019 [Kutsenkov P. A., Lavrentieva N. V., Chegodaev M. A. *From Tribal Society to Early Civilizations: Ancient Egypt and West Africa*. Moscow, 2019 (in Russian)].
- Мириманов В. Б. *Искусство Тропической Африки. Типология, систематика, эволюция*. М., 1986 [Mirimanov V. B. *The Art of Tropical Africa. Typology, Systematics, Evolution*. Moscow, 1986 (in Russian)].
- Описание деревни Семари, составленное ее вождем Буреима Гандеба. Пер. и комм. П. А. Куценкова. *История Африки: люди и судьбы. Сборник документов и материалов*. Отв. ред. Т. М. Гавристова. Ярославль. 2016. С. 99–110 [Description of the Village of Semari, Compiled by its Chief Bureima Gandebe. Transl. and comm. by P. A. Kutsenkov. *The History of Africa: People and Destinies. Collection of Documents and Materials*. Ed. by T. M. Gavristova. Yaroslavl, 2016. Pp. 99–110 (in Russian)].
- Пакин А. В. Устная историческая традиция йоруба и ее актуализация в современных контекстах. *Антропология Африки: новые объекты исследования*. М., 2018. С. 54–70 [Pakin A. V. Oral Historical Tradition of the Yoruba and Its Actualization in Modern Contexts. *Anthropology of Africa: New Objects of Research*. Moscow, 2018. Pp. 54–70 (in Russian)].
- Тембине И. Догоны: язык и народ. *IV всесоюзная конференция африканистов «Африка в 80-е годы: итоги и перспективы развития» (Москва, 3–5 октября 1984 г.). Тезисы докладов и научных сообщений*. Выпуск 4. Часть 1. История, культура, этнография. М., 1984. С. 130–132 [Tembiné I. Dogon: language and people. *IV All-Union Conference of Africanists “Africa in the 80s: Results and Prospects of Development” (Moscow, October 3–5, 1984). Abstracts of Scientific Reports*. Iss. 4. Part 1. History, culture, ethnography. Moscow, 1984. Pp. 130–132 (in Russian)].
- Шаревская Б. И. «Этнографический метод» Марселя Грюля и вопросы методологии в современной французской этнографии. *Советская этнография*. 1962. 6. С. 43–54 [Sharevskaya B. I.

¹⁸ The article was first published in 1986 in: *Современная художественная культура в странах Азии и Африки*. Вафа А. Х. (ред.). М.: Наука, ГРБЛ, 1986 [Contemporary Art Culture in Asia and Africa. Vafa A. H. (ed). Moscow, 1986. Pp. 141–158].

- “Ethnographic method” by Marcel Griol and questions of methodology in modern French ethnography. *Soviet ethnography*. 1962. 6. Pp. 43–54 (in Russian)].
- Apter A. Griaule's Legacy: Rethinking “la parole claire” in Dogon Studies. *Cahiers d'Études africaines*. 2005. XLV (1). 177. Pp. 95–129.
- Beek W. E. A., van. Dogon Restudied: A Field Evaluation of the Work of Marcel Griaule. *Current Anthropology*. 1991. 32.2. Pp. 139–167.
- Beek W. E. A., van. Haunting Griaule: Experiences from the Restudy of the Dogon. *History in Africa*. 2004. 31. Pp. 43–68.
- Beek W., van. The Dogon Heartland: Rural Transportations on the Bandiagara Escarpment. *Sahelian Pathways. Climate and Society in Central and South Mali*. de Bruijn M., van Dijk H., Kaag M. Kiky van 'Til (eds.). *African Studies Centre Research Report*. 2005. 78. Pp. 40–70.
- Beek W. E. A., van. Tourisme et patrimoine au Mali. Destruction des valeurs anciennes ou valorisation concertée? *Geographica Helvetica*. 2007. 62.4. Pp. 249–258.
- Blom H. *Dogon Images and Traditions*. Brussels, 2011.
- Biro Y., Thiaw I. Collecting the Sahelian Past: Myth-Making and Primary Sources. La Gamma A. (ed.). *Sahel: Art and Empires on the Shores of the Sahara. Exhibition Catalogue*. New York, New Haven, 2020. Pp. 194–217, 271–273.
- Calame-Griaule G. On the Dogon Restudied. *Current Anthropology*. 1991. 32.5. Pp. 575–577.
- Ciarcia G. Dogons et Dogon. Retours au «pays du réel». *L'Homme*. 2001a. 157. Pp. 217–230.
- Ciarcia G. Exotiquement vôtres. Les inventaires de la tradition en pays dogon. *Terrain*. 2001b. 37. Pp. 105–122.
- Clarck-Taoua Ph. In Search of New Skin: Michel Leiris's L'Afrique fantôme. *Cahiers d'Études africaines*. 2002. 167, XLII.3. Pp. 479–498.
- Conrad D. C. Islam in the Oral Traditions of Mali: Bilali and Surakata. *Journal of African History*. 1985. 26.1. Pp. 33–49.
- Desplagnes L. *Le plateau central Nigérien: une mission archéologique et ethnographique au Soudan français*. Paris, 1907.
- Doquet A. Identité culturelle et tourisme : les mises en scène de l'authenticité culturelle en Pays Dogon et dans le Mande. *Centre Djoliba. Recherche Formation pour le Développement. Série: “Causeries — Débats”*. Bamako, 2003.
- Griaule M. *Jeux Dogons*. Paris, 1938a.
- Griaule M. *Masques Dogons*. Paris, 1938b.
- Griaule M. *Dieu d'eau. Entretiens avec Ogotemméli*. Paris, 1948. Repr. and quoted by: Griaule M. *Dieu d'eau. Entretiens avec Ogotemméli*. Paris, 1975.
- Griaule M., Dieterlen G. Un système soudanais de Sirius. *Journal de la Société des Africanistes*. 1950. Tome 20. Fasc. 2. Pp. 273–294.
- Henige D. P. The Problem of Feedback in Oral Tradition: Four Examples from the Fante Coastlands. *The Journal of African History*. 1973. 14.2. Pp. 223–235.
- Henige D. Truths Yet Unborn? Oral Tradition as a Casualty of Culture Contact. *The Journal of African History*. 1982. 23.3. P. 395.
- Jones G. I. Social anthropology in Nigeria during the colonial period. *Africa*. 1974. 44. Pp. 280–288.
- Leloup H., Rubin W., Serra R., Baselitz G. *Statuaire Dogon*. Strasbourg, 1994.
- Leiris M. *L'Afrique fantôme*. Paris, 1981 [1934, 1951].
- Sarevskaja B. I. La Méthode de l'Ethnographie de Marcel Griaule et les questions de méthodologies dans l'ethnographie française contemporaine. *Cahiers d'Études africaines*. 1964. IV (4). 16. Pp. 590–602.
- Schijns W. *L'architecture vernaculaire des Dogons du Mali. L'évolution typologique et l'avenir d'un patrimoine mondial*. Amsterdam, 2009.
- Viti F. Les ruses de l'oral, la force de l'écrit. Le mythe baule d'Aura Poku. *Cahiers d'Études africaines*. 2009. 49.4. 196. Pp. 869–892.

- Walker I. Phantom Africa: Photography between Surrealism and Ethnography. *Cahiers d'Études africaines*. 1997. 37. 147. Pp. 635–655.
- White L. Histoire africaine, histoire orale et vampires. Procès et palabres à Kampala dans les années 50. *Politique africaine*. 2000. 79.3. Pp. 83–100.

Electronic sources / Электронные ресурсы

- Bagayoko S. L., Wanono N. Le festival Ogobagna. *Journal des anthropologues* [En ligne]. 150–151. 2017, mis en ligne le 15 novembre 2019, consulté le 08 février 2018. URL: <http://journals.openedition.org/jda/6827> (accessed 06.11.2020).
- Ballo M. *Cultural impacts of tourism: The case of the "Dogon Country" in Mali*. Thesis. Rochester Institute of Technology. 2010. URL: <http://scholarworks.rit.edu/theses> (accessed 19.04.2017).
- Bouju J. Tradition et identité. *Enquête* [En ligne], 2. 1995, mis en ligne le 10 juillet 2013, consulté le 18 avril 2019. URL: <http://journals.openedition.org/enquete/313> (accessed 07.10.2020).
- Gaugue A. Du savoir ethnologique au produit touristique. *Géographie et cultures* [En ligne], 70. 2009, mis en ligne le 14 mai 2013, consulté le 22 avril 2016. P. 7. URL: <http://gc.revues.org/2333> (accessed 21.04.2017).
- Jolly É. Les premières collectes d'objets Dogon par les missions ethnographiques. *Menil*. 2018. URL: <https://www.menil.org/read/online-features/recollecting-dogon/collecting-and-recollecting/ethnographic-expeditions-eric-jolly?locale=fr> (accessed 09.07.2018).
- L'Histoire de Endé*. http://ende-dogon-mali.over-blog.com/pages/LHistoire_de_Endé-2499366.html (accessed 24.12.2019).
- La parenté à plaisanterie entre Dogon et Bozo*. URL: <http://youssoufoye.unblog.fr/2008/11/23/la-parente-a-plaisanterie-entre-dogon-et-bozo/> (accessed 24.12.2019).
- Togo M. Mamadou Togo, Président de l'Association Ginna Dogon : “Les Occidentaux veulent diviser le Mali comme ils l'ont fait avec le Soudan”. *Farafinet*. 10.04.2019. URL: <http://www.farafinet.com/2019/04/10/mamadou-togo-president-de-lassociation-ginna-dogon-les-occidentaux-veulent-diviser-le-mali-comme-ils-lont-fait-avec-le-soudan/> (accessed 07.11.2020).

Photo 1. The Arrival of masks. Ogobagnia-2020 festival (photo by P. A. Kutsenkov)

Photo 2. The Arrival of masks. Ogobagnia-2020 festival (photo by P. A. Kutsenkov)

Photos for the article of B. Guindo and P. Kutsenkov “The ‘Feedback Effect’ in Modern Dogon Culture”

Photo 3. Toguna in the village of Semari (photo by P. A. Kutsenkov)

Photo 4. Ansama Seiba. Rider. Village of Endé, rural municipality of Kani-Bonzoni, Bankass District, Republic of Mali. 2012. State Museum of Oriental Arts, Moscow (photo by E. I. Zbeltov)

ПАРТИЗАНСКАЯ ЗВЕЗДА ИНДОНЕЗИИ

© 2022

А. О. Захаров*

Наградная система Индонезии отражает историю становления независимой государственности и ее ключевых институтов, в первую очередь армии (Tentara Nasional Indonesia). Республика Индонезия возникла в ходе антиколониальной борьбы за независимость от Нидерландов. Островное положение страны, экваториальный климат и техническая отсталость определили особенности ведения боевых действий с преобладанием партизанской борьбы. Господство партизанских отрядов, именовавшихся дивизиями, бригадами, полками и батальонами, в Армии народной безопасности (Tentara Keamanan Rakyat), затем Армии Республики Индонезии (Tentara Republik Indonesia), и победа в войне с голландцами способствовали учреждению в 1949 г. первого ордена страны — Партизанской звезды (Bintang Gerilya, в новой орфографии 1972 г. Bintang Gerilya). В статье на основании законодательных актов Индонезийского государства и сведений открытых источников, а также изданий Вооруженных сил Индонезии, в частности справочников Ведомства истории сухопутных войск (Dinas Sejarah Angkatan Darat) рассматриваются статут, описание и примеры награждения Партизанской звездой. Орден предназначался для всех участников войны за независимость и тем самым был массовой наградой. Его форма может быть связана с Военной медалью Османской империи (Галлиполийской звездой). Партизанской звездой награждались не только индонезийцы. Кавалерами ордена были Ф. Кастро и И. Броз Тито, известные активным участием в партизанской борьбе. В 2009 г. правительство Индонезии изменило статут Партизанской звезды, создав возможность ее вручения за защиту интересов Индонезии партизанскими методами борьбы. В условиях нарастания напряженности в районе Южно-Китайского моря между Китаем и Индонезией из-за индонезийской исключительной экономической зоны, называемой правительством Индонезии «морем Северная Натуна», и продолжающихся военных столкновений с сепаратистами в Папуа Партизанская звезда может стать активной наградой.

Ключевые слова: Индонезия, армия, вооруженные силы, государство, Партизанская звезда, награды, ордена.

Для цитирования: Захаров А. О. Партизанская звезда Индонезии. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2022. № 1. С. 171–183. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-1-171-183

* Антон Олегович ЗАХАРОВ, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; zakharov_anton@mail.ru

Anton O. ZAKHAROV, DSc (History), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; zakharov_anton@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-3654-9551

Первоначальная версия статьи опубликована в журнале «Нумізматика і фалеристика. Довідково-інформаційний журнал» [Захаров, 2019]. В публикуемом здесь варианте уточнены правовые вопросы и написан новый раздел об истории награждений орденом, равно как и заключение.

THE GUERILLA STAR OF INDONESIA — BINTANG GERILYA

Anton O. Zakharov

The award system of Indonesia reflects its state developments, including the formation and transformations of the Indonesian Armed Forces (*Tentara Nasional Indonesia*). The Republic of Indonesia was formed as a result of its struggle for independence against the Netherlands Colonial Empire. Many islands of Indonesia, their equatorial and tropical climate, as well as technical backwardness of the Indonesian society in the 1940s were among the main factors of the guerilla warfare against the Dutch. Guerilla squads were the main part of the People's Security Army (*Tentara Keamanan Rakyat*), later named the Republic of Indonesia Army (*Tentara Republik Indonesia*). Its victory over the Dutch in 1949 helped instituting of the first Order of Indonesia — *Bintang Gerilja*, or *Bintang Gerilya* in modern spelling — The Guerilla Star. The paper sums up the laws and acts of the Indonesian State concerning the Guerilla Star, as well as the data from open sources, like media and Wikipedia, about its awardees. These data are checked through the official reference books issued by the Service of History of the Indonesian Army (Dinas Sejarah Angkatan Darat). The paper focuses on the statute, description and bestowals of the Guerilla Star of Indonesia. The Order is an award to all Indonesians who fought for their Independence against the Dutch. The form of the Guerilla Star is like the Gallipoli Star of the Ottoman Empire. In 2009, the statute of the Guerilla Star was changed by the Indonesian Government. Now it may be bestowed for any guerilla defense of Indonesian interests.

Keywords: Indonesia, Army, Armed Forces, State, Guerilla Star, awards, orders.

For citation: Zakharov A. O. The Guerilla Star of Indonesia — Bintang Gerilya. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2022. 1. Pp. 171–183. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-1-171-183

Р ОЖДЕНИЕ НАГРАДЫ

Партизанская звезда (илл. 1) — первый орден Индонезии, учрежденный Постановлением Правительства № 8 от 22 сентября 1949 г.¹ за подписями президента Сукарно и исполняющего обязанности премьер-министра султана Джокьякарты Хаменгкубувоно IX (о нем см.: [Nasution et al., 2011]). Согласно статье 1 Постановления, «Знак награды за службу “Партизанская звезда” вручается каждому гражданину, который, защищая Родину и нацию во время первой и второй голландской агрессии, проявил храбрость, мудрость и верность долгу». По статье 2 знак ордена представляет собой стальную звезду (*bintang baja*). Согласно статье 3, награда носится на левой стороне груди. Хотя право награждения Партизанской звездой принадлежит президенту, он может делегировать его главнокомандующему, а тот — командирам дивизией и военным губернаторам (статья 6). В блоге «Военного музея» опубликована фотография награждения девяти воинов военным губернатором Джокьякарты Паку Аламом VIII².

Согласно статье 4 Положения: «Ношение Партизанской звезды допускается только при выполнении служебных обязанностей или во время официальных встреч». За нарушение этой статьи другая (статья 8) предусматривала лишение награды. То же наказание применялось и к лицу, осужденному на срок от трех лет за какое-либо преступление.

Спешка при разработке награды бросается в глаза. Постановление никак не регламентирует размер и внешний вид Партизанской звезды, ссылаясь в статье 2 на

¹ Peraturan Pemerintah (PP) Nomor 8 Tahun 1949 Mengadakan Bintang Gerilya Sebagai Tanda Jasa. *JDIH BKP RI Database Peraturan*. URL: <https://peraturan.bpk.go.id/Home/Details/64070/pp-no-8-tahun-1949> (дата обращения 01.04.2022).

² Bintang Gerilya. *Museum Militerku*. 05.03.2017. URL: <https://museummiliterku.blogspot.com/2017/03/bintang-gerilya.html> (дата обращения 05.04.2022).

прилагаемый и не опубликованный в Интернете рисунок. Да и описание «стальная звезда» мало что даст при изучении доступных фотографий. На *илл. 1* цвет звезды скорее медный или бронзовый, чем стальной, и на нем видна ржавчина.

В отличие от большинства наград Индонезии реверс Партизанской звезды не содержит надписей. Лента ордена — четыре красные полосы, между которыми расположены три белые, — напоминает ленту советского ордена Красного Знамени, хотя по числу полос от нее сильно отличается. С точки зрения формы знака к индонезийскому ордену ближе другая награда — Военная медаль Османской империи, или Галлиполийская звезда [Захаров, 2019]. Партизанская звезда Индонезии, вероятно, задумывалась с оглядкой на османские традиции. Но в некоторых отношениях она отличается от Галлиполийской звезды.

Во-первых, индонезийский орден не имеет эмали или лакового покрытия. Во-вторых, вместо полумесяца и тугры мы видим венок из колосьев риса и надпись *PAHLAWAN GERILJA*, т. е. «герой-партизан» или «борец-партизан»³. В-третьих, число полос на ленте отличается от Галлиполийской ленты, у которой только две белые полосы, а центральная красная полоса существенно шире, чем у индонезийской награды.

Между тем простота формы и отсутствие лака указывают на обстоятельства создания награды. Индонезия рождалась в мучительной борьбе с Нидерландами [Daves, 2013a; Anderson, 2006; Said, 1991; Imran, 1971; Nasution, 1963; Тюрин, 2004, с. 363–364]. Провозглашение независимости 17 августа 1945 г. не вынудило, да и не могло вынудить старую нидерландскую администрацию немедленно признать новую страну. Фактически с августа 1946 до мая 1949 г. Нидерланды пытались сохранить колониальную империю вооруженным путем. В условиях военных, в том числе партизанских действий против голландцев индонезийцам было некогда и не из чего изготавливать высокохудожественные награды. Венок из рисовых колосьев на Партизанской звезде до известной степени стал самым важным символом нового государства. Во-первых, рис был и остается главным продуктом питания в стране [Попов, 2019]. Во-вторых, в то время Индонезия была аграрной страной со сравнительно неразвитой промышленностью [Тюрин, 2004, с. 405]. В-третьих, мечта о процветании и ликвидации угрозы голода, т. е. о решении продовольственной

Илл. 1. Партизанская звезда, Индонезия.

Аверс и реверс

(по: Bintang Gerilya. *Museum Militerku*. 05.03.2017.
URL: <https://museummiliterkku.blogspot.com/2017/03/bintang-gerilya.html> (дата обращения 05.04.2022))

³ В современной орфографии слово пишется через *y* — Gerilya.

проблемы (обеспечении продовольственной безопасности) в то время оставалась более чем актуальной.

Хозяйственная отсталость диктовала и выбор металла для изготовления Партизанской звезды. Впрочем, выбор дешевого сырья объясняется еще двумя обстоятельствами — военным временем, когда многие государства переходили к выпуску медалей и орденов из недорогих металлов (достаточно вспомнить переход от серебра к белому и желтому металлам в изготовлении Георгиевских крестов в годы Первой мировой войны), и массовой демократизацией наград. Партизанская звезда не задумывалась как исключительный знак отличия. Напротив, она предназначалась всем участникам борьбы с голландцами — «каждому гражданину». Следовательно, ее могли получить как султаны, так и крестьяне, как *улама* (улемы), так и промышленные рабочие; массовые знаки редко изготавливались из драгметаллов.

ДАЛЬНЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ПАРТИЗАНСКОЙ ЗВЕЗДЫ

22 декабря 1958 г. вышел Чрезвычайный Закон № 7 «О Партизанских звездах»⁴, уточнивший Постановление Правительства № 8 1949 г. В статье 1 главы 1 говорится: «Каждому индонезийскому гражданину, который воевал и служил родине и нации во время первой и второй голландской агрессии, проявляя необычайную смелость, мудрость и верность, вне зависимости от класса, звания, должности и положения, вручается почетная звезда по имени “Партизанская звезда”». Размер звезды определялся в 42 мм, а диаметр центрального круга с надписью “Pahlawan Gerilya” — 20 мм. В ряду тогдашних индонезийских наград Партизанская звезда занимала место старше Священной медали (*Satyalanca Bhakti*) и младше Звезды «За верность долгу» (*Bintang Dharma*), согласно статье 8.

По статье 11, «президент / верховный главнокомандующий может вручать Партизанскую звезду ведущим иностранным гражданам как дань уважения Республике Индонезии за их заслуги в борьбе за свои страны». Любопытно, что известные предводители национально-освободительного движения — Иосип Броз Тито (Югославия) в 1958 г., Фидель Кастро и Освальдо Дортикос Торрадо (Куба) в 1960 г. были награждены индонезийской Партизанской звездой⁵.

26 июня 1959 г. исполняющий обязанности президента председатель Совета народных представителей Сартано (Сукарно в то время находился в зарубежной поездке, вернувшись в Джакарту лишь 29 июня [Капица, Малетин, 1980, с. 163–164]) подписал Закон № 21 «О Партизанской звезде»⁶, по которому Партизанскую звезду стало можно вручать посмертно (глава 2а). Закон вступил в силу 4 июля. Уточнялось, что ее можно вручать иностранцам, боровшимся за независимость Индонезии (ст. 11). Незначительные уточнения

⁴ Undang-undang Darurat No. 7 Tahun 1958. Penggantian Peraturan tentang Bintang Gerilya ebagai Termaksud Dalam Peraturan Pemerintah No. 8 Tahun 1949. *JDIH BKP RI Database Peraturan*. URL: <https://peraturan.bpk.go.id/Home/Details/51811/uudrt-no-7-tahun-1958> (дата обращения 01.04.2022).

⁵ См. блог «Военный музей»: Bintang Gerilya. *Museum Militerku*. 05.03.2017. URL: <https://museummiliterku.blogspot.com/2017/03/bintang-gerilya.html> (дата обращения 05.04.2022).

⁶ Undang-Undang (UU) No. 21 Tahun 1959 tentang Penetapan Undang-Undang darurat No. 7 Tahun 1958 Tentang Penggantian Peraturan Tentang Bintang Gerilya Sebagaimana Termaktub Dalam Peraturan Pemerintah No. 8 Tahun 1949 (Lembaran-Negara Tahun 1958 No. 154), Sebagai Undang-Undang. *JDIH BKP RI Database Peraturan*. URL: <https://peraturan.bpk.go.id/Home/Details/51485/uu-no-21-tahun-1959> (дата обращения 01.04.2022).

закона последовали в Законе № 8 от 4 августа 1964 г.⁷ На ленте Партизанской звезды могла помещаться маленькая пятимиллиметровая металлическая звездочка.

Есть сведения, что у Партизанской звезды была и нагрудная звезда, отличавшаяся от знака ордена размерами. Я не имею возможности проверить эту информацию, но если опубликованные фотографии звезд изображают подлинные награды⁸, нужно искать их документальные подтверждения.

В 1972 г. надпись на Партизанской звезде была приведена в соответствие с новой орфографией — RAHLAWAN GERILYA. Закон № 4 от 9 ноября 1972 г. «О дополнительных поправках и положениях относительно наград Республики Индонезии — звезд (орденов) и о порядке старшинства наград — орденов (звезд) Республики Индонезии»⁹ вводил френчский знак Партизанской звезды длиной 18 мм и высотой 9 мм для ношения на гражданской одежде. Партизанская звезда по старшинству орденов Индонезии шла после Звезды «За верность долгу» (*Bintang Dharma*) и перед Звездой заслуг первой степени (*Bintang Jasa Utama*) (статья 12).

По закону № 20 от 18 июня 2009 г.¹⁰ Партизанская звезда вручается любому гражданину страны, который борется за защиту суверенитета Индонезии против иностранной агрессии партизанскими методами (статья 28, раздел 8). У награды есть шейный знак на ленте с бантом, нагрудная звезда, френчик и планка. Надпись упрощена. Теперь это просто GERILYA. По старшинству Партизанская звезда теперь занимает первое место среди военных орденов (*Tanda Kehormatan Bintang Militer*, ст. 7.3) и стоит в 11 ряду (обозначаемом латинской буквой k) после ордена «За заслуги в области культуры» (*Bintang Budaya Parama Dharma* [Захаров, 2021a]) и перед Священной звездой (*Bintang Sakti* [Захаров, 2020б]). Среди генералитета и отставных военнослужащих есть противники награждения Партизанской звездой президента по должности; такое заявление сделал Совет ветеранов Индонезии в ходе обсуждения Закона № 20 от 2009 г.¹¹ Индонезийский Верховный Суд удовлетворил иск Легиона ветеранов Республики Индонезии о возвращении кавалерам Партизанской звезды права захоронения на Кладбище героев, которое упразднялось Законом № 20 от 2009 г.¹²

⁷ Undang-Undang (UU) No. 8 Tahun 1964 tentang Penetapan Peraturan Pemerintah Pengganti Undang-Undang No. 1 Tahun 1964 (Lembaran Negara Tahun 1964 No. 1) tentang Perubahan dan Tambahan Undang-Undang No. 21 Tahun 1959 (Lembaran Negara Tahun 1959 No. 65) tentang Penetapan Menjadi Undang-Undang Darurat No. 7 Tahun 1958 (Lembaran Negara Tahun 1958 No. 154) tentang Penggantian Peraturan Tentang Bintang Gerilya Sebagai Termaktub Dalam Peraturan Pemerintah No. 8 Tahun 1949, Menjadi Undang-Undang. *JDIH BKP RI Database Peraturan*. URL: <https://peraturan.bpk.go.id/Home/Details/50290/uu-no-8-tahun-1964> (дата обращения 01.04.2022).

⁸ Guerilla Star (Bintang Gerilya). *Gentleman's Military Interest Club*. 12.09.2011. URL: <https://gmic.co.uk/topic/51098-guerilla-star-bintang-gerilja/#comment-467835> (дата обращения 01.04.2022).

⁹ Undang-undang (UU) tentang Perubahan dan Tambahan Ketentuan Mengenai Beberapa Jenis Tanda Kehormatan Republik Indonesia Yang Berbentuk Bintang dan Tentang Urutan Derajat/Tingkat Jenis Tanda Kehormatan Republik Indonesia yang Berbentuk Bintang. *JDIH BPK RI Database Peraturan*. URL: <https://peraturan.bpk.go.id/Home/Details/47551/uu-no-4-tahun-1972> (дата обращения 08.08.2020).

¹⁰ Undang-Undang Republik Indonesia Nomor 20 Tahun 2009 Tentang Gelar, Tanda Jasa, Dan Tanda Kehormatan. *Kementerian Luar Negeri*. URL: <https://pjh.kemlu.go.id/files/UU%2020%202009.pdf> (дата обращения 08.08.2020).

¹¹ Penerima Gelar Bintang Gerilya Berhak Dimakamkan di Kalibata. *Hukumonline.com*. 12.09.2012. URL: https://www.hukumonline.com/berita/a/penerima-gelar-bintang-gerilya-berhak-dimakamkan-di-kalibata-lt5050ba17a8bb9_2 (дата обращения 01.04.2022); URL: <https://www.hukumonline.com/berita/a/penerima-gelar-bintang-gerilya-berhak-dimakamkan-di-kalibata-lt5050ba17a8bb9?page=2> (дата обращения 01.04.2022).

¹² Penerima Gelar Bintang Gerilya Berhak Dimakamkan di Kalibata. *Hukumonline.com*. 12.09.2012. URL: <https://www.hukumonline.com/berita/a/penerima-gelar-bintang-gerilya-berhak-dimakamkan-di-kalibata-lt5050ba17a8bb9> (дата обращения 01.04.2022).

ИЗ ИСТОРИИ НАГРАЖДЕНИЙ ПАРТИЗАНСКОЙ ЗВЕЗДОЙ

Задуманная как массовая награда Партизанская звезда вручалась, по-видимому, гораздо чаще, чем может показаться при анализе открытых источников. Так, в заметке 2015 г. «Партизанская звезда — самая священная награда Республики Индонезии» Тантри Сетьорини отмечает, что три человека — Асия, Мисри и Мустаджаб (Asiyah, Misri, dan Moestadjab) — получили ее лишь спустя 68 лет (по-видимому, от 1947 г., что несколько странно, ибо тогда награды просто не существовало), и цитирует воспоминания некоего Вивита (Wiwit) о том, как он в школьные годы прикрепил орденский знак к ранцу в качестве украшения, за что и получил выговор, вероятно, от сотрудника военной полиции¹³. Тем самым можно предположить, что число награжденных было довольно значительным, хотя и не все участники боевых действий получили Партизанскую звезду в эпоху Сукарно.

Партизанская звезда — один из орденов, главой которого по должности были все президенты Индонезии: Сукарно, Сухарто (оба принимали непосредственное участие в борьбе за независимость), Бухаруддин Юсуф Хабиби, Абдуррахман Вахид, Мегавати Сукарнопутри, Сусило Бамбанг Юдойоно и Джоко Видодо. Среди других кавалеров Партизанской звезды значатся:

- Судирман (1916–1950) — первый главком Армии народной безопасности Индонезии (в дальнейшем Вооруженных сил / Национальной армии Индонезии) в 1945–1950 гг., национальный герой, удостоенный всех своих наград посмертно¹⁴ [Adi, 2011; Setiadi, 2012; Sardiman, 2008; Tjokropranolo, 1992; Said, 1991; Imran, 1980];
- генерал-лейтенант (генерал посмертно) Джатикусумо (1917–1992) — первый начальник штаба сухопутных войск Индонезии (1948–1949), командовавший ранее дивизией V «Ронгглаве»; в дальнейшем министр наземного транспорта, почт, телекоммуникаций и туризма в 1959–1963 гг., посол в Малайе (1963), Марокко (1965–1966), Франции и Испании, представитель Индонезии в ЮНЕСКО (1966–1969)¹⁵ [Daves, 2013a, p. 105–106; Marsono, 2011, p. 9–16];
- генерал Абдул Харис Насутюн (1918–2000) — начальник штаба/главком сухопутных войск в 1949–1952 и 1955–1962 гг., фактический создатель Вооруженных сил Индонезии, министр обороны и безопасности в 1959–1966 гг., председатель Объединенного комитета начальников штабов в 1955–1959 гг. и начальник штаба Вооруженных сил Индонезии в 1962–1966 гг.)¹⁶ [Marsono, 2011, p. 17–24, 38–44; Prsetyo, Nadad, 1998];
- адмирал авиации Сурьяди Сурьядарма (1912–1975) — первый начальник штаба ВВС Индонезии с 1946 до 1962 г.¹⁷ [Daves, 2013a, p. 90, 180, 465–466];

¹³ Tantri Setyorini. Bintang gerilya, tanda kehormatan paling sakral RI. *Merdeka.com*. 17.08.2015. <https://www.merdeka.com/gaya/bintang-gerilya-tanda-kehormatan-paling-sakral-ri.html> (дата обращения 01.04.2022). В интервью используется аббревиатура PM, которая может также означать премьер-министра.

¹⁴ Soedirman. *Wikipedia*. URL: <https://id.wikipedia.org/wiki/Soedirman> (дата обращения 02.04.2022). На момент смерти Судирман носил звание генерал-лейтенанта. Посмертно его повысили до генерала (1950) и старшего/большого генерала [Jenderal Besar, 1997].

¹⁵ Djatikoesoemo. *Wikipedia*. URL: <https://id.wikipedia.org/wiki/Djatikoesoemo> (дата обращения 02.04.2022).

¹⁶ Abdul Haris Nasution. *Wikipedia*. URL: https://id.wikipedia.org/wiki/Abdul_Haris_Nasution (дата обращения 15.03.2022).

¹⁷ См. фото в яванской Википедии: Suryadarma. *Wikipédia*. *Baumarna Mardika*. URL: https://jv.wikipedia.org/wiki/Soerjadi_Soerjadarma#/media/Barkas:Suryadarma.jpg (дата обращения 02.04.2022). О нем: Soerjadi Soerjadarma. *Wikipedia*. URL: https://id.wikipedia.org/wiki/Soerjadi_Soerjadarma (дата обращения 02.04.2022).

- генерал-майор (генерал-лейтенант посмертно) Бамбанг Сутенг (1913–1977) — начальник штаба сухопутных войск в 1952–1955 гг., посол в Ватикане, Японии и Бразилии, в ходе войны за независимость подполковник, затем полковник, начальник штаба Второй дивизии, потом командир дивизии III «Дипонегоро» и заместитель начальника штаба Вооруженных сил¹⁸ [Daves, 2013a, p. 150–151; Marsono, 2011, p. 25–31];
- генерал-майор (генерал посмертно) Бамбанг Утойо (1920–1980) — начальник штаба сухопутных войск 27.06–28.10.1955, во время войны за независимость командующий Второй дивизией Индонезийской республиканской армии¹⁹ (о нем см.: [Daves, 2013a, p. 295; Marsono, 2011, p. 32–37]);
- генерал-лейтенант (генерал посмертно) Ахмад Яни (1922–1965) — министр-главнокомандующий сухопутными войсками в 1962–1965 гг., во время войны за независимость командир батальона, затем полка в Магеланге и бригады в составе дивизии «Дипонегоро»²⁰ [Daves, 2013b, p. 10–11; Marsono, 2011, p. 45–52];
- генерал Мараден Пангабеан (1922–2000) — начальник штаба сухопутных войск в 1967–1969 гг., начальник Командования / Главного оперативного управления по восстановлению безопасности и порядка / Копкамтиб в 1969–1971 гг., министр обороны и безопасности в 1971–1978 гг., главком ВС Индонезии в 1973–1978 гг., министр-координатор по вопросам политики, права и безопасности в 1978–1983 гг., председатель Верховного консультативного совета в 1983–1988 гг.; в годы войны за независимость майор и командир полка/батальона на Суматре²¹ [Marsono, 2011, p. 60–66; Daves, 2013b, p. 229–230];
- генерал Умар Вирахадикусума (1924–2003) — начальник штаба сухопутных войск в 1969–1973 гг., командующий Джакартским военным округом в 1960–1965 гг., Стратегическим резервом Вооруженных сил / Кострад в 1967–1969 гг., заместитель главкома сухопутных войск в 1967–1969 гг., в дальнейшем председатель Государственного аудиторского комитета в 1973–1983 гг. и вице-президент Индонезии в 1983–1988 гг.; в годы войны за независимость капитан, затем майор, адъютант Насутиона и командир батальона в дивизии Силиванги²² [Marsono, 2011, p. 67–73; Salam, 1994];
- вице-адмирал (адмирал посмертно) Раден²³ Эдди Мартадината (1921–1966) — министр-главком ВМФ Индонезии в должности с 20 июля 1959 до 25 февраля 1966 г.; во время войны за независимость служил в штабе ВМС и в 1949 г. командовал кораблем «Ханг Туах»²⁴ [Sudarmanto, 2007, p. 151–153];
- адмирал Судомо (1926–2012) — начальник штаба ВМФ в 1969–1973 гг., главком Главного оперативного управления по восстановлению безопасности и порядка / Копкамтиб (Komando Operasi Pemulihan Keamanan dan Ketertiban, репрессивного органа режима «нового порядка» Сухарто) в 1978–1983 гг., министр трудовых ресурсов в 1983–1988 гг., министр-координатор по вопросам политики, права и безопасности в 1988–1993 гг., председатель

¹⁸ Bambang Soegeng. *Wikipedia*. URL: https://id.wikipedia.org/wiki/Bambang_Soegeng (дата обращения 02.04.2022).

¹⁹ Bambang Utoyo. *Wikipedia*. URL: https://id.wikipedia.org/wiki/Bambang_Utoyo (дата обращения 02.04.2022).

²⁰ Ahmad Yani. *Wikipedia*. URL: https://id.wikipedia.org/wiki/Ahmad_Yani (дата обращения 02.04.2022).

²¹ Maraden Panggabean. *Wikipedia*. URL: https://id.wikipedia.org/wiki/Maraden_Panggabean (дата обращения 15.03.2022).

²² Umar Wirahadikusumah. *Wikipedia*. URL: https://id.wikipedia.org/wiki/Umar_Wirahadikusumah (дата обращения 15.03.2022).

²³ Строго говоря, Raden не имя, а титул знатного яванца (иногда записывается как *раден*).

²⁴ R. E. Martadinata. *Wikipedia*. URL: https://id.wikipedia.org/wiki/R._E._Martadinata (дата обращения 02.04.2022).

Высшего консультативного совета Республики Индонезии в 1993–1998 гг.²⁵ [Daves, 2013b, p. 257];

- генерал-лейтенант Али Садикин (1927–2008) — министр морского транспорта в 1963–1966 гг., губернатор Джакарты в 1966–1977 гг., во время войны за независимость служил в ВМФ²⁶ [Arrohman et al., 2004; Indonesian Navy, 1960, p. 217]²⁷;

- генерал-майор Раден Сухади (1920–1986) — один из создателей и командующий Корпуса морской пехоты в 1947–1961 гг.²⁸ [Daves, 2013a, p. 400; Indonesian Navy, 1960, p. 109];

- генерал-майор Мусанниф Рьякуду (1924–1987) — в годы войны за независимость капитан и командир партизанских батальонов²⁹, отец генерала Рьямизарда Рьякуду, министра обороны в 2014–2019 гг. [Daves, 2013a, p. 378];

- генерал-майор Сукочо Чокроатмоджо (1927–1987) — индонезийский историк, вице-президент Легиона ветеранов, служивший в охране Сукарно во время войны за независимость³⁰ [Daves, 2013a, p. 175];

- генерал-лейтенант Хартоно (1927–1971) — командующий Корпуса морской пехоты в 1961–1968 гг., заместитель министра-главкома ВМС в 1966–1968 гг., посол в КНДР в 1968–1971 гг.³¹, служивший начальником военно-морской базы в Маланге во время войны за независимость [Daves, 2013b, p. 255];

- контр-адмирал авиации Вирьядината (1920–1986) — вице-губернатор Джакарты в 1966–1979 гг., заместитель председателя Высшего консультативного совета Республики Индонезии в 1978–1983 гг., служивший в авиационном соединении «Гаруда» во время войны за независимость³² [Daves, 2013a, p. 268];

- контр-адмирал Агус Субекти (1920–1988) — первый командующий Корпуса морской пехоты в 1945–1947 гг., в дальнейшем служил в ВМС Индонезии³³ [Profil, p. 29; Indonesian Navy, 1960, p. 237; Agoes Subekti, 2012].

²⁵ Sudomo. *Wikipedia*. URL: <https://id.wikipedia.org/wiki/Sudomo> (дата обращения 01.04.2022).

²⁶ Ali Sadikin. *Wikipedia*. URL: https://id.wikipedia.org/wiki/Ali_Sadikin (дата обращения 02.04.2022).

²⁷ Indonesian Navy (1960). *Jalesveva Jayamahe*. URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/8/80/Jalesveva_Jayamahe_%28full_book%29.pdf (дата обращения 05.04.2022).

²⁸ R. Soehadi. *Wikipedia*. URL: https://id.wikipedia.org/wiki/R._Soehadi (дата обращения: 02.04.2022). На фото Сухади Партизанская звезда размещена над колодкой с медалями: Colonel R. Soehadi of the Indonesian Navy's Commando Corps. *Wikipedia*. URL: https://id.wikipedia.org/wiki/R._Soehadi#/media/Berkas:Kol_Soehadi_Jalesveva_Jayamahe_p109.jpg (дата обращения 02.04.2022).

²⁹ О нем см.: Musannif Ryacudu. *Wikipedia*. URL: https://id.wikipedia.org/wiki/Musannif_Ryacudu (дата обращения 26.03.2022).

³⁰ Sukotjo. *Wikipedia*. URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Sukotjo> (дата обращения 02.04.2022).

³¹ Открытый сторонник Сукарно, Хартоно был отправлен в КНДР в качестве почетной ссылки. По официальной версии, покончил с собой после вызова в Джакарту в 1971 г.

³² RHA Wiradinata. *Wikipedia*. URL: https://id.wikipedia.org/wiki/RHA_Wiradinata (дата обращения 02.04.2022). Лента Партизанской звезды отчетливо видна на фотографии — крайняя справа в верхнем ряду: Laksamana Muda Udara (Anumerta) RA. Wiradinata. Komandan Korps Pasukan Khas. *Wikipedia*. URL: https://id.wikipedia.org/wiki/RHA_Wiradinata#/media/Berkas:Dankorpaskhas_RHA_Wiradinata.jpg (дата обращения 02.04.2022).

³³ Agoes Soebekti. *Wikipedia*. URL: https://id.wikipedia.org/wiki/Agoes_Soebekti (дата обращения 02.04.2022). Лента Партизанской звезды размещается над остальной колодкой: Laksamana Muda TNI Agoes Soebekti. Komandan

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Собранные сведения далеко не полны, поскольку известны наградные колодки с Партизанской звездой, в частности, таковая Чечека Суросо, деда пользователя Vulphere, выложившего в Википедии не только саму колодку³⁴, но и грамоту о награждении своего предка³⁵. В той же статье пользователь Crisco 1492 разместил знак Партизанской звезды, принадлежавший, по его словам, «покойному Хонгтовонгсо за вклад в Индонезийскую национальную революцию»³⁶. Поэтому, по всей видимости, можно считать Партизанскую звезду гораздо более распространенной наградой, нежели учрежденная позднее, в 1958 г., Священная звезда, вручаемая за героические подвиги с риском для жизни.

Широкое распространение знаков Партизанской звезды на рынке, включая Интернет, свидетельствует о массовости награждений, как и ее положение среди орденов Индонезии вплоть до реформы наградной системы в 2009 г. Партизанская звезда была старше орденов, вручаемых за выслугу лет и заслуги перед Вооруженными силами и их родами: «За особые заслуги перед армией» (Bintang Yudha Dharma), «За службу Родине в Вооруженных силах» (Bintang Kartika Eka Paksi), Морской и Авиационной звезд (Bintang Jalasena и Bintang Swa Bhuwana Paksa) [Захаров, 2021б; 2021в]. Эти ордена были учреждены уже в эпоху «нового порядка» генерала Сухарто, в 1968–1971 гг., и не требовали от награжденных участия в боевых действиях и тем более совершения подвигів. Партизанская звезда считалась младше не только Священной звезды, что вполне понятно, ибо борьба с голландцами могла не включать в себя совершение героических подвигів на поле боя, но и ордена «За верность долгу» (Bintang Dharma). Это объясняется характером последнего: он служит знаком отличия генералитета Индонезии, отличаясь от гораздо более демократичной Партизанской звезды³⁷. Тем самым ее положение в старой наградной системе было вполне логичным.

Реформа 2009 г. поставила Партизанскую звезду на первое место среди военных орденов тоже не случайно. Во-первых, это способ проявить уважение к немногочисленным ещё живым ветеранам антиколониальной войны. Во-вторых, это способ формально демократизировать наградную систему сравнительно с временами «нового порядка», поставив военные ордена в целом ниже гражданских и более демократичную Партизанскую звезду над генеральскими наградами. В-третьих, это создание возможности новых награждений Партизанской звездой в случае ведения партизанских действий в районах потенциальных или действительных военных конфликтов, в частности в индонезийском Папуа, ведь теперь данная награда вручается именно за способ отстаивания индонезийских интересов —

Kodiklatal (1968–1971). *Wikipedia*. URL: https://id.wikipedia.org/wiki/Agoes_Soebekti#/media/Berkas:DanKodiklatal_Agoes_Soebekti.jpg (дата обращения 02.04.2022).

³⁴ Indonesian military decorations. *Wikipedia*. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Orders_decorations_and_medals_of_Indonesia#/media/File:Indonesian_Military_Honour.jpg (дата обращения 03.04.2022).

³⁵ Diploma of Bintang Gerilya. *Wikipedia*. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Orders_decorations_and_medals_of_Indonesia#/media/File:Indonesian_Military_Honour.jpg (дата обращения 03.04.2022).

³⁶ Bintang Gerilya. *Wikipedia*. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Orders_decorations_and_medals_of_Indonesia#/media/File:Bintang_Gerilya.jpg (дата обращения 03.04.2022).

³⁷ Читателю придется поверить автору на слово. В настоящее время я готовлю статью о Bintang Dharma — ордене, которым были награждены и советские военачальники — маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский, адмирал флота Советского Союза С. Г. Горшков (о его награде см.: [Захаров, 2020а, с. 173]), вице-адмирал Г. К. Чернобай. Собранные сведения позволяют думать, что Bintang Dharma является именно генеральской наградой. Сведений о его вручении младшему и среднему офицерству найти пока не удалось.

партизанскую войну. Естественно, это радикально меняет первоначальный характер ордена, но в условиях Индонезии, где даже ветераны не вполне осознают положение главы государства как главы орденовой корпорации (см. выше о протестах против награждения президента Партизанской звездой), подобная трансформация вполне естественна. Она отвечает современным запросам индонезийских армии и общества на создание собственных традиций и символики и воскрешает давно спящую награду. Первый орден независимой Индонезии вступает в новую жизнь.

Литература / References

- Захаров А. О. К истории формирования наградной системы Индонезии: Партизанская звезда и кампанийские медали. *Нумізматыка і фалерыстыка. Довідково-інформаційний журнал. International Coin Trend Magazine*. 2019. № 2 (90). С. 31–39 [Zakharov A. O. The Guerilla Star and Campaign Medals of Indonesia: History and Symbolism of Early Indonesian Awards. *Numizmatyka i falerystyka. International Coin Trend Magazine*. 2019. 2 (90). Pp. 31–39 (in Russian)].
- Захаров А. О. Медали Индонезии за Западный Ириан. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020а. № 1. С. 170–177 [Zakharov A. O. The Medals of Indonesia for West Irian Campaigns. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2020a. 1. Pp. 170–177 (in Russian)].
- Захаров А. О. Священная звезда — военный орден Индонезии. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020б. № 3. С. 217–228 [Zakharov A. O. The Military Award of Indonesia *Bintang Sakti* — The Sacred Star. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2020b. 3. Pp. 217–228 (in Russian)].
- Захаров А. О. *Bintang Budaya Parama Dharma* — индонезийский орден «За заслуги в области культуры». *Вестник Института востоковедения РАН*. 2021а. № 1. С. 162–176 [Zakharov A. O. *Bintang Budaya Parama Dharma* — The Indonesian Order for Cultural Merits. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2021a. 1. Pp. 162–176 (in Russian)].
- Захаров А. О. Индонезийский орден «За особые военные заслуги» — *Bintang Yudha Dharma*. *Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение*. 2021б. № 4. С. 103–117 [Zakharov A. O. The Grand Meritorious Military Order Star of Indonesia—*Bintang Yudha Dharma*. *Vestnik Moskovskogo Universiteta*. Ser. 13. *Vostokovedenie*. 2021b. 4. Pp. 103–117 (in Russian)].
- Захаров А. О. Индонезийский орден *Bintang Jalasena* — Морская звезда. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2021в. № 3. С. 166–177 [Zakharov A. O. *Bintang Jalasena* — the Navy Meritorious Service Star of Indonesia. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2021b. 3. Pp. 166–177].
- Капица М. С., Малетин Н. П. *Сукарно: политическая биография*. М., 1980 [Kapitsa M. S., Maletin N. P. *Sukarno: A Political Biography*. Moscow, 1980 (in Russian)].
- Попов А. В. *Экономика Индонезии: современное состояние и тенденции развития*. М., 2019 [Popov V. A. *Economy of Indonesia: Current state and tendencies of development*. Moscow, 2019 (in Russian)].
- Тюрин В. А. *История Индонезии*. М., 2004 [Tiurin V. A. *A History of Indonesia*. Moscow, 2004 (in Russian)].
- Adi A. Kresna. *Soedirman: Bapak Tentara Indonesia*. Yogyakarta, 2011.
- Agoes Subekti. *Sejarah Tentara Nasional Indonesia Angkatan Laut*. I. *Periode perang kemerdekaan, 1945–1950*. Jakarta, 2012.
- Anderson B. R. O'G. *Java in a Time of Revolution: Occupation and Resistance, 1944–1946*. Jakarta: Equinox, 2006.
- Arrohman P., Trubus Rahardiansyah P., Chris Siner Key Timu. *Ali Sadikin, visi dan perjuangan sebagai guru bangsa*. Jakarta, 2004.
- Daves J. H. *The Indonesian Army from Revolusi to Reformasi*. Vol. 1: *The Struggle for Independence and the Sukarno Era*. Scotts Valley, 2013a.
- Daves J. H. *The Indonesian Army from Revolusi to Reformasi*. Vol. 2: *Soeharto and the New Order*. Scotts Valley, 2013b.

- Imran A. *Sedjarah Perkembangan Angkatan Darat*. Bandung, 1971.
- Imran A. *Panglima Besar Jenderal Soedirman*. Jakarta, 1980.
- Marsono (ed.). *Profil Kepala Staf Angkatan Darat Ke. 1 s.d. Ke-26*. Bandung, 2011.
- Nasution A. H. *Tentara Nasional Indonesia*. Jilid I, Cetakan II. Bandung, 1963.
- Nasution A. H., Roem M., Lubis M., Mochtar K. S., Maimoen (ed.). *Takhta untuk Rakyat: Celah-celah Kehidupan Sultan Hamengku Buwono IX (edisi ke-Revised)*. Jakarta, 1982, 2011.
- Profil Komandan Corps Marinier Ke-1. *LAKSAMANA MUDA LAUT AGOES SOEBEKTI. Marinir*. No. 73 Edisi Khusus – 15 November 1995. P. 29.
- Prsetyo A., Hadad T. (ed.). *Jenderal Tanpa Pasukan, Politisi Tanpa Partai: Perjalanan Hidup A.H. Nasution* (dalam bahasa Indonesia). Jakarta, 1998.
- Said S. *Genesis of Power: General Sudirman and the Indonesian Military in Politics, 1945–49*. Singapura, 1991.
- Salam S. *Umar Wiradikusumah: Pengabdian Seorang Prajurit*. Jakarta, 1994.
- Sardiman. *Guru Bangsa: Sebuah Biografi Jenderal Sudirman*. Yogyakarta, 2008.
- Setiadi P., Yuliawati. *Sudirman: A Soldier's Story*. Tempo English. Jakarta, 2012.
- Sudarmanto J. B. *Jejak-Jejak Pahlawan: Perekat Kesatuan Bangsa Indonesia*. Jakarta, 2007.
- Tjokropranolo Arifin, Marzuki (ed.). *Panglima Besar TNI Jenderal Soedirman: Pemimpin Pendobrak Terakhir Penjajahan di Indonesia: Kisah Seorang Pengawal*. Jakarta, 1992.

Электронные ресурсы / Electronic sources

- Abdul Haris Nasution. *Wikipedia*. URL: https://id.wikipedia.org/wiki/Abdul_Haris_Nasution (дата обращения 15.03.2022).
- Ahmad Yani. *Wikipedia*. URL: https://id.wikipedia.org/wiki/Ahmad_Yani (дата обращения 02.04.2022).
- Agoes Soebekti. *Wikipedia*. URL: https://id.wikipedia.org/wiki/Agoes_Soebekti (дата обращения 02.04.2022).
- Ali Sadikin. *Wikipedia*. URL: https://id.wikipedia.org/wiki/Ali_Sadikin (дата обращения 02.04.2022).
- Bambang Soegeng. *Wikipedia*. URL: https://id.wikipedia.org/wiki/Bambang_Soegeng (дата обращения 02.04.2022).
- Bambang Utoyo. *Wikipedia*. URL: https://id.wikipedia.org/wiki/Bambang_Utoyo (дата обращения 02.04.2022).
- Bintang Gerilya. *Museum Militerku*. 05.03.2017. URL: <https://museummiliterku.blogspot.com/2017/03/bintang-gerilya.html> (дата обращения 05.04.2022).
- Bintang Gerilya. *Wikipedia*. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Orders,_decorations,_and_medals_of_Indonesia#/media/File:Bintang_Gerilya.jpg (дата обращения 03.04.2022).
- Colonel R. Soehadi of the Indonesian Navy's Commando Corps. *Wikipedia*. URL: https://id.wikipedia.org/wiki/R._Soehadi#/media/Berkas:Kol_Soehadi,_Jalesveva_Jayamahe,_p109.jpg (дата обращения 02.04.2022).
- Diploma of Bintang Gerilya. *Wikipedia*. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Orders,_decorations,_and_medals_of_Indonesia#/media/File:Indonesian_Military_Honour.jpg (дата обращения 03.04.2022).
- Djatikoesoemo. *Wikipedia*. URL: <https://id.wikipedia.org/wiki/Djatikoesoemo> (дата обращения 02.04.2022).
- Guerilla Star (Bintang Gerilja). *Gentleman's Military Interest Club*. 12.09.2011. URL: <https://gmic.co.uk/topic/51098-guerilla-star-bintang-gerilja/#comment-467835> (дата обращения 01.04.2022).

- Hukumonline.com*. URL: <https://www.hukumonline.com/berita/a/penerima-gelar-bintang-gerilya-berhak-dimakamkan-di-kalibata-lt5050ba17a8bb9?page=2> (дата обращения 01.04.2022).
- Indonesian military decorations. *Wikipedia*. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Orders_decorations_and_medals_of_Indonesia#/media/File:Indonesian_Military_Honour.jpg (дата обращения 03.04.2022).
- Indonesian Navy (1960). *Jalesveva Jayamahe*. URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/8/80/Jalesveva_Jayamahe_%28full_book%29.pdf (дата обращения 05.04.2022).
- Laksamana Muda TNI Agoes Soebekti. Komandan Kodiklatal (1968–1971). *Wikipedia*. URL: https://id.wikipedia.org/wiki/Agoes_Soebekti#/media/Berkas:DanKodiklatal_Agoes_Soebekti.jpg (дата обращения 02.04.2022).
- Laksamana Muda Udara (Anumerta) RA. Wiriadinata. Komandan Korps Pasukan Khas. *Wikipedia*. URL: https://id.wikipedia.org/wiki/RHA_Wiriadinata#/media/Berkas:Dankorpaskhas_RHA_Wiriadinata.jpg (дата обращения 02.04.2022).
- Maraden Panggabean. *Wikipedia*. URL: https://id.wikipedia.org/wiki/Maraden_Panggabean (дата обращения 15.03.2022).
- Musannif Ryacudu. *Wikipedia*. URL: https://id.wikipedia.org/wiki/Musannif_Ryacudu (дата обращения 26.03.2022).
- Penerima Gelar Bintang Gerilya Berhak Dimakamkan di Kalibata. *Hukumonline.com*. 12.09.2012. URL: <https://www.hukumonline.com/berita/a/penerima-gelar-bintang-gerilya-berhak-dimakamkan-di-kalibata-lt5050ba17a8bb9> (дата обращения 01.04.2022).
- Peraturan Pemerintah (PP) Nomor 8 Tahun 1949 Mengadakan Bintang Gerilya Sebagai Tanda Jasa. *JDIH BKP RI Database Peraturan*. <https://peraturan.bpk.go.id/Home/Details/64070/pp-no-8-tahun-1949> (дата обращения 01.04.2022).
- R. E. Martadinata. *Wikipedia*. URL: https://id.wikipedia.org/wiki/R._E._Martadinata (дата обращения 02.04.2022).
- R. Soehadi. *Wikipedia*. URL: https://id.wikipedia.org/wiki/R._Soehadi (дата обращения 02.04.2022).
- RHA Wiriadinata. *Wikipedia*. URL: https://id.wikipedia.org/wiki/RHA_Wiriadinata (дата обращения 02.04.2022).
- Soedirman. *Wikipedia*. URL: <https://id.wikipedia.org/wiki/Soedirman> (дата обращения 02.04.2022).
- Soerjadi Soerjadarma. *Wikipedia*. URL: https://id.wikipedia.org/wiki/Soerjadi_Soerjadarma (дата обращения 02.04.2022).
- Sudomo. *Wikipedia*. URL: <https://id.wikipedia.org/wiki/Sudomo> (дата обращения 01.04.2022).
- Sukotjo. *Wikipedia*. URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Sukotjo> (дата обращения 02.04.2022).
- Suryadarma. *Wikipedia: Baumarna* *Mardika*. URL: https://jv.wikipedia.org/wiki/Soerjadi_Soerjadarma#/media/Barkas:Suryadarma.jpg (дата обращения 02.04.2022).
- Tantri Setyorini. Bintang gerilya, tanda kehormatan paling sakral RI. Merdeka.com. 17.08.2015. URL: <https://www.merdeka.com/gaya/bintang-gerilya-tanda-kehormatan-paling-sakral-ri.html> (дата обращения 01.04.2022).
- Umar Wirahadikusumah. *Wikipedia*. URL: https://id.wikipedia.org/wiki/Umar_Wirahadikusumah (дата обращения 15.03.2022).
- Undang-undang Darurat No. 7 Tahun 1958. Penggantian Peraturan tentang Bintang Gerilya ebagai Termaksud Dalam Peraturan Pemerintah No. 8 Tahun 1949. *JDIH BKP RI Database Peraturan*. URL: <https://peraturan.bpk.go.id/Home/Details/51811/uudrt-no-7-tahun-1958> (дата обращения 01.04.2022).
- Undang-Undang (UU) No. 8 Tahun 1964 tentang Penetapan Peraturan Pemerintah Pengganti Undang-Undang No. 1 Tahun 1964 (Lembaran Negara Tahun 1964 No. 1) tentang Perubahan dan Tambahan Undang-Undang No. 21 Tahun 1959 (Lembaran Negara Tahun 1959 No. 65) tentang Penetapan Menjadi Undang-Undang Darurat No. 7 Tahun 1958 (Lembaran Negara Tahun 1958 No. 154)

tentang Penggantian Peraturan Tentang Bintang Gerilya Sebagai Termaktub Dalam Peraturan Pemerintah No. 8 Tahun 1949, Menjadi Undang-Undang. *JDIH BKP RI Database Peraturan*. <https://peraturan.bpk.go.id/Home/Details/50290/uu-no-8-tahun-1964> (дата обращения 01.04.2022).

Undang-Undang (UU) No. 21 Tahun 1959 tentang Penetapan Undang-Undang darurat No. 7 Tahun 1958 Tentang Penggantian Peraturan Tentang Bintang Gerilya Sebagaimana Termaktub Dalam Peraturan Pemerintah No. 8 Tahun 1949 (Lembaran-Negara Tahun 1958 No. 154), Sebagai Undang-Undang. *JDIH BKP RI Database Peraturan*. URL: <https://peraturan.bpk.go.id/Home/Details/51485/uu-no-21-tahun-1959> (дата обращения 01.04.2022).

Undang-Undang Republik Indonesia Nomor 20 Tahun 2009 Tentang Gelar, Tanda Jasa, Dan Tanda Kehormatan. *Kementerian Luar Negeri*. URL: <https://pih.kemlu.go.id/files/UU%2020%202009.pdf> (дата обращения 08.08.2020).

Undang-undang (UU) tentang Perubahan dan Tambahan Ketentuan Mengenai Beberapa Jenis Tanda Kehormatan Republik Indonesia Yang Berbentuk Bintang dan Tentang Urutan Derajat/Tingkat Jenis Tanda Kehormatan Republik Indonesia yang Berbentuk Bintang. *JDIH BPK RI. Database Peraturan*. URL: <https://peraturan.bpk.go.id/Home/Details/47551/uu-no-4-tahun-1972> (дата обращения 08.08.2020).

DOI: 10.31696/2618-7302-2022-1-184-192

100 ЛЕТ ЮРИЮ МИХАЙЛОВИЧУ ПАРФИОНОВИЧУ

© 2022

И. В. Григорьев*

Материал написан к 100-летию выдающегося российского тибетолога, сотрудника Института востоковедения АН СССР (ныне Институт востоковедения РАН) Юрия Михайловича Парфионовича. Освещены основные периоды жизни, включая участие в боевых операциях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и работу в мирное время в качестве специалиста в области востоковедения. Судьбоносное значение для Ю. М. Парфионовича в становлении его как тибетолога имело сотрудничество с всемирно известным востоковедом Юрием Николаевичем Рерихом. В дальнейшем, следуя заложенному Ю. Н. Рерихом пути, Ю. М. Парфионович осуществил целый ряд крупных научных работ в тибетологии, которые получили высокую оценку у коллег в Советском Союзе и среди именитых зарубежных специалистов. К таким научным трудам относятся, в первую очередь: «Краткий тибетско-русский словарь» (в соавторстве с Б. В. Семичевым и Б. Д. Дандароном), опубликованный более чем через сто лет после предыдущего аналогичного издания Я. И. Шмидта; учебное пособие «Тибетский письменный язык»; многотомное издание «Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями», начатый Ю. Н. Рерихом и значительно дополненный и подготовленный к публикации Ю. М. Парфионовичем и В. С. Дылыковой; переводы с тибетского двух крупных буддийских текстов — философско-нравственного трактата «Сутра о мудрости и глупости» и медицинского трактата «Голубой берилл» («Атлас тибетской медицины»). Научное наследие Ю. М. Парфионовича остается актуальным для отечественного востоковедения и имеет важное значение для развития культурного сотрудничества России со странами Азии, исповедующими буддизм.

Ключевые слова: Ю. М. Парфионович, востоковедение, тибетология, буддология, Институт востоковедения АН СССР.

Для цитирования: Григорьев И. В. 100 лет Юрию Михайловичу Парфионовичу. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2022. № 1. С. 184–192. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-1-184-192

100TH ANNIVERSARY OF YURI MIKHAILOVICH PARFIONOVICH

Igor V. Grigoriev

The paper was written for the 100th anniversary of the outstanding Russian Tibetologist, researcher of the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences (now Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences) Yuri M. Parfionovich. The publication provides main periods of his life, including his participation in military operations of the Great Patriotic War of 1941–1945 and his work in peacetime as a specialist in the field of Oriental studies. Collaboration with the world-famous orientalist Yuri N. Roerich was of crucial importance for Yu. M. Parfionovich in his self-development as a Tibetology scholar. Later, following the path laid by Yu. N. Roerich, Yu. M. Parfionovich carried out several major

* Игорь Владимирович ГРИГОРЬЕВ, кандидат биологических наук, независимый исследователь, Москва; ivg21@rambler.ru

Igor V. GRIGORIEV, Ph. D. (Biology), independent researcher, Moscow; ivg21@rambler.ru

ORCID ID: 0000-0002-1333-2413

academic projects in Tibetology, highly appreciated by his colleagues in the Soviet Union and by some eminent foreign specialists. Such scholarly works include, first of all: “A Concise Tibetan-Russian Dictionary” (co-authored with B. V. Semichev and B. D. Dandaron), published more than a hundred years after the previous similar publication by Ya. I. Schmidt; the textbook “Tibetan Written Language”; the multi-volume edition “Tibetan-Russian-English Dictionary with Sanskrit Parallels”, conceived by Yu. N. Roerich and significantly supplemented and prepared for publication by Yu. M. Parfionovich and V. S. Dylykova; translations of two major Buddhist texts from Tibetan — philosophical and moral treatise “The Sutra on Wisdom and Folly” and the medical treatise “Blue Beryl” (“Atlas of Tibetan Medicine”). The academic heritage of Yu. M. Parfionovich remains relevant for domestic Oriental studies and stays important for the development of cultural cooperation between Russia and Asian countries that profess Buddhism.

Keywords: Yuri M. Parfionovich, Oriental Studies, Tibetology, Buddhology, Institute of Oriental Studies of Academy of Sciences of USSR.

For citation: Grigoriev I. V. 100th Anniversary of Yuri Mikhailovich Parfionovich. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2022. 1. Pp. 184–192. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-1-184-192

В 2021 г. исполнилось 100 лет со дня рождения выдающегося российского востоковеда Юрия Михайловича Парфионовича. Этот повод предоставляет возможность еще раз осветить основные вехи жизни и посмотреть на результаты трудов этого замечательного ученого с позиции современности.

Юрий Михайлович Парфионович родился 21 сентября 1921 г. в Москве. Его родителями были Михаил Исидорович Парфионович, происходивший из города Лида в западной части Белоруссии, и москвичка Анна Савельевна Парпина. В 1939 г. Юрий Парфионович окончил московскую среднюю школу № 315. В 19 лет вступил в ряды Красной Армии, участвовал в Финской войне как боец, а затем как командир отделения. В 1940 г. он поступил в Куйбышевскую военно-медицинскую академию на курсы подготовки военных хирургов. Но уже через год началась Великая Отечественная война, и Юрий Парфионович обратился к руководству Академии об отправке в действующую армию. По окончании первого курса его просьба была удовлетворена, и с июля 1942 г. он сражался на передовой до самого конца войны.

Боевой путь Юрия Михайловича Парфионовича включал битву за Сталинград, бои на Курской дуге, ожесточенные бои за Харьков с форсированием вброд студеных вод Северного Донца в марте 1943 г., сражение за Кривой Рог, освобождение Украины, Белоруссии и Польши, тяжелые бои в Восточной Пруссии, штурм Кенигсберга и Берлина. Победу он встретил в Праге. На фронтах Великой Отечественной войны Ю. М. Парфионович получил три ранения и тяжелую контузию, из-за которой впоследствии потерял слух. За доблесть и мужество Юрий Михайлович был награжден медалью «За боевые заслуги», медалью «За победу над Германией», двумя орденами «Красная Звезда» и Орденами Отечественной войны I и II степеней.

По окончании Великой Отечественной войны Ю. М. Парфионович больше года работал переводчиком немецкого языка в Германии. В сентябре 1946 г. он поступил в Московский институт востоковедения на китайское отделение, но по окончании третьего курса его направили в долгосрочную командировку в Китай с группой советских специалистов в качестве переводчика китайского языка. В этой командировке он непосредственно соприкоснулся с трагическими событиями Корейской войны (1950–1953).

В марте 1953 г. Ю. М. Парфионович возвратился в Советский Союз, экстерном сдал экзамены в Московском институте востоковедения и, получив диплом, поступил на работу

научным сотрудником в Институт востоковедения Академии наук СССР. В качестве синолога он опубликовал ряд статей, посвященных Китаю [Парфионович, 1957; 1958]. Вскоре, в возрасте 36 лет он был направлен в Институт национальных меньшинств в Пекине, где в течение двух лет изучал тибетский язык.

По возвращении в Москву произошло его знакомство с всемирно известным востоковедом Юрием Николаевичем Рерихом¹, ранее приехавшим из Индии и возглавившем в Институте востоковедения Академии наук СССР сектор философии и истории религий отдела Индии. Ю. М. Парфионович становится его учеником, а затем и главным продолжателем работы Рериха по развитию отечественной тибетологии.

Юрий Михайлович пришел в востоковедение, когда за десятилетия до него целая плеяда выдающихся ориенталистов уже заложила фундамент этого направления отечественной науки, но профессиональный ресурс этой школы был разрушен в годы репрессий, и его предстояло восстанавливать. Приезд в 1957 г. в Советский Союз Юрия Николаевича Рериха придал этому процессу новый импульс.

Одним из непосредственных участников созидания советской востоковедной школы оказался Юрий Михайлович Парфионович. Благодаря своим природным задаткам и живому контакту с профессором Рерихом он достаточно быстро включился в ход развития отечественной тибетологической науки. Тибетско-русский словарь, созданный Ю. М. Парфионовичем вместе с Б. В. Семичевым² и Б. Д. Дандароном³ [Краткий тибетско-русский словарь, 1963], работа Парфионовича, посвященная тибетскому письменному языку [Парфионович, 1970] и его перевод с тибетского «Сутры о мудрости и глупости» [Сутра о мудрости и глупости, 1978] спустя более чем сто лет обновили и существенно дополнили заложенное в отечественной тибетологии одним из родоначальников российского востоковедения Яковом Ивановичем Шмидтом⁴.

¹ Рерих Юрий Николаевич (1902–1960) — востоковед, лингвист, искусствовед, этнограф, путешественник, специалист по языку и культуре буддийского Востока, преимущественно — Индии, Монголии и Тибета. Родился в селе Окуловка Новгородской губернии Российской империи. Высшее образование в области востоковедения получил на персидском и санскритском отделении Школы восточных языков в Лондонском университете (1919–1920), в Гарвардском университете США (1921–1922), на Среднеазиатском и Тибето-Монгольском отделениях Колледж де Франс и Школы Высших исследований Парижского университета (1922–1923). С 1923 г. — в Индии. Директор Института Гималайских исследований «Урусвати» (1931–1942), редактор периодического научного журнала Института — «Урусвати» и серии «Tibetica». После 1957 г. работал в Институте востоковедения Академии наук СССР. Среди научных трудов: книги «Тибетская живопись», «По тропам Средней Азии», «История Средней Азии», «Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями», «Синяя летопись: история буддизма в Тибете» (перевод с тиб.), «Тибетский язык».

² Семичов (Семичев) Борис Владимирович (1900–1981) — тибетолог, индолог, буддолог. Родился в Санкт-Петербурге. В 1928 г. окончил индо-тибетский разряд факультета общественных наук Ленинградского государственного университета. Среди основных работ: «Тибетская медицина в Бурят-Монг. АССР», «Краткий тибетско-русский словарь»; «Словарь тибетско-латино-русских названий лекарственного растительного сырья, применяемого в тибетской медицине»; «Васубандху. Абхидхармакоша» (три тома).

³ Дандарон Бидия Дандарович (1914–1974) — тибетолог, буддолог. Родился в урочище Соорхой (Суархэ) в Бурятии. Обучался в Авиаприборостроительном институте в Ленинграде, а также на Восточном факультете Ленинградского государственного университета. Среди научных трудов: «Описание тибетских рукописей и ксилографов Бурятии», «Источник мудрецов: Парамита и мадхьямака», «История Кукунора» (перевод с тиб.), «Краткий тибетско-русский словарь», «О тибетско-монгольском слове «Источник мудрецов», «Буддийская теория индивидуального Я».

⁴ Шмидт Яков Иванович (Schmidt Isaak Jakob, 1779–1847) — монголовед и тибетолог первой половины XIX в., основатель монголоведения как научной дисциплины. Родился в Амстердаме в Нидерландах. В 1798 г. переехал

В конце 1950-х гг. Юрий Николаевич Рерих формулирует ключевые позиции стратегии развития отечественного востоковедения, куда включает изучение философии Востока, освоение письменных источников, подготовку высококвалифицированных кадров [Рерих, 2012, с. 252]. Для этих задач было необходимо создание большого тибетского словаря. Работу над таким словарем Ю. Н. Рерих начал еще в 1920-х гг. в Индии и позднее планировал ее завершение при возвращении в Россию.

В русле этих задач прошел длительный период (около 27 лет) жизни Юрия Михайловича Парфионовича, значительная часть которого была посвящена завершению начатой Рерихом работы по созданию Тибетско-русско-английского словаря с санскритскими параллелями. Масштаб выполненного Ю. М. Парфионовичем в этом направлении — 10 книг самого словаря (всего 155 п. л.), каждая из которых в зависимости от объема включает от 5 до более чем 7 тысяч тибетских слов и выражений [Рерих, 1983–1987]. Хотя Ю. М. Парфионович внес в первоначальный вариант словаря Ю. Н. Рериха весьма значительный объем новой лексики, в силу скромности и благородства он обозначил себя не в качестве соавтора, а в качестве редактора этого издания.

Юрий Михайлович был отзывчивым человеком и стремился, чтобы наработанный им научный багаж приносил практическую пользу — многие коллеги учились у него тибетскому языку, получали квалифицированную поддержку в научной работе, черпали знания из его публикаций. Широко раскрывался его дух русского былинного богатыря — он самоотверженно защищал Родину и плодотворно трудился на мирной ниве.

Специалисты за рубежом высоко оценили «Краткий тибетско-русский словарь» Ю. М. Парфионовича. Знают Юрия Михайловича и по переводам его книг, среди которых «Тибетский письменный язык» на английском [Parfionovich, 1982] и «Каменный лев» на венгерском [A kőoroszlán, 1984]. Последний был издан к международной конференции в Венгрии, посвященной 200-летию Чома де Кёрёши⁵. Отдавая должное научному потенциалу Юрия Михайловича, востоковеды других стран устанавливают с Парфионовичем и личные профессиональные контакты. Среди этих зарубежных коллег старший брат Далай-ламы Тубтен Джигме Норбу⁶, приехавший из США; крупнейший исследователь и переводчик

в Россию, где у калмыков освоил калмыцкий, монгольский и тибетский языки. С 1828 г. вел работу по разбору текстов монгольско-тибетско-калмыцкой коллекции Азиатского музея в Санкт-Петербурге. Первым начал исследование центральноазиатского эпоса о царе Гессере. Создал фундаментальные труды по тибетологии. Осуществил перевод с тибетского на немецкий «Сутры о мудрости и глупости». Среди основных трудов: «Исследования в области древней религиозной, политической и литературно-образовательной истории народов Центральной Азии, особенно монголов и тибетцев»; «Грамматика монгольского языка», «Монгольско-немецко-русский словарь»; «Подвиги Гессер-хана», «Грамматика тибетского языка», «Тибетско-немецкий словарь», «Тибетско-русский словарь».

⁵ Александр Чома де Кёрёши (Kőrösi Csoma Sándor, 1784–1842) — филолог-востоковед. Родился в Ковасна в Трансильвании. Образование получил в Геттингенском университете в Нижней Саксонии. Один из основателей научной тибетологии. Опубликованные труды: «Очерки к тибетскому и английскому словарю», «Грамматика тибетского языка на английском языке», «Тезисы Чома де Кёрёши», «Санскритско-тибетско-английский словарь», «Тибетские исследования», «Жизнь и учение Будды».

⁶ Тубтен Джигме Норбу (Thubten Jigme Norbu, 1922–2008) — тибетолог, старший брат 14-го Далай-ламы. Родился в горной деревне Такпер в провинции Амдо в Тибете. Получил буддийское образование в монастыре Кумбум в Амдо. Один из первых известных тибетцев, поселившихся в США. Профессор тибетологии в университете Индианы в Блумингтоне. В 1979 г. в Блумингтоне основал Тибетский культурный центр. Среди произведений: «Тибет — моя страна», «Тибет: его история, религия и люди».

трактатов по тибетской медицине из Германии Элизабет Финч⁷; известный американский востоковед, профессор Колумбийского университета США Алекс Вейман⁸; выдающийся востоковед Индии, глава Международной академии индийской культуры профессор Локеш Чандра⁹; такие крупные тибетологи Европы, как профессор Боннского университета Германии Клаус Загастер¹⁰, профессор Геза Бетленфальви¹¹ и профессор Кара Дьердь¹² из Венгерской академии наук, директор Института тибетских исследований Франции профессор Анна-Мари Блондо¹³ и профессор Национального института языков восточных

⁷ Элизабет Финч (Elisabeth Finckh, 1912–1993) — врач, тибетолог. Родилась в Вюрцбурге (Германия). Исследователь тибетской медицины, основы которой изучала в Дхарамсале. Перевела на немецкий язык важнейшие медицинские тексты Тибета, включая «Чжуд-ши». Среди трудов: «Исследования тибетской медицины», «Основы тибетской медицины», «Дерево тибетской медицины».

⁸ Алекс Вейман (Alex Wayman, 1921–2004) — тибетолог, индолог. Родился в Чикаго. Образование в области математики, санскрита и тибетского языка получил в течение 1940–1950-х гг. в Калифорнийском университете в Лос-Анжелесе и Беркли. Профессор санскрита в Колумбийском университете (1967–1991), где преподавал классический санскрит, гибридный буддийский санскрит, индийскую философию, Веда, индуистскую и буддийскую тантру, индийский буддизм, тибетский буддизм, тибетскую цивилизацию, историю астрологии. Старший редактор издававшейся в Индии серии «Буддийские традиции». Среди публикаций: «Просветление Вайрочаны», «Развязывая узлы в буддизме», «Тысячелетие буддийской логики».

⁹ Локеш Чандра (Lokesh Chandra, р. 1927) — исследователь искусства, философии и литературы ведического периода Индии, буддийской культуры стран Азии. Родился в Амбала в Индии. Образование получил в Пенджабском университете в Индии (1947) и в государственном университете Утрехта в Нидерландах (1950). Директор Международной академии индийской культуры (с 1963 г.). Автор большого числа многотомных публикаций, среди которых: «Тибетско-санскритский словарь», «Материалы по истории литературы Тибета», «Энциклопедия Конгтрула по индо-тибетской культуре», «Культурные горизонты Индии».

¹⁰ Клаус Загастер (Klaus Sagaster, р. 1933) — востоковед, специалист по культуре и истории Центральной Азии, Тибета и Монголии. Родился в Богемии. Образование в области китайоведения, тибетологии, монголоведения, индологии и древнетюркской филологии получил в университетах Лейпцига, Геттингена, Копенгагена и Бонна. С 1982 г. профессор Боннского университета. Исполнительный президент международного исследовательского сообщества Societas Uralo-Altaica (1994–2003). Среди публикаций: «Белая история. Монгольский источник доктрины двух религиозных и государственных структур в Тибете и Монголии», «Монгольский буддизм: история», «О символике тибетской книги».

¹¹ Геза Бетленфальви (Bethlenfalvy Géza, р. 1936) — наряду с Д. Кара один из наиболее выдающихся представителей венгерской школы монголистики Л. Лигети. Родился в селе Гунцовце (Huncovce) в Словакии. Получил образование в области венгерской лингвистики и литературы, а также индологии в Университете Этвеша Лоранда в Будапеште (1963). После этого работал научным сотрудником Исследовательской группы алтайских исследований Венгерской академии наук. Профессор Университета Дели в Индии (1974–1980). Директор Венгерского культурного центра в Дели (1994–2000). Среди трудов: «Иллюстрации к тибетским книгам», «Каталог Канджура», «Очарованные Индией: Эрвин Бактай, жизнь и труды».

¹² Кара Дьердь (Kara György, р. 1935) — монголовед, тунгусо-маньчжурист, тюрколог. Родился в Будапеште. В 1958 г. окончил философский факультет Университета имени Лоранда Этвеша по специальности «востоковедение» и начал работать на кафедре Центральной Азии. С 1972 г. заведующий этой кафедры, с 1975 г. руководитель группы алтаистики. С 1988 г. работает в США, профессор Университета Индианы (Блумингтон). В 1967–1968 и 1979 гг. работал с монгольскими материалами в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР. Среди основных публикаций: «Книги монгольских кочевников. Семь веков монгольской письменности», «Каталог собрания монгольских и маньчжурских рукописей и киелографов Венгерской академии наук», «Средневековые монгольские документы из Харахото и Восточного Туркестана в Санкт-Петербурге».

¹³ Анна-Мари Блондо (Anne-Marie Blondeau, р. 1935) — тибетолог. Родилась в Санлисе (Франция). Получила востоковедное образование. Директор Центра исследований тибетских религий (Центр документации по тибетскому региону, 1975–2003), директор Центра тибетских исследований (Институт тибетских исследований, 1981–1995). Среди публикаций: «Тибетские горные божества», «Французско-тибетский тематический словарь разговорного тибетского языка», «Тибетский эпос о Гесаре».

цивилизаций в Париже Хизер Стоддард¹⁴. Многие зарубежные коллеги посещают Юрия Михайловича и его супругу Вилену Санджеевну¹⁵ в их гостеприимной квартире. Супружеской чете Ю. М. Парфионовича и В. С. Дылыковой поступают официальные приглашения из зарубежных стран совершить рабочие командировки. Приглашения приходят в том числе из Великобритании и Индии. Все это говорит о признании Парфионовича и его супруги как серьезных востоковедов на международном уровне.

Вся тибетологическая работа Юрия Михайловича заняла всего чуть более 30 лет — с конца 1950-х до 1990 г. За этот относительно небольшой период было выпущено 10 книг словаря Ю. Н. Рериха, многостраничный том «Атласа тибетской медицины» [Атлас тибетской медицины, 1994], создан словарь современного тибетского языка (21 тыс. слов), учебник тибетского письменного языка, две книги тибетских сказок [Игра Веталы с человеком, 1969; Каменный лев, 1976] и «Сутра о мудрости и глупости». Эти 15 книг и большой том «Атласа тибетской медицины» составляют лишь основные труды Юрия Михайловича Парфионовича. Конечно, во все эти труды были вложены силы и других сотрудников, и главным помощником всегда и во всем была и оставалась его верная супруга Вилен Санджеевна Дылыкова.

При участии Вилены Санджеевны к 100-летию Ю. М. Парфионовича была подготовлена и опубликована небольшая брошюра [Парфионович Юрий Михайлович, 2021]. В процессе ее подготовки издательская группа установила рабочие контакты с несколькими знакомыми с Юрием Михайловичем востоковедами из Европы и Индии, к которым обратились с просьбой поделиться воспоминаниями о встречах с ним. Представляется уместным привести выдержки из одного такого воспоминания из письма известного индийского ученого профессора Локеша Чандры:

«Юрий Парфионович — как продолжение сказочного мира семьи Рерихов, которая воплотила в себе эстетический, интеллектуальный и духовный союз с Индией, Тибетом, Монголией и наследием России...

Возвращение Юрия Рериха в Москву было решающим шагом в новом открытии Востока для России, и Парфионович олицетворяет этот исторический ренессанс...

¹⁴ Хизер Стоддард (Heather Stoddard) — тибетолог. Родилась в городе Эпсом (Англия). Изучала китайский и тибетский языки в Лондонском университете и в Сорбонне. Профессор Национального института языков восточных цивилизаций в Париже. Среди публикаций: «Чистое зеркало: преподавание тибетской грамматики» (перевод с тиб.), «Тибетский пантеон: его монгольская форма», «Ранняя тибетская живопись: источники и стили (XI–XIV века)», «Раннее китайско-тибетское искусство».

¹⁵ Дылыкова Вилен Санджеевна (р. 1938) — востоковед, тибетолог, буддолог. Лауреат Международной премии имени Николая Рериха в номинации «Сохранение рериховского наследия» (2017). Родилась в Ленинграде. Окончила кафедру китайского языка в Институте восточных языков Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова по специальности «китайский язык и литература Китая» (1962). По окончании университета работала научным сотрудником в Институте востоковедения Академии наук СССР (ныне Институт востоковедения Российской академии наук). Ученик Ю. Н. Рериха и продолжатель заложенной им линии развития российской тибетологии. Совместно с Ю. М. Парфионовичем осуществила с доработку и издание обширной рукописи Ю. Н. Рериха «Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями» (Т. 1–10, 1983–1987; т. 11, 1993). Координатор подготовки перевода медицинского трактата Сангье Гьяцо «Голубой берилл», сделанного Ю. М. Парфионовичем, и опубликованного первоначально на английском языке [Tibetan Medical Paintings, 1992], а затем на русском [Атлас тибетской медицины, 1994]. Среди основных публикаций: «Тибетская литература», перевод с английского работы Ю. Н. Рериха «Сказание о царе Кэсаре Лингском», «Тибетская агнографическая литература», «Калачакра тантра» (перевод с тиб.).

Празднование столетия со дня рождения Юрия Парфионовича является подтверждением творческого дискурса и возрождения славных традиций русской тибетологии (Нью-Дели, сентябрь 2021 года)» [Парфионович Юрий Михайлович, 2021, с. 13–16].

В ходе подготовки брошюры и общения с зарубежными коллегами состоялась некоторая полемика с востоковедами Европы о том, можно ли говорить о Юрии Михайловиче Парфионовиче как о величине международного уровня в одном ряду с Юрием Николаевичем Рерихом и Джузеппе Туччи. Скептическая позиция европейских коллег в этом отношении была вполне понятна. Так, Джузеппе Туччи, крупнейший итальянский ориенталист, участвовал в проведении экспедиций в Азию, написал значительное число книг, организовал несколько серий научных журналов; это прекрасный пример, когда талантливый специалист посвящает свои ранние годы всестороннему образованию, а дальше трудится при серьезной государственной поддержке. В лице же Ю. М. Парфионовича мы имеем пример российского ученого, молодые годы которого были отданы защите Родины на войне, забравшей часть его физических и душевных сил. После этого Парфионовичу пришлось трудиться в достаточно сложной социальной обстановке того времени и возрождать тибетологию и буддологию в атмосфере активного отечественного атеизма. Тем не менее и на таком фоне Юрию Михайловичу удалось создать значимые для отечественного востоковедения труды. С высоты сегодняшнего дня мы можем говорить, что Юрий Михайлович Парфионович — гордость российской науки. Он выстоял в сложных условиях и протянул нить связи от великих буддологов России XIX в. и первой половины XX в. к нашему времени. Юрий Михайлович заслуженно находится в ряду ученых, являющихся национальным достоянием России.

Еще один важный момент. 1990-е гг., разрушение Советского Союза, ведущие страны Запада воспринимают падение России и ее идеалов как поражение во всем. На этом фоне при участии известного британского издателя в Лондоне выходит перевод на английский язык последнего большого труда Ю. М. Парфионовича — перевода с тибетского на русский центрального трактата тибетской медицины «Голубого берилла» [Tibetan Medical Paintings, 1992]. Затем в Европе в течение 1990-х гг. публикуются переводы этого труда на итальянский [Antica edicina tibetana, 1994] и немецкий языки [Klassische tibetische Medizin, 1996]. Книгу издают на английском языке также в США [Tibetan medical paintings, 1992] и на русском в России. Эти издания вызывают широкий общественный интерес и информационный резонанс. И хотя Юрий Михайлович ушел из жизни до выхода в свет этого труда, но его замечательный дух воина культуры удивительным образом проявился в этот период на фоне торжества Запада над, казалось бы, поверженной Россией — книга русского ученого Ю. М. Парфионовича была признана как выдающееся явление в передовых научных центрах на севере, юге и западе Европы — в Германии, Италии и Англии, а кроме этого, как сказано выше, — и в США. Такие факты — предмет национальной гордости России.

Пожалуй, правильным будет заключить, что труды Юрия Михайловича сегодня сохраняют свою значимость не только для задач развития российской академической школы тибетологии, но важны и для формирования современных научных исследований буддизма и буддийской культуры, что представляется актуальным для Российского государства.

Высокая планка работы в этом направлении уже была задана в России более ста лет назад. Позднее задачи по возрождению отечественной буддологии были четко озвучены учителем Юрия Михайловича Парфионовича — Юрием Николаевичем Рерихом. В эти

задачи входило создание и издание самого передового лингвистического материала в виде словарей и учебных пособий, подготовка высококвалифицированных специалистов, основательное освоение литературного наследия буддизма. В наши дни это можно было бы дополнить созданием отечественного научного журнала по буддийским исследованиям, возобновлением знаменитой Библиотеки Буддике, издававшейся Российской академией наук в конце XIX — начале XX вв., развертыванием системной и масштабной работы по изучению и переводу буддийского Канона, которая позволяет сформировать уникальное пространство сотрудничества буддологов, буддистов, ученых гуманитарных и естественных наук, врачей и педагогов. Вышеназванное видится первым этапом процесса возрождения отечественной буддологической школы, который должен создавать разнообразные возможности для полезного и плодотворного применения добытых знаний, идей в практическую жизнь России.

В России, как и во многих зарубежных странах, растет интерес к буддизму и буддийской культуре. И здесь важно иметь в виду, что буддизм, если рассматривать его с научной точки зрения, накопил обширные фундаментальные и системные знания о природе человека, об эволюции общества и мироздания. Буддизм располагает ценнейшими эмпирическими данными для наполнения и развития современной российской науки в части психологии, физиологии, медицины, биологии, космологии и других направлений, содержит серьезный потенциал для развития системы высшего и среднего образования. Очень существенно могут быть обогащены российские школы философии и востоковедческих наук.

Среди наиболее важных, глубоко проработанных в буддийском наследии, присутствует тема дальнейшей эволюции человека, активно обсуждаемая сегодня на разных информационных площадках. В буддийской литературе достаточно детально описываются следующие ступени эволюции человека, которые имеют свои наименования и характеристики. Это представляется очень важной областью знания, благодаря исследованию которой современная наука уже сейчас может формировать подходы для изучения и философского осмысления этой темы, что, в свою очередь, могло бы способствовать выработке более совершенных путей социального развития в целом.

Создание сильной академической российской школы буддологии, воплощающей вышеназванные задачи, важно не только для внутреннего развития нашей страны, но и для расширения культурного сотрудничества России со странами Азии.

В заключение будет справедливо сказать, что научное наследие Ю. М. Парфионовича достойно искреннего уважения и внимания потомков, оно остается важным ресурсом для развития современного востоковедения.

Литература / References

- Атлас тибетской медицины: Свод иллюстраций к тибетскому медицинскому трактату XVII века «Голубой берилл».* Науч. ред. Ю. М. Парфионович. М., 1994 [*Atlas of Tibetan Medicine: A Set of Illustrations for the 17th Century Tibetan Medical Treatise “Blue Beryl”*]. Ed. by Yu. M. Parfionovich. Moscow, 1994 (in Russian)].
- Игра Веталы с человеком.* Пер. Ю. М. Парфионовича. М., 1969 [*Vetala’s Game with a Man*. Tr. by Yu. M. Parfionovich. Moscow, 1969 (in Russian)].
- Каменный лев. Тибетские народные сказки.* Пер. Ю. М. Парфионовича. М., 1976 [*The Stone Lion. Tibetan Folk Tales*. Tr. by Yu. M. Parfionovich. Moscow, 1976 (in Russian)].
- Краткий тибетско-русский словарь.* Под ред. Ю. М. Парфионовича. М., 1963 [*Brief Tibetan-Russian Dictionary*. Ed. by Yu. M. Parfionovich. Moscow, 1963 (in Russian)].
- Парфионович Ю. М. *Тибетский письменный язык.* М., 1970 [Parfionovich Yu. M. *Tibetan Written Language*. Moscow, 1970 (in Russian)].
- Парфионович Ю. М. Китайские историки о зарождении капитализма в Китае. *Советское востоковедение.* 1957. № 4. С. 107–116 [Parfionovich Yu. M. Chinese Historians on the Origin of Capitalism in China. *Soviet Oriental Studies*. 1957. 4. Pp. 107–116 (in Russian)].
- Парфионович Ю. М. Обзор диссертаций по истории и экономике Китая, защищенные в 1946–1956 гг. *Советское китаеведение.* 1958. № 1. С. 198–201 [Parfionovich Yu. M. Review of Dissertations on the History and Economy of China Defended in 1946–1956. *Soviet Sinology*. 1958. 1. Pp. 198–201 (in Russian)].
- Парфионович Юрий Михайлович (1921–1990).* 100-летию со дня рождения посвящается. М., 2021 [Parfionovich Yuri Mikhailovich (1921–1990). Dedicated to His 100th Anniversary. Moscow, 2021 (in Russian)].
- Рерих Ю. Н. Замечания к проекту Постановления Президиума Академии наук СССР. *Тибет и Центральная Азия.* Т. II. М., 2012. С. 252 [Roerich Yu. N. Notes to the Draft Resolution of the Presidium of the Academy of Sciences of the USSR. *Tibet and Central Asia*. Vol. II. Moscow, 2012. P. 252 (in Russian)].
- Рерих Ю. Н. *Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями.* Под ред. Ю. М. Парфионовича, В. С. Дылыковой. М., 1983–1987 [Roerich Yu. N. *Tibetan-Russian-English Dictionary with Sanskrit Parallels*. Ed. by Yu. M. Parfionovich, V. S. Dylykova. Moscow, 1983–1987 (in Russian)].
- Сутра о мудрости и глупости (Дзанлундо).* Пер. Ю. М. Парфионовича. М., 1978 [*Sutra of Wisdom and Stupidity (Zanlundo)*]. Tr. by Yu. M. Parfionovich. Moscow, 1978 (in Russian)].
- A kéőroszlán. Tibeti mesék.* Fordító oroszból Anna Balassa, fordító tibetiről Jurij Parfionovics. Budapest-Uzsgorod, 1984.
- Antica edicina tibetana: tavole miniate del Berillo azzurro di Sangye Gyamtso (17 sec.).* Edizione italiana a cura di Antonella Comba. Modena, 1994.
- Klassische tibetische Medizin: Illustrationen der Abhandlung ‘Blauer Beryl’ von Sangye Gyamtso (1653–1705).* Einführung von Fernand Meyer. Bern, 1996.
- Parfionovich Yu. M. *The Written Tibetan Language.* Moscow, 1982.
- Tibetan Medical Paintings: Illustrations to the Blue Beryl Treatise of Sangye Gyamtso (1653–1705).* Ed. by Yuri Parfionovitch, Gyurme Dorje and Fernand Meyer. London, 1992.
- Tibetan medical paintings: illustrations to the Blue Beryl treatise of Sangye Gyamtso (1653–1705).* Editors Yuri Parfionovitch, Gyurme Dorje and Fernand Meyer. New York, 1992.

**ВКЛАД Ю. Н. РЕРИХА В ФОРМИРОВАНИЕ
«ТРАНСКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА» В КАЛИМПОНГЕ (1950-е гг.)**

© 2022

Д. А. Кораблин*

Настоящая статья основывается на материале ряда дневниковых записей, а также неопубликованных писем Ю. Н. Рериха. В письме от 25 февраля 1949 г. по прибытию в Калимпонг Юрий Николаевич пишет Д. Рани и С. Н. Рериху, что одним из двух встречающих его в городе людей был мистер Тарчин. Упомянутые неопубликованные письма Ю. Н. Рериха тибетцу Д. Тарчину были обнаружены в Архиве Дорже Тарчина (Колумбийский Университет, США). Исследование переписки Ю. Н. Рериха с различными коллегами, а также анализ работ мемуарного и историко-биографического цикла буддологов и востоковедов, находившихся вместе с Ю. Н. Рерихом в Калимпонге, вместе с различными публикациями в гималайских периодических изданиях позволяют составить представление о ранее не подлежащих изучению отдельных направлениях деятельности Ю. Н. Рериха за период с 1950 по 1957 г. — таких, как чтение публичных лекций, открытие выставок, участие в религиозных и национальных праздниках, членство в различных общественных организациях. В 1950-е гг. Калимпонг стал одним из наиболее заметных, в культурном отношении, пространств, возникших как в связи с изменением геополитической обстановки в регионе, так благодаря резкому подъему тибетологических исследований, проводимых европейскими востоковедами. Вклад Ю. Н. Рериха в формирование «транскультурного пространства» можно определить не только благодаря его культурной, научной и просветительской деятельности, направленной на консолидацию местного сообщества в Калимпонге, но и через создание предпосылок к формированию основ межкультурного диалога, лежащего в основе буддийской традиции.

Ключевые слова: Ю. Н. Рерих, Калимпонг, Тибет, тибетология, «транскультурное пространство».

Для цитирования: Кораблин Д. А. Вклад Ю. Н. Рериха в формирование «транскультурного пространства» в Калимпонге (1950-е гг.). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2022. № 1. С. 193–203. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-1-193-203

**GEORGE ROERICH'S CONTRIBUTION TO THE CREATION
OF "THE TRANSCULTURAL SPACE" IN KALIMPONG IN THE 1950s**

Denis A. Korablin

The article was inspired by several diary entries, as well as some unpublished letters of George Roerich. In a letter dated February 25, 1949, upon arrival in Kalimpong, G. Roerich writes to D. Rani and S. Roerich that one of the two people meeting him in the city was Mr. Tarchin. The unpublished letters

* Денис Александрович КОРАБЛИН, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; korablin@ivran.ru

Denis A. KORABLIN, PhD (Philosophy), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; korablin@ivran.ru

ORCID ID: 0000-0003-0697-2110

of George Roerich to the Tibetan D. Tarchin were found in the Archive of Dorje Tarchin (Columbia University, USA). The research of G. Roerich's and his colleagues' correspondence, as well as the analysis of the memoir and historical-biographical cycle of Buddhologists and orientalists living in Kalimpong at the same time with G. Roerich, together with various Himalayan periodicals publications, allow us to get an idea of the previously vague aspects of G. Roerich's activities from 1950 to 1957: Those being his public lectures, exhibitions vernissages, participation in religious and national holidays, membership in various public organizations. George Roerich's contribution to the shaping of the "transcultural space" can be determined not only due to his cultural, academic and educational activities aimed at consolidating the local community in Kalimpong, but also by creating prerequisites for the formation of intercultural dialogue underlying the Buddhist tradition.

Keywords: George Roerich, Kalimpong, Tibet, Tibetology, "transcultural space".

For citation: Korablin D. A. George Roerich's Contribution to the Creation of "The Transcultural Space" in Kalimpong in the 1950s. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2022. 1. Pp. 193–203. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-1-193-203

КАЛИМПОНГ

Усиливающиеся давление Китая на Тибет во второй половине сороковых и образование нового индийского государства окончательно превратили Калимпонг — небольшой город княжества Сикким, в настоящий перекресток культур. В 1949 г. над Сиккимом был установлен индийский протекторат, а в следующем 1950 г. правительство Индии взяло на себя ответственность за оборону и обеспечение территориальной целостности и единства Сиккима. Выполнявший роль «ворот в Тибет» и являвшийся с начала XX в. одним из ключевых транзитных пунктов торговли между Тибетом и Индией, к началу 1950-х гг. Калимпонг стал не просто убежищем и торговой площадкой для тибетцев и других гималайских народностей, но и центром литературной и культурной деятельности, а также во многом лабораторией под открытым небом, где культура и религия гималайских народностей подлежала непосредственному изучению европейскими исследователями. В Калимпонге возникло особое социокультурное пространство, где происходило не только взаимодействие различных сообществ, групп и отдельных личностей, но также сошлись цивилизационные и политические системы индийского, тибетского и колониального миров. Здесь обосновались миссионеры различных христианских церквей, политические группы тибетских реформаторов, китайских коммунистов, культурные объединения различных гималайских народностей и многочисленные торговые представительства.

В 1950-е гг. в Калимпонге, жили и работали такие известные востоковеды, мыслители и путешественники как Е. И. Рерих, Ю. Н. Рерих, Принц Петр Греческий и Датский, М. Паллис, Г. Харпер, тибетолог Рене де Небески-Войковиц, Сангхаракшита, издававший журнал "The Stepping Stones", в котором публиковались многие из вышеупомянутых деятелей. После вторжения китайцев в Тибет Калимпонг также снискал репутацию шпионского гнезда: именно в нем как в опорном пункте аккумулировалась информация о событиях, происходящих в Тибете, разворачивалась кампания против китайских оккупантов, а также велась агитация и публиковались политические памфлеты [Кораблин, 2022, с. 16].

Опираясь на данные, приводимые европейскими исследователями, проживавшими в Калимпонге в рассматриваемый период, выделим наиболее характерные моменты:

– по воспоминаниям тибетолога Рене де Небески-Войковиц, назвавшего Калимпонг уникальным местом, в котором празднуют Новый год по семь раз¹, этот небольшой город становится не только точкой пересечения встречных маршрутов гималайского региона, но, начиная с 1920–1930 гг., по мере нарастания напряженности между Тибетом и Китаем в этой точке формируется особое пространство, включающее в себя взаимодействие различных социальных и этнических групп;

– Калимпонг во второй четверти XX в. снискал славу одного из ведущих полиграфических центров. Переписка Ю. Н. Рериха с общественным деятелем тибетского происхождения Д. Тарчином (тиб. rdo rje mthar phyin (1890–1976)), как и сам факт их знакомства, является знаковым обстоятельством, поскольку Д. Тарчин, будучи ярким интеллектуалом и издателем первой в истории Тибета газеты “The Tibet Mirror”² являлся связующим звеном для многих процессов в социокультурной и религиозной жизни индо-тибетского пограничья. Именно в его типографии “The Tibet Mirror Press”, где выходила газета “The Tibet Mirror”, печаталась и различная полиграфическая продукция, в том числе носящая пропагандистский и антикоммунистический характер;

– тибетцы и иные гималайские народности преимущественно буддийского вероисповедания, проживающие в Калимпонге, по сути, оказались в ином социокультурном пространстве, в котором у них начало формироваться представление о репрезентации Тибета и буддизма за его пределами, в соприкосновении с постколониальным миром и иными азиатскими социорелигиозными традициями. Кроме того, некоторые тибетцы, в особенности из состоятельных торговых семей, к середине XX в. могли обеспечить своим детям обучение в индийских государственных образовательных учреждениях и культурных центрах, где образование и социальная коммуникация происходили преимущественно на английском языке;

– исходя из данных, приводимых антропологом и востоковедом Принцем Петром Греческим и Датским (1908–1980), ежегодный людской трафик, проходящий через или в Калимпонг составлял до 15 000 тибетцев³. Это, как указывает Принц Петр, позволяло исследователям встретиться с совершенно различными социальными слоями тибетцев, контакт с которыми не был возможен ранее, кроме тех немногих исследователей, которым удалось побывать в Тибете до 1951 г. Во многом именно поэтому Калимпонг превратился в своего рода репрезентацию всего Тибета.

«ТРАНСКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО»

Обратимся к вынесенному в название статьи понятию «транскультурного пространства». Применительно к городу Калимпонгу, мы говорим о нем как о пространстве не только имея ввиду физические и временные характеристики, поскольку исследуемые нами явления наиболее ярко проявили себя в десятилетний период, с начала 1950-х гг. по 1960-е гг. Безусловно, мы не можем не учитывать процессы, имеющие социально-политический характер: наличие слабой администрации строящегося индийского государства, всполохи суверенного политического мышления в княжестве Сикким, деконструкция колониального

¹ Каждая этническая группа, проживающая в Калимпонге, праздновала Новый год в соответствии со своими традициями.

² “The Tibet Mirror”— сокращенное название газеты «Зеркало новостей из разных стран» (тиб. yul phyogs so so'i gsar 'gyur me long), издававшейся в Калимпонге с 1925 по 1963 гг.

³ Цит. по: [Brox, Zeizen, 2017].

порядка Британской Индии. Но в то же время, говоря о «транскультурном пространстве», мы отталкиваемся от содержания, которым наделяют это понятие различные исследователи⁴, опирающиеся на предложенные М. А. Прэтт концепции «транскulturации» и «зоны контакта» — «пространства, в котором народы, географически и исторически разделенные, вступают в контакт друг с другом и устанавливают постоянные отношения...» [Pratt, 1992]. Эти отношения характеризуются высокой степенью коммуникации, космополитизмом, “anticonquest” («антипокорением»), в противовес устоявшемуся, в сайдовском понимании, высокомерию и презрительности европейского колонизатора. В «зоне контакта» формируется особая социальная среда, создающая различные процессы и дискурсы.

Возникновение подобного пространства обусловлено переносом различных культурных особенностей между находящимися в нем участниками-коммуникаторами на иные культурные общности, что и представляет собой так называемый процесс «транскulturации», порождающий новые отношения между коммуникаторами. С другой стороны, мы смотрим на это несколько шире, опираясь на установку, предложенную В. Н. Топоровым, справедливо обратившему внимание на то, что: «культура как таковая всегда апеллирует к сопоставлению, сравнению: она не только то место, где рождаются смыслы, но и то пространство, где они обмениваются, “проводятся” и стремятся быть переведенными с одного языка культуры на другой» [Топоров, 1989, с. 7]. В этом плане мы можем посмотреть уже не столько на процессы «обмена», «производства смыслов» и межэтнического взаимодействия, но и на их носителей — деятелей и создателей, проанализировать степень их участия и вклад в создание самого пространства. Таким образом, «транскультурное пространство» имеет более широкое толкование и сущностное описание происходящих процессов чем «зона контактов», предложенная М. А. Прэтт. По мнению исследователей М. Н. Фомина и О. А. Борисенко, подобные пространства возникают вследствие воздействия как позитивных, так и негативных внешних экономических, политических, социальных факторов. Интро- и экстра- культуры, пересекаясь (как «свои» и «чужие»), образуют точки бифуркации, ибо культура как система в подобных случаях способна трансформироваться в транскультуру [Фомина, Борисенко, 2018].

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Ю. Н. РЕРИХА В КАЛИМПОНГЕ

Какова же роль, вклад и участие Ю. Н. Рериха в формировании «транскультурного пространства»? В письмах, датированных периодом его пребывания в Калимпонге, Ю. Н. Рерих, по его собственным словам, занимается «возобновлением старых контактов и установлением новых» [Рерих, 2002, с. 214], подчеркивая, что «в конце концов, культурные связи всегда должны превалировать над всеми другими» [Рерих, 2002, с. 238]. Из существующих публикаций отечественных исследователей, занимавшихся изучением наследия Ю. Н. Рериха достаточно хорошо известно об основных вехах и деталях его творчества и научно-исследовательской деятельности в 1950-е гг.: это и публикация перевода с тибетского на английский язык «Голубых Анналов» в двух томах⁵, и заведование индо-тибетскими курсами, и членство в востоковедческих организациях (Королевское Азиатское общество в Лондоне, Азиатское общество в Бенгалии), — все вышеперечисленное во многом

⁴ Подробнее см.: [Brox, Zeitzgen, 2017].

⁵ Речь идет об первом издании Рериха на английском языке: [Roerich, 1949; 1953].

представлялось как сопутствующее его ожиданиям и приготовлениям к возвращению на Родину⁶.

Мы делаем здесь акцент на каждодневных социокультурных практиках Ю. Н. Рериха, а также на его взаимодействии с публичным пространством города, на его вклад в процессы транскulturации. Существенным подспорьем в освещении данного вопроса являются публикации в газетах “The Himalayan Times” и “The Tibet Mirror” [Sawerthal, 2019] за период с 1950 по 1957 гг.: в них мы находим сведения о чтении Рерихом публичных лекций, об открытии выставок, об участии в религиозных и национальных праздниках, факты о членстве в различных общественных организациях. Возрастающая частота упоминаний Ю. Н. Рериха в гималайских периодических изданиях позволяет проследить динамику его взаимодействия с местным сообществом: если первые годы его пребывания ограничиваются краткими заметками, то далее мы видим уже, как местная пресса приводит цитирование его писем и публичных выступлений. Если обратиться к периодизации и датировке упоминаний Ю. Н. Рериха в газетах, то динамика выглядит еще более отчетливой:

1950 г.

– 11 июня 1950 г. Ю. Н. Рерих прочитал открытую лекцию на тему «Возникновение буддизма в Тибете»⁷.

1952 г.

– В октябре 1952 г. Ю. Н. Рерих входит в совет попечителей культурного центра «Кала Кендра» в Калимпонге. В обзоре мероприятия также указывается, что в связи с увеличением туристического потока в Сикким одной из ключевых направлений работы центра является достижение регионального межкультурного согласия, а к этому может приложить свои усилия каждый житель Калимпонга⁸;

– в этом же месяце Ю. Н. Рерих присутствует в составе группы, проводящей встречу с премьер-министром Индии Джавахарлалом Неру, который приезжает в Сикким, а также участвует в открытии индийско-китайской промышленной выставки от организации «Бхарата Самскрити». Газета “The Himalayan Times” подчеркивает, что делегации уделили особое внимание установлению широких культурных контактов между различными этническими группами, населяющими Калимпонг. Ю. Н. Рерих выступил с речью о давних дружеских отношениях между Китаем и Индией⁹, обратив внимание на то, что: «никто не мог подумать, что эти молодые студенты, изучающие китайский язык только в течение года, смогут исполнить китайскую пьесу так прекрасно. Их выступление вызвало большой энтузиазм среди китайского и индийского населения Калимпонга». По итогам проведенной выставки был создан комитет, в который вошли «выдающиеся местные граждане и ученые», такие как Дж. Моти Чанд Прадхан, Ю. Н. Рерих и Шен Фумин — руководитель китайской школы¹⁰;

⁶ Подробнее о подготовке Ю. Н. Рериха к возвращению в СССР см.: [Росов, 2017, с. 47–78].

⁷ *The Himalayan Times*. June 25. 1950. P. 5. URL: http://digi.ub.uni-heidelberg.de/diglit/himalayan_times (дата обращения 03.11.2021).

⁸ *The Himalayan Times*. October 26. 1952. P. 4. URL: http://digi.ub.uni-heidelberg.de/diglit/himalayan_times (дата обращения 03.11.2021).

⁹ *The Himalayan Times*. October 26. 1952. P. 3. URL: http://digi.ub.uni-heidelberg.de/diglit/himalayan_times (дата обращения 03.11.2021).

¹⁰ *The Himalayan Times*. November 23. 1952. P. 5. URL: http://digi.ub.uni-heidelberg.de/diglit/himalayan_times (дата обращения 03.11.2021).

– 24 ноября 1952 г. Ю. Н. Рерих прочитал открытую лекцию на тему «Буддийская культура в Центральной Азии».

1953 г.

– В июне 1953 г. в связи с празднованием дня рождения Будды Шакьямуни — Будда Джаянти под эгидой местной организации «Майтри Сангха» Ю. Н. Рерих выступил с лекцией, посвященной философии буддизма¹¹;

– 16 декабря 1953 г. выходит заметка о том, что «Ю. Н. Рерих, известный российский ученый-исследователь истории и обычаев Тибета, согласился отредактировать некоторые из тибетских рукописей в Институте Наланды. Большинство из этих рукописей, включая Канджур и Танджур, были подарены Институту Наланды Далай-ламой, когда директор института Бхикшу Дагдиш Кашьяп посетил Тибет в 1951 году»¹².

1955 г.

– В сентябре 1955 г. на праздновании Дня хинди в «Дхарמודая Вихар» Ю. Н. Рерих призвал собравшихся к сплочению нации: «В нынешних условиях вполне уместно, чтобы религиозное учреждение помогало развивать национальный язык и тем самым способствовало созданию того единства, которое было одним из краеугольных камней буддизма. Сегодня первая группа студентов, посещающих занятия по хинди и участвующих в экзаменах “Раштра Бхаша Прачар”, получает сертификаты и призы. Давайте пожелаем им и тем, кто последует за ними, успеха в благородном деле укрепления единства своей Родины»¹³;

– 3 октября по случаю пятилетия Дня образования КНР (государственный праздник Китая, 1 октября) состоялось торжественное мероприятие калимпонгского филиала Ассоциации индийско-китайской дружбы под председательством Ю. Н. Рериха. Ю. Н. Рерих призвал страны к сотрудничеству и миру, «который позволил бы приумножить духовные и материальные ценности» обеих стран¹⁴.

1956 г.

– в мае 1956 г. в честь празднования 2500-летия Будды Джаянти в Калимпонге был создан оргкомитет из представителей различных буддийских общественных организаций, вице-президентом которого назначен Ю. Н. Рерих. Его поздравительное письмо было опубликовано в газете “The Himalayan Times”: «Празднование Будда Джаянти в этом году является чрезвычайно важным и актуальным событием. Оно поможет вновь разжечь огонь древнего, но великого и живого наследия, которое до наших дней оставался истинным Светом Азии, и которое привлекает некоторые из самых влиятельных умов на Западе. Существующий интерес обусловлен знаменательной современностью буддийского философского мировоззрения. Будда оспаривал общепринятую концепцию Творца. Будда отрицал существование вечной неизменной души. Будда боролся против классовых привилегий и предостерегал людей от одержимости. И сегодня, в своем третьем тысячелетии,

¹¹ *The Himalayan Times*. June 14. 1953. P. 3. URL: http://digi.ub.uni-heidelberg.de/diglit/himalayan_times (дата обращения 03.11.2021).

¹² *The Himalayan Times*. December 20. 1953 P. 4. URL: http://digi.ub.uni-heidelberg.de/diglit/himalayan_times (дата обращения 03.11.2021).

¹³ *The Himalayan Times*. September 18. 1955. P. 2. URL: http://digi.ub.uni-heidelberg.de/diglit/himalayan_times (дата обращения 03.11.2021).

¹⁴ *The Himalayan Times*. October 9. 1955. P. 10. URL: http://digi.ub.uni-heidelberg.de/diglit/himalayan_times (дата обращения 03.11.2021).

послание Будды звучит по всему миру как могучий вызов врагам, несущим раздор и невежество»¹⁵.

– Празднование Дня хинди 14 сентября 1956 г. Речь Ю. Н. Рериха приводится в октябрьском номере газеты “The Himalayan Times”: «Сегодня мы подводим итоги прошедшего года в жизненно важной и актуальной задаче развития национального языка, которому суждено стать одним из великих языков Азии и всего мира. Великая нация достойна великого языка и это долг всех стремиться к его устойчивому развитию. Индия является многонациональным и многоязычным государством. А ряд ее языков имеют богатую культурную основу. Это разнообразие является не источником слабости, а источником жизненной силы, ибо каждый лингвистический оборот обогащает жизнь нации. Над этим разнообразием существует неоспоримое культурное единство, драгоценное наследие прошлого, сокровище, которое сыновья и дочери Индии должны бережно хранить и обогащать новыми культурными достижениями. Ни одна нация не является великой без великого культурного наследия. Индия обладает уникальным культурным наследием. Страна, которая никогда не следовала путем завоевания, выходящим за пределы географических границ индийского субконтинента, тем не менее была свидетелем того, как ее культура распространилась по всей Азии, и этот процесс продолжается, а мы можем лишь предвидеть еще большее влияние индийской мысли в современном мире, раздираемым раздорами и конфликтами»¹⁶;

– 1 октября на публичном мероприятии, организованном калимпонгским отделением «Бхарата Самскрити» в честь празднования Дня образования Китайской Народной Республики, Ю. Н. Рерих выступил со следующими словами: «Сегодня мы отмечаем седьмой национальный день нашего великого соседа Китая. Оглядываясь на достижения прошлого года, мы видим большие успехи, достигнутые в решении важной задачи по укреплению дружбы двух великих азиатских наций, что так актуально для сохранения мира не только в Азии, но и по всему земному шару. В этом году я стал свидетелем возобновления древних культурных связей — общенационального празднования Будда Джаянти в память о Великом Учителе, который заложил основу могущественного духовного и социального движения, став основателем подлинного гуманистического международного движения, которое на века воплотилось в культуре большей части Азии. Многочисленные делегации, посетившие Индию и Китай, понесли весть о культурном наследии буддизма в массы людей, которые таким образом получают возможность оценить культурное величие своих соседей. Культурные контакты на протяжении веков были конструктивными и служили великой цели. Их достижения пережили потрясения, и в дни, когда разрушительные силы угрожают миру, полезно вспомнить о них и разжечь тот вечный огонь, способный рассеять угрожающую тьму и в этой благородной задаче Индия и Китай должны сыграть большую роль, а наш долг — помочь этим контактам и восстановить прерванные нити прошлых дружеских отношений»¹⁷.

¹⁵ *The Himalayan Times*. May 24. 1956. P. 12. URL: http://digi.ub.uni-heidelberg.de/diglit/himalayan_times (дата обращения 03.11.2021).

¹⁶ *The Himalayan Times*. September 16. 1956. P. 3. URL: http://digi.ub.uni-heidelberg.de/diglit/himalayan_times (дата обращения 03.11.2021).

¹⁷ *The Himalayan Times*. October 7. 1956. P. 9. URL: http://digi.ub.uni-heidelberg.de/diglit/himalayan_times (дата обращения 03.11.2021).

Ю. Н. РЕРИХ И ЕВРОПЕЙСКИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ

Отдельного внимания заслуживает вопрос, связанный с взаимодействием и контактами Ю. Н. Рериха с различными востоковедами и учеными европейского происхождения. Совершенно очевидно, что окутанная легендами экспедиция семьи Рерихов и известность Ю. Н. Рериха как академического ученого не могли остаться без внимания в среде его европейских коллег. Среди окружавших Ю. Н. Рериха европейцев в Калимпонге были, строго говоря, не только востоковеды и тибетологи, но и различные искатели духовности: они живо интересовались деятельностью Ю. Н. Рериха, но и он в свою очередь пристально следил за их работой — об этом нам свидетельствуют различные категории источников, такие как, например, письмо Рериха¹⁸ из архива Д. Тарчина, где он подробно расспрашивает Тарчина о приезде в Калимпонг французской путешественницы А. Девид-Ниеэль, успехах итальянского востоковеда Дж. Туччи в Тибете и путешествии, предпринятом исследователем тибетского буддизма и писателем Анагарикой Говиндой (Эрнст Лотар Хоффманн), а также ряд писем, хранящихся в архиве Музея Рерихов¹⁹.

В дополнение следует привести несколько высказываний из работ мемуарно-биографического цикла следующих авторов: Сангхаракшиты, Рене де Небески-Войковиц, Марко Паллиса, Принца Петра Греческого и Датского — известно, что каждый из них, помимо, собственно, Ю. Н. Рериха был в некотором смысле «идеологом представлений о Тибете»:

– тибетолог Рене де Небески-Войковиц вспоминает о том, как он посещал Ю. Н. Рериха в его особняке «Крукети»: «Я часто был гостем в этом доме, где за бесчисленными чашками чая и часто далеко за полночь мы обсуждали многие еще нерешенные проблемы Тибета» [Nebesky-Wojkowitz, 1956, p. 78];

– для Принца Петра Греческого и Датского Ю. Н. Рерих сыграл важную роль в организации встреч с выдающимися тибетцами, нашел хороших учителей для изучения тибетского языка и помог ему приобрести этнографические артефакты и книги для его коллекции [Brox, Zeitzen, 2017]. Отметим, что одной из задач, помимо исследований Принцем Петром тибетской полиандрии, с которой он пребывал в Калимпонге с 1950 г., было также создание коллекции материального и культурного наследия Тибета по заказу Датского национального музея;

– отдельно следует упомянуть английского паломника и буддиста Сангхаракшиту (Дениса Лингвуда (1925–2018)), являвшегося основателем буддийской организации Ассоциация молодых буддистов (*Young Men's Buddhist Association*) и буддийского тхеравадинского монастыря Дхармода Вихар. В его книге «С видом на гору Канченджанга. Английский буддист в Восточных Гималаях» [Sangharakshita, 1991] он подробно записывает воспоминания о жизни Калимпонга 1950-х гг. и вспоминает встречи с Ю. Н. Рерихом. Несмотря на несколько преисполненных типично английской иронией воспоминаний, в которых Сангхаракшита отмечает пристрастие Ю. Н. Рериха к галифе и сапогам для верховой езды (историк А. И. Андреев, исследуя это обстоятельство, указывал, что: «Подобная полувоенная экипировка, как считает Сангхаракшита, была вызвана тем, что Ю. Н.

¹⁸ Letters Roerich to Tharchin. *Tharchin Archive, Columbia University, filed under "Correspondences"*. URL: https://findingaids.library.columbia.edu/ead/nnc-ea/ldpd_6905093/dsc/3 (дата обращения 18.08.2021).

¹⁹ Переписка Ю. Н. Рериха с иностранными коллегами представлена в: *Архив Музея Рерихов* (Филиал Государственного музея Востока). URL: <http://roerichsmuseum.ru/index.php/museum/arkhiv> (дата обращения 13.04.2022).

ожидал... пришествия царя Шамбалы, Будды Майтрейи» [Андреев, 2008, с. 380]). Уважительное отношение к Ю. Н. Рериху с его стороны и признание авторитета Юрия Николаевича не подлежат никакому сомнению. Как указывает Сангаракшита, с момента основания Ассоциации молодых буддистов Ю. Н. Рерих становится ее советником, выступает с лекциями среди буддистов, а также активно публикует свои статьи в издаваемом Сангхаракшитой журнале “The Stepping Stones”;

– не менее примечательным выглядит знакомство и общение Ю. Н. Рериха с англичанином греческого происхождения Марко Паллисом, альпинистом, музыкантом и буддийским мыслителем, разделявшим идеи философии традиционализма. В статье, написанной на французском языке и вышедшей в свет в 1951 г. под названием «Рене Генон и буддизм» [Pallis, 1951, p. 310], Паллис с чувством благодарности отмечает, что Ю. Н. Рерих дал исчерпывающие объяснения по поводу представлений об Агартти²⁰ в трудах Ф. А. Осседновского и А. Сент-Ив д’Альвейдра, а также указал не только на свою глубокую осведомленность об исследованиях упомянутых авторов, но и на их популярность в эзотерических кружках Российской империи начала XX в.

Выводы

Характерной особенностью культурного диалога и формирования «транскультурного пространства» в Калимпонге в 1950-е гг. была его амбивалентность: отдельные слои тибетцев и иных гималайских народностей включались в формирование модернистской повестки, в то время как западные ученые и востоковеды, находящиеся на передовой тибетологических и индологических исследований, тщательно оберегали традиционный уклад и образ Тибета и Гималаев как «реликвария буддийской цивилизации» (Ю. Н. Рерих, М. Паллис, Принц Петр Греческий и Датский, Сангхаракшита и др.).

Калимпонг в 1950-е гг. в контексте культурных заимствований и пересечений стал финальным штрихом в формировании современных представлений о Тибете. Так, многие научные подходы, практика полевых исследований, освещение и экспонирование проблемы тибетских беженцев прошли апробацию именно в Калимпонге, дабы затем стать частью исследовательских программ, влияющих на различные востоковедческие и тибетологические сообщества и университеты западных стран. Именно в 1950-е гг. появляется ряд публикаций, освещающих тибетский буддизм и гималайские религиозные традиции в научно-популярной форме²¹, а также первые европейские буддийские центры, — носителями этих представлений были непосредственные участники процесса транскulturации, происходившего в Калимпонге. Как справедливо указал тибетолог Маркус Вибек, «отслеживание витиеватых следов отдельных агентов [этого процесса], безусловно, приводит к пересмотру общих предположений о глобальном производстве знаний о Тибете и развитии современных форм буддизма» [Viehbeck 2017, p. 291].

Акцент на культурную деятельность Ю. Н. Рериха дает нам возможность расширить уже сформулированные дефиниции «транскультурного пространства», в котором проявляются, а, следовательно, становятся доступными для исследований ценностные установки самого «действителя», формирующего и создающего данное пространство,

²⁰ Агартти, или Агартха — мифическая страна, предположительно расположенная в Тибете.

²¹ Речь идет о работах, популяризирующих образ Тибета, например, Марайни Ф. «Тайный Тибет. Будды четвертой эпохи» (1952), Г. Харрера «Семь лет в Тибете», Лобсанг Рампы «Третий Глаз» (1956).

влияющего на происходящие процессы в нем. К сожалению, западноевропейские исследователи не уделили достаточно внимания деятельности Ю. Н. Рериха или же во многом преуменьшили его заслуги. В настоящей статье мы стремились показать, что Ю. Н. Рерих был не только авторитетом и лидером во взаимодействии с местным сообществом, но и «ведущей скрипкой» в тибетологических исследованиях.

С историко-биографической точки зрения различные письма, работы мемуарного цикла, статьи и газеты позволяют уточнить мотивацию Ю. Н. Рериха и причины его переезда в Калимпонг. Это не только подготовка к возвращению на Родину, но и совершенно самостоятельный период в творчестве ученого, который по-прежнему ждет отдельного и пристального изучения;

Ряд публикаций и выступлений Ю. Н. Рериха, а также чтение им лекций в буддийских религиозных организациях, позволяет упрочить взгляд на его мировоззренческую позицию, основанную на его приверженности идеалам буддийской традиции: в ней этот выдающийся мыслитель видел основы для межкультурного согласия и диалога.

Литература / References

- Андреев А. И. *Гималайское братство: Теософский миф и его творцы (Документальное исследование)*. СПб., 2008 [Andreev A. I. *Himalayan Brotherhood: The Theosophical Myth and Its Creators (Documentary Research)*. Saint Petersburg, 2008 (in Russian)].
- Кораблин Д. А. Традиция и тибетский буддизм: лейтмотивы жизни и творчества Марко Паллиса. Паллис М. *Буддийский спектр. Содействие буддийско-христианскому диалогу*. Пер. с англ., введ. и комм. Д. Кораблина. М., 2022. С. 5–28 [Korablin D. A. Tradition and Tibetan Buddhism: Leitmotifs of the Life and Work of Marco Pallis. Pallis M. *Buddhist Spectrum. Promoting Buddhist-Christian Dialogue*. Tr. from Eng., intr, and comm. by D. Korablin. Moscow, 2022. Pp. 5–28 (in Russian)].
- Рерих Ю. Н. *Письма*. Том II. М., 2002 [Roerich G. *Letters*. Vol. II. Moscow, 2002 (in Russian)].
- Россов В. А. Возвращение Юрия Рериха в «Новую Страну». *Юрий Рерих: Живое наследие. Материалы к биографии*. Вып. I: *Сборник статей и интервью*. Сост. В. А. Росов. М., 2017. С. 47–78 [Rosov V. A. The Return of George Roerich to the “New Country”. *George Roerich: A Living Legacy. Materials for the Biography*. Vol. I: *Collection of Articles and Interviews*. Comp. by V. A. Rostov. Moscow, 2017. Pp. 47–78 (in Russian)].
- Топоров В. Н. Пространство культуры и встречи в нем. *Восток — Запад. Исследования. Переводы. Публикации*. Вып. 4. М., 1989. С. 6–18 [Toporov V. N. The Space of Culture and Meetings in It. *East—West. Research. Translations. Publications*. Vol. 4. Moscow, 1989. Pp. 6–18 (in Russian)].
- Фомина М. Н., Борисенко О. А. Размышление о транскультурном пространстве как рефлексии глобализирующейся культуры. *Концепт: философия, религия, культура*. 2018. № 1 (5). С. 105–113 [Fomina M. N., Borisenko O. A. Reflection on transcultural space as a reflection of a globalizing culture. *Concept: philosophy, religion, culture*. 2018. 1 (5). Pp. 105–113 (in Russian)].
- Brox T., Zeitzen M. Prince Peter’s 7 years in Kalimpong: Collecting in a Contact Zone. Viehbeck M. (ed.). *Transcultural Encounters in the Himalayan Borderlands: Kalimpong as a “Contact Zone”*. Heidelberg, 2017. Pp. 245–272.
- Nebesky-Wojkowitz R. Von. *Where The Gods Are Mountains. Three Years Among the People of the Himalayas*. London, 1956.
- Pallis M. René Guénon et le Bouddhisme. *Études Traditionnelles*. 1951. 293–295. Pp. 308–316.
- Pratt M. L. *Imperial Eyes: Travel Writing and Transculturation*. London, 1992.
- Roerich G. *The Blue Annal*. Calcutta, 1949, 1953. Parts I–II.

- Sangharakshita (Lingwood D. P. E.). *Facing Mount Kanchenjunga: An English Buddhist in the Eastern Himalayas*. Glasgow, 1991.
- Sawerthal A. Les articles parus dans le Melong, journal de langue tibétaine, au sujet de la famille Roerich. Autour de Nicolas Roerich: art, ésotérisme, orientalisme et politique. *Slavica Occitania*. 2019. 48. Pp. 239–264.
- Viehbeck M. The First Tibetan at a Western University? Entanglements of Scholarship, Buddhism, and Power in Kalimpong and Beyond. Viehbeck M. (ed.). *Transcultural Encounters in the Himalayan Borderlands: Kalimpong as a “Contact Zone”*. Heidelberg, 2017. Pp. 273–300.

Электронные ресурсы / Electronic sources

- Переписка Ю. Н. Рериха с иностранными коллегами представлена в: *Архив Музея Рерихов* (Филиал Государственного музея Востока). URL: <http://roerichsmuseum.ru/index.php/museum/arkhiv> (дата обращения 13.04.2022).
- Letters Roerich to Tharchin. *Tharchin Archive, Columbia University, filed under “Correspondences”*. URL: https://findingaids.library.columbia.edu/ead/nnc-ea/ldpd_6905093/dsc/3 (дата обращения 18.08.2021).
- The Himalayan Times*. June 25. 1950. URL: http://digi.ub.uni-heidelberg.de/diglit/himalayan_times (дата обращения 03.11.2021).
- The Himalayan Times*. October 26. 1952. URL: http://digi.ub.uni-heidelberg.de/diglit/himalayan_times (дата обращения 03.11.2021).
- The Himalayan Times*. June 14. 1953. URL: http://digi.ub.uni-heidelberg.de/diglit/himalayan_times (дата обращения 03.11.2021).
- The Himalayan Times*. September 18. 1955. URL: http://digi.ub.uni-heidelberg.de/diglit/himalayan_times (дата обращения 03.11.2021).
- The Himalayan Times*. May 24. 1956. URL: http://digi.ub.uni-heidelberg.de/diglit/himalayan_times (дата обращения 03.11.2021).

ЗАДОКУМЕНТИРОВАННАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ: ГРАНКИ НЕОПУБЛИКОВАННОГО «БОЛЬШОГО ЯПОНСКО-РУССКОГО ИЕРОГЛИФИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ» КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

© 2022

К. И. Демич, А. В. Костыркин*

Противоречивая история крупного словарного проекта 1930–1940-х гг. (под редакцией Н. И. Конрада, Н. А. Невского, А. А. Холодовича) — важная веха в становлении отечественной востоковедной лексикографии дальневосточных языков с иероглифической письменностью. Отсутствие опубликованных словарей как видимых результатов масштабных словарных работ составляет главную сложность для исторической реконструкции периода и освещения вопроса. В 152 фонде Архива востоковедов Института восточных рукописей РАН отложился массив документов, в совокупности с другими материалами подробно документирующий этот словарный проект, однако без привлечения дополнительных источников, более информативных лексикографически, непротиворечивая интерпретация этих архивных документов крайне затруднена. До недавнего времени историография вопроса практически отсутствовала. Этот дефект надежной в остальном источниковой базы восполняет обнаруженный в Институте востоковедения РАН экземпляр первой партии типографских гранок «Большого японо-русского иероглифического словаря». Источниковедческий анализ и критика этого уникального лексикографического памятника в контексте всех известных на данный момент сопутствующих документальных свидетельств и более содержательная интерпретация данных делают возможным уточнение роли и места малоизученного десятилетнего словарного проекта в истории отечественной востоковедной лексикографии и довоенной японистики. Как теперь можно установить, работы над неопубликованным словарем явились кузницей кадров первых поколений советских японистов и связующим звеном между дореволюционной и послевоенной советской лексикографией японского языка от Д. М. Позднеева до Н. А. Сыромятникова.

Ключевые слова: источниковедение, архивоведение, лексикография, японистика, востоковедение, история науки.

Для цитирования: Демич К. И., Костыркин А. В. Задокументированная лексикография: гранки неопубликованного «Большого японско-русского иероглифического словаря» как исторический источник. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2022. № 1. С. 204–219. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-1-204-219

* Кирилл Игоревич ДЕМИЧ, научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; cyrilc@yandex.ru
Kyryll I. DEMICH, Research Fellow, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow; cyrilc@yandex.ru

Александр Вячеславович КОСТЫРКИН, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; kost@ivran.ru

Alexander V. KOSTYRKIN, PhD (Linguistics), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; kost@ivran.ru

Авторы статьи воздержались от предоставления редакции своих исследовательских номеров ORCID. — *Ред.*

ARCHIVED LEXICOGRAPHY: THE GALLEY PROOFS OF THE UNPUBLISHED “GREAT JAPANESE-RUSSIAN CHARACTER DICTIONARY” AS A HISTORICAL SOURCE

Kyryll I. Demich, Alexander V. Kostyrkin

The inconsistent history of a large-scale lexicographical project of 1930–1940s (under N. I. Konrad, N. A. Nevsky, A. A. Kholodovich) is a remarkable milestone in development of the Far East ideographic languages' lexicography in our country. The absence of published dictionaries as visible outcome of the lexicographical works poses the main difficulty for historians of science in reconstruction of the period and the treatment of the subject. Fund No. 152 of the Archive of Orientalists of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences contains a massif of documents, together with other materials illustrating the project in detail, but not offering coherent interpretation in the absence of extra sources, that is lexicographically informative ones, in order to close the gap of the reliable source material. Yet until recently, the historiography of the subject was lacking. The gap could be closed by a unique lexicographical monument discovered in the Institute of Oriental Studies. It should be a copy of the first galley proof portion of the “Great Japanese-Russian Character Dictionary”. The source analysis of the monument and its criticism in the full context of relevant documentary evidence known up to date along with more meaningful interpretation of the data allow for precise qualification of a little-studied decade-long dictionary project in the history of Oriental lexicography and prewar Japan studies in our country. It may be determined that for the first generations of Soviet scholars of Japan the unpublished dictionary appeared to be a kind of school forging a vital link between the pre-Revolution and post-war Soviet lexicography of Japanese language: from D. M. Pozdneyev to N. A. Syromyatnikov.

Keywords: source studies, archival studies, lexicography, Japan studies, oriental studies, history of science.

For citation: Demich K. I., Kostyrkin A. V. Archived Lexicography: The Galley Proofs of the Unpublished “Great Japanese-Russian Character Dictionary” as a Historical Source. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2022. 1. Pp. 204–219. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-1-204-219

В 152 фонде Архива востоковедов Института восточных рукописей РАН отложился массив документов, преимущественно в составе дел, внесенных в Опись 1а. Это, прежде всего, планы и отчеты по работе Японского кабинета, структурного подразделения фондообразующей организации Института востоковедения (ИВ) АН СССР от момента его основания и до начала войны включительно. Среди прочего, массив содержит детальные годовые и ежеквартальные плановые разверстки масштабных работ над неким большим японско-русским словарем общей лексики, кроме того, финансовые расчеты и счета за выполненную словарную работу, протоколы заседаний, посвященных ходу словарных работ, инструкции составителя, докладные записки, рапорты, отчеты, отражающие разные этапы готовности словаря, разного рода переписку с издательствами и словарными редакциями, со смежными и вышестоящими организациями по поводу тиража, изменения листажа словаря и выделения бумаги, готовности типографских мощностей и др. В совокупности с некоторыми документами других фондов и отдельными документами, разрозненно хранящимися в фондах других отечественных архивов, прежде всего Архива Российской Академии Наук (РАН) и Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ), массив образует неожиданно широкий в масштабе темы комплекс, хорошо документирующий некий словарный проект, возглавлявшийся сначала Н. И. Конрадом и Н. А. Невским, а затем А. А. Холодовичем и занявший минимум

десятилетие — с начала 1930-х по 1943 г., но не закончившийся конкретным словарным изданием. Более того, мы не имеем не только ожидаемых результатов этого проекта в виде готовых больших японско-русских словарей, но и, несмотря на такой богатый архивный материал, сколько-нибудь серьезной историографии этого периода отечественной японско-русской лексикографии.

Из изданных словарей этого времени известны только специализированные и учебные словари, не сопоставимые с масштабом задокументированных работ. Это, прежде всего, военные словари и словари к хрестоматиям, грамматикам, учебным курсам и военным разговорникам, большей частью относящиеся к 1934–35 гг. [Супрун и др., 1966, с. 167–169].

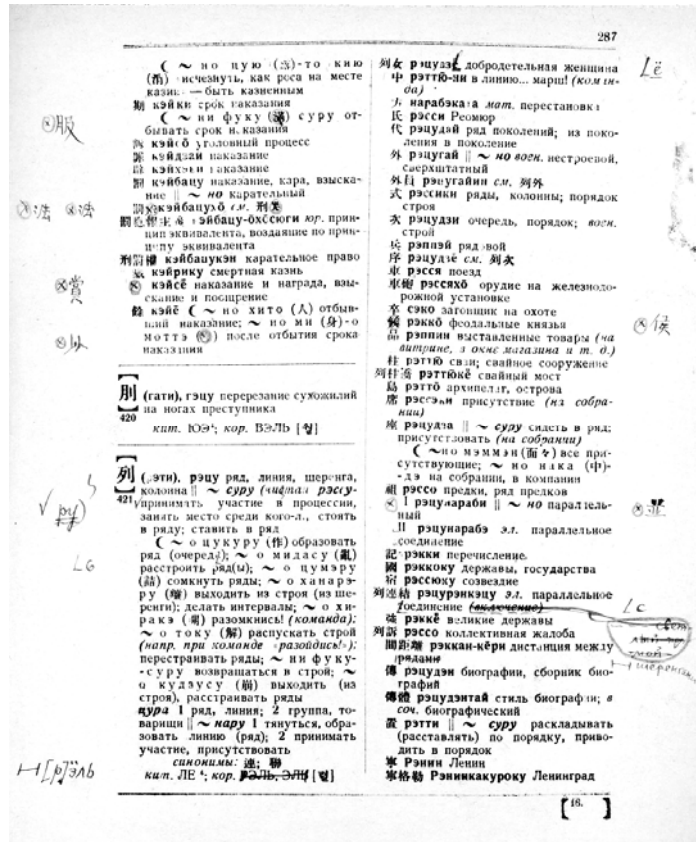
Историография вопроса до самого последнего времени практически отсутствовала. Тема была поднята в пионерском исследовании сотрудницы Санкт-Петербургского филиала АРАН О. В. Иодко «Японско-русский словарь О. О. Розенберга — проект, растянувшийся на десятилетия» [Иодко, 2013], которая самым общим образом связывает оригинальные подходы О. О. Розенберга к лексикографированию языков китайского иероглифического ареала с загадочным словарным проектом, завершившимся публикацией в 1970 г. двухтомного Большого японско-русского словаря под редакцией Н. И. Конрада [БЯРС, 1970]. Продолжением, развитием и уточнением этой темы можно считать нашу работу «Неизвестные страницы отечественной лексикографии: Работы над неопубликованным японско-русским иероглифическим словарем 1930–1940-х гг.» [Демич, Костыркин, 2016]. Кроме того, из более ранних публикаций, с некоторыми оговорками, к историографии вопроса можно отнести упоминание словарных работ как одну из тем Японского кабинета в обзорном очерке В. Н. Горегляда [Горегляд, 1972]. Все остальные разрозненные упоминания проекта слишком бессистемны, имеют скорее мемуарно-биографический и нередко вторичный характер и сами требуют дополнительной интерпретации, поскольку на основании этих свидетельств невозможно составить ясного представления ни о подлинном собственно лексикографическом содержании работ, ни о его точной хронологии и полном составе участников, а, соответственно, и не всегда правильно соотнести с конкретным готовившимся к печати словарем, или даже понять, сколько каких словарей и на каком этапе находилось в работе [Третьяк, 1971, с. 271; Kirby, 1981, р. 143; Кононов, 1986, с. 125; Алпатов, 1988, с. 97, 100; 1996, с. 387; 2016, с. 265; Сорокина, 1991, с. 572; Невская, 1996, с. 528; Болдырев, 1998, с. 163; Вардуль, 2005, с. 36].

Кроме того, при более тщательном обследовании финансово-технической документации Японского кабинета в составе 152 фонда обнаружение малоизвестного факта — участия в проекте таких крупных отечественных лексикографов-японистов как Д. М. Позднеев и Н. А. Сыромятников, сопоставимых с фигурами Н. И. Конрада, Н. А. Невского и О. О. Розенберга, позволяет еще более тесно, хотя и несколько сложнее, чем это делает О. В. Иодко, связать проект, действительно имевший место, с предыдущим и последующим периодами в истории отечественной востоковедной лексикографии и утверждать, что он не только явился кузницей кадров первых поколений советских японистов, но и прямо обеспечив преемственность востоковедных традиций, стал связующим звеном между дореволюционной и послевоенной советской японской лексикографией.

Итак, почему же при такой подробной задокументированности, таком значении эта страница отечественной лексикографии оставалась до сих пор почти неосвещенной, а обширный комплекс красноречивых архивных свидетельств, способный послужить

добротной источниковой базой по теме, почти немой? Первый очевидный ответ — отсутствие зримых результатов проекта в виде опубликованных словарей — самый верный. Без той лексикографически значимой информации, которую они могли бы дать, остальные документы комплекса, наиболее содержательные в этом отношении, скорее ставят исследователя в тупик хитросплетением самых противоречивых вопросов, чем проясняют суть дела.

В середине 2000-х гг. при разборе рабочих материалов по китайскому языку, хранившихся в библиотеке Отдела языков народов Азии и Африки Института востоковедения РАН, была обнаружена папка с отпечатанными типографским способом листами и надписью карандашом «Дублет верстки Большого Японо-русского Иероглифич словаря 1–328», а также карандашными надписями с автографом А. Холодовича на обороте 85 и 110 страниц [Демич, Костыркин, 2016, с. 109, 114–115]. Никто из сотрудников Отдела уже ничего не мог сообщить на тот момент о ее происхождении кроме самых общих догадок. Обнаруженные страницы действительно содержали текст словарных статей (илл. 1). Судя по тому, что русская часть этого словаря давалась в пореформенной советской орфографии, из рассмотрения сразу исключалась возможность как-либо связать находку с известными отечественными дореволюционными образцами. Это, прежде всего, «Японо-русский иероглифический словарь» Д. М. Позднеева [Позднеев, 1908]. В целом из рассмотрения исключалось и авторство представителей харбинских эмигрантских кругов, таких как А. Н. Гредякин, учитывая отсутствие специфической орфографии, характерной для его «Нишпоно-русского иероглифического словаря» [Гредякин, 1936]. Можно отметить, что неустоявшаяся переходная орфография была свойственна также и первому изданию «Японо-русского словаря» М. Мацуды [Мацуда, 1925]. Тем не менее, по своему оформлению и содержанию обнаруженный в папке словарный материал выглядел странно и неожиданно не только для послевоенной отечественной японской лексикографии, но и большей частью довоенной японской, и очень сильно напоминал «Военный японо-русский словарь» Д. П. Жукова и Б. И. Манзгура [Жуков, Манзгур, 1935] не только подачей некоторых исторических событий, политических реалий и военной терминологии, но и такой важной структурной особенностью словаря в целом как упорядочение лексического материала по

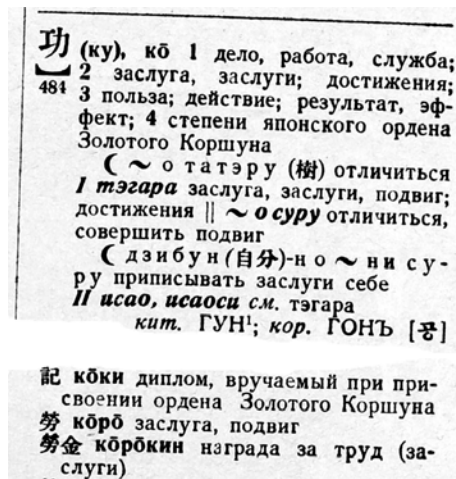

Илл. 1. С. 287 корректурной верстки «Большого японо-русского иероглифического словаря» с правкой (фото авторов)

с известными отечественными дореволюционными образцами. Это, прежде всего, «Японо-русский иероглифический словарь» Д. М. Позднеева [Позднеев, 1908]. В целом из рассмотрения исключалось и авторство представителей харбинских эмигрантских кругов, таких как А. Н. Гредякин, учитывая отсутствие специфической орфографии, характерной для его «Нишпоно-русского иероглифического словаря» [Гредякин, 1936]. Можно отметить, что неустоявшаяся переходная орфография была свойственна также и первому изданию «Японо-русского словаря» М. Мацуды [Мацуда, 1925]. Тем не менее, по своему оформлению и содержанию обнаруженный в папке словарный материал выглядел странно и неожиданно не только для послевоенной отечественной японской лексикографии, но и большей частью довоенной японской, и очень сильно напоминал «Военный японо-русский словарь» Д. П. Жукова и Б. И. Манзгура [Жуков, Манзгур, 1935] не только подачей некоторых исторических событий, политических реалий и военной терминологии, но и такой важной структурной особенностью словаря в целом как упорядочение лексического материала по

иероглифическому принципу. Из словарей такого же типа первой трети XX в. можно назвать японско-немецкий словарь Р. Ланге [Lange, 1913, 1919, 1920] и японско-английский А. Роз-Иннеса [Rose-Innes, 1932; Роз-Иннес, 1935].

На основании анализа отдельных статей, содержащих некоторые хронологические привязки, например, упоминания в качестве действующих таких организаций, как Наркомат внутренних дел, шанхайских событий 1932 г. или убийства премьера Инукаи того же года, описание особенностей политического и административного устройства марионеточного японского государства в Манчжурии и Генерал-губернаторства в Корее, официальной военной символики и наград Японской императорской и Квантунской армий, потерявших в

Илл. 2. Фрагменты с. 315
(фотомонтаж авторов)

послевоенный период свой официальный статус или попавших под запрет оккупационных властей (илл. 2), нам удалось установить довольно широкие, но надежные временные границы их вероятного написания — с 1934 по 1946 гг. [Демич, Костыркин, 2016, с. 112–113]. В итоге такая хронологическая рамка позволяет сопоставить обнаруженные материалы с доступными сведениями из научных публикаций, мемуарно-биографических и архивных документов о работах над неопубликованным японско-русским иероглифическим словарем в 1930–1940 гг. в Ленинграде по планам Японского кабинета Института востоковедения [Демич, Костыркин, 2016, с. 113–114]. Это, прежде всего, свидетельство Н. И. Фельдман о составлении большого иероглифического японско-русского словаря, «первые две трети под редакцией

Н. И. Конрада и Н. А. Невского, последняя — под редакцией А. А. Холодовича». Согласно Фельдман, «война помешала его изданию, а когда в 50-х годах возник вопрос о большом японско-русском словаре, выяснилось, что словарный состав иероглифического словаря устарел, да и целесообразность издания именно иероглифического словаря отпала» [Фельдман-Конрад, 1970, с. 2].

Имея эти хронологические границы и сужая их методом последовательного приближения, судя по всему, мы можем, обратившись к одному из документов из личного архива Н. А. Сыромятникова, на этом этапе рассуждений приблизиться к еще более точной датировке обнаруженных материалов. Вероятнее всего, это одна из страниц черновика докладной записки. В ней называется словарь за ответственным редакторством профессоров Н. И. Конрада и А. А. Холодовича, который был закончен в 1940 и рассыпан в 1941 г. [Демич, Костыркин 2016, с. 120]. Именно на это время и указывает один из документов в составе описи 1а 152 фонда. В своем письме А. А. Петрову (зам. директора ИВ АН) от 27 ноября 1940 г. заведующий Восточной редакцией Государственного издательства иностранных и национальных словарей (ГИИНС) В. Е. Фомичев сообщает, что в ближайшие дни будет получена первая партия гранок и требуется приезд в Москву редактора словаря А. А. Холодовича [АВ. Ф. 152. Оп. 1а. Д. 634. Л. 124]. Логическая необходимость и достаточные основания, исходя из вышеизложенных соображений, прямо связать обнаруженные листы типографской верстки с этим письмом не только позволяет окончательно с достаточной долей вероятности интерпретировать их как один из

экземпляров первой партии словарных гранок и точно датировать, но также дает возможность, аналогичным образом, точнее выявлять в обширном сопутствующем документальном комплексе информацию, непосредственно относящуюся к «Большому японо-русскому иероглифическому словарю», которая получает, в свою очередь, гораздо более содержательное прочтение.

Таким образом, обнаруженный дублет верстки из первой партии гранок «Большого японо-русского иероглифического словаря», являясь в известном смысле его пространственным фрагментом на финальной стадии подготовки, на данный момент должен рассматриваться как важнейший и единственный источник полноценных лексикографических сведений о самом словарном проекте и о содержании готовившегося словаря ввиду отсутствия самого словаря. Готовившийся словарь должен был представлять собой большой словарь общей лексики, в котором лексический материал расположен нестандартным для такого типа японских словарей образом. Большая часть лексики, имеющая китаизированную каноническую форму записи, упорядочена гнездовым способом и сгруппирована по первому иероглифу. Такой способ, использующийся в больших отечественных китайско-русских словарях до сих пор, очень напоминает разрабатывавшийся для китайско-русских словарей принцип, названный В. М. Алексеевым «конвейером» [Алексеев, 1948, с. 23]. Однако, в отличие от стандартных отечественных китайских словарей, как правило, использующих разные версии системы Васильева–Розенберга–Колоколова, в готовившемся японско-русском иероглифическом словаре гнездовые иероглифы располагались по традиционной китайской системе 214 ключей (илл. 3).

Не вдаваясь детально в расчеты, основанные на количественном анализе объема словарного материала, упорядоченного по ключевой системе и охватывающего первые 19 ключей, мы можем утверждать, что доля наличных 328 страниц типографских гранок в общем объеме готового словаря составила бы около 10–11 %, по причине высокой продуктивности первых ключей как более простых.

В статье гнездового иероглифа давалась в кириллической транскрипции фонетическая справка о его японизированном, так называемом, «онном» и японском «кунном» чтении, а также дополнительно о собственно китайском и корейском чтениях, также с использованием корейской слоговой азбуки. Статья гнездового иероглифа содержала в себе информацию о лексической семантике слов, записывавшихся этим иероглифом, в случае если он использовался как «одиночка». Также дополнительно загнездованная фразеологическая информация размещалась во всех статьях. Такой словарь выглядит

別 [бэти, хэцу], бэцу 1 различие, разница; разграничение; 2 разлука || ~ **наку** безразличия; ~ **но** другой, особый; отдельный, различный, особенный, ~ **ни** отдельно, особо, дополнительно; особенно; с **отрицанием** ничего особенного, так; ~ **си-тэ** (читай бэсситэ) особенно, в особенности
I вакэ ру 1 делить, разделять, отделять; 2 различать; распределять || ~ **тэ** 1 по отдельности, порознь; 2 особенно, в особенности
II вака цу делить, уделить, отделять, делиться чем-л. || ~ **ти** степень, класс; разница; ~ **рэ** 1 разделение, разъединение; 2 ответвление, отделение, отпрыск; 3 отправление, разлука; 4 развод; ~ **рэру** 1 делиться, разделяться; отделяться, ответвляться, 2 разлучаться, отправляться; 3 разводиться; ~ **ру** статья ясным (понятным); понимать
 синонимы: 分; 判; 解
 кит. БЕ²; кор. БЭЛЬ [별]
別々 I бэцу-бэцу || ~ **но** отдельный; ~ **[ни]** отдельно, раздельно; в отдельности, порознь; ~ **ни суру** разделять, отделять
II вакарэ-вакарэ см. бэцу-бэцу[ни]

Илл. 3. Заглавная статья на «онные» чтения [бэти, хэцу] бэцу и «кунные» вакэру, вакацу гнездового иероглифа [別] «различие, разница». В конце статьи фонетическая справка с китайским и корейским чтениями (фото авторов)

гибридным как по отношению к собственно словарям иероглифов типа словаря Фельдман [Фельдман, 1956], так и по отношению к большим словарям общей лексики фонетического типа. В качестве примера такого гибридного словаря можно назвать Японо-русский словарь Д. М. Позднеева [Позднеев, 1908], которому, возможно, и принадлежит приоритет в авторстве концепции. Другим ярким примером реализации подобной концепции стал неоконченный словарь Рудольфа Ланге [Lange, 1913; 1919; 1920].

Благодаря тому, что содержание обнаруженных гранок представляет собой еще одну реализацию такой гибридной концепции, факт ее использования позволяет согласовать кажущиеся содержательные противоречия в выявленном комплексе архивных материалов. Одним из таких видимых противоречий является наличие планов и инструкций, объединенных в одно дело (ед. хр. 505) в рамках того же 152 фонда (опись 1а) Архива востоковедов, большинство из которых подписано и преимущественно подготовлено Н. И. Фельдман, и при современной комплектации фонда отнесено по содержанию к 1937 г. Часть из них хорошо согласуется с гибридной моделью большого иероглифического словаря общей лексики, а часть противоречит, как например, лл. 1 и 2, содержащие описание «Малого иероглифического» и «Большого фонетического» словарей. На этих листах сохранилась печать архива Института народов Азии, датирующая документ 1932 г., а значит такая датировка этого документа, возможно, более точная, предполагалась в 1960-е гг., когда ИВ АН носил это название [Бертельс, 1972, с. 74, 80]. Другой пример такого противоречия — сохранившиеся словарные материалы из персонального фонда Н. А. Невского № 69 в том же архиве. Это, прежде всего, словарные карточки из картотеки к некому японско-русскому словарю из 74 ед. хр. по описи 2. Содержание некоторых карточек почти полностью совпадает с версткой соответствующих словарных статей, представленных в гранках Большого иероглифического словаря, и при этом имеет штампель «Мал. Яп.–Р.» Как структурно, так и содержательно словарные материалы, представленные в гранках, подтверждают факт выбора гибридной модели и придают вес и концептуально-лексикографический смысл сообщением о начале работ над большим иероглифическим словарем в 1933 г., как это следует из письма Фельдман к акад. В. А. Комарову [РАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 1494], напоминающей о своем вкладе в большой иероглифический словарь, начатый в этом году, позволяя их отличать от датировок других более ранних словарных проектов, также не доведенных до публикации, например, по договорам 1932 г. Н. И. Фельдман с издательством «Советская Энциклопедия» из материалов 2817 фонда РГАЛИ [РГАЛИ. Ф. 2817. Оп. 1. Д. 87] или проходившего по планам Японского кабинета на 1932 г. «малого японо-русского словаря», в числе работ над которым значатся перераскладка картотеки по европейскому алфавиту и одновременно обработка материала по «ключам», что не дает возможности отнести его однозначно к фонетическому или иероглифическому типу [АВ. Ф. 152. Оп. 1а. Д. 505. Лл. 1, 78–82; Д. 277. Лл. 1, 4, 14].

Сложно назвать причины отказа от запланированной до того линейки из большого фонетического общей лексики и малого словаря иероглифов и перехода к их гибридной версии в 1933 г. Мы знаем только, что возможной причиной отказа от сокращенной версии большого фонетического словаря в протоколе заседания Японского кабинета от 26 мая 1937 г. называется разработка и выпуск в течение последующих лет ряда небольших специальных словарей [АВ. Ф. 152. Оп. 1а. Д. 536. Л. 48]. Известно, что концепция иероглифического словаря общей лексики восходит еще к идеям О. О. Розенберга [Розенберг, 1918], именно составление словаря такого типа планировалось при покупке

Азиатский музеем его словарных картотек и заготовок в 1918–1919 гг. и предполагало приглашение Н. И. Конрада как специалиста в области «классического» и «китайско-японского» языков согласно «Проекту Комиссии по составлению японского словаря» от 1 января 1919 г. [Иудко, 2013, с. 314]. Кроме того, в отчете о научно-исследовательской работе Японского кабинета за первое полугодие 1932 г. упоминается сводная картотека из 140 000 карточек, при создании которой с большой вероятностью нужно предполагать использование материалов О. О. Розенберга [АВ. Ф. 152. Оп. 1а. Д. 277. Л. 14]. Возможно, с возвращением к этой концепции в 1933 г. как-то связано появление в числе авторов Д. М. Позднеева, как это следует из упоминаний доли его участия среди прочих сведений о ходе работ, содержащихся в 505 (л. 12) и 634 (л. 91) делах 152 фонда, опись 1а. Однако степень влияния опытов Розенберга и Позднеева по лексикографированию дальневосточных языков с иероглифической письменностью на изменение модели словаря в 1933 г. еще требует своего отдельного исследования.

На протяжении всего хода работ менялось как их содержание, так и состав участников. Выполнялись работы трех основных типов: авторская, редакторская и техническая. По мере приближения работ к завершению доля авторской работы сокращалась. До 1933 г. в словарной работе по планам Японского кабинета участвовало шесть человек, в основном сотрудники ИВ АН, пять из них хорошо известны, все они примут участие в новом проекте, начатом в 1933 г. Это, кроме ответственных редакторов Н. И. Конрада и Н. А. Невского, будущий автор «Словаря японских имен и фамилий» Елена Фолькман, один из авторов военного словаря Дмитрий Жуков и будущий академик Евгений Жуков. Шестым участником значится некто Барг [АВ. Ф. 152. Оп. 1а. Д. 277. Лл. 1, 4, 18, 24], чью личность пока точно установить не удалось, но судя по всему, это мог быть выпускник Ленинградского восточного института, в 1931–1933 гг. аспирант-востоковед М. Д. Барг [СПбФ АРАН. Ф. 222. Оп. 2. Д. 52].

Согласно финансовой отчетности Кабинета перед дирекцией, к 1937 г., помимо названных выше 5 участников, к работам уже над «Большим японо-русским иероглифическим словарем» было привлечено дополнительно 14 авторов: А. Е. Глушкина, Г. С. Горбштейн, В. С. Животова, Н. Г. Иваненко, Р. Г. Карлина, Е. М. Колпакчи, Н. В. Кюннер, В. Н. Маркова, Г. О. Монзельер, Н. С. Надель, Н. И. Фельдман, А. А. Холодович, Н. В. Чеботарева, в том числе внештатные сотрудники, работавшие по договору или по счетам, среди которых особо стоит выделить Позднеева, малоизвестный факт участия которого в работах ранее исследователями не учитывался [АВ. Ф. 152. Оп. 1а. Д. 505. Л. 12]. Не менее неожиданно было обнаружить в числе авторов словаря заведующего Восточной редакцией ГИИНС В. Е. Фомичева, с небольшим вкладом [АВ. Ф. 152. Оп. 1а. Д. 634. Л. 91]. На рубеже 1938 г. на этапе подготовки рукописи меняется тип работ и значительно расширяется состав участников, прежде всего за счет переписчиков, раскладку карточек выполняла Р. Г. Карлина, а сверку Н. И. Фельдман, вплоть до ее отстранения осенью 1938 г. [АВ. Ф. 152. Оп. 1а. Д. 570. Лл. 6, 17].

Черда наиболее драматичных событий в истории подготовки «Большого японско-русского иероглифического словаря» приходится на 1937–1938 гг. В октябре 1937 г. был арестован и расстрелян, а впоследствии реабилитирован один из редакторов Н. А. Невский [Невская, 1996, с. 529–530, 544]. Из авторов словаря в том же году были арестованы и

расстреляны также посмертно реабилитированные Д. П. Жуков¹, Д. М. Позднеев² и Г. С. Горбштейн³. Последние оба работали над словарем внештатно и преподавали в Военной академии им. Фрунзе в Москве. С февраля 1938 г. под следствием и арестом находились Е. М. Колпакчи⁴ и А. Е. Глукина⁵. Не вдаваясь в детали, нужно оговориться, что непосредственная связь арестов и иных репрессий, последовавших в этот период, с работой над словарем не установлена. Как минимум, незадолго до первых арестов, в мае 1937 г. совместное заседание Японского кабинета с участием Яна Бреммана⁶, ученого секретаря Тихоокеанского института, командированного в Ленинград для ознакомления с работой Института востоковедения в составе комиссии президиума АН, протоколом постановило закончить словарь до конца 1938 г., для чего допустить при этом его сокращение и освободить ответственных редакторов до 1938 г. от всей прочей работы в связи с его высоким оборонным значением [АВ. Ф. 152. Оп. 1а. Д. 536. Лл. 44–48]. Тем не менее, в 1938 г. на пике эскалации советско-японского конфликта в районе озера Хасан⁷, с началом боевых действий 29 июля был арестован заведующий Кабинетом и ответственный редактор словаря Конрад⁸.

Ход дальнейших событий подробно задокументирован материалами 570 и 602 дел 152 фонда по описи 1а. С 31 июля по 14 августа, согласно актам [АВ. Ф. 152. Оп. 1а. Д. 570. Л. 23; Д. 602. Л. 26], был опечатан стол заведующего Кабинетом и изъяты с его квартиры в присутствии жены материалы японо-русского словаря. В связи с чем и. о. директора ГИИНС Россковский в своем письме просит дирекцию ИВ «выделить кандидатуру редактора-япониста для окончания работы над японским словарем, а также просит возбудить ходатайство перед соответствующими органами о получении опечатанного материала по японскому словарю» [АВ. Ф. 152. Оп. 1а. Д. 570. Л. 24]. Не будучи в штате Кабинета, жена Конрада Наталья Фельдман продолжала выполнять обязанности секретаря словаря, а затем была отстранена, как можно заключить из ее обращений к президенту АН В. А. Комарову [АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 1494] и директору ИВ А. П. Баранникову с просьбой «допустить ее к работе по окончанию словаря» [АВ. Ф. 152. Оп. 1а. Д. 570. Л. 36]. С ноября месяца отчеты по рукописи, составлявшиеся прежде Фельдман [АВ. Ф. 152. Оп. 1а. Д. 505. Лл. 22–24; Д. 570. Лл. 6, 26, 29], идут за подписью Холодовича [АВ. Ф. 152. Оп. 1а. Д. 570. Л. 38], к этому времени принявшего ответственное редактирование словаря [АВ. Ф. 152. Оп. 1а. Д. 634. Лл. 91–97].

Вследствие этих событий судьба почти готового словаря, до трети рукописи которого было получено издательством от Фельдман [АВ. Ф. 152. Оп. 1а. Д. 570. Лл. 10, 18, 40],

¹ Жуков Дмитрий Петрович (1904–1937) *Люди и судьбы*. URL: <https://memory.pvost.org/pages/zhukovdp.html> (дата обращения 09.11.2021).

² Позднеев Дмитрий Матвеевич (1865–1937). *Люди и судьбы*. URL: <https://memory.pvost.org/pages/pozdneev.html> (дата обращения 09.11.2021).

³ Горбштейн Григорий Соломонович (1906–1937). *Люди и судьбы*. URL: <https://memory.pvost.org/pages/gorbshtein.html> (дата обращения 09.11.2021).

⁴ 15. Колпакчи Евгения Максимовна (1902–1952). *Люди и судьбы*. URL: <https://memory.pvost.org/pages/kolpakchi.html> (дата обращения 09.11.2021).

⁵ Глукина Анна Евгеньевна (1904–1994). *Люди и судьбы*. URL: <https://memory.pvost.org/pages/gluskina.html> (дата обращения 09.11.2021).

⁶ Бремман (Бремман, Пре(й)ман, псевд.: «Я. Б.» для Японии, «А. Розен» для СССР) Ян Петрович (1898–1938). *Люди и судьбы*. URL: <https://memory.pvost.org/pages/breman.html> (дата обращения 09.11.2021).

⁷ Поражение японских войск у озера Хасан в июле-августе 1938 г. *Минобороны России. Энциклопедия*. URL: <https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/history/more.htm?id=11800884@cmsArticle> (дата обращения 09.11.2021).

⁸ Конрад Николай Иосифович (1891–1970). *Люди и судьбы*. URL: <https://memory.pvost.org/pages/konrad.html> (дата обращения 09.11.2021).

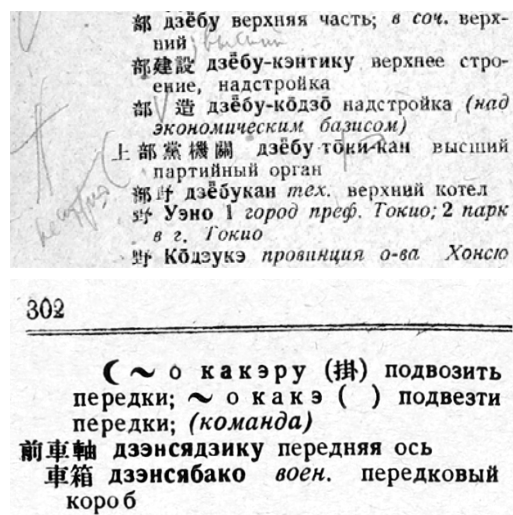
начинает резко меняться. Актами октября 1938 г. совместной комиссии, в которую от издательства вошли Фомичев и Гулейчик, а от Японского кабинета Холодович, Гольдберг и Радуль-Затуловский, по результатам «научно-политической» экспертизы было признано, что рукопись нуждается в новой редакции ввиду недостаточности необходимой «общественно-политической партийной» (sic!), философской, военной терминологии и не может быть допущена в набор [АВ. Ф. 152. Оп. 1а. Д. 634. Л. 112; Д. 570. Л. 35]. 28 ноября 1938 г. был заключен договор с издательством на соответствующее «перередактирование» словаря, в качестве следов чего, действительно, можно интерпретировать особенности постатейного состава корректурных листов первой партии гранок [АВ. Ф. 152. Оп. 1а. Д. 570. Лл. 32, 43–44]. Кроме того, дела 570 и 634 содержат активную переписку с различными инстанциями о выделении специалистов по военной терминологии и текстов японских воинских уставов и наставлений, а также японских переводов «Краткого курса ВКП(б)» и «Капитала» для росписи соответствующей лексики и пополнения ею словника [АВ. Ф. 152. Оп. 1а. Д. 634. Лл. 8, 10, 34, 43; Д. 570. Лл. 30, 55; Д. 602. Л. 11]. В итоге за счет смещения приоритетов в подборе материала в сторону военной и общественно-политической тематики и разбухания словника в ходе доработки был превышен не только изначально оговоренный типографский листаж в 130–135 а. л., но и дополнительный объем в 25 а. л., предусматривавшийся договором о «перередактировании», и составил в конечном счете 200 а. л. [АВ. Ф. 152. Оп. 1а. Д. 634. Лл. 70, 80, 82, 84–85, 130; Д. 570. Лл. 43–47]. Из письма Фомичева директору ИВ АН Баранникову от 11 декабря 1939 г. мы узнаем, что планом Издательского Управления Объединения государственных книжно-журнальных издательств (ОГИЗ) в связи ограниченностью бумажных фондов «Большой японо-русский иероглифический словарь снят с изданий 1940 г., как менее актуальный», с чем Фомичев был в корне не согласен [АВ. Ф. 152. Оп. 1а. Д. 634. Л. 80].

Невозможно правильно оценить мотивы этого решения вне его связи с быстро менявшейся тогда внешнеполитической обстановкой. Современная отечественная и монгольская историография стремится все более тесно увязывать в системе международных отношений два ключевых для СССР события лета–осени 1939 г., оказавших на Японию подавляющее воздействие и имевших серьезные исторические последствия — победу в военном конфликте на реке Халхин-Гол и факт подписания Советско-германского договора о ненападении, резко охладивший союзнические отношения участников Антикоминтерновского пакта (Японии и Германии) и выводивший СССР из международной изоляции, в которой он оказался после Мюнхенского соглашения 1938 г. [Кузьмин, Рачков, Суходолов, 2014, с. 87–88; Суходолов и др., 2018, с. 590–592; Зимонин, 2013, с. 72, 76]. Неутешительный для Японии исход боестолкновений на озере Хасан и еще более сокрушительный разгром Квантунской армии на Халхин-Голе годом позже, продемонстрировали очевидное военно-техническое превосходство дальневосточных соединений РККА и неготовность Японии к полномасштабной военной агрессии, на которую она так и не решилась в дальнейшем на протяжении всей Великой Отечественной войны [Кузьмин, Рачков, Суходолов, 2014, с. 91, 93; Суходолов и др., 2018, с. 592; Гомбосурэн, 2013, с. 56]. В апреле 1941 г. в Москве был подписан Пакт о нейтралитете с Японией [Кузьмин, Рачков, Суходолов, 2014, с. 92; Гомбосурэн, 2013, с. 57]. Действительно, в логике такого развития событий дальневосточное направление в течение последних предвоенных лет в оборонных планах советского руководства должно было заметно терять свое высокое предыдущее значение.

Тем не менее, множественные обращения как дирекции ИВ АН, так, вероятно, и ГИИНС, в различные инстанции, к директору ОГИЗ Юдину, в Отдел печати ЦК ВКП(б), в Президиум АН, к наркому обороны К. Е. Ворошилову за содействием в выделении бумаги [АВ. Ф. 152. Оп. 1а. Д. 634. Л. 81], судя по всему, дали свой эффект, бумага в необходимом количестве была получена. Однако, к февралю 1941 г. даже лимит, оговоренный дополнительным январским соглашением с издательством, был превышен, о чем директор издательства И. В. Лехин в марте пишет директору ИВ АН В. В. Струве, подтверждая согласованное ограничение объема словаря в 200 а. л., и сообщает что по финансово-материальным причинами, в том числе из-за перерасхода печатной бумаги, нехватки наборного материала, а также снижения рентабельности издания «Большого японо-русского словаря» в целом, с чем издательство уже столкнулось при наборе первого тома, оно вынуждено перенести выпуск тома на 1942 г. [АВ. Ф. 152. Оп. 1а. Д. 634. Л. 130]. На основании материала гранок нам уже сложно судить о содержании этой редакции словаря.

С началом войны, как уже было сказано, типографский набор словаря был рассыпан, точная дата и место неизвестны. Можно предположить, что речь должна идти о типографии АН в Ленинграде, судя по сохранившейся переписке относительно загрузки ее мощностей и наличия гарнитур [АВ. Ф. 152. Оп. 1а. Д. 634. Л. 120–122], в сентябрьско-октябрьский период с началом блокады или совсем незадолго до того, когда город почти полностью был отрезан от связи со страной за исключением ограниченных радиоканалов экстренной спецсвязи [Борисова, 2014]. Мы знаем, что Н. И. Конрад в заключении и после освобождения в сентябре 1941 г. продолжал работать над картотекой и рукописью словаря [Конрад, 1996, с. 495; Марахонова, 2010, с. 259; Болдырев, 2011, с. 15; АВ. Ф. 152. Оп. 1а. Д. 634. Л. 131–132], а после возвращения из эвакуации предпринял попытку его издания, как это следует из плана работы, анонсированного на 1944 г., представленного последним листом 634 дела в составе описи 1а 152 фонда [АВ. Ф. 152. Оп. 1а. Д. 634. Л. 133].

С учетом изложенных обстоятельств, необходимо признать, что сохранившаяся первая партия гранок «Большого японо-русского нероглифического словаря» представляет собой не просто типографский образец его корректурной верстки, но специфический

Илл. 4. Фрагменты с. 35 и 302 корректурной верстки (фото авторов)

документ эпохи и уникальный лексикографический памятник (илл. 4). Памятник — в трактовке С. А. Жебелева [Русина, 2015, с. 128, 165–166], чья классификационная схема непротиворечиво может быть дополнена рассуждениями В. А. Савина о способах и условиях обнаружения такими историко-культурными объектами своих сущностных характеристик в соответствующей среде бытования и выводом об их необходимой ретроспективной информативности в качестве документального памятника как высшего проявления свойств исторического источника [Савин, 1997]. При комплексном рассмотрении в контексте сопутствующих документальных свидетельств, он устраняет серьезный дефект в довольно надежной и крепкой, в остальном, источниковой базе и являет себя своеобразным, но

незаменимым источником информации о довоенном этапе становления советской востоковедной лексикографии.

Даже несмотря на видимую неудачу словарного проекта — отсутствие готового словаря, он с известными оговорками позволяет заполнить этот пробел, способствуя содержательному и основательному прочтению этой противоречивой, малоизученной, но важной страницы истории отечественного востоковедения, недостающими сведениями, вскрывающими ее подлинное значение и масштаб, уточняющими степень влияния на формирование отечественной школы японоведения и проясняющими роль в становлении отечественной востоковедной лексикографии языков сино-иероглифического ареала в целом. Стандарты лексикографирования, заданные наработками сводной картотеки и рукописи этого неопубликованного словаря, как можно судить, в итоге нашли свое отражение в «Японско-русском учебном словаре иероглифов» Н. И. Фельдман 1956 г. [Фельдман, 1956] и в «Большом японско-русском словаре» под редакцией Н. И. Конрада 1970 г. За 10 лет словарной работы в ней успели принять участие десятки японистов-лексикографов, которые и составили костяк того, что в дальнейшем стало называться «школой Конрада», представленной именами А. Е. Глускиной, Д. И. Гольдберга, Е. М. Жукова, Н. Г. Иваненко, Г. Г. Иммерман, Р. Г. Карлиной, Е. М. Колпакчи, В. В. Логуновой (Готовой), В. Н. Марковой-Карабинович, Е. М. Пинус, Я. Б. Радуль-Затуловского, Н. И. Фельдман, Е. А. Фолькман, А. А. Холодовича и др., впоследствии проявивших себя в разных областях японоведения.

Отдельно стоит назвать одну из центральных фигур послевоенной японской лексикографии, а в 1939 г. аспиранта филологического факультета Ленинградского госуниверситета, приглашенного руководством ИВ для работы над словарем без отрыва от занятий [АВ. Ф. 152. Оп. 1а. Д. 505. Лл. 36, 38; Д. 634. Лл. 44, 95–96], — Н. А. Сыромятникова, информация об участии которого в довоенном проекте до сих пор совершенно не учитывалась историками науки, равно как и участие Д. М. Позднеева, ярчайшего представителя дореволюционной школы японоведения, которых связала общая работа над неопубликованным словарем. Благодаря подаче иероглифики, ориентированной на универсальность описания языков сино-иероглифического ареала, и опережающим темпам, опыт подготовки большого иероглифического словаря стал рассматриваться в качестве рекомендуемого образца и оказал влияние на формирование отечественной китайской и корейской лексикографии [АВ. Ф. 152. Оп. 1а. Д. 506. Лл. 111, 128–131], в том числе и персонально благодаря участию китаистов А. А. Драгунова [АВ. Ф. 152. Оп. 1а. Д. 505. Л. 25], Г. О. Монзелера и участием А. А. Холодовича — в будущем автора одного из первых больших корейско-русских словарей [Холодович, 1951].

Литература / References

- Алексеев В. М. Тезисы о современном двуязычном словаре современного иностранного языка с приложением их к словарю китайско-русскому. *Китайско-русский словарь, составленный коллективом китаистов Института под редакцией академика В. М. Алексеева. Пробный макет словаря.* М.–А., 1948 [Alexeyev V. M. Propositions on Modern Bilingual Dictionary of Modern Foreign Language Applied to a Chinese-Russian Dictionary. *Chinese-Russian Dictionary by the Sinological Group of*

- the Institute Headed by Academician V. M. Alexeyev. Dictionary Prototype*. Moscow, Leningrad, 1948 (in Russian)].
- Алпатов В. М. Изучение японского языка в России и СССР. М., 1988 [Alpatov V. M. *Study of Japanese Language in Russia and the USSR*. Moscow, 1998 (in Russian)].
- Алпатов В. М. Работы Н. А. Невского по японскому языку. *Петербургское востоковедение*. 1996. № 8. С. 385–387 [Alpatov V. M. N. A. Nevsky's Studies in the Japanese Language. *Peterburgskoe vostokovedenie*. 1996. 8. Pp. 385–387 (in Russian)].
- Алпатов В. М. Наталья Исаевна Фельдман (1903–1975). Лещенко Н. Ф. (сост.). *История отечественного японоведения в портретах*. М., 2016. С. 259–266 [Alpatov V. M. Natalia Isaevna Feldman (1903–1975). Leschenko N. F. (ed.). *History in Persons of Japan Studies in our Country*. Moscow, 2016. Pp. 259–266 (in Russian)].
- Борисова Н. А. Электросвязь во время блокады Ленинграда. *Вестник связи*. 2014. № 9. С. 49; № 10. С. 51–52; № 11. С. 43–44; № 12. С. 31–35 [Borisova N. A. Electrical Communication during the Siege of Leningrad. *Vestnik svyazi*. 2014. 9. P. 49; 10. Pp. 51–52; 11. Pp. 43–44; 12. Pp. 31–35 (in Russian)].
- Бертельс Д. Е. Введение. *Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения*. М., 1972. С. 5–80 [Bertels D. E. Introduction. *The Asiatic Museum — the Leningrad Branch of the Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences, USSR*. Moscow, 1972. Pp. 5–80 (in Russian)].
- Болдырев А. Н. *Осадная записка (блокадный дневник)*. СПб, 1998 [Boldyrev A. N. *The Siege Notes (The Siege Diary)*. Saint Petersburg, 1998 (in Russian)].
- Болдырев А. Н. Журнал текущей работы и происшествий по Институту востоковедения Академии наук СССР. *Труды Архива востоковедов Института восточных рукописей РАН*. Вып. 1. *Труды востоковедов в годы блокады Ленинграда (1941—1944)*. Под общ. ред. И. Ф. Поповой. М., 2011. С. 7–32 [Boldyrev A. N. The “Journal of Day-to-Day Management” and events in the Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of USSR. Popova I. F. (ed.). *Transactions of the Archives of Orientalists of the Institute of Oriental Manuscripts*. Iss. 1. *Studies of Orientalists at the time of the Leningrad Blockade (1941—1944)*. Moscow, 2011. Pp. 7–32 (in Russian)].
- (БЯРС) *Большой японско-русский словарь*. Сост.: С. В. Неверов, К. А. Попов, Н. А. Сыромятников и др.; под ред. Н. И. Конрада. АН СССР. Ин-т востоковедения. М., 1970 [Neverov S. V., Popov K. A., Syromyatnikov N. A., Feldman N. I., Tzyn M. S., Konstantinov V. M. *The Large Japanese-Russian Dictionary*. In 2 vols. Konrad N. I. (ed.). Moscow, 1970 (in Russian and Japanese)].
- Вардуль И. Ф. Несколько слов об академике Н. И. Конраде как лингвисте. *Актуальные вопросы японского и общего языкознания*. М., 2005. С. 35–37 [Vardul I. F. A Few Words on Academician N. I. Konrad as a Linguist. *Actual Problems of Japanese and General Linguistics*. Moscow, 2005. Pp. 35–37 (in Russian)].
- Васильков Я. В., Сорокина М. Ю. *Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991)*. СПб, 2003 [Vasilkov Ya. V., Sorokina M. Ju. *People and Fate: A Biographical and Bibliographical Dictionary of Oriental Scholars — Victims of Political Repressions during the Soviet Era (1917—1991)*. Saint-Petersburg, 2003 (in Russian)].
- Гомбосурэн Д. Советско-японские отношения и война на Халхин-Голе. *Халхин-Гол: взгляд на события из XXI века. Сборник статей*. Науч. ред. и сост. Е. В. Бойкова. М., 2013. С. 33–57 [Gombosuren D. Soviet-Japanese Relations and the Khalkhyn Gol War. Boikova E. V. (ed.). *Khalkhin-Gol: a Look on the Events from the 21st Century*. Moscow, 2013. Pp. 33–57 (in Russian)].
- Горегиад В. Н. Японоведение. *Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения*. М., 1972. С. 186–201 [Goregliad V. N. Japanology. *The Asiatic Museum — the Leningrad Branch of the Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of the USSR*. Moscow, 1972. Pp. 186–201 (in Russian)].
- Гредякин А. Н. *Ниппоно-русский иероглифический словарь*. Харбин, 1936 [Gredyakin A. N. *Nippon-Russian Kanji Dictionary*. Harbin, 1936 (in Russian and Japanese)].

- Демич К. И., Костыркин А. В. Неизвестные страницы отечественной лексикографии: Работы над неопубликованным японско-русским иероглифическим словарем 1930–40-х гг. *Проблемы общей и востоковедной лингвистики* 2015. Язык. Общество. История науки. К 70-летию член-корр. РАН В. М. Алпатова. ИВ РАН, 22–23 апреля 2015 г. Т. 1. М., 2016. С. 109–121 [Demich K. I., Kostyrkin A. V. A New Finding in Soviet Lexicography: Work on an unpublished Japanese-Russian kanji Dictionary, 1930–40. *Studies in General and Oriental Linguistics* 2015. Language. Society. History of Science. 70th Anniversary Festschrift in Honor of RAS Professor V. M. Alpatov. Institute of Oriental Studies, 22–23 Apr. 2015. Vol. 1. Moscow, 2015. Pp. 109–121 (in Russian)].
- Жуков Д. П., Манзгур Б. И. *Военный японо-русский словарь*. М., 1935 [Zhukov D. P., Manzgur B. I. *Military Japanese-Russian Dictionary*. Moscow, 1935 (in Russian and Japanese)].
- Зимонин В. П. Халхин-Гол в системе Второй мировой войны. *Халхин-Гол: взгляд на события из XXI века. Сборник статей*. Науч. ред. и сост. Е. В. Бойкова М. 2013. С. 65–83 [Zimonin V. P. Khalkhin Gol in the System of World War II. Boikova E. V. (ed.). *Khalkhin-Gol: a Look on the Events from the 21st Century*. Moscow. 2013. Pp. 65–83 (in Russian)].
- Иодко О. В. Японско-русский словарь О. О. Розенберга — проект, растянувшийся на десятилетия. *Немцы в Санкт-Петербурге (XVIII–XX вв.). Биографический аспект*. Вып. 7. СПб, 2013. С. 309–320 [Iodko O. V. Rosenberg's Japanese-Russian dictionary — a project that lasted for decades. *The Germans in Saint-Petersburg (18th–20th Centuries). Bibliographical aspect*. Iss. 7. Saint Petersburg, 2013. Pp. 309–320 (in Russian)].
- Кононов А. Н. Об академических грамматиках и словарях языков зарубежного востока. *Вопросы языкознания*. 1986. № 3. С. 124–127 [Kononov A. N. On Academic Grammars and Dictionaries of the Languages of the Foreign East. *Voprosy yazykoznaniiya*. 1986. 3. Pp. 124–127 (in Russian)].
- Конрад Н. И. *Неопубликованные работы. Письма*. Сост. М. Ю. Сорокина, А. О. Тамазишвили. М., 1996 [Konrad N. I. *Unpublished Papers. Correspondence*. Compiled by Sorokina A. O., Tamazishvili A. O. Moscow, 1996 (in Russian)].
- Кузьмин Ю. В., Рачков М. П., Суходолов А. П. Война на Халхин-Голе 1939 г. (май–сентябрь) как начало Второй мировой войны. *Вопросы теории и практики журналистики*. 2014. № 2. С. 74–96 [Kuzmin Yu. V., Rachkov M. P., Sukhodolov A. P. War on Halkhin-Gol of 1939 (May – September) as the Beginning the Second World War. *Theoretical and Practical Issues of Journalism*. 2014. 2. Pp. 74–96 (in Russian)].
- Марахонова С. И. Деятельность Института востоковедения АН СССР в эвакуации (Ташкент, 1942–1945 гг.). По архивным материалам. *Письменные памятники Востока*. 2010. № 2. С. 247–263 [Marakhonova S. I. Institute for Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences: Its Activity in Evacuation (Tashkent, 1942–1945). Evidence of the Archival Materials. *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*. 2010. 2. Pp. 247–263 (in Russian)].
- Мацуда М. *Японо-русский словарь*. Токио, 1925 [Matsuda M. *Japanese-Russian Dictionary*. Tokyo, 1925 (in Russian and Japanese)].
- Невская Е. Н. О родителях. *Петербургское востоковедение*. 1996. № 8. С. 525–551 [Nevskaya E. N. My Parents. *Peterburgskoe vostokovedenie*. 1996. 8. Pp. 525–551 (in Russian)].
- Позднеев Д. М. *Японо-русский иероглифический словарь. По ключевой системе*. Токио, 1908 [Pozdneyev D. M. *Japanese-Russian Chinese Characters Dictionary, Based on Radical System*. Tokyo, 1908 (in Russian and Japanese)].
- Розенберг О. О. Опыт кодификации идеографического элемента японского языка. *Mélanges asiatiques tirés du Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie. Nouvelle Série*. Петроград, 1918. С. 1740–1746 [Rosenberg O. O. An Experience of Japanese Language's Ideographic Element Codification. *Mélanges asiatiques tirés du Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie. Nouvelle Série*. Petrograd, 1918. Pp. 1740–1746 (in Russian)].
- Роз-Иннес А. *Элементарный словарь китайско-японских иероглифов (на английском языке): с общепринятыми сокращениями, вариантами и сочетаниями. По второму японскому изданию, составленному Артуром Роз-*

- Иннес. М.–Л., 1935 [Rose-Innes A. *Chinese-Japanese Characters Primary Dictionary (in English): With Common Abbreviations, Variants and Compounds*. Moscow, Leningrad, 1935 (in Russian, English and Japanese)].
- Русина Ю. А. *Методология источниковедения*. Екатеринбург, 2015 [Rusina Yu. A. *Methodology of Source Studies*. Ekaterinburg, 2016 (in Russian)].
- Савин В. А. Документ — архивный документ — исторический источник — памятник истории и культуры: проблемы проявления сущностных характеристик. *Архивоведение и источниковедение отечественной истории. Проблемы взаимодействия на современном этапе. Доклады и тезисы выступлений 12–13 мая 1996 г.* Вып. I. М., 1997. С. 181–186 [Savin V. A. Document — Archive Document — Historical Source — Monument of Culture and History: How the Essential Characteristics Manifest Themselves. *Archival Science and Source Study of National History, Problems of Interaction on Contemporary Stage. Proc. of the 1996, May 12–13 Conf.* Vol. 1. Moscow, 1997. Pp. 181–186 (in Russian)].
- Сорокина М. Ю. Вечер памяти Н. И. Конрада. *Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка*. Т. 50. № 6. М., 1991. С. 569–572 [Sorokina M. Yu. N. I. Konrad's Commemoration Meeting. *Proceedings of the USSR Academy of Sciences*. Vol. 50. No. 6. Moscow, 1991. Pp. 569–572 (in Russian)].
- Супрун М. Г., Ижевская М. Г., Бархов Ю. Н., Сабенина А. М., Филонова К. Г. (сост.) *Словари, изданные в СССР. Библиографический указатель, 1918–1962*. М., 1966 [Suprun M. G., Izhevskaja M. G., Barkhov Yu. N., Sabenina A. M., Filonova K. G. (comp.). *Dictionaries Published in the USSR. Bibliographical index 1918–1962*. Moscow, 1966 (in Russian)].
- Суходолов А. П., Дорж Тувдийн, Кузьмин Ю. В., Рачков М. П. Война на Халхин-Голе 1939 года и советско-германский пакт о ненападении. *Известия Байкальского государственного университета*. 2018. Т. 28. № 4. С. 585–594 [Sukodolov A. P., Tuvd Dorj, Kuzmin Yu. V., Rachkov M. P. The War of Khalkhin Gol in 1939 and the German-Soviet Nonaggression Pact. *Bulletin of Baikal State University*. 2018. 28.4. Pp. 585–594 (in Russian)].
- Третьяк Н. Н. (Рец.) «Большой японско-русский словарь». *Известия Академии Наук СССР. Серия литературы и языка*. Том XXX. М., 1971. С. 270–273 [Tretyak N. N. Review of: The Large Japanese-Russian Dictionary. *Izvestiya Akademii Nauk SSSR. Seriya literatury i yazyka*. Vol. XXX. Moscow, 1971. Pp. 270–273 (in Russian)].
- Холодович А. А. (сост.). *Корейско-русский словарь*. М., 1951 [Kholodovich A. A. (comp.). *Korean-Russian dictionary*. Moscow, 1951 (in Russian and Korean)].
- Фельдман Н. И. *Японско-русский учебный словарь иероглифов*. М., 1956 [Feldman N. I. *Learner's Dictionary of Japanese Kanji*. Moscow, 1956 (in Russian)].
- Фельдман-Конрад Н. И. *Вопросы японско-русской лексикографии*. Дисс. на соиск. уч. ст. доктора филол. наук. М., 1970 [Feldman-Konrad N. I. *The Matters of Japanese-Russian Lexicography*. DSc Dissertation. Moscow, 1970 (in Russian)].
- Kirby E. S. *Russian Studies of Japan. An Exploratory Survey*. New York, 1981.
- Lange R. *Thesaurus Japonicus*. Band 1. Berlin, 1913.
- Lange R. *Thesaurus Japonicus*. Band 2. Berlin, 1919.
- Lange R. *Thesaurus Japonicus*. Band 3. Berlin, 1920.
- Rose-Innes A. *Dictionary of Chinese-Japanese Characters with Common Abbreviations, Variants and Numerous Compounds*. 2nd ed. Tokyo, 1932.

Архивные документы / Archive documents

- Архив востоковедов Института восточных рукописей Российской Академии Наук (АВ) [Archive of Orientalists of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences]. Фонд 152. Опись 1а. Дело 505 «План и инструкция по составлению японо-русских словарей, сведения о ходе работы, докладные записки и переписка, состав авторов»,

- АВ. Фонд 152. Опись 1а. Дело 634 «Отчеты, график работ о составлении Большого-японо-русского словаря».
- АВ. Фонд 152. Опись 1а. Дело 277 «Планы и отчеты о научно-исследовательской работе кабинета за 1932 г.».
- АВ. Фонд 152. Опись 1а. Дело 536 «План и отчеты японского кабинета (4.01.1937–26.12.1937)».
- АВ. Фонд 152. Опись 1а. Дело 570 «Отчеты по большому японо-русскому словарю. Список авторских договоров с издательством, переписка (4.01.1938–20.12.1938)».
- АВ. Фонд 152. Опись 1а. Дело 602 «Перспективный план работ на 1938–1942 г.».
- АВ. Фонд 152. Опись 2. Дело 74 «Невский Н. А. Материалы на карточках к японо-русскому словарю».
- Архив Российской Академии Наук (РАН) [Archive of the Russian Academy of Sciences]. Фонд 277. Опись 4. Дело 1494.
- Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии Наук (СПбФ РАН) [St. Petersburg branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences]. Фонд 222. Опись 2. Дело 52 «Барг Макс Давидович».
- Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ) [Russian State Archive of Literature and Art]. Фонд 2817. Опись 1. Дело 87 «Договоры Н. И. Фельдман-Конрад с издательствами об издании ее работ».

Электронные ресурсы / Electronic sources

- Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991)*. Авт.-сост. Васильков В. Я., Сорокина М. Ю. СПб., 2003. URL: <https://memory.pvost.org/pages/zhukovdp.html> (дата обращения 09.11.2021).
- Поражение японских войск у озера Хасан в июле-августе 1938 г. *Минобороны России. Энциклопедия*. URL: <https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/history/more.htm?id=11800884@cmsArticle> (дата обращения 09.11.2021).

О РОЛИ ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ: Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЙ

© 2022

Н. Н. Миклухо-Маклай*

Статья представляет собой попытку представить и проанализировать роль личности в истории на примере выдающегося ученого и путешественника Николая Николаевича Миклухо-Маклая (1846–1888), посвятившего всю жизнь науке, высоким идеалам добра и гуманизма, и понять, какое влияние может оказать историческая личность как на своих современников, так и на будущие поколения. За свою короткую жизнь Николай Николаевич успел внести значительный вклад в широкий спектр научных дисциплин и по праву вошел в историю мировой науки как этнограф, антрополог и натуралист широкого профиля, не только поставивший в центр исследований человека и проявления его культуры в рамках географической среды, но и активно развивавший многие отрасли естествознания. Многие его выводы до сих пор не устарели и соответствуют современным научным представлениям. Рассматривается общественно-политическая деятельность ученого, которая во многом послужила основой для последующих многосторонних исследований Южно-Тихоокеанского региона отечественными учеными в XX и XXI вв. Русский ученый занимал твердую общественную позицию по защите островитян Тихого океана от работорговли и колониального порабощения со стороны западных колониальных держав, что актуально и в наши дни. Автор проводит обзор деятельности по сохранению исторического наследия Н. Н. Миклухо-Маклая начиная с 1930-х гг. и подчеркивает актуальность и необходимость данной работы в наши дни. Автор приводит авторитетные мнения ученых и экспертов в различных областях знаний, которые отвечают на вопрос, кем для них является Н. Н. Миклухо-Маклай, составляя таким образом обобщающий портрет человека и роль его личности в истории.

Ключевые слова: Н. Н. Миклухо-Маклай, Россия, Новая Гвинея, историко-культурное наследие, роль личности, международные отношения, историческая память.

Для цитирования: Миклухо-Маклай Н. Н. О роли личности в истории: Н. Н. Миклухо-Маклай. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2022. № 1. С. 220–237. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2022. № 1. С. 220–237. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-1-220-237

ON THE ROLE OF PERSONALITY IN HISTORY:

NIKOLAY N. MIKLOUHO-MACLAY

Nikolay N. Miklouho-Maclay

The paper strives to present and analyze the role of personality in history on the example of the outstanding academic and traveler Nikolay N. Miklouho-Maclay (1846–1888), who devoted his life to science

* Николай Николаевич МИКЛУХО-МАКЛАЙ, руководитель Центра изучения Южно-Тихоокеанского региона, научный сотрудник Института востоковедения РАН; президент Всероссийской ассоциации исследователей ЮТР; директор Фонда сохранения этнокультурного наследия им. Миклухо-Маклая, Москва; nn@mikluho-maclay.ru

Nikolay N. MIKLOUHO-MACLAY, Head of the Center for South Pacific Studies, Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS; President of the Association of the South Pacific Researchers; Director of the Miklouho-Maclay Foundation for the Preservation of Ethnocultural Heritage, Moscow; nn@mikluho-maclay.ru

ORCID ID: 0000-0002-5085-1693

and high ideals of greater good and humanism. The author shows what influence a historical figure can have both on his contemporaries and next generations, giving the answer to the key question: 'To what extent the scientific and ideological heritage of a scientist can be relevant in the 21st century?' The paper considers N. Miklouho-Maclay's contribution to a variety of academic disciplines as an ethnographer, anthropologist and naturalist, describing significance of his major studies, in which he focused both on people, and the manifestations of this culture within the geographical environment. The author also pays attention to socio-political activity of N. Miklouho-Maclay and his firm public position aimed at the protection of Pacific Islanders from the slave trade and colonial enslavement by the Western colonial powers of the 19th century, emphasizing its contribution in the 20th and 21st centuries to the establishment of multilateral friendly relations between Russia and the South Pacific states. The paper reviews N. Miklouho-Maclay's academic and educational activities in preserving historical heritage since the 1930s, as well as the growth of his personal popularity nowadays. The author quotes authoritative academics and experts in various fields of knowledge from different countries, describing their image of N. Miklouho-Maclay, thus presenting a generalized portrait of the famed explorer and defining his personal role in history, which is far from fading nowadays.

Keywords: N. N. Miklouho-Maclay, Russia, New Guinea, scientific, historical and cultural heritage, role of personality, international relations, historical memory.

For citation: Miklouho-Maclay N. N. On the Role of Personality in History: Nikolay N. Miklouho-Maclay. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2022. 1. Pp. 220–237. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-1-220-237

Когда речь идет о знаменитых первопроходцах России, например, о таком всемирно известном путешественнике, зоологе, антропологе и этнографе как Николай Николаевич Миклухо-Маклай (1846–1888), мы представляем себе зрелую, сложившуюся личность, преисполненную достоинства и благородства. Образ самоотверженного ученого, беззаветно преданного служению науке и человечеству, сложился в сознании соотечественников еще при его жизни. В 1887 г. в переписке с выдающимся русским писателем и мыслителем Львом Николаевичем Толстым Н. Н. Миклухо-Маклай обозначил свое жизненное кредо так: «Ради науки я работал всю жизнь, надеясь подвинуть ее по мере сил и способностей, и для которой я всегда готов всем пожертвовать» [Миклухо-Маклай, 2020, т. 5, с. 560].

В 1888 г., после смерти ученого, не дожившего несколько месяцев до своего 42-го дня рождения, восторженная оценка Л. Н. Толстого «деяний и личности отважного путешественника... появилась в русских газетах... и оставила глубокий след в общественном сознании» [Миклухо-Маклай, 2020, т. 6, с. 699], — пишет замечательный советский и российский этнограф-маклаевед А. А. Тумаркин.

Дневники Н. Н. Миклухо-Маклая — главное духовное и философское наследие ученого — начали регулярно переиздаваться вскоре после Октябрьской революции 1917 г. во все более цензурируемом виде в соответствии с ужесточавшимися требованиями советской пропаганды. Окончательно ученый-гуманист был идеализирован решением «сверху» в 1937 г. [Тумаркин, 2013]; а в 1947 г. на советские экраны вышел биографический фильм с идеологическим уклоном «Миклухо-Маклай»¹ о путешествиях и деятельности ученого в Австралии и Океании, имевший большой успех у зрителей. В дальнейшем образ передового человека с высокими устремлениями, пожертвовавшего благами цивилизации во имя науки, способствовал становлению и укреплению духа нескольких поколений советских людей.

¹ Художественный фильм «Миклухо-Маклай». Реж. А. Разумный, 1947 г. (по другим данным — 1948 г.).

В наши дни память о самом, пожалуй, неординарном ученом России сохраняет Фонд сохранения этнокультурного наследия им. Миклухо-Маклая, созданный в 2017 г. автором статьи, двоюродным праправнуком по линии старшего брата и полным тезкой ученого — Николаем Николаевичем Миклухо-Маклаем², что позволило развернуть активную научно-

Илл. 1. Ксилографированный портрет и карта путешествий Н. Н. Миклухо-Маклая. Смешанная техника. Ленинград, Москва, 1948 г. (из личного архива автора)

натуралистом Э. Геккелем путешествовал по Канарским островам, затем посетил Марокко, Сицилию и берега Красного моря. В течение года (1871–1872) один прожил среди папуасов на берегу Новой Гвинеи, изучая природу и население этого неисследованного района. Гуманным обращением добился большого уважения, любви и авторитета у этих первобытных племен; защищал их от эксплуатации⁴ и притеснений со стороны европейских колонизаторов. В 1874 г. снова побывал на Новой Гвинее, откуда поехал на Малаккский полуостров, где более года проводил исследования. Посетив многие из островов Тихого океана, Н. Н. Миклухо⁵ после двенадцатилетнего отсутствия в 1882 г. вернулся на родину. В том же году вновь отправился на Новую Гвинею и в Австралию, откуда со всеми своими коллекциями в 1886 г. возвратился в Петербург. Преждевременная смерть не позволила Н. Н. Миклухо закончить обработку собранного материала.

просветительскую деятельность, а также наладить культурные и образовательные связи с Папуа-Новой Гвинеей на государственном уровне, в том числе благодаря научно-исследовательским экспедициям 2017 и 2019 гг., проведенным с участием специалистов из Российской академии наук³.

На плакате (илл. 1), который в 1950-х гг. можно было увидеть в кабинетах географии советских школ, написано: «Знаменитый путешественник, этнограф и зоолог — исследователь природы и населения Новой Гвинеи, Малакки, островов Тихого океана и Австралии. В 1866–1867 гг. вместе со знаменитым

² Фонд сохранения этнокультурного наследия им. Миклухо-Маклая. URL: <https://mikluho-maclay.ru/> (дата обращения 29.03.2022).

³ Экспедиции трех веков. По следам Миклухо-Маклая. Институт востоковедения РАН, Фонд сохранения этнокультурного наследия им. Миклухо-Маклая. URL: <https://library.mikluho-maclay.ru/ekspediczii-tryoh-vekov/> (дата обращения: 31.03.2022).

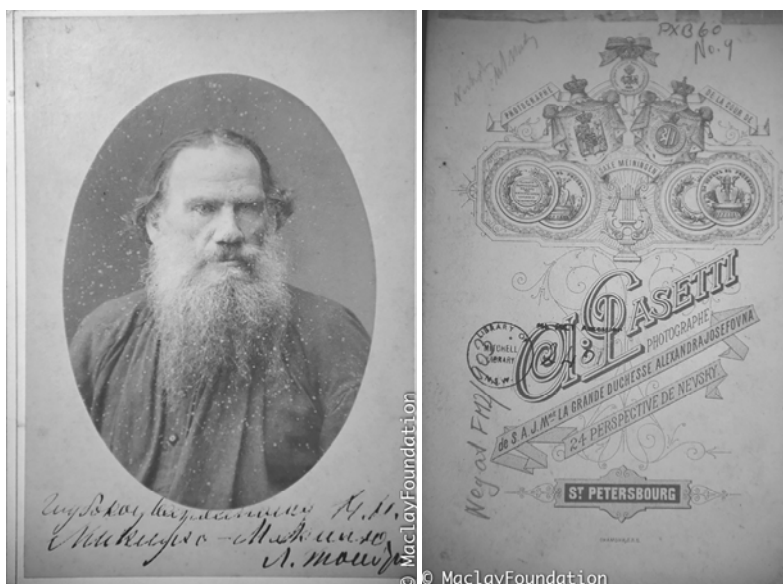
⁴ Вариант написания «эксплоатация» допускался до проведения реформы русского языка в 1956 г., после чего «эксплуатация» осталась единственным правильным вариантом.

⁵ Вторая часть фамилии, которая появилась при жизни Н. Н. Миклухо-Маклая и чаще использовалась им в ходе его зарубежных поездок, на советском плакате намеренно опущена.

Славу великого гуманиста Н. Н. Миклухо-Маклай обрел благодаря своим философским убеждениям о равенстве человеческих рас, которые сегодня воспринимаются как привычные, а в его годы считались новаторскими. В 1886 г., когда ученый устроил в Санкт-Петербурге выставку этнографических коллекций, привезенных из дальних путешествий по Океании и Малаккскому полуострову, и совершенно бесплатно прочел курс публичных лекций о проживавших там народах, Л. Н. Толстой обратился к нему в письме: «Вы первый несомненно опытом доказали, что человек везде человек, т. е. доброе, общительное существо, в общение с которым можно и должно входить только добром и истиной, а не пушками и водкой. И вы доказали это подвигом истинного мужества. ...Не знаю, какой вклад в науку, ту, которой вы служите, составят ваши коллекции и открытия, но ваш опыт общения с дикими составит эпоху в той науке, которой я служу, — в науке о том, как жить людям друг с другом» [Миклухо-Маклай, 2020, т. 5, с. 902; т. 6, кн. 1, с. 687]. В ходе дальнейшей переписки два великих деятеля обменялись фотографиями с дарственными надписями (ил. 2).

Во второй половине XIX в. в научных кругах допускались представления о «диких» народах (т. е. людях, культура которых соответствовала ранним этапам социального развития) как о «низших» расах, что позволяло «обосновать» дарвинизм и материалистическое мировоззрение в целом, ибо [эти представления. — Н. М.-М.] направлены против учения о сотворении человека Богом и дают дополнительные аргументы в пользу происхождения человека от обезьяны. Папуасам, бушменам и другим культурно отсталым народам эти последователи Дарвина отводили роль “промежуточного звена” между европейцами и их животными предками» [Миклухо-Маклай, 2020, т. 6, кн. 1, с. 592].

Результатом одной из исследовательских задач Н. Н. Миклухо-Маклая в ходе его пребывания на почти нетронутом европейцами северо-восточном побережье острова Новая Гвинея в 1871–1872 гг. стало развенчание мифов о неравенстве человеческих рас, с которой прославившийся впоследствии ученый успешно справился, опубликовав ряд статей на русском и английском языках. В 1996 г. в честь 150-летия со дня его рождения ЮНЕСКО по праву назвала Н. Н. Миклухо-Маклая «Гражданином мира». В том же году в городе Окуловка Новгородской области, недалеко от села Языково (Языково-Рождественское), где родился и

Илл. 2. Оригинал фотографии, присланной А. Н. Толстым Н. Н. Миклухо-Маклаю с дарственной надписью: «Глубокоуважаемому Н. Н. Миклухо-Маклаю. А. Толстой» (Архив Митчелловской библиотеки, Австралия)

вырос Н. Н. Миклухо-Маклай, был установлен памятник ученому неподалеку от Музея им. Миклухо-Маклая (илл. 3), где действует постоянная выставка.

Илл. 3. На юбилейных 30-х Маклаевских чтениях.
Город Окуловка, Новгородская область, 2016 г. (фото автора)

Молодому ученому Н. Н. Миклухо-Маклаю было всего 24 года, когда в 1870 г. корвет «Витязь» вышел из Кронштадта и в течение следующего года прошел через Атлантический океан, Магелланов пролив и далее пересек южную часть Тихого океана — с заходами на острова Пасхи, Питкэрн, Мангарева, Таити (в составе современной Французской Полинезии), Уполу (в составе совр. Самоа), Ротума (в составе совр. Фиджи), Новая Ирландия (в составе совр. Папуа-Новой Гвинеи) и наконец достиг залива Астролябия на острове Новая Гвинея в сентябре 1871 г. Эта встреча европейской цивилизации и людей «каменного века» навсегда вошла в историю. 20 сентября по старому стилю ученый высадился на северо-востоке Новой Гвинеи (илл. 4). Это знаменательное событие не было забыто: в 2021 г. в России и Папуа-Новой Гвинее прошли различные культурные, образовательные и научные⁶ мероприятия, связанные с празднованием сразу двух юбилеев — 150-летия высадки Н. Н. Миклухо-Маклая на Новой Гвинее, научного изучения этого острова и 175-летия со дня его рождения, которым активно содействовал некоммерческий Фонд его имени⁷.

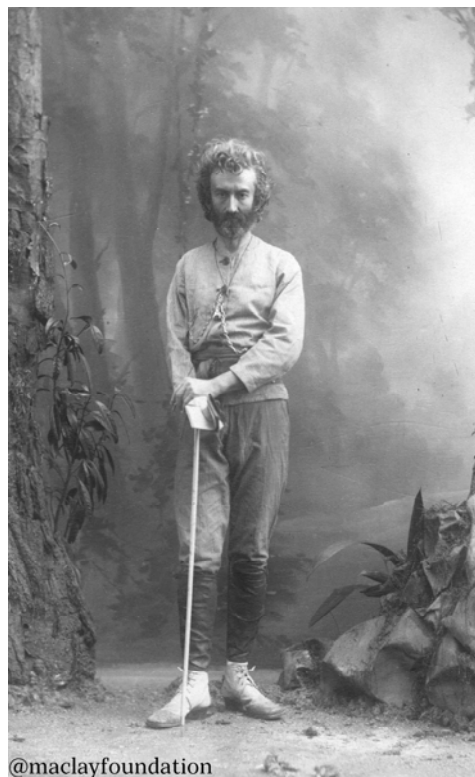
⁶ В частности, в 2021 г. сразу несколько статей о Н. Н. Миклухо-Маклае разместил на своих страницах один из старейших и уважаемых журналов «Знание — сила» в номере за июль (17 июля празднуется день рождения Н. Н. Миклухо-Маклая, и с 1970-х гг. в этот день в России отмечается День этнографа). «Каарам тамо» — «Лунный человек» Николай Миклухо-Маклай. *Знание — сила*. URL: <https://znanie-sila.ru/magazine/07-2021> (дата обращения 28.03.2022).

⁷ Мероприятия Фонда. Фонд сохранения этнокультурного наследия им. Миклухо-Маклая. URL: <https://mikluho-maclay.ru/> (дата обращения 31.03.2022).

В статье «Почему я выбрал Новую Гвинею» Н. Н. Миклухо-Маклай с научной точки зрения обосновывает необходимость исследовать место, куда не ступала нога белого человека: «Выбирая в 1868 году ту часть земного шара, которой предполагал посвятить свои исследования, я остановился на островах Тихого океана, и преимущественно на Новой Гвинее как острове наименее известном... имея в виду главным образом цель — найти местность, которая до тех пор, до 1868 года, еще не была посещена белыми. ...Именно на этом малоизученном острове первобытные люди менее всего затронуты влиянием цивилизации, и это открывает исключительные возможности для антропологических и этнографических исследований. ...В будущем те же райские птицы и бабочки будут восхищать зоолога, те же насекомые насчитываться тысячами в его коллекциях, между тем как почти наверное при повторенных сношениях с белыми не только нравы и обычаи теперешних папуасов исказятся, изменятся и забудутся, но может случиться, что будущему антропологу придется разыскивать чистокровного папуаса в его примитивном состоянии в горах Новой Гвиней» [Миклухо-Маклай, 1982].

Следует отметить, что ни команда «Витязя», ни сам Н. Н. Миклухо-Маклай не были уверены в том, что ему удастся остаться в живых, — слухи о кровожадности папуасов активно поддерживались в европейских газетах, которые обосновывали их тем, что некоторые папуасские племена практиковали каннибализм, а тропические болезни были смертельно опасны для европейцев.

По воспоминаниям ученого, «перед уходом корвета “Витязь” из Кронштадта великий князь Константин Николаевич 17-го октября 1870 года... при осмотре корвета зашел и в мою каюту, где между прочим спросил меня, не может ли он что-либо для меня сделать. На это я отвечал, что все, что я желал, уже сделано, так как я уже нахожусь на корвете, который перевезет меня на берега Новой Гвиней, и что мне остается только выразить мою глубочайшую благодарность за помощь моему предприятию. Когда же князь предложил еще раз подумать, не надо ли мне чего, мне пришла мысль, которую я выразил приблизительно в следующих словах: “Вашему высочеству известно, что так как цель моего путешествия в Новую Гвинею — научные исследования этого малоизвестного острова, то для меня очень важно, чтобы результаты моих исследований и открытий не пропали для науки. Ввиду того, что я не могу сказать заранее, как долго мне придется прожить в Новой Гвинее, так как это будет зависеть от местной лихорадки и от нрава туземцев, я принял предосторожность запастись несколькими медными цилиндрами для манускриптов разного рода (дневников, заметок и т. п.), которые в этих цилиндрах могут пролежать зарытыми в земле несколько лет. Я был бы поэтому очень благодарен, если можно было бы устроить таким образом, чтобы судно русское военное зашло через год или несколько лет в то место берега Новой Гвиней,

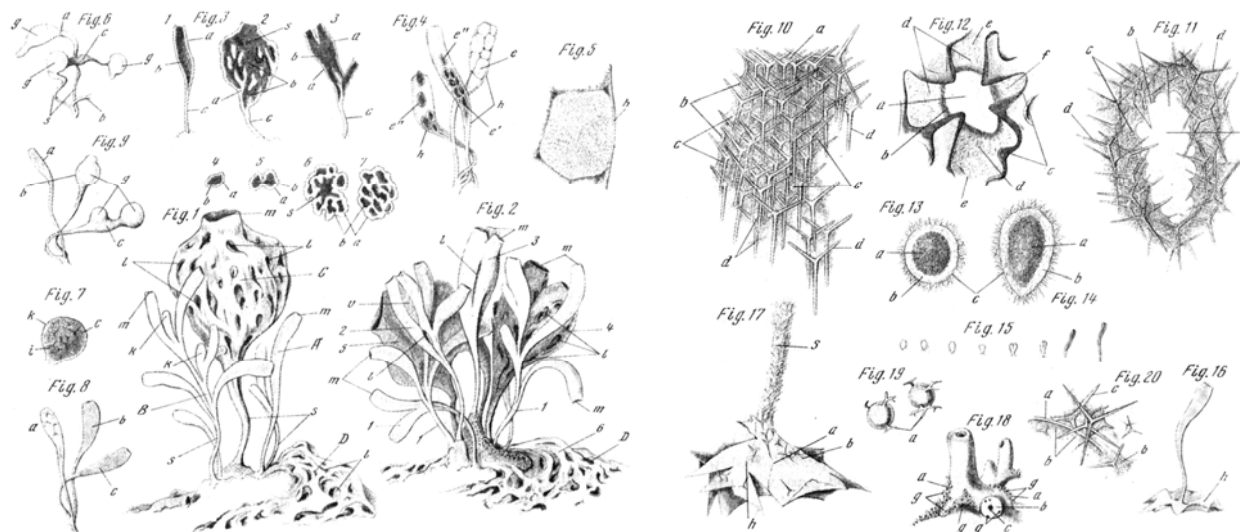
@macclayfoundation

Илл. 4. Н. Н. Миклухо-Маклай в тропическом экспедиционном костюме. Фото 1870-х гг. (Архив Русского географического общества)

где я останусь, с тем чтобы, если меня не будет в живых, мои рукописи в цилиндрах были бы вырыты и пересланы Русскому географическому обществу». Выслушав меня внимательно, князь, пожимая мне на прощанье руку, сказал, что обещает не забыть ни меня, ни мои рукописи в Новой Гвинее. Помня это обещание генерал-адмирала, я выбрал подходящее место для зарытия цилиндров и указал его офицерам «Витязя» [Миклухо-Маклай, 2020, т. 1, с. 90–91].

К слову, небольшой залив у берегов Новой Гвинее, где «Витязь» встал на якорь в 1871 г., чтобы оставить там Н. Н. Миклухо-Маклая, был назван российскими мореплавателями бухтой Константина в честь великого князя.

Во время длительного плавания на корвете «Витязь» Н. Н. Миклухо-Маклай собирал всевозможную научную информацию буквально обо всем, что попадало в поле его зрения, внося вклад не только в уже упомянутые выше науки — этнографию, антропологию и зоологию, но и историю, географию, метеорологию и даже вулканологию. Необходимо отметить, что научные интересы Н. Н. Миклухо-Маклая были настолько обширными, что перечислить все его достижения заняло бы не одну страницу. Можно лишь для примера вспомнить, что свое первое открытие ученый совершил в 20 лет в ходе полевых исследований на Канарских островах: обнаруженный им новый вид морских губок он назвал *Guancha blanca* (илл. 5), по имени истребленных испанскими колонизаторами коренных жителей — гуанчей.

Илл. 5. Рисунок Н. Н. Миклухо-Маклая. Открытая им морская губка *Guancha blanca*, с увеличением некоторых ее частей в 250 раз (по: [Миклухо-Маклай, 2020, т. 4, с. 108–110])

Умение рисовать почти с фотографической точностью, отражая не желаемое, а действительное, — еще одно выдающееся качество ученого, придающее его трудам неизмеримую ценность.

В ходе плавания к берегам Новой Гвинее Н. Н. Миклухо-Маклай оказался в Чили, где в порту города Вальпараисо корвет «Витязь» пробыл месяц. Здесь ученый заинтересовался уникальными предметами, привезенными чилийской экспедицией с острова Пасхи (или Рапа-Нуи). Ему удалось внимательно изучить две дощечки с загадочными письменами — «кохау ронго-ронго» и по-научному достоверно и доказательно определить, что это —

именно письменность, а не трафарет для нанесения рисунков на ткани, как полагали некоторые европейские ученые того времени, отказываясь признавать, что «дикие» народы на удаленном тихоокеанском острове были способны к созданию письменности.

«Замечу, между прочим, что корвет зайдет на остров Пасхи, один из интереснейших островов Тихого океана, и я надеюсь употребить все старания на исследование этой местности», — сообщал Н. Н. Миклухо-Маклай в одном из писем, отправленных из Вальпараисо [Миклухо-Маклай, 2020, т. 5, с. 99].

Остров Пасхи известен своими огромными каменными статуями «моаи», которых на сегодняшний день насчитывается около 900. Впервые их описал нидерландский мореплаватель Якоб Роггевен, открывший остров в день Пасхи 6 апреля 1722 г., и с тех пор при всякой возможности остров стремились посетить путешественники, пересекавшие южную часть Тихого океана, начиная с английского капитана Дж. Кука в конце XVIII в. и первых российских кругосветных мореплавателей Ю. Ф. Лисянского и О. Коцебу в начале XIX в.

В 1860-х гг. на острове Пасхи были обнаружены деревянные дощечки (или «таблички») с загадочными письменами, захватившими воображение ученых, однако надписи не расшифрованы до сих пор, так как уже во времена Н. Н. Миклухо-Маклая среди коренных рапануйцев не оставалось способных прочесть эти надписи людей.

К великому огорчению Н. Н. Миклухо-Маклая, из-за неподходящих погодных условий высадиться на острове Пасхи не удалось: «Очень сожалел я, и досадно мне было, находясь в виду острова, не побывать на нем, не осмотреть тех важных документов прежней жизни островитян, которые делают о. Рапа-Нуи единственным в этом роде из всех островов Тихого океана. Мне было тем более досадно, что путешественники, видевшие эти замечательные памятники, только смотрели на них глазами удивления или равнодушия, и ни один из них не постарался подробно и внимательно изучить эти достопримечательные образцы полинезийского искусства, которые до сих пор остаются почти столь же неизвестными, как и в 1721 г., когда Роггевен⁸ первый описал их» [Миклухо-Маклай, 2020, т. 1, с. 62].

Тем не менее ученому удалось побеседовать с информантом — жителем острова, причалившем к борту «Витязя» на лодке и поделившимся последними новостями: он рассказал, что половина жителей отправилась жить на Таити. Корабль снялся с якоря всего через пару часов, и вскоре, предположительно при посещении острова Мангарева, Н. Н. Миклухо-Маклаю выпала удача приобрести уникальную табличку с письменами острова Пасхи (илл. 7). Далее на Таити он получил еще одну табличку от коллекционера предметов рапануйского искусства — местного епископа Жоссана. В то время на Таити находилось 250 коренных рапануйцев — выходцев с острова Пасхи, оказавшимися прекрасными информантами для ученого (илл. 6).

«Островитяне далее уверяют, что по этим таблицам можно было узнать об важных обстоятельствах, происшедших на их острове, и что знаки, вырезанные на досках, были понятны их отцам, которые сами могли вырезать такие же; в настоящее время на всем Рапа-Нуи не находится, однако же, ни одного человека, который мог бы разбирать эти знаки», — сообщает в дневнике Н. Н. Миклухо-Маклай [Миклухо-Маклай, 2020, т. 1, с. 66].

⁸ Нидерландский мореплаватель Якоб Роггевен открыл остров Пасхи в Пасхальное воскресенье 6 апреля 1722 г. (Н. Н. Миклухо-Маклай ошибочно указывает 1771 г.: в этот год нидерландская экспедиция вышла в Тихий океан, но еще не достигла острова Пасхи).

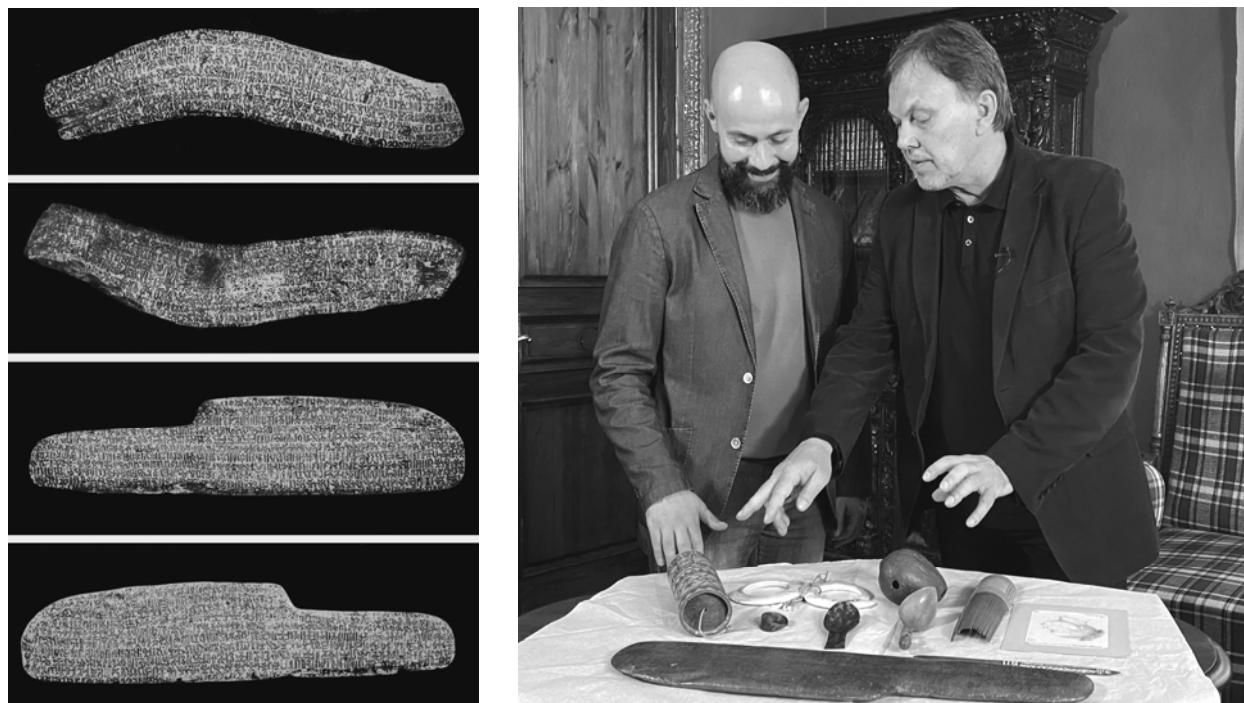
Илл. 6. Рапануйцы — коренные жители острова Пасхи, которых Н. Н. Миклухо-Маклай встретил на Таити. Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая, 1871 г. (по: [Миклухо-Маклай, 2020, т. 1, с. 66])

Сегодня эти две таблички вместе с рапануйской коллекцией из девяти предметов, собранных Н. Н. Миклухо-Маклаем в ходе путешествия, хранятся в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамере) Российской академии наук в Санкт-Петербурге (илл. 7). Всего в мире уцелело 25 таких табличек, находящихся в музеях разных стран. Это одни из самых редких и ценных предметов на Земле.

При сборе сведений об острове Пасхи ученый сделал этнографические описания и зарисовки внешнего вида рапануйцев, зафиксировал происходившие в то время исторические события, провел метеорологические наблюдения в прибрежных водах острова и даже представил сравнительный анализ численности местного населения:

«Кук предполагал число жителей на острове от 6000—7000 человек, после него (хотя мы и имеем несколько приблизительных оценок) более достоверная перепись сделана миссионером Е. Эйроб в 1863 г.; тогда оказалось жителей на о. Рапа-Нуи 1800 человек, но уже в 1868 г. эта цифра понизилась до 930 человек, в 1870 г. — до 600 человек, в начале 1871 г. население не превышало 500 человек, теперь же их на самом острове, как уже сказано, около 230» [Миклухо-Маклай, 2020, т. 1, с. 60].

Две статьи, написанные ученым на борту «Витязя» об исследовании положения дел острова Пасхи, по его просьбе были переданы в Европу и опубликованы в 1872 г. По справедливому заключению Д. Д. Тумаркина, «так Миклухо-Маклай стал одним из зачинателей целого направления междисциплинарных исследований — рапануистики» [Миклухо-Маклай, 2020, т. 6, кн. 1, с. 17].

Илл. 7. Две деревянные таблички «кохау ронго-ронго» с письменами острова Пасхи (Рапа-Нуи) из коллекции Н. Н. Миклухо-Маклая (по: [Миклухо-Маклай, 2020, т. 1, с. 64]). Одна из этих табличек лежит на столе в кабинете директора МАЭ РАН (Кунсткамеры) А. В. Головнева (справа). Слева — автор идеи и режиссер документального фильма «Жизнь и путешествия Миклухо-Маклая»⁹ Н. Н. Миклухо-Маклай в ходе съемок¹⁰. Санкт-Петербург, 2020 г. (из личного архива автора)

Однако пик славы настиг Н. Н. Миклухо-Маклая после того, как он прожил почти год среди папуасов на Берегу Маклая¹¹, — так он назвал северо-восточное побережье Новой Гвинеи, где проводил зоологические, антропологические и этнографические исследования. В 1966 и 1970 гг. советские океанологи на борту научно-исследовательского судна «Витязь» посещали Берег Маклая. В 1966 г. они установили сначала табличку, а в 1970 г. — обелиск на мысе Гарагасси на месте хижины исследователя (илл. 8).

Одним из направлений научной работы Н. Н. Миклухо-Маклая, начатой им на северо-востоке острова Новая Гвинея (Берегу Маклая) в 1871 г. и в последующие 12 лет продолженной на островах современной Индонезии, Малайзии и Океании, было изучение мозга позвоночных, для чего ученый собирал зоологический (мозг акул, скатов и их эмбрионов) и антропологический материал (тела людей, доступ к которым он получал в больницах при исправительных колониях и военных госпиталях). Благодаря тому, что «материала было там в избытке, даже больше, чем я мог обработать» [Миклухо-Маклай, 2020, т. 3, с. 225], ученому впервые в мире удалось выделить и привести в систему пять отделов

⁹ *Жизнь и путешествия Миклухо-Маклая*. Документальный фильм, реж. Н. Н. Миклухо-Маклай, Россия, 2021. Подробнее см.: минута 38:50. URL: <https://mikluho-maklay.ru/zhizn-i-priklyucheniya-mikluho-maklaya/> (дата обращения 31.03.2022).

¹⁰ В Кунсткамере прошли съемки документального фильма о Миклухо-Маклае. *Кунсткамера*. 09.09.2020. URL: https://www.kunstkamera.ru/news_list/museum/v_kunstkamere_proshli_semki_dokumentalnogo_filma_o_mikluhomaklae1 (дата обращения 29.03.2022).

¹¹ Совр. Rai Coast, по названию близлежащей местной деревни.

головного мозга: передний, промежуточный, средний, задний и продолговатый, заложив, таким образом, основы неврологии. Эта система была хорошо воспринята в Европе, и спустя 10 лет после смерти Н. Н. Миклухо-Маклая, в 1898 г., его работы легли в основу соответствующего раздела книги «Сравнительная анатомия позвоночных животных» известнейшего немецкого анатома Карла Гегенбаура. Таким образом, Н. Н. Миклухо-Маклай сделал колоссальный вклад в развитие неврологии¹².

Илл. 8. Хижина Н. Н. Миклухо-Маклая на Берегу Маклая. Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая, 1872 г. (по: [Миклухо-Маклай, 2020, т. 1, с. 88]) и обелиск в честь первой высадки Н. Н. Миклухо-Маклая на Берег Маклая. Папуа-Новая Гвинея, мыс Гарагасси. 2017 г. (из личного архива автора)

В книге «Происхождение мозга» С. В. Савельев — наш современник, доктор биологических наук, профессор, руководитель отдела эмбриологии НИИ морфологии человека РАМН, выдающийся популяризатор науки, называет Н. Н. Миклухо-Маклая также и нейроанатомом, поясняя, что «он провел детальные исследования головного мозга различных первичноводных позвоночных и их эмбрионов. Он показал, что основные отделы мозга позвоночных гомологичны друг другу и, несмотря на все эволюционные специализации, сохраняют общность морфологического строения. Результатом многолетних трудов Н. Н. Миклухо-Маклая стала первая обоснованная гомологизация отделов мозга позвоночных (Миклухо-Маклай, 1952). Уже во 2-м издании сравнительной анатомии К. Гегенбаур (Gegenbaur, 1898) воспользовался этой работой и ввел представление о нейрогомологиях отделов головного мозга в научный обиход» [Савельев, 2005, с. 109].

Что касается ошибочного высказывания С. В. Савельева о том, что Н. Н. Миклухо-Маклай якобы оставил после себя потомков среди коренного населения исследуемых им регионов, то в отсутствие доказательств эти предположения были официально опровергнуты¹³. В ходе современных экспедиций Асель-Туй, потомок Туя — первого друга

¹² С. В. Савельев о Миклухо-Маклае. URL: https://www.youtube.com/watch?v=h0uA7fm_rvc (дата обращения 30.03.2022).

¹³ Миклухо-Маклай и его потомки (Сергей Савельев и Ученые против мифов). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=hMRPCaRwG0I> (дата обращения 28.03.2022).

Н. Н. Миклухо-Маклая, в интервью автору статьи сообщает о неоднократных попытках папуасов женить российского ученого. Целью папуасов было породниться с Маклаем. Отождествляя его с божеством, они хотели благодаря такой связи стать самым сильным племенем, но их планы не были осуществлены, а все предложения категорически отвергнуты. «Маклай навсегда остался для нас другом», — говорит Асель-Туй в фильме «Асель-Туй. Потомок Туя»¹⁴.

Сам Н. Н. Миклухо-Маклай писал в дневниках: «На мою долю выпало редкое счастье наблюдать население, жившее еще полностью вне сношений с другими народами и притом на такой стадии развития цивилизации, когда все орудия труда и оружие изготавливаются из камня, кости и дерева. Еще в Европе я избрал для своего будущего пребывания восточное побережье Новой Гвинеи как наименее известное, и где папуасская раса сохранилась в наиболее чистом виде. Последнее предположение действительно оправдалось: я не нашел у туземцев никакой примеси чуждой крови; поэтому наблюдения, которые мне удалось сделать над моими соседями, могут иметь ценность при изучении всей папуасской расы» [Миклухо-Маклай, 2020, т. 3, с. 13].

Неизменно следуя гуманистическим принципам, Н. Н. Миклухо-Маклай вел активную общественно-политическую деятельность, заключающуюся не только в поддержании переписки с самыми передовыми людьми эпохи, но и в действенной борьбе против работорговли и засилья европейских колонизаторов, в некоторых случаях целенаправленно не публикуя и не распространяя информацию об изучаемых народах в исследуемых им регионах для их сохранения, как было, например, во время экспедиция Н. Н. Миклухо-Маклая вглубь полуострова Малакка (июнь – октябрь 1875 г.). Ученый стал первооткрывателем сенойских племен семелай и темок, а также небольшого семангского племени батак-де, представляющего хозяйственно-культурный тип кочевых охотников и собирателей, а записи Н. Н. Миклухо-Маклая по этим племенам являются уникальным этнографическим источником.

В то же время, вернувшись в Сингапур, Н. Н. Миклухо-Маклай узнал, что в Пераке, а затем и в других султанатах начались вооруженные восстания, и о том, как местные власти жестоко подавили восстание. Происходящее потрясло ученого, и он серьезно задумался над тем, что может произойти на Берегу Маклая в случае появления там британских переселенцев. Будучи уверен, что местные колониальные власти будут использовать собранную им информацию о жителях Малакки в своих целях, русский ученый решил не публиковать и никому не передавать собранные материалы и отплыл на рейсовом пароходе в Батавию (ныне Джакарта, Индонезия) [Миклухо-Маклай, 2020, т. 2].

Н. Н. Миклухо-Маклай обратился к российскому императору в желании убедить его взять под покровительство новогвинейский Берег Маклая ради выживания папуасов, не умевших взаимодействовать с миром европейцев и рисковавших из-за этого исчезнуть с лица Земли. А при чтении общественных лекций в Санкт-Петербурге в 1880-х гг., собиравших полные залы, Н. Н. Миклухо-Маклай пропагандировал убеждения о равенстве человеческих рас и с уважением описывал культуру и обычаи представителей коренных народов, рядом с которыми он прожил самую плодотворную часть своей жизни.

На одном из таких публичных чтений в Географическом обществе «на вопрос одной женщины (при описании семейных отношений у папуасов), “в какой степени развито у них

¹⁴ *Асель-Туй. Потомок Туя.* Документальный фильм. Реж. Н. Н. Миклухо-Маклай. 2019. URL: <https://youtu.be/kRtYw47A-Yg> (дата обращения 28.03.2022).

рабство”, Н. Н. в шутиливой форме ответил: “Вы, пожалуйста, не беспокойтесь, там вовсе не обижают женщин!”. На другой вопрос: “Значит, там между мужьями и женами довольно часто бывают ссоры?” — последовало: “Что ж удивительного, — улыбаясь, отвечал Миклухо-Маклай. — И в Европе нередко мужья бьют своих жен, а, впрочем, я не знаю” (Пет. лист. 1, 6 окт.). Когда Миклухо-Маклай рассказывал о прощании с папуасами, его спросили: “Жалели они Вас?” — “Жалели, — отвечал сдержанный Маклай, — и даже плакали”, — сказал он задумчиво ... — “Разве они умеют плакать?” — спросила наивная петербургская дама-слушательница. — “Да, умеют, — сказал Маклай, — но зато редко смеются” (Вост. обозр. 7 окт.), — цитирует периодические издания 1882 г. Д. Д. Тумаркин (цит. по: [Миклухо-Маклай, 2020, т. 2, кн. 1, с. 559]).

Важно отметить, что роль личности Н. Н. Миклухо-Маклая в мировой истории и науке трудно переоценить. Понятия «сила духа», «достоинство», «ответственность за принятые решения», которые отличают этого замечательного во всех смыслах человека, редко наблюдаются в наши дни, — а ведь это важные элементы становления молодого поколения, формирования гармонично развитой личности в целом, которому необходимо опираться на положительный пример в поисках духовности на этапе взросления. Именно поэтому так важно сохранять память и уважение к выдающимся первопроходцам и не только помнить о подвигах во благо науки и человечества, но и пользоваться плодами их трудов, использовать эти знания во благо людей в настоящем и в будущем.

Обращает на себя внимание актуальность идей и жизненных принципов Н. Н. Миклухо-Маклая, пропагандировавшего опасность и недопустимость подавления культур, навязывания чужих стереотипов с целью продвижения интересов колонизаторов. Несмотря на то что в настоящее время колониальные интересы напрямую не озвучиваются и скрыты под ширмой транснациональных компаний, способствующих всеобщей стандартизации, именно они стирают различия и, по сути, способствуют уничтожению уникальности традиций и культур народов нашей планеты.

Труды Н. Н. Миклухо-Маклая, его деятельность и ее результаты, которые повлияли не только на современников ученого, но и на его потомков, оказывают влияние даже на отношения между странами, которые должны складываться на принципах гуманизма и взаимного уважения. Рассматривая роль ученого и его вклад в науку, стоит опираться и на авторитетные мнения конкретных людей, рассказывающих о влиянии Н. Н. Миклухо-Маклая на их судьбы.

Б. Н. Путилов (1919–1997), выдающийся советский и российский фольклорист, автор книг о знаменитом путешественнике, участник экспедиции на Берг Маклая 1971 г.: «Его жизнь, полная замечательных дел, больших испытаний, драматических событий, сохраняет для нас и сейчас, спустя столетие, жгучий интерес. О таких людях, как Миклухо-Маклай, А. П. Чехов говорил: “Их идейность, благородное честолюбие, имеющее в основе честь родины и науки, их упорство, никакими лишениями, опасностями и искушениями личного счастья непобедимое стремление к раз намеченной цели, богатство их знаний и трудолюбие, привычка к зною, к голоду, к тоске по родине, фанатическая вера в... цивилизацию и в науку делают их в глазах народа подвижниками, олицетворяющими высшую нравственную силу”. О Миклухо-Маклае написано множество книг, статей, очерков. Но лучше всего о своих путешествиях написал он сам в своих путевых дневниках, отчетах, письмах» [Человек с Луны, 1983, с. 336].

А. Г. Воробьева, Чрезвычайный и Полномочный посол РФ в Республике Индонезия и по совместительству в Республике Кирибати, Демократической республике Восточный Тимор и Независимом Государстве Папуа-Новая Гвинея, 2021 г.: «Современные российско-новогвинейские отношения опираются на давние традиции дружбы и взаимопонимания, заложенные выдающимся ученым Н. Н. Миклухо-Маклаем в XIX веке в ходе экспедиции на о. Новая Гвинея и последующей многолетней этнографической работы [Экспедиции трех веков, 2021, с. 100].

Н. М. Латыпов, Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Малайзии, 2021 г.: «Н. Н. Миклухо-Маклай — выдающийся ученый и гуманист, чей вклад в мировую этнографическую науку трудно переоценить. Но вместе с тем не будет преувеличением сказать, что он стоял у истоков российско-малайзийских отношений, став первым представителем нашего государства, ступившим на эту землю. Деятельность Н. Н. Миклухо-Маклая — это яркий пример “народной дипломатии”, когда исследователи, свято верящие в силу своего праведного дела, оказываются впереди дипломатов и других представителей государственного аппарата. Современная Россия в своих подходах к развитию отношений с Малайзией опирается на фундамент наследия нашего великого соотечественника — взаимное уважение и равноправие».

П. Теш, Чрезвычайный и Полномочный Посол Австралии в РФ, 2018 г.: «Австралийские ученые очень высоко ценят вклад Н. Н. Миклухо-Маклая, я посоветовался даже с некоторыми учеными, в том числе в Австралийском Музее в Сиднее, и мне говорят, что до сих пор пользуются его рисунками, замечаниями, результатами его анализа»¹⁵.

Ю. М. Соломин, советский и российский режиссер и актер, сыгравший главную роль в фильме о Н. Н. Миклухо-Маклае «Берег его жизни» (1984 г.), народный артист СССР, художественный руководитель Государственного Академического Малого театра: «Меня вдохновили путешествия, о которых я прочел в книгах, я понял, что нужно сделать фильм об этом человеке, чтобы сохранить память о нем, в первую очередь для подрастающего поколения»¹⁶.

А. М. Мардер, директор Второй Санкт-Петербургской гимназии, народный учитель, 2021 г.: «Прежде всего, это пример талантливого человека для меня. И пример, которым я пользуюсь, общаясь со своими учениками. Я всегда ребятам говорю “вот, вы выберите для себя, ищите, найдите, это не всегда сразу же можно определить. И тогда уже этому своему увлечению посвятите всю свою жизнь. И вы тоже добьетесь успеха» [Экспедиции трех веков, 2021, с. 106].

А. В. Головнев, директор Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН: «С юности Миклухо-Маклай — это персонаж из пантеона великих путешественников, первооткрывателей. Миклухо-Маклай стал символом этнографии, советской этнографии, причем именно советской. Хотя в российской действительности он тоже был фигурой очень заметной, но в большей степени даже вот канонизирован, если угодно, он был в советское время... Институту этнографии было присвоено имя Миклухо-

¹⁵ *Человек с Луны*. Документальный фильм. Реж. Н. Н. Миклухо-Маклай. 2019. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=wJyq8hcXhMk> (11.17.18–1.17.34 тайм код, дата обращения 29.03.2022).

¹⁶ *Человек с Луны*. Документальный фильм. Реж. Н. Н. Миклухо-Маклай. 2019. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=wJyq8hcXhMk> (14.05.00–14.45.00 тайм код, дата обращения 31.03.2022).

Маклая. И Кунсткамера, когда она была частью объединенного института Московского-Ленинградского, тоже носила это имя»¹⁷.

К. В. Чистяков, вице-президент Русского географического общества: «Когда я выбирал свою профессию в детстве, я очень любил читать книги о путешествиях. И, естественно, о Николае Николаевиче Миклухо-Маклае тоже. Поэтому его личность несомненно сыграла роль в моем выборе жизненного пути» [Экспедиции трех веков, 2021, с. 104–105].

В. С. Литвиненко, профессор, доктор технических наук, ректор Санкт-Петербургского горного университета: «Такие люди — это настоящая элита, которой были присущи не просто профессиональные знания. Миклухо-Маклай пример широко образованного человека, широкомасштабно мыслящего, с гуманистическими жизненными принципами. Только благодаря Миклухо-Маклаю я впервые принял решение, еще в школьном возрасте, стать капитаном и заниматься исследованиями» [Экспедиции трех веков, 2021, с. 106].

А. В. Паньчев, ректор Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I: «Николай Николаевич сам по себе — это своего рода собирательный образ всех тех качеств, который сегодня поможет сформироваться нашей молодежи».

А. Я. Массов, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и культурологии Санкт-Петербургского государственного морского технического университета, 2021 г.: «Для того времени очень значимо было то, что он сумел доказать, что паузасы — это не промежуточная форма между обезьянами и людьми, как считал его учитель Геккель, который, естественно, заблуждался, а что это настоящие люди и что на планете, по сути дела, один единый вид разумных существ *homo sapiens*. И вот, для XIX века это было абсолютно новым, неслыханно смелым, выходило за грани того, что тогда считали приемлемым. И мало того, что это для европейской науки имело большое значение, это еще особое значение имело для России... Он был настоящим патриотом. Не квасным патриотом, который с презрением сверху вниз относится к достижениям западной цивилизации, а именно настоящим русским патриотом, который впитывал как губка все лучшее, что было в тогдашней науке, привносил это в Россию и стремился сделать русскую науку признанной и уважаемой частью мировой науки»¹⁸.

А. Ю. Антошин, доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения (Уральский федеральный университет), 2021 г.: «В наш век прагматиков очень полезно иногда задуматься: каким был бы мир, если бы романтики XIX века не шли непроторенными тропами, руководствуясь при этом не утилитарными соображениями, а жаждой познания? Не менее важно и другое: XXI век — это эпоха глобализации, казалось, стирания всяких границ, — и при этом время жесточайших конфликтов на расовой, этнической, религиозной почве. Очень многие из этих конфликтов питаются незнанием. Как перейти от образа “чужого” к образу “иного”? Именно Миклухо-Маклай дает нам пример этого: иногда нужно просто протянуть руку, обнять иноплеменника, поговорить с ним. Встреча Миклухо-Маклая с Туем — это предвестник глобальной встречи культур и цивилизаций, которую переживает современный мир [Экспедиции трех веков, 2021, с. 109].

¹⁷ *Жизнь и путешествия Миклухо-Маклая*. Документальный фильм. Реж. Н. Н. Миклухо-Маклай. 2021. URL: <https://mikluho-maklay.ru/zhizn-i-priklyucheniya-mikluho-maklaya/> (дата обращения 31.03.2022).

¹⁸ *Жизнь и путешествия Миклухо-Маклая*. Документальный фильм. Реж. Н. Н. Миклухо-Маклай. 2021. URL: <https://mikluho-maklay.ru/zhizn-i-priklyucheniya-mikluho-maklaya/> (25:25:00–29:58:00 тайм-код, дата обращения 31.03.2022).

А. Робсон, сотрудник кафедры изучения вопросов тихоокеанского региона Школы азиатско-тихоокеанских исследований Корал Белл Национального университета Австралии, в течение многих лет читал лекции в учебных заведениях региона островов Тихого Океана, в частности, в Южнотихоокеанском университете и Университете Папуа-Новой Гвинеи, 2021 г.: «Миклухо-Маклай был не только ученым-исследователем, но и общественно-политическим бунтарем, провозглашавшим равенство между обитателями Новой Гвинеи и жителями Запада в те времена, когда западные исследования и толкования, скорее, следовали духу империализма и расизма. В частности, многочисленные нравственно-этические воззрения Н. Н. Миклухо-Маклая выразились в письменном протесте против торговли рабской рабочей силой жителей островов Океании, в его поддержке земельных прав и защите культуры коренного населения перед лицом нависшей угрозы захвата северных районов Новой Гвинеи Германской империей. Труд Николая Миклухо-Маклая трагически прервала его ранняя смерть, и тем не менее влияние выдающегося русского ученого велико не только благодаря блестящим научным и антропологическим наблюдениям, но и необыкновенному сопереживанию и самоотождествлению с теми людьми, которых он изучал и которым оказывал поддержку и понимание» [Экспедиции трех веков, 2021, с. 107].

М. Кабуни, преподаватель кафедры политологии Университета Папуа-Новой Гвинеи; *Б. Шева*, научный сотрудник исследовательского центра Бинатанг в Папуа-Новой Гвинее, 2021 г.: «Независимое государство Папуа-Новая Гвинея всегда будет благодарно этому человеку, который аргументированно доказал, что “человек — это человек везде”, чье достоинство следует всегда защищать. В 2018 г. небольшая группа молодых жителей Папуа-Новой Гвинеи отправилась в Россию, в Санкт-Петербург, и получила редкую возможность увидеть и держать в руках оригинальные рисунки Миклухо-Маклая, которые наглядно подтверждали, что их предки-папуасы были людьми, а не промежуточным звеном между животными и человеком, как думали в то время многие европейцы» [Экспедиции трех веков, 2021, с. 101].

Автор статьи, на которого личность Н. Н. Миклухо-Маклая и его путешествия с самого детства оказывали большое влияние, благодарит всех людей, вдохновленных исследованиями великого ученого, и особенно тех, кто написал о нем книги, статьи, снял фильмы, проводил мероприятия, сохранял коллекции, называл его именем улицы, корабли и даже звезды, создавали и устанавливали памятники; за стремление оставить имя путешественника в памяти людей. Именно это и побудило самого автора начать деятельность по сохранению наследия ученого и ценностей, сыгравших важную роль в истории его современников, ценностей, которые он передал нам.

Производит неизгладимое впечатление и то, как бережно сохраняют память о Н. Н. Миклухо-Маклае потомки тех самых папуасов, которых впервые встретил ученый на Берегу Маклая. Увиденное и услышанное лично автором во время экспедиций нашло отражение в подготовленных в последующем документальных фильмах «Асель-Туй. Потомок Туя»¹⁹ и «Человек с Луны»²⁰ и подвигло к последующим научно-исследовательским работам,

¹⁹ *Асель-Туй. Потомок Туя*. Документальный фильм. Реж. Н. Н. Миклухо-Маклай. 2019. URL: <https://youtu.be/kRtYw47A-Yg> (дата обращения 28.03.2022). Фильм основан на уникальных съемках научно-исследовательской экспедиции 2019 г. в Папуа-Новой Гвинее под руководством Н. Н. Миклухо-Маклая-м. и посвящен рассказу о старейшине клана папуасов Асель-Тусе, предок которого был главным проводником Н. Н. Миклухо-Маклая во время экспедиции 1871 г.

налаживанию разносторонних международных связей со странами ЮТР и Папуа-Новой Гвинеей. Эту сложную, но, хотелось бы надеяться, посильную задачу взял за основу своей деятельности «Фонд сохранения этнокультурного наследия им. Миклухо-Маклая», деятельность которого реализуется в кооперации с научным сообществом²¹, в надежде, что дело нашего великого соотечественника, ставившего «единственной целью своей жизни — пользу и успех науки и благо человечества»²², будет продолжено.

Литература / References

- Миклухо-Маклай Н. Н. *Собрание сочинений. В 6 т.* 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2020 [Miklouho-Maclay N. N. *Collected Works in Six Volumes*. 2nd edition, revised and expanded. Saint Petersburg, 2020 (in Russian)].
- Миклухо-Маклай Н. Н. *Человек с Луны. Дневники, статьи, письма Н. Н. Миклухо-Маклая*. Составление, подготовка текстов, комментарий и послесловие Б. Н. Путилова. М., 1982 [Miklouho-Maclay N. N. *The Man from the Moon. Diaries, Articles, Letters by N. N. Miklouho-Maclay*. Comp., comm. and afterword by B. N. Putilov. Moscow, 1982 (in Russian)].
- Савельев С. В. *Происхождение мозга*. М., 2005 [Saveliev S. V. *The Origin of the Brain*. Moscow, 2005 (in Russian)].
- Тумаркин Д. Д. Женщины Маклая. *Этнографическое обозрение*. 2013. № 4. С. 95–110 [Tumarkin D. D. Maclay's Women. *Ethnograficheskoe Obozrenie*. 2013. 4. Pp. 95–110 (in Russian)].
- Человек с Луны. Дневники, статьи, письма Н. Н. Миклухо-Маклая*. Сост., подг. текстов, комм. и послесл. Б. Н. Путилова. М., 1983 [The Man from the Moon. Diaries, articles, letters by N. N. Miklouho-Maclay. Comp., ed., comm. and afterword by B. N. Putilov. Moscow, 1983 (in Russian)].
- Экспедиции трех веков. По следам Миклухо-Маклая*. Отв. ред. Н. Н. Миклухо-Маклай. СПб., 2021 [Expeditions of Three Centuries. In the Footsteps of Miklouho-Maclay. Miklouho-Maclay N. N. (ed.). St. Petersburg, 2021 (in Russian)].

Электронные источники / Electronic sources

- Асель-Туй. Потомок Туя*. Документальный фильм. Реж. Н. Н. Миклухо-Маклай. 2019. URL: <https://youtu.be/kRtYw47A-Yg> (дата обращения 28.03.2022).
- В Кунсткамере прошли съемки документального фильма о Миклухо-Маклае. *Кунсткамера*. 09.09.2020. URL: https://www.kunstkamera.ru/news_list/museum/v_kunstkamere_proshli_semki_dokumental_nogo_filma_o_mikluhomaklae1 (дата обращения 29.03.2022).
- Жизнь и путешествия Миклухо-Маклая*. Документальный фильм. Реж. Н. Н. Миклухо-Маклай. 2021. URL: <https://mikluho-maclay.ru/zhizn-i-priklyucheniya-mikluho-maklaya/> (дата обращения 31.03.2022).

²⁰ *Человек с Луны*. Документальный фильм. Реж. Н. Н. Миклухо-Маклай. 2020. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=wJyq8hcXhMk> (дата обращения 29.03.2022).

²¹ Научная, экспертная и информационная поддержка: Центр изучения Южно-Тихоокеанского региона Центра изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН; Ассоциация исследователей Южно-Тихоокеанского региона; Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН; Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; Исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова; Музей антропологии МГУ им. М. В. Ломоносова; Divine Word University; University of Papua New Guinea (UPNG); The National Library of Papua New Guinea.

²² Миклухо-Маклай как ученый. *Фонд сохранения этнокультурного наследия им. Миклухо-Маклая*. URL: <https://mikluho-maclay.ru/mikluho-maklaj-kak-uchenyj/> (дата обращения 29.03.2022).

- «Каарам тамо» — «Лунный человек» Николай Миклухо-Маклай. *Знание — сила*. 2021. № 7. URL: <https://znanie-sila.su/magazine/07-2021> (дата обращения 28.03.2022).
- Мероприятия Фонда. Фонд сохранения этнокультурного наследия им. Миклухо-Маклая. URL: <https://mikluho-maclay.ru/> (дата обращения 31.03.2022).
- Миклухо-Маклай и его потомки. Сергей Савельев и Ученые против мифов. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=hMRPCaRwG0I> (дата обращения 28.03.2022).
- Миклухо-Маклай как ученый. Фонд сохранения этнокультурного наследия им. Миклухо-Маклая. URL: <https://mikluho-maclay.ru/mikluho-maklaj-kak-uchenyj/> (дата обращения 31.03.2022).
- С. В. Савельев о Миклухо-Маклае. URL: https://www.youtube.com/watch?v=h0uA7fm_rvc (дата обращения 30.03.2022).
- Фонд сохранения этнокультурного наследия им. Миклухо-Маклая. URL: <https://mikluho-maclay.ru/> (дата обращения 29.03.2022).
- Человек с Луны. Документальный фильм. Реж. Н. Н. Миклухо-Маклай. 2020 г. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=iWiC7pFao8Y> (дата обращения 29.03.2022).

DOI: 10.31696/2618-7302-2022-1-238-244

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ А. А. КУДЕЛИНА
«ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ
ОСМАНСКОГО ЕГИПТА (XVII–XVIII ВВ.)»**

© 2022

А. Д. Васильев*

В рецензии рассматривается монография А. А. Куделина «Эволюция социально-политических институтов Османского Египта (XVII–XVIII вв.)» (отв. ред. С. А. Кириллина. Москва: Российский университет дружбы народов, 2017. 178 с.). Книга написана на стыке османистики, туркологии и истории арабских стран, что придает ей остроту и актуальность, особенно в свете постулируемых некоторыми коллегами-туркологами взглядов о кризисе в отечественной османистике. Исследование А. А. Куделина является важной частью глобальной многолетней дискуссии о соотношении влияния имперского центра в Стамбуле и полномочиях властей периферийных провинций Османского государства. Основная часть книги посвящена трансформации властных структур Османского Египта. Высокий политический статус Египта в государственной структуре Османской империи определялся важностью данной провинции в османской политике. А. А. Куделин разделил рассматриваемый в монографии период истории Османского Египта на три фазы со следующими временными рамками: 1609 г. — середина XVII в. — 1711 г. — середина XVIII в. Данная монография внесла долгожданное оживление в заглохшую было дискуссию отечественных османистов о соотношении власти центра и периферии в Османской империи. А. А. Куделину удалось на основании анализа многочисленных письменных источников предложить новую схему периодизации борьбы за власть в Османском Египте и продемонстрировать богатую мозаику групп политического влияния в Каире, которые использовали самые разнообразные подходы для укрепления собственного влияния.

Ключевые слова: Османская империя, Египет, политическая история, рецензия.

Для цитирования: Васильев А. Д. Рецензия на книгу А. А. Куделина «Эволюция социально-политических институтов Османского Египта (XVII–XVIII вв.)». *Вестник Института востоковедения РАН*. 2022. № 1. С. 238–244. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-1-238-244

* Александр Дмитриевич ВАСИЛЬЕВ, кандидат исторических наук, заведующий Отделом истории Востока Института востоковедения РАН, Москва; advasilyev@mail.ru

Alexander D. VASILIEV, PhD (History), Head of the Department of Oriental History, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; advasilyev@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-2947-4413

REVIEW OF A. A. KUDELIN'S BOOK "EVOLUTION OF THE SOCIO-POLITICAL INSTITUTIONS OF OTTOMAN EGYPT (17–18TH CENTURIES)"

Alexander D. Vasiliev

The review considers the monograph by A. A. Kudelin "Evolution of the Socio-Political Institutions of Ottoman Egypt (17th–18th centuries)" (editor-in-chief S. A. Kirillina. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia, 2017. 178 pp.). The book is written at the intersection of Ottoman studies, Turkology and the history of the Arab countries, which makes it resonant and relevant, especially in the light of the views postulated by some fellow Turkologists on the crisis in domestic Ottoman studies. A. A. Kudelin's research plays an important role in the long-term global discussion on the ballance between the imperial center in Istanbul and the authorities in the provinces of the Ottoman state. The main part of the book covers transformation of power structures of Ottoman Egypt. The high political status of Egypt in the state structure of the Ottoman Empire was determined by the importance of this province in Ottoman politics. A. A. Kudelin divided the period of Ottoman Egypt's history, considered in the monograph, into three phases with the following timeframes: from 1609 to the middle of the 17th century, then from 1711 to the middle of the 18th century. Based on the analysis of numerous written sources, A. A. Kudelin succeeded in proposing a new periodization scheme for the struggle for power in Ottoman Egypt and drew rich mosaic of political influence groups in Cairo, which used a variety of approaches to strengthen their positions.

Keywords: Ottoman Empire, Egypt, political history, review.

For citation: Vasiliev A. D. Review of A. A. Kudelin's book "Evolution of the Socio-Political Institutions of Ottoman Egypt (17–18th centuries)". *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2022. 1. Pp. 238–244. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-1-238-244

В 2017 г. вышла в свет монография А. А. Куделина, посвященная процессу социальной, политической и экономической трансформации Египта в XVII–XVIII вв. Книга стала продолжением многолетних работ автора, а в ее основу легла его диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Исследования концептуального характера и типологических особенностей арабо-османского общества ранее рассматривались такими видными представителями отечественной османистики и туркологии, как Ф. М. Ацамба, М. С. Мейер, Н. А. Иванов, И. М. Смилянская, В. Б. Луцкий, И. М. Фильштинский, М. Ф. Видясова. Работа А. А. Куделина продолжает эту славную традицию, несомненно, повлиявшую на формирование авторского подхода к описанию заявленной темы. Ответственным редактором работы выступила известная исследовательница ислама и арабо-мусульманского мира С. А. Кириллина, а рецензентами — известные ученые В. В. Орлов и Е. А. Прусская.

Важно отметить, что книга написана на стыке османистики, туркологии и истории арабских стран, что придает ей остроту и актуальность, особенно в свете постулируемых некоторыми коллегами-туркологами взглядов о кризисе в отечественной османистике. Исследование А. А. Куделина представляет собой важную часть глобальной многолетней дискуссии о соотношении влияния имперского центра в Стамбуле и полномочиях властей периферийных провинций Османского государства. Научное сообщество османистов уже длительное время рассматривает особенности интеграции в османскую государственную структуру мусульманских и немусульманских регионов, выделяя определенные закономерности их исторической судьбы, сходства и различия в статусе и иерархии управляющих классов. В общественном сознании понятие «империя» часто ассоциируется с сильной централизованной властью, пронизывающей все сферы общественной и

политической жизни. Однако пример Османского Египта показывает, насколько сложной, многогранной и мозаичной может быть структура отношений центральных и региональных сил.

Отличительной особенностью книги является широкое использование доступной автору источниковой базы. В соответствии с устоявшейся традицией, арабо-османская историография делится на две категории по признаку социальной принадлежности. Первая — «улемские хроники», написанные носителями мусульманской учености; вторая — «военные летописи», авторами которых являлись представители военно-бюрократического аппарата Османского Египта.

К числу использованных автором книги «улемских хроник» относятся труды Ахмада Шалаби «Аудах ал-ишарат фи ман тавалла Миср ал-Кахира мин ал-вузара ва-л-башат» («Ясные указания и разъяснения относительно тех, кто полновластно правил в стольном городе Каире из числа вазиров и пашей [до 1150/1737 г.]»). К «военным летописям» принадлежат труды Ахмада ад-Дамирдаши «Ад-Дурра ал-мусана фи ахбар ал-Кинана» («Сбереженные жемчуга из истории Египта») а также Йусуфа ал-Маллавани «Тухфат ал-ахбаб би-ман малака Миср мин ал-мулук ва-н-нувваб» («Подарок друзьям [со сведениями] о тех, кто правил Египтом из царей и наместников»). Труд Йусуфа ал-Маллавани впоследствии продолжил и дополнил его ученик Муртада-бей ибн Мустафа-бей ибн Хасан-бей ал-Курди ад-Димашки. А. А. Куделину удалось весьма удачно провести сопоставительный анализ данных хроник. Если Ахмад Шалаби создал свое произведение по хронологическому принципу, разделив на главы в соответствии с периодами правления османских наместников, то ал-Маллавани и Муртада ал-Курди создали весьма детализированную, более или менее хронологически точную картину. При этом А. А. Куделин отметил и то, что Ахмад Шалаби, например, давал описываемым событиям свою собственную, зачастую критическую оценку, в то время как высказывания ал-Маллавани носили более нейтральный характер.

Несомненным плюсом работы стало и введение в научный оборот ранее не использовавшихся в российской османистике источников из Национальной библиотеки в Париже. Первый из них — краткое изложение истории Османского Египта с 1708/1709 гг. вплоть до начала французской экспедиции. Он принадлежит перу Исмаила Хашшаба, который занимал пост секретаря египетского дивана в период французской оккупации Египта в 1798–1801 гг. Этот источник представляет собой непосредственный интерес, поскольку автор часто отходит от описания политической истории и передает сведения о повседневной жизни Каира. Этот памятник характеризуется как «ключ к египетской народной памяти».

Второй источник представляет собой отрывок из арабо-османской хроники неизвестного автора, который вначале описывает правление османских султанов, а затем переходит к истории Египта в османский период. В ходе сравнительно-исторического анализа данного памятника А. А. Куделин приходит к выводу о том, что этот отрывок является частью оригинальной хроники, а не фрагментом уже известного памятника, что повышает ценность данного текста.

Помимо упомянутых источников автором были использованы опубликованные материалы — доклад османского губернатора Дамаска Ахмада-паши ал-Джаззара о состоянии дел в Египте в начале 1780-х гг., произведение видного представителя бюрократического аппарата Египта Хусейн-эфенди, написанного по заказу французских властей и содержащего сведения об организации управления, финансовой, налоговой и судебной системы Египта.

А. А. Куделин в качестве источников привлекает и сведения европейских путешественников XVII–XVIII вв. об Османском Египте — Иоганна Ванслеба, Поля Люка, Ричарда Покока, Совёра Люзиньяна, барона Франсуа де Тотта, Яна Потоцкого, Константин-Франсуа Шасбёфа.

Автор детально разбирает историографию исследований по истории Османского Египта XVII–XVIII вв., в частности, ссылается на работы признанных классиков отечественной арабистики и османистики В. Б. Луцкого, И. М. Фильштинского, Х. И. Кильберг, Н. А. Иванова, Ф. М. Ацамбы.

Основная часть книги посвящена трансформации властных структур Османского Египта. Высокий политический статус Египта в государственной структуре Османской империи определялся важностью провинции в османской политике. Первоначально, после захвата Египта, там было создано вассальное государство, просуществовавшее относительно недолго (1517–1522 гг.). После смерти османского вассала Хайр-бея власть перешла к наместникам, назначавшимся из Стамбула. При этом Египет сохранил ряд специфических черт, отличавших его от других османских провинций. Например, здесь отсутствовала тимарная система, являвшаяся основой османского политического строя на Балканах и в Анатолии. Местная египетская администрация в основном сохранила свою структуру, что вызывалось необходимостью поддерживать функционирование ирригационной системы, от которой зависела экономика провинции.

Отличительной чертой политической системы Османского Египта было участие мамлюкской элиты в управлении эялетом, причем роль мамлюков постепенно возрастала на протяжении трех веков его существования, от османского завоевания до прихода к власти Мухаммада Али. Функции египетского войска отличались от функций сипахи, организованных по территориальному принципу и ориентированных на участие в османских завоевательных походах. Можно согласиться с А. А. Куделиным, который утверждает, что расквартированные в Египте войска выполняли местные задачи. Тем не менее ограниченные контингенты египетских сил привлекались для подавления восстаний на Балканах, войн с Россией, операций против ваххабитов, что, безусловно, шире просто местных охранных функций. Автор описывает количество и функции различных воинских подразделений, расквартированных на территории Египта. Османские власти перенесли на территорию Египта систему военных корпусов — оджаков, за каждым из которых были закреплены определенные военные функции. В этой связи не совсем точно автор переводит и термин «гёнюллю» как оджак верблюжьих кавалеристов [Куделин, 2017, с. 40]. Поскольку само слово «гёнюллю» означает «доброволец», здесь, вероятно, идет речь о добровольно поступивших на службу кавалеристах. Несмотря на ротацию служащих оджаков, особенно в первые годы османского завоевания, это нововведение изменило этнический состав египетского войска.

Важным следствием османского завоевания Египта стало изменение системы рекрутирования мамлюков. Ранее этот слой пополнялся за счет покупки и подготовки рабов-воинов. В XVI–XVIII вв. эта система изменилась. Многие мамлюкские эмиры получили возможность передавать должности по наследству. В мирное время представителям оджаков предоставлялась возможность торговать, а на них самих распространялся льготный налоговый режим. Многие местные торговцы стремились записаться в оджаки для получения подобных привилегий. Османское правительство стремилось воспрепятствовать этому, но зачастую безуспешно. Оджаки превратились во влиятельных акторов внутривосточной борьбы. С течением времени командование оджаками захватили представители мамлюкской

знати. Конец мамлюкскому режиму был положен уже в ходе французской оккупации в конце XVIII в.

А. А. Куделин подробно рассматривает деятельность османских наместников — папшей, которые вплоть до начала XVIII в. присылались из Стамбула. Анализу их попыток установить более жесткий контроль над различными полюсами политической власти Египта посвящена основная часть монографии. На основании собственных исследований автор предлагает дополнить традиционную периодизацию истории османского владычества в Египте. Классической для западных исследователей стала следующая периодизация. В XVI в. Египет эффективно управлялся папшами, назначавшимися Стамбулом. Около 1590 г. начались солдатские бунты, обозначившие кризис в управлении провинцией, Мехмед-папа (1607–1611 гг.) подавил эти выступления, казнив мятежников, но после этих событий папши стали терять реальную власть. В XVII в. наибольшим влиянием обладали лидеры мамлюков — беи. В конце XVII — первой половине XVIII вв. фактическая власть перешла к наиболее влиятельным представителям оджаков, затем потерявших ее из-за противоречий между различными корпусами. Во второй половине XVIII в. ведущую роль в провинции играли мамлюкские беи, пока в 1798 г. французская оккупация не положила конец мамлюкскому режиму.

В отечественной традиции преобладает точка зрения арабиста В. Е. Смирнова, выделяющего два первых периода истории Османского Египта: существование вассального мамлюкского государства (1517–1522 гг.) и период эффективного функционирования классической османской военно-административной системы (1522–1586 гг.). Основное содержание выделенного В. Е. Смирновым третьего периода (1586–1672 гг.) составляют процессы, связанные с ослаблением власти османских наместников и усилением сепаратистских устремлений мамлюкских лидеров. Четвертый этап, названный исследователем «смутным временем» (1672–1748 гг.), характеризуется непрерывными междоусобными столкновениями различных военно-политических группировок. По мнению В. Е. Смирнова, особенно важным явлением в данный период стало оформление военно-политического союза мамлюкских беев и верхушки оджаков, способствовавшего их последующему слиянию. Пятый этап истории Османского Египта (1748–1798 гг.) характеризуется складыванием единой военно-политической элиты Египта во главе с мамлюкскими беями и группировкой ал-Каздаглийя, которые начали оспаривать у османской администрации власть в Египетском вилайете.

А. А. Куделин находит возможным дополнить существующий отечественный подход и разделить рассматриваемый в монографии период истории Османского Египта — XVII–XVIII вв. — на три фазы со следующими временными рамками: 1609 г. — середина XVII в. — 1711 г. — середина XVIII в.

Рассматривая чрезвычайно интересные перипетии политической интриги в Османском Египте, А. А. Куделин приходит к выводу о том, что в тот период ситуация в провинции определялась соотношением сил внутри треугольника власти, состоявшего из османской администрации, верхушки мамлюкского корпуса и наиболее влиятельных представителей оджаков. Сложился весьма непростой баланс сил, нарушенный к XVIII в. и приведший к установлению власти беев из мамлюкской группировки Каздаглийя. Оджаки были поставлены под их контроль, утратив таким образом чисто военное значение, а влияние османских властей на ситуацию в эялете стало весьма ограниченным.

На основании приведенных источников А. А. Куделин постарался рассмотреть и

вопрос о характерных чертах экономической жизни Египта. Рассмотренные им источники затрагивают ряд существенных сторон экономической жизни Османского Египта: внутреннюю и внешнюю торговлю, налогообложение, операции с вакфами, систему денежного обращения. А. А. Куделину удалось проследить четкую связь между динамикой цен на рынке продовольственных товаров и внутривосточной ситуацией в Египте. Опираясь на данные, собранные европейскими путешественниками, А. А. Куделин получил возможность реконструировать номенклатуру товаров, поставлявшихся из Египта в Европу и из Европы в Египет. Согласно данным, почерпнутым автором из арабо-османских хроник, видно, что в рассматриваемый период европейские торговцы предприняли попытку поставить под контроль транзитную торговлю кофе, а также внутривосточную торговлю зерновыми, однако османским властям удалось не допустить реализации этих крайне невыгодных для казны планов. Автор монографии вкратце обращает внимание и на то, что в источниках содержится большой объем информации о системе денежного обращения Османского Египта. Значительное число денежных единиц, находившихся в обращении, создавало затруднения при торговых операциях, что особо отмечали европейские путешественники. В арабо-османских хрониках часто описываются народные волнения в Каире, связанные с выпуском порченной монеты, а также с попытками введения в денежный оборот медных денег. Такие меры администрации Египта в области экономики, как регулирование цен на продовольственные товары, попытки реформирования денежного обращения, не принесли успеха, что привело к ухудшению экономической ситуации в Египте и падению авторитета османских властей.

А. А. Куделин проанализировал в монографии динамику взаимодействия улемского корпуса и военно-политической элиты Египта. Духовное сословие представляло собой важное связующее звено между привилегированными слоями египетского общества и простонародьем. Выходцы из низов могли путем получения традиционного мусульманского образования попасть в ряды элиты египетского общества.

Улемы были чрезвычайно важны для претендентов на власть, так как от них зависела последующая легитимация правящей группировки. Улемы обладали широкими возможностями для формирования общественного мнения, а инструментом для подобных действий являлись проповеди в мечетях. Кроме того, именно к представителям духовного сословия каирские жители обращались с жалобами на произвол властей. Сами улемы понимали свою общественную значимость и регулярно выпускали петиции к властям, часто выступая, например, от имени всего каирского населения. В хрониках неоднократно упоминаются события, когда жители египетской столицы обращались за помощью к религиозным авторитетам, надеясь на то, что к их ходатайствам прислушаются представители османской администрации или мамлюкские беи. Тем не менее автор монографии приходит к выводу, что когда улемы брали на себя роль арбитров при разрешении конфликтов между враждующими группировками, они обычно не добивались успеха, поскольку увлеченные борьбой за власть военные редко прислушивались к мнению духовных лиц.

Отличительной чертой книги стало рассмотрение института паломничества в фокусе египетского внутривосточного противостояния. Институт мусульманского паломничества оказался объектом противоборства между различными группировками египетской политической элиты, поскольку выполнение благочестивых обязанностей по организации хаджа и обеспечению Мекки и Медины было не только вопросом престижа, но и позволяло контролировать огромные денежные средства и важные источники дохода. Автор выявил

рост средств, отпускавшихся на организацию хаджа, и увеличение размеров вакфов, предназначенных для обеспечения Священных городов. Вероятнее всего, мамлюкские беи рассматривали эти средства как дополнительный источник своего дохода и прикрывали свое личное обогащение благочестивыми целями. Перераспределение контроля над финансовыми потоками внутри египетской элиты стало важным фактором укрепления власти мамлюкских беев. Таким образом, организация египетского хаджа на рубеже XVII–XVIII вв. стала частью социально-политических процессов в Египте, которые выразились в переходе политического влияния и контроля над доходами Египта в пользу мамлюкских беев и падении власти и авторитета османских наместников и высших чинов оджаков. Важным фактором в этом противоборстве стало закрепление мамлюками за собой должности амир ал-хаджа и контроля над вакфами, доход от которых шел на обеспечение паломничества. Однако этот политический процесс шел достаточно медленно, и его результаты стали ощущаться существенно позже — в середине XVIII в.

Монография А. А. Куделина внесла долгожданное оживление в заглохшую было дискуссию отечественных османистов о соотношении власти центра и периферии в Османской империи. На основании анализа многочисленных письменных источников автору удалось предложить новую схему периодизации борьбы за власть в Османском Египте. На взгляд рецензента-тюрколога, в работе есть определенные расхождения с общепринятыми в тюркологических работах трактовками тех или иных терминов, должностей или реалий Османской империи, однако их можно объяснить региональной египетской спецификой. Автору удалось, опираясь на богатый источниковый материал, продемонстрировать сложную мозаику групп политического влияния в Каире, использовавших самые разнообразные подходы для укрепления собственной власти. Можно поздравить А. А. Куделина с выходом важного для отечественной османистики, арабистики и тюркологии исследования. Его результаты позволяют уверенно сказать о том, что, вопреки распространенному мнению о кризисе отечественной османистики, османисты-арабисты продолжают активную и плодотворную работу по изучению арабских провинций Османской империи.

Литература / References

- Куделин А. А. *Эволюция социально-политических институтов Османского Египта (XVII–XVIII вв.)*. М., 2017 [Kudelin A. A. *The Evolution of the Socio-Political Institutions of Ottoman Egypt (17–18th centuries)*. Moscow, 2017 (in Russian)].

DOI: 10.31696/2618-7302-2022-1-245-251

**ПРЕЗЕНТАЦИЯ КОЛЛЕКТИВНОЙ МОНОГРАФИИ
«КОМИНТЕРН И ВОСТОК: К 100-ЛЕТИЮ КОМИНТЕРНА»
В ИНСТИТУТЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН**

© 2022

Н. Г. Романова, К. В. Орлова*

Материал посвящен прошедшей 11 апреля 2022 г. презентации коллективной монографии «Коминтерн и Восток: к 100-летию Коминтерна» (ответственные редакторы — Н. Г. Романова и К. В. Орлова), освещающей деятельность Коминтерна в странах Востока. На основе вновь обнаруженных документов и материалов из российских и зарубежных архивов авторский коллектив монографии на новом уровне исследовал события начала XX в. через призму XXI в., расширяя представление о месте и роли Коммунистического Интернационала в контексте внутривосточных, геополитических, экономических, национально-освободительных процессов, рассмотрев основные направления его политики. Монография состоит из пяти разделов. Первый раздел открывается исследованиями отношений Коминтерна и первых ближневосточных коммунистических партий в Египте, Палестине, Ливане, Сирии и Иране. Создание коммунистических организаций на Ближнем Востоке как каналов советского влияния определялось политической целесообразностью и противодействием европейскому политическому господству. Во втором разделе исследуются отношения Коминтерна со странами Дальнего Востока: Японией, Китаем, Кореей. В третьем разделе анализируется роль Коминтерна в истории российско-советско-монгольских отношений в 1920-х — начале 1930-х гг. В четвертом разделе широко представлены материалы об освободительном движении в Индии, в котором видные роли играли М. Н. Рой, Махатма Ганди, Джавахарлал Неру и другие. Пятый раздел содержит исследования о взаимоотношениях руководителей Коминтерна и Коммунистической партии Великобритании в 1920–1924 гг. Щедрая финансовая помощь Москвы позволила коммунистической партии Великобритании быстро развиваться, создать разветвленную организационную структуру, вести активную пропаганду. Книга рассчитана на специалистов и широкий круг читателей.

Ключевые слова: Коминтерн, Восток, Советская Россия, Коммунистическая партия, архивы, документы.

Для цитирования: Романова Н. Г., Орлова К. В. Презентация коллективной монографии «Коминтерн и Восток: к 100-летию Коминтерна» в Институте востоковедения РАН. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2022. № 1. С. 245–251. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-1-245-251

* Наталья Геннадиевна РОМАНОВА, кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе Института востоковедения РАН, Москва; nromanova@ivran.ru

Natalia G. ROMANOVA, PhD (History), Deputy Director, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; nromanova@ivran.ru

ORCID ID: 0000-0001-6154-1386

Кеemia Владимировна ОРЛОВА, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; orlovnk@mail.ru

Keemya V. ORLOVA, DSc (History), Principal Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; orlovnk@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-4951-0063

PRESENTATION OF THE COLLECTIVE MONOGRAPH “COMINTERN AND THE EAST: TO THE 100TH ANNIVERSARY OF THE FOUNDATION OF THE COMINTERN” IN THE INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES, RAS

Natalia G. Romanova, Keemya V. Orlova

The collective monograph “Comintern and the East: To the 100th Anniversary of the Foundation of the Comintern” focuses on the activities of the Comintern in the Eastern countries. Based on the newly discovered documents and materials from Russian and foreign archives, the collective of authors proposes to look at the events of the early 20th century from the perspective of the 21st century, and to expand the understanding of the place and role of the Communist International in the context of internal political, geopolitical, economic, national liberation processes as well as the main directions of its policy. Presented monograph is based on the talks of the international academic conference “The Comintern and the East: To the 100th Anniversary of the Foundation of the Comintern”, organized by the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. The book consists of five sections. The first section opens with the studies on the relationship of the Comintern and the first Middle Eastern Communist Parties in Egypt, Palestine, Lebanon, Syria, and Iran. The second section researches the relationship of the Comintern with the countries of the Far East: Japan, China, and Korea. The third section analyzes the role of the Comintern in the history of Russian / Soviet-Mongolian relations in the 1920s — early 1930s. The fourth section extensively covers materials on the liberation movement in India, where M. N. Roy, Mahatma Gandhi, Jawaharlal Nehru and others played prominent roles. The fifth section contains studies about the relationship between the leaders of the Comintern and the Communist Party of Great Britain in 1920–1924.

Keywords: Comintern, East, Soviet Russia, Communist Party, archives, documents.

For citation: Romanova N. G., Orlova K. V. Presentation of the Collective Monograph “Comintern and the East: To the 100th Anniversary of the Foundation of the Comintern” in the Institute of Oriental Studies, RAS. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2022. 1. Pp. 245–251. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-1-245-251

11 апреля 2022 г. в Институте востоковедения РАН прошла презентация коллективной монографии «Коминтерн и Восток: к 100-летию Коминтерна» ((Коллективная монография). Отв. ред. Н. Г. Романова, К. В. Орлова. М.: Институт востоковедения РАН, 2021. — 456 с., ил.) [Коминтерн и Восток, 2021] (ил. 1). Идея создания книги принадлежит научному руководителю ИВ РАН академику РАН В. В. Наумкину, который тепло поздравил авторов коллективной монографии с завершением научного проекта. Презентацию открыл директор Института д. и. н. А. К. Аликберов, высоко оценивший широкий охват тематики и географию исследований и отметивший огромное значение Коминтерна для стран Востока.

Издание книги завершило большой многолетний проект, в котором приняли участие известные ученые ведущих академических институтов и высших учебных заведений России: ИВ РАН, МГУ им. М. В. Ломоносова, ИСАА МГУ им. Ломоносова, ИВИ РАН, ИДВ РАН, ИМБТ СО РАН, Липецкого государственного университета, а также сотрудники Российского государственного архива социально-политической истории. Результаты исследований предоставили и иностранные коллеги из Лейденского университета (Голландия) и Института истории и этнографии Академии наук Монголии. Авторы разделов коллективной монографии — ведущие историки, востоковеды, архивисты: Г. Г. Косач, Т. Атабаки, Л. М. Раванди-Фадаи, А. В. Сарабьев, И. Х. Миняжетдинов, А. Д. Васильев, К. О. Саркисов,

Е. А. Катасонова, А. В. Овчинникова, Б. Б. Пак, А. П. Черникова, Н. А. Мамаева, Набиджан Турсун, В. В. Грайворонский, А. В. Курас, Б. Д. Цыбенков, Н. Хишигт, Э. В. Батунаев, К. В. Орлова, Ф. Н. Юрлов, А. В. Рягузова, Н. С. Жирова, Ю. Н. Тихонов, А. Ю. Прокопов, Н. Г. Щербаков и Н. А. Лысенков.

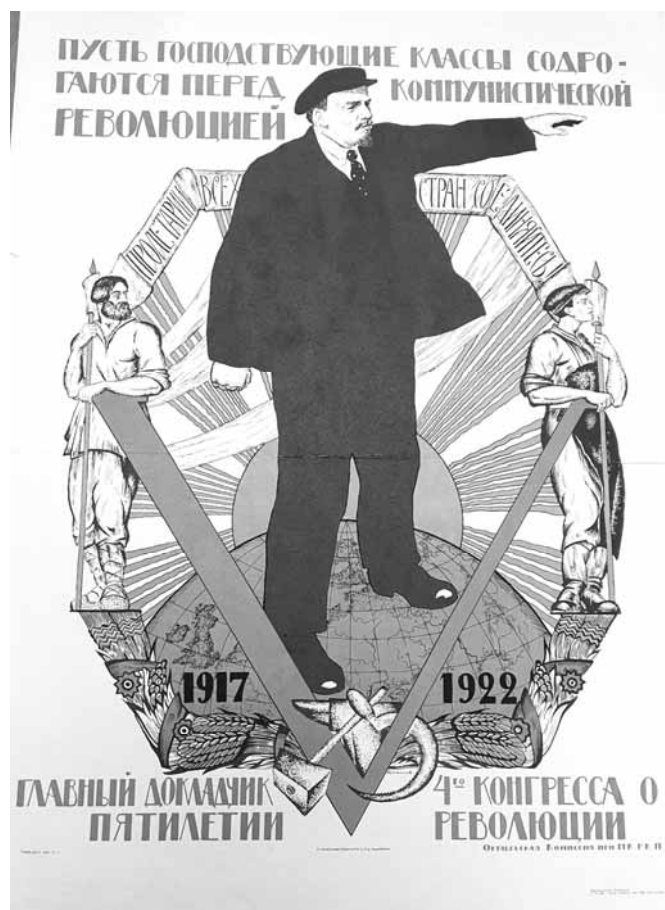

Илл. 1. Презентация коллективной монографии «Коминтерн и Восток: к 100-летию Коминтерна» 11 апреля 2022 г. в Институте востоковедения РАН (фото авторов)

Коллективная монография «Коминтерн и Восток: к 100-летию Коминтерна» освещает деятельность Коминтерна в странах Востока. На основе вновь выявленных документов и материалов из российских и зарубежных архивов авторский коллектив предлагает взглянуть на события начала XX в. с позиции XXI в., расширить представление о месте и роли Коммунистического Интернационала в контексте внутриполитических, геополитических, экономических, национально-освободительных процессов и основных направлений его политики.

Коминтерн был основан в марте 1919 г. по инициативе РКП(б) и В. И. Ленина (тогда прошел его I Конгресс), а организационно оформился на II Конгрессе (июль – август 1920 г.). Согласно принятому Уставу, состоявший из национальных секций КИ взял на себя роль «всемирной партии пролетариата». Руководящим органом между конгрессами являлся его Исполком (ИККИ), первым председателем которого стал Г. Е. Зиновьев. Как «боевой штаб мирового революционного движения» Исполком распространял воззвания и директивы, отправлял на места своих сторонников с опытом подпольной работы для поддержки местных партий и движений, а также значительные финансовые средства. Советская Россия, расширяя через Коминтерн зону своего влияния, заключала соглашения с национальными правительствами и тем самым продвигала идею распространения мировой революции на Восток. В 1920–1932 гг. Коминтерн был своеобразным «мозговым центром», куда стекалась и где обрабатывалась разнообразная информация о политическом, экономическом, военном, религиозном и международном положении различных стран. Эти сведения изучались, обобщались, анализировались, обсуждались на заседаниях соответствующих органов Коминтерна.

В декабре 1919 г. для работы со странами Востока был создан Восточный отдел ИККИ в Москве, а уже в мае – июле 1920 г. во Владивостоке появилось Восточное бюро ИККИ, в Ташкенте — Ближневосточное / Туркестанское и в Иркутске — секция восточных народов при Сиббюро ЦК РКП(б), в январе 1921 г. перешедшая в ведение ИККИ. Тогда же, в

Илл. 2. Плакат, посвященный IV Конгрессу Коминтерна, ноябрь – декабрь 1922 г. (фото авторов)

целесообразностью и противостоянием европейскому политическому господству. Для решения этой задачи Коминтерн использовал среди прочего возможности своих еврейских и армянских сторонников, но не смог добиться серьезного успеха: компартии остались группами «национального действия», как и Иранская компартия, за годы существования так и не оказавшая очевидного влияния в своей стране и оставшаяся «городской» партией.

Еще один материал посвящен анализу деятельности Коминтерна в Ираке в 1940-е гг. на основе вновь открытых архивных документов. Исследование данной проблемы имеет важнейшее значение как для понимания общей логики политического развития страны в этот период, так и для выяснения особенностей и специфики развития иракского коммунистического движения.

Второй раздел освещает взаимоотношения Коминтерна со странами Дальнего Востока: Японией, Китаем, Кореей. До настоящего времени существуют лакуны, касающиеся взаимодействия этой организации с советскими спецслужбами. Особый интерес вызовут у читателя судьбы известных иностранных коммунистов: Рихарда Зорге, его соратника — японского коммуниста Ётоку Мияги, а также одного из руководителей Компартии Японии Сандзо Носаки. Они пришли в советскую разведку через Коминтерн и успешно работали на ее японском направлении в интересах СССР.

январе 1921 г., по постановлению ЦК РКП(б) был учрежден Дальневосточный секретариат ИККИ с четырьмя секциями: монголо-тибетской, корейской, китайской и японской. После IV Конгресса (ноябрь – декабрь 1922 г., илл. 2) Восточный отдел ИККИ был реорганизован в три секции (Ближнего, Среднего и Дальнего Востока), в каждой из которых функционировали комиссии по странам или регионам [История Востока, 2006, с. 58].

Основой представленной монографии послужили доклады научной конференции с международным участием «Коминтерн и Восток: к 100-летию Коминтерна», организованной Институтом востоковедения РАН. Книга состоит из пяти разделов. Первый раздел открывается исследованиями о взаимоотношениях Коминтерна с первыми ближневосточными компартиями в Египте, Палестине, Ливане, Сирии, Иране. Создание на Ближнем Востоке коммунистических организаций как каналов советского влияния определялось политической

Для Японии международное коммунистическое движение и Коминтерн представляли угрозу в национально-освободительной борьбе в ее колониях — на Тайване и в Корее. Но главная опасность была связана с Китаем: соседняя страна после Синьхайской революции 1911–1912 гг. находилась в стадии становления политической системы и государственности. Сунь Ятсен симпатизировал социалистической революции в России, пытаясь перенять ее методы. Одной из стратегических целей Японии было не допустить «советизации» Китая. Однако японцы добились прямо противоположного — превращения соседней страны в коммунистическую державу. События в Китае оцениваются с точки зрения развития двух революционных потоков — коммунистического и национального, которые Коминтерну так и не удалось объединить, хотя в отдельные периоды они и сближались.

Одним из важных источников изучения колониального периода Японии и Кореи являются служебные издания японского генерал-губернаторства, в частности, публикации тайной полиции, суда, прокуратуры, изданные в Сеуле на японском языке в 1920-х — начале 1940-х гг. По этим публикациям можно не только проследить динамику национально-освободительной борьбы корейского народа в 1920–1930 гг., но и оценить, как японские служебные (закрытые) издания анализируют освободительную борьбу корейцев в этот период, прослеживают ли они связь между антияпонской борьбой и деятельностью Коминтерна (1919–1943 гг.).

Интерес вызовет материал об особой роли Нам Манчхуна, основателя Корейской коммунистической партии (Иркутской), стоявшего у истоков важнейших событий корейского национально-освободительного движения. Основанная в мае 1921 г. в Иркутске на базе корейских коммунистических организаций Сибири и Дальнего Востока, компартия Кореи участвовала в деятельности Коминтерна, Коммунистического Интернационала молодежи, съездов народов Востока.

Несомненно, заслуживают внимания материалы, посвященные национально-освободительному движению уйгуров в 1920–1930-х гг. Инициатива и деятельность уйгуров Семиречья и Ферганы способствовали активизации революционной ситуации в Синьцзяне. С одной стороны, большевики планировали этот регион превратить в базу поддержки национально-освободительного движения в Британской Индии, а с другой — предотвратить превращение Синьцзяна в базу-форпост таких государств, как Англия и Япония, которые стремились использовать его в своем противостоянии с Россией. Советское правительство в период с 1918 по 1937 гг. двояко относилось к национально-освободительному движению уйгуров. Если руководители Коминтерна рассматривали его как таковое, то высшее советское руководство применительно к уйгурам отступало от официальных лозунгов и пыталось вести в регионе прагматическую политику, исходя, прежде всего, из военно-политических и торгово-экономических интересов СССР.

В третьем разделе анализируется роль Коминтерна в истории российско / советско-монгольских отношений в 1920-х — начале 1930-х гг. Монголия и связанный с ней «монгольский вопрос» занимали важное место в плане продвижения революционных идей с использованием национально-освободительного движения монгольских народов, панмонголизма. Политика Коминтерна в Монголии была направлена на то, чтобы сделать ее витриной и примером для других азиатских стран. Собственно, Монголия и стала одной из первых стран Востока, в которой при содействии и помощи Советской России в 1921 г. победила национально-демократическая революция. Руководители Монгольской народной партии опирались на всестороннюю помощь Советской России и ориентировались на

советский опыт революционного преобразования страны. В тот исторический момент у населения Внешней Монголии (современная Монголия), по существу, не было другого пути для реализации своих национальных целей — достижения национальной независимости от Китая, восстановления государственности, объединения этнических монголов в рамках единого независимого государства, модернизации своей страны. Взгляды представителей Коминтерна и Монголии не всегда совпадали, порой высказывались прямо противоположные точки зрения на революционный процесс и складывание монгольской государственности, что приводило подчас к жестким спорам и разногласиям вплоть до отзыва представителей Коминтерна и активного вмешательства Коминтерна во внутренние дела МНРП и правительства Монголии.

В четвертом разделе широко освещаются материалы, посвященные освободительному движению в Индии, видную роль в которой сыграли М. Н. Рой, Махатма Ганди, Джавахарлал Неру и др. Создание III Интернационала совпало с очередным витком «Большой игры» в Центральной Азии. До середины 1920-х гг. Коммунистический Интернационал пытался наладить антибританскую деятельность в «афганском коридоре», который был необходим для поставок вооружения и финансов мятежным пуштунским племенам, проживавшим вдоль индо-афганской границы. Это должно было ускорить революцию в Индостане, что, в свою очередь, должно было привести к краху всей колониальной империи Великобритании. Активность Коминтерна на Среднем Востоке заставила английское правительство пойти на нормализацию отношений с Советской Россией. В 1925–1926 гг. Коминтерн создал в зоне пуштунских племен сеть нелегальных ячеек. Свержение Аманулла в 1929 г. окончательно закрыло «афганский коридор» для Коминтерна, который был вынужден отказаться от планов использовать силы приграничных пуштунских племен против англичан.

В пятом разделе собраны материалы о взаимоотношениях руководителей Коминтерна и коммунистической партии Великобритании (КПВ) в 1920–1924 гг. Щедрая финансовая помощь со стороны Москвы позволила КПВ быстро развиваться, создать разветвленную организационную структуру, вести активную печатную пропаганду. Под влиянием III Интернационала компартия Британии в 1923 г. основала несколько вспомогательных объединений (формально не принадлежавших КПВ) с целью распространения влияния коммунистов среди организованных рабочих.

Заинтересуют читателей материалы о работе Коминтерна на «африканском направлении», которая фактически началась после VI Конгресса и создания в Брюсселе Антиимпериалистической лиги. Идеологи международного коммунистического и рабочего движения не видели больших различий между собственно африканцами и другими народами африканского происхождения за пределами континента. В значительной степени это нашло отражение в материалах журнала Профинтерна “Negro Worker”, который возглавил выходец из Тринидада Джордж Пэдмор, член руководства КП США. Анализ идейного наследия Пэдмора нацелен на выявление и изучение коминтерновского наследия в деятельности многочисленных общественно-политических организаций народов Африки.

Еще один интересный материал посвящен первому центру высшего коммунистического образования — Коммунистическому университету трудящихся Востока (КУТВ, 1921–1938 гг.), сыгравшему исключительную роль в развитии советского востоковедения. Это был учебный центр, через который осуществлялась теоретическая подготовка революционного движения на Востоке.

Редколлегия сочла возможным дополнить коллективную монографию уникальными иллюстративными материалами, хранящимися в Российском государственном архиве социально-политической истории. РГАСПИ, бывший партархив, обладает огромной коллекцией документов (более 138 тыс. единиц хранения), связанных с деятельностью Коммунистического Интернационала. Помимо этого, здесь есть музейные материалы по истории революции, рабочего и коммунистического движения (фонд 654) — некоторые из них были использованы в нашей монографии: мандаты известного деятеля Коминтерна С. И. Гопнер, плакаты II Конгресса Коминтерна, фотографии делегатов и др.

Большой интерес представляет альбом «Деятели Коммунистического Интернационала», изданный в Москве в 1920 г., в предисловии которого сказано: «Мы живем в эпоху великой социальной бури, когда картина мира меняется необычайно быстро: старый гнусный мир умирает на наших глазах, и на наших глазах рождается новый, светлый мир труда и свободы. Не отмечать всех деталей этого великого этапа, свидетелями которого нас сделала история, было бы преступлением перед историей. Но человечество хочет и должно знать не только лозунги и факты борьбы — оно хочет и вправе знать своих героев, — т. е. самых решительных, самых стойких бойцов, воплощающих в себе нашу великую и бурную эпоху». В этом альбоме известные русские художники Б. Кустодиев, М. Добужинский, И. Бродский запечатлели для истории яркие моменты работы конгресса, часть которых представлены в нашей книге.

Авторы выражают благодарность руководству и научным сотрудникам РГАСПИ М. С. Астаховой, Н. А. Лысенкову и О. Н. Шейминой за неоценимую помощь при подготовке коллективной монографии, а также за подбор иллюстративных материалов. С чувством особой благодарности и признательности хотим отдать дань памяти замечательному профессионалу, блестящему знатоку деятельности Коммунистического Интернационала и необычайно светлому человеку Светлане Марковне Розенталь.

100 лет, прошедшие со дня образования Коминтерна, заставляют нас по-новому взглянуть на события того непростого времени. Мы, большой коллектив авторов, долго работали над этой книгой, тщательно отбирая материалы, которые показывают жизнь удивительных людей, искренне веривших в идеалы свободы, равенства и братства. Очень надеемся, что монография будет интересна и полезна не только специалистам, но и широкому кругу читателей.

Литература / References

- История Востока. Т. V. Восток в новейшее время (1914–1945 гг.).* М., 2006 [*History of the East. Vol. V. The East in the Modern Times (1914–1945).* Moscow, 2006 (in Russian)].
- Коминтерн и Восток: к 100-летию Коминтерна.* Отв. ред. Н. Г. Романова, К. В. Орлова. М.: ИВ РАН, 2021 [*Comintern and the East: To the 100th Anniversary of the Comintern.* Exec. eds. N. G. Romanova, K. V. Orlova. Moscow, 2021 (in Russian)].

ПЕРВЫЙ СЪЕЗД РОССИЙСКОЙ АССОЦИАЦИИ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ГИМАЛАЕВ И ТИБЕТА

© 2022

А. И. Коган, А. С. Крылова, Е. А. Ренковская*

Обзор посвящен Первому съезду Российской ассоциации исследователей Гималаев и Тибета, состоявшемуся в ноябре 2021 г. в Санкт-Петербурге. Ассоциация была создана 5 марта 2019 г. и ставит целью объединение усилий специалистов, исследующих природу и культуру Гималайского региона и Тибетского нагорья. В рамках съезда была проведена междисциплинарная научная конференция «Российские исследования Гималаев и Тибета — 2021: природа и культура». На мероприятии присутствовало в качестве участников и гостей в общей сложности более 60 ученых, представлявших исследовательские центры и учебные заведения различных городов России (Санкт-Петербурга, Москвы, Краснодара, Саратова, Элисты, Оренбурга, Архангельска, Магадана), а также Белоруссии, Узбекистана и Индии. Заседания конференции проходили в Русском географическом обществе, Зоологическом институте Российской академии наук (ЗИН РАН) и Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамере). В очном режиме и режиме онлайн было сделано более 30 докладов, в которых затронут широкий круг проблем, относящихся к сфере как гуманитарных (искусствоведение, религиоведение, история философии, этнография, языкознание), так и естественных наук (ботаника, зоология, генетика, физическая география, геоморфология, гляциология). В ряде выступлений были рассмотрены малоизвестные факты из истории отечественной индологии, буддологии и тибетологии. Большая часть естественнонаучных докладов была посвящена гималайской и тибетской флоре и фауне. Некоторые доклады носили ярко выраженный междисциплинарный характер. После завершения конференции было проведено специальное заседание съезда, на котором обсуждались направления дальнейшей работы ассоциации.

Ключевые слова: хроника конференции, Гималаи, Тибет, междисциплинарные исследования, индология, тибетология.

Для цитирования: Коган А. И., Крылова А. С., Ренковская Е. А. Первый съезд Российской Ассоциации исследователей Гималаев и Тибета. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2022. № 1. С. 252–258. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-1-252-258

* Антон Ильич КОГАН, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; kogan_anton@yahoo.com

Anton I. KOGAN, DSc (Philology), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; kogan_anton@yahoo.com

ORCID ID: 0000-0001-9220-4665

Анастасия Сергеевна КРЫЛОВА, научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; krylova_anastasi@bk.ru

Anastasia S. KRYLOVA, Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; krylova_anastasi@bk.ru

ORCID ID: 0000-0002-2286-3304

Евгения Алексеевна РЕНКОВСКАЯ, кандидат филологических наук, лаборант-исследователь Института востоковедения РАН; научный сотрудник Института языкознания РАН, Москва; jennyrenk@gmail.com

Evgeniya A. RENKOVSKAYA, PhD (Philology), Research Assistant, Institute of Oriental Studies RAS; Research Fellow, Institute of Linguistics RAS, Moscow; jennyrenk@gmail.com

ORCID ID: 0000-0003-1944-0746

THE FIRST CONGRESS OF RUSSIAN ASSOCIATION OF RESEARCHERS OF THE HIMALAYA AND TIBET

Anton I. Kogan, Anastasia S. Krylova, Evgenia A. Renkovskaya

The review covers the proceedings of the 1st Congress of Russian Association of Researchers of the Himalaya and Tibet held in November 2021 in Saint-Petersburg. The Association was founded on 5 March 2019 and aims to bring together the research work of experts engaged in the study of nature and culture of the Himalayan region and the Tibetan Plateau. The Congress hosted the interdisciplinary academic conference “Russian Studies on the Himalaya and Tibet — 2021: Nature and Culture”. The total number of its participants and guests exceeded 60 academics representing research centers and educational institutions of different cities of Russia (i.e. Saint-Petersburg, Moscow, Krasnodar, Saratov, Elista, Orenburg, Arkhangelsk, Magadan), as well as of Belorussia, Uzbekistan and India. Sessions of the conference took place at the headquarters of the Russian Geographical Society, in the Zoological Institute of the Russian Academy of Sciences, and in the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera). More than 30 live and online talks presented at the Conference addressed a wide range of issues relating to both the humanities (art history, religious studies, history of philosophy, ethnography, linguistics) and natural sciences (botany, zoology, genetics, physical geography, geomorphology, glaciology). Several presentations dealt with certain little-known facts from the history of Russian Indology, Buddhology and Tibetology. Most natural science papers were dedicated to Himalayan and Tibetan flora and fauna. Some talks were of a pronounced interdisciplinary nature. After the conference a special meeting was held to discuss directions of the Association’s future activity.

Keywords: Himalaya, Tibet, interdisciplinary research, Indology, Tibetology, conference chronicle.

For citation: Kogan A. I., Krylova A. S., Renkovskaya E. A. The First Congress of Russian Association of Researchers of the Himalaya and Tibet. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2022. 1. Pp. 252–258. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-1-252-258

23 –24 ноября 2021 г. в Санкт-Петербурге прошел Первый съезд Российской ассоциации исследователей Гималаев и Тибета (РАИГиТ). Ассоциация была основана 5 марта 2019 г. как научная организация междисциплинарной направленности с целью объединения усилий ученых, исследующих природу и культуру Гималайского региона и Тибетского нагорья. Помимо научной работы РАИГиТ занимается экспертной, научно-популяризаторской и просветительской деятельностью, а также организацией экспедиций. Первый съезд ассоциации был запланирован на 2020 г., однако из-за пандемии коронавируса его проведение в намеченный срок оказалось невозможным, и вследствие этого мероприятие было перенесено на год.

В рамках съезда, помимо ряда организационных мероприятий, была проведена междисциплинарная научная конференция «Российские исследования Гималаев и Тибета — 2021: природа и культура». Заседания проходили в смешанном очно-заочном формате: большая часть докладов была сделана очно, меньшая — в режиме онлайн. Всего на заседаниях в качестве участников и гостей съезда присутствовало более 60 ученых, представлявших научные организации и вузы нескольких городов России (Санкт-Петербурга, Москвы, Краснодара, Саратова, Элисты, Оренбурга, Архангельска, Магадана), а также Белоруссии, Узбекистана и Индии. В докладах был затронут широкий круг проблем, относящихся к сфере как гуманитарных (искусствоведение, религиоведение, история философии, этнография, языкознание), так и естественных (ботаника, зоология, генетика,

география, геоморфология, гляциология) наук, а также некоторые вопросы, носящие междисциплинарный характер.

Первый день конференции (23 ноября) проходил в здании Русского географического общества. Пленарное заседание открыл президент Российской ассоциации исследователей Гималаев и Тибета *А. Я. Боркин* (Зоологический институт РАН, Санкт-Петербургский союз ученых), обратившийся с кратким вступительным словом к участникам и гостям. Затем с приветственной речью в режиме онлайн выступил второй секретарь посольства России в Индии *А. С. Иллиев*. Он пожелал съезду успеха и выразил надежду на дальнейшее сотрудничество. После этого были заслушаны шесть пленарных докладов различной тематики. Доклад *М. Ф. Альбедиль* (Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого РАН, Санкт-Петербург) «Гималайские маршруты И. П. Минаева» был посвящен некоторым малоизвестным страницам истории отечественной индологии. Докладчик поделился рядом весьма интересных фактов о южноазиатских путешествиях Ивана Павловича Минаева (1840–1890) — основателя русской индологической школы и родоначальника петербургской школы буддологии. Был особо отмечен выдающийся вклад ученого в изучение Непала (И. П. Минаев был первым русским, посетившим эту страну и составившим ее географическое и этнографическое описание), а также в исследование фольклора гималайской области Кумаон.

Ю. В. Ефремов (Краснодарское региональное отделение Русского географического общества, Краснодар) в докладе «Проблемы географических исследований в Каракорум-Гималайской горной системе» указал на ряд все еще сохраняющихся нерешенных проблем в изучении физической географии высокогорных областей Гималаев, Каракорума и Гиндукуша. Исходя из этих проблем, был предложен ряд перспективных направлений дальнейших исследований. К таким направлениям, по мнению докладчика, относятся исследования рельефа, мониторинг опасных процессов, разработка географического районирования.

В докладе *А. И. Когана* (Институт востоковедения РАН, Москва) «Этнические и языковые контакты в регионе верховьев Инда в дотибетскую эпоху в свете результатов новейших лингвистических исследований» были кратко изложены итоги недавних исследований автора по вопросу о возможном влиянии арийских языков и языка бурушаски на северо-западные тибетские диалекты. Докладчик показал, что источником арийских элементов, усвоенных этими диалектами, был некий полностью исчезнувший к настоящему времени идиом, вероятнее всего, принадлежавший к дардской ветви арийских языков и занимавший внутри нее генетически обособленное положение. Была также высказана гипотеза о том, что из данного идиома мог быть заимствован ряд слов шангшунгского языка, распространенного в районе истока реки Инд до завоевания этой области тибетцами в VII в. н. э. и известного по ряду фрагментов в средневековых тибетских текстах.

Благодаря выступлению *А. Я. Боркина*, *А. Н. Тихонова* и *Е. П. Тихоновой* (Зоологический институт РАН, Санкт-Петербург) «Тибетские зоологические рисунки В. И. Роборовского, российского исследователя Центральной Азии», участники съезда смогли ознакомиться с изображениями животных Тибетского нагорья, сделанными во второй половине XIX в. офицером русской армии, участником центральноазиатских экспедиций Н. М. Пржевальского и М. В. Певцова В. И. Роборовским.

На том же заседании были заслушаны доклады *Т. В. Сапелко* (Институт озероведения РАН, Санкт-Петербургский союз ученых) «Палинология озер Гималаев и Тибета» и

В. А. Крыленкова (Санкт-Петербургский союз ученых) «Микробиота ледников Гималаев и Тибета».

Во **второй** день (24 ноября) работа конференции велась в формате двух параллельных секций. Первая секция, проходившая в Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого РАН (Кунсткамере), включала выступления востоковедов. *Ю. И. Елихина* (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург) в докладе «Непальская скульптурная композиция с изображением лам из собрания Государственного Эрмитажа» рассказала об уникальной композиции из восьми медных статуэток буддийских лам, изготовленных неварскими мастерами в середине XX в. Один из лам изображен держащим в руке текст, у остальных присутствуют различные музыкальные инструменты, характерные для школы тибетского буддизма нингма. Доклад *А. А. Стрельцовой* (Санкт-Петербургский государственный университет) «Строительство новых культовых сооружений в Восточных Гималаях» познакомил слушателей с проявлениями санскритизации у тибето-бирманских племен, традиционно исповедующих анимизм. Лимбу, бодо, тани и тагины, чьи традиционные верования подвергаются влиянию индуизма и христианства, с XX в. стали уделять все больше внимания институционализации своих религий: разработке письменности, печати текстов, иконографическим изображениям и строительству храмов. *Н. Г. Альфонсо* (Государственный музей искусства народов Востока, Москва) в докладе «Буддийская непальская живопись в собрании Государственного музея Востока» описала особенности непальских буддийских икон-танка, а важным дополнением к докладу явилось сообщение о китайской статуе Будды, предположительно унаследовавшей крайне раннюю изобразительную традицию, близкую гандхарской скульптуре. В докладе *Е. А. Ренковской* (Институт языкознания РАН, Институт востоковедения РАН, Москва) и *А. С. Крыловой* (Институт востоковедения РАН, Москва) «Манускрипты на танкри из коллекции Кхубрама Кхушдиля (Химачал-Прадеш, Индия): первые результаты работы с текстами» авторы сообщили о начале работы по введению в научный оборот уникальной коллекции рукописей на выпшедшей из употребления письменности танкри, распространенной до середины XX в. в Западных Гималаях. *В. А. Дмитриева* («Anavrita Tours», Санкт-Петербург) в докладе «“Тантрасара” Абхинавагупты: содержание, структура, цели» ознакомила слушателей с одним из основополагающих текстов кашмирского шиваизма. *А. А. Терентьев* (Российская ассоциация исследователей Гималаев и Тибета, Санкт-Петербург) выступил с докладом «30 лет публикаций о буддизме и Тибете (к юбилею первого российского буддийского издательства “Нартанг”», в котором излагалась история издания буддийской литературы в России в постсоветский период.

Вторая секция проходила в Зоологическом институте РАН (ЗИН РАН). Утреннее заседание началось со вступительного слова директора института чл.-корр. РАН *Н. С. Чернецова*. Затем были заслушаны 11 выступлений, посвященных разнообразным аспектам изучения древней и современной фауны Тибетского нагорья и Гималаев. В докладе «Роль Тибетского плато в возникновении холодноводной фауны Евразии» *В. С. Артамонова* (Институт проблем экологии и эволюции им. А. Н. Северцова РАН, Москва), *А. А. Махров* (Институт проблем экологии и эволюции им. А. Н. Северцова РАН, Москва), *М. В. Винарский* (Санкт-Петербургский государственный университет) и *И. Н. Болотов* (Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н. П. Лаврова УрО РАН, Архангельск) рассмотрели историю расселения по Евразии в олигоцене холодноводной фауны через холодные горные реки Тибета. Доклад «Осенний аспект лесной

авифауны восточного макросклона Тибет-Цинхайского плато» *Е. А. Коблика* (Научно-исследовательский Зоологический музей Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова) и *Б. И. Шефтеля* (Институт проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН, Москва) содержал итоги четырех сезонов орнитологического полевого обследования данного региона. Выступление «Закономерности распределения мелких певчих птиц в высоких поясах Гималаев (по результатам 7 поездок в Непал с 2005 по 2019 год)» *К. Е. Михайлова* (Палеонтологический институт им. А.А. Борисяка РАН, Москва) очертило картину вертикального и биотопического распределения видов в гнездовое время на территории Нижнего Мустанга и Лангтанга.

Доклад *В. В. Боброва* (Институт проблем экологии и эволюции им. А. Н. Северцова РАН, Москва) «Герпетологические исследования на восточных окраинах Тибета (в рамках российско-китайского сотрудничества 2011–2018 гг.)» был посвящен восьми видам земноводных и пресмыкающихся, выявленных на территории китайских провинций Ганьсу и Сычуань во время четырех полевых экспедиций. *А. Я. Боркин* (Зоологический институт РАН, Санкт-Петербургский союз ученых) и *С. Н. Литвинчук* (Институт цитологии РАН, Санкт-Петербург) в своем сообщении «Амфибии Гималаев: зоогеографический анализ» рассматривают особенности распространения фауны амфибий в гималайском регионе, и, в частности, зависимость видового разнообразия амфибий от размаха высот и климатических характеристик. *А. А. Никольский* (Российский университет дружбы народов, Москва), выступив с докладом «Когда гималайский сурок был заперт в островном ареале Тибета», познакомил участников секции с ареалом обитания гималайского сурка в Тибете, характеризуя этот ареал как огромный остров, окруженный эколого-географическими барьерами. На примере ареала гималайского сурка докладчик привлек внимание слушателей к тому факту, что Тибет является гигантским континентальным островом, который становится моделью исследования механизмов изменчивости многих растений и животных.

В ходе доклада «В Тибет или из Тибета: происхождение двух палеарктических видов хомячков *Cricetulus longicaudatus* и *Phodopus roborovskii* по результатам филогеографического анализа и моделирования палеоареалов» *Н. Ю. Феоктистова* и *А. В. Суров* (Институт проблем экологии и эволюции им. А. Н. Северцова РАН, Москва) представили результаты, полученные в ходе моделирования исторического ареала обитания и молекулярного датирования основных событий дивергенции двух палеарктических видов хомячков. Согласно этим результатам, историческая родина одного из видов определяется в Тибете — на Цинхай-Тибетском плато, а происхождение другого вида связано с пустынями Алашань и Гоби.

Б. И. Шефтель (Институт проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН, Москва) в своем выступлении «Итоги четырехлетних исследований насекомоядных млекопитающих (Eulipotyphla) на восточном склоне Цинхай-Тибетского плато» перечислил 12 видов насекомоядных млекопитающих, выявленных в указанном регионе, и отметил, что у большинства этих видов ареалы обитания практически не выходят за пределы склонов Тибета и Непала. Высокое видовое разнообразие региона, по словам докладчика, обусловлено обособленностью тибетских хвойных лесов, приводящей к сохранению реликтовых монотипических видов, а также временной изоляцией горных вершин с хвойными лесами ввиду чередования климатических периодов, способствующей интенсивному видообразованию.

Результаты анализа разнообразия последовательностей D-петли митохондриальной ДНК у кур, обитающих на территории Западных Гималаев, были представлены в докладе *К. С. Матвеевой* (Санкт-Петербургский государственный университет), *А. Г. Дёмина* (Саратовский государственный медицинский университет), *А. Шармы* (Гималайское общество природы, Дхарамсала, Индия), *С. А. Галкиной* (Санкт-Петербургский государственный университет) «Оценка популяционного разнообразия кур, разводимых населением штата Химачал-Прадеш (Индия, Западные Гималаи)». Выявленные особенности гаплотипического разнообразия кур в регионе, по утверждению докладчиков, могут свидетельствовать о влиянии коммерческих пород на местную популяцию.

В своем сообщении «Позднеголоценовые млекопитающие и реконструкция изменений природной среды озера Ракпастал (Ланга-Цо), провинция Нгари, юго-западный Тибет» *А. Я. Боркин* (Зоологический институт РАН, Санкт-Петербургский союз ученых), *Г. Ф. Барышников*, *С. Н. Литвинчук* (Институт цитологии РАН, Санкт-Петербург) и *Т. В. Сапелько* (Институт озероведения РАН, Санкт-Петербургский союз ученых) рассказали о найденных на берегах озера Ракпастал во время экспедиции 2018 г. фоссилизированных костях млекопитающих, на основании которых были определены виды, обитающие на берегах озера более тысячи лет назад: среди них — дикий як и антилопа оронго. Далее на основании поверхностных проб донных отложений была проведена реконструкция условий обитания животных в береговой зоне озера. Полученные результаты свидетельствуют о смене растительности и экосистемы Ракпастала, в частности, о потеплении климата и смене трофического статуса водоема.

Завершилась утренняя сессия докладом *М. В. Винарского* (Санкт-Петербургский государственный университет) «Состояние изученности пресноводной малакофауны Гималаев и Тибета», посвященным последним научным данным о фауне пресноводных моллюсков этих регионов. Несмотря на то, что имеющиеся на настоящий момент данные достаточно фрагментарны, все же можно предполагать высокую эндемичность малакофауны Тибета ввиду изолированного положения этого региона от других территорий и их водных систем и сравнительно слабую эндемичность фауны моллюсков Гималаев.

Послеобеденное заседание включало доклады по различным отраслям естественнонаучного знания: зоологии (доклад *Ю. М. Марусика* (Институт биологических проблем Севера ДВО РАН, Магадан) «Вторая Яркендская миссия — типовые локалитеты беспозвоночных»), геоморфологии (доклад *Ю. В. Ефремова* (Краснодарское региональное отделение Русского географического общества, Краснодар) «Современные геоморфологические процессы и явления в Гималайской горной стране»), ботанике (доклады *Б. К. Ганнибала* (Ботанический институт имени В. А. Комарова РАН, Санкт-Петербург) «О фитоценотической границе в Гарвальском районе Западных Гималаев» и *Г. А. Новицкой* (Санкт-Петербургский союз ученых) «Инвазивная дендрофлора Кашмирской долины и ассортимент Могольских садов в Кашмире»). В последнем докладе была продемонстрирована возможность проникновения в Кашмирскую долину некоторых чужеземных видов растений в период монгольского владычества (XIII–XIV вв.), когда Кашмир поддерживал регулярные контакты с различными регионами Центральной Азии и Ближнего Востока.

Последние два доклада на секции носили ярко выраженный междисциплинарный характер: доклад *А. С. Крыловой* (Институт востоковедения РАН, Москва) «О происхождении *ṣengətra* ‘мандарин’ в языке куллуи и других индоарийских языках» и доклад *Е. А. Ренковской* (Институт языкознания РАН, Институт востоковедения РАН, Москва) «На стыке

фольклористики и биологии: западнотималайский фольклорный мотив о падающих звездах, находящихся на земле». Доклад А. С. Крыловой был посвящен происхождению фитонима *ṣeṅgātra*, обозначающего вид цитрусовых, в индоарийском языке куллуи (подгруппа химачали, штат Химачал-Прадеш, Индия) и его когнатов в других индоарийских языках. Фитоним, переводимый на индийский разговорный вариант английского языка как *orange*, на самом деле обозначает такой вид цитрусовых как *Citrus indica*, индийский дикий апельсин, эндемичный для северо-восточных штатов Индии. Этимологический анализ позволяет определить австроазиатское происхождение слова и возвести фитоним к слову *sobniamtra* языка кхаси. Носители этого языка — представители одноименной мон-кхмерской народности, проживающей в индийских штатах Мегхалая и Ассам. Одним из их традиционных занятий является разведение *Citrus indica*. Согласно ряду исследований в области ботаники, данный фрукт является одним из наиболее архаичных видов культивируемых цитрусовых и вероятным предком всех одомашненных цитрусовых. Таким образом, лингвистические данные подтверждают происхождение данного вида цитрусовых в регионе Восточных Гималаев.

В докладе Е. А. Ренковской ставилась цель определить биологическое происхождение предмета, который в фольклоре народов большого западнотималайского ареала Индии, начиная с долины Куллу (штат Химачал-Прадеш) вплоть до округа Питхорагарх в Кумаоне (штат Уттаракханд) считается «упавшей звездой» или «экскрементом звезды» и используется в народной медицине. Е. А. Ренковской было высказано предположение, что данный предмет может быть оотекой богомола, и тогда данные фольклора могут дать информацию о распространении определенного вида богомола в Гималаях и использовании его оотеки в народной медицине.

По окончании работы секций в ЗИН РАН состоялось заключительное заседание съезда. На заседании обсуждались направления деятельности ассоциации в будущем, в том числе проведение конференций, экспедиции в Гималайский регион, международное сотрудничество, развитие Интернет-сайта РАИГиТ.

Материалы конференции были изданы в виде сборника «Российские исследования Гималаев и Тибета — 2021: природа и культура (материалы конференции, Санкт-Петербург, 23–24 ноября 2021 года)». Под редакцией Л. Я. Боркина. Санкт-Петербург: Европейский Дом, 2021.

Подписано в печать 20.04.2022. Формат 60x84/8
Бумага офсетная 80 г/м2. Печать цифровая
Тираж 500 экз. Гарнитура Garamond
Усл. печ. л. 32,5. Уч.-изд. л. 23,9.

Федеральное государственное
Бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук
107031 Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский центр
Зав. центром Ш. Р. Кашаф
e-mail: ivran.izd@gmail.com

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «Белый Ветер»
115093, Москва, ул. Щипок, д. 28
тел. (495) 651-84-56